

The First International Congress on Social Sciences and Humanities

10th December, 2013

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education
GmbH, Vienna, Austria

**Vienna
2013**

«The First International Congress on Social Sciences and Humanities». Proceedings of the Congress (10 December, 2013). «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 2013. 338 P.

ISBN-13 978-3-902986-82-5

ISBN-10 3-902986-82-4

The recommended citation for this publication is:

Busch P. (Ed.) (2013). The First International Congress on Social Sciences and Humanities. Proceedings of the Congress (December 10, 2013). Vienna, OR: «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna.

Editor	Petra Busch, Austria
Editorial board	Egor Rachynski, Ukraine Rostislav Komarov, Russia Slavka Konstantinova, Bulgaria Jennifer Mathieson, Scotland Alajos Fazekas, Hungary
Proofreading	Andrey Simakov
Cover design	Andreas Vogel
Contacts	“East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Am Gestade 1 1010 Vienna, Austria
Email:	info@ew-a.org
Homepage:	www.ew-a.org

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Journalism

*Mashkova Svetlana Gennadievna, Tambov State Technical University,
Candidate of Philological Sciences, the Department of public relations
E-mail: Sanvita@mail.ru*

Internet-media in modern society: the specifics and functioning

*Машкова Светлана Геннадьевна,
Тамбовский государственный технический университет,
кандидат филологических наук, кафедра связей с общественностью
E-mail: Sanvita@mail.ru*

Интернет-СМИ в современном обществе: специфика и функционирование

С развитием современного общества система средств массовой информации претерпевает существенные трансформации. Прогресс в сфере информационных технологий внес значительные изменения в коммуникативную среду — появился сектор Интернет-СМИ, который с каждым годом становится все мощнее и весомее.

В основе модификации современной системы средств массовой коммуникации лежат сразу несколько процессов. Во-первых, это перевод содержания СМИ в цифровой формат, благодаря чему любую информацию — аудио, видео, текстовую — можно хранить и распространять с использованием информационно-компьютерных технологий. Вторым важным процессом является конвергенция, которая предполагает слияние разноплановых СМИ, технологий и рынков в единое целое. И третьим процессом, определяющим развитие современной системы массовых коммуникаций, является глобализация, которая стирает географические границы между странами и народами. Эти процессы коренным образом видоизменяют систему средств массовой информации, предоставляя неоспоримые преимущества интернет-медиа.

Среди специфических свойств интернет-медиа по сравнению с традиционными средствами массовой информации можно выделить следующие:

— мультимедийность, предполагающая возможность одновременного использования в материалах интернет-СМИ текста, графики, звука и видео информации;

— использование гипертекстовых ссылок, которые позволяют выстраивать систему связей между разноплановыми источниками информации;

— интерактивность предоставляет возможность взаимодействия редакции и читателей на принципиально новом уровне. Существенное отличие интерактивности в интернет-медиа — это скорость взаимодействия, предполагающая общение в режиме реального времени в одной и той же среде. Среди форм интерактивности можно назвать форумы, гостевые книги, систему комментариев, электронную почту, голосования, чаты и т. д.

— оперативность — в интернет-медиа материалы появляются практически мгновенно, по мере их создания, что позволяет публиковать новости без задержки по времени;

— неограниченный объем выпуска интернет-медиа — на сайте СМИ можно размещать практически неограниченные объемы материалов, нет ограничения по площадям и эфирному времени;

— географическая доступность — материалы интернет-издания доступны из любой точки земного шара с любого компьютера, соединенного с интернетом. Ограничения вносит лишь языковой фактор.

— удобство использования — возможность пользователя получать информацию в удобное время в необходимом формате, с максимальной индивидуальностью;

— измеримость информации — интернет-среда позволяет четко отслеживать состав и поведение аудитории, что позволяет более эффективно выстраивать коммуникации редакции и читателей, а также рекламодателей и аудитории;

— персонализация — интернет-среда позволяет учитывать интересы каждого пользователя и выстраивать общение с читателями с учетом индивидуальных особенностей;

— низкая себестоимость создания и поддержки интернет-СМИ — процесс запуска и функционирования интернет-медиа на порядки дешевле, чем в традиционных СМИ — нет затрат на печать и распространение тиражей, на организацию аудио и видео трансляций и др.

Рассмотрим некоторые аспекты организации и функционирования средства массовой информации в интернет-пространстве Российской Федерации.

Во-первых, необходимо отметить изменения в журналистской профессии с появлением интернет-медиа. С приходом интернет-технологий журнали-

сту недостаточно уметь собирать и обрабатывать информацию, нужно уверенно владеть компьютерными технологиями и технологиями работы в интернет-среде.

Профессиональную деятельность журналиста в интернет-среде можно условно разделить на два направления — использование интернет-технологий для сбора информации при подготовке материалов и интернет-медиа как среда публикации. Эти направления определяют те знания и умения, которыми должен владеть журналист, осуществляющий свою деятельность в интернет-среде, среди них:

- компьютерная грамотность (умение пользоваться текстовыми редакторами, программным обеспечением для обработки аудио и видео информации, умение пользоваться цифровым фотоаппаратом, веб-камерой, сканером, принтером, ноутбуком, планшетом, цифровым диктофоном и пр.);

- владение интернет-технологиями для полноценного использования ресурсов интернета в своей деятельности — умение пользоваться поисковыми системами, службами интернета — электронной почтой, скайпом, WWW и др.;

- знание принципов функционирования интернет-медиа, особенностей написания материалов для интернет-среды;

- знание коммуникативных особенностей интернет-среды;

- стремление к освоению новых компьютерных технологий, которые стремительно развиваются;

- способность работать с огромными массивами информации, умение отсеивать недостоверную и ложную информацию, проверять точность и актуальность данных;

- грамотность, профессиональное журналистское мастерство, владение жанром.

Вторым важным аспектом функционирования интернет-медиа является редакционно-издательский маркетинг. В условиях нестабильной финансовой ситуации экономический фактор становится одним из определяющих условия и пути развития масс-медиа в нашей стране. В существующих рыночных условиях СМИ должны выходить на самоокупаемость, чтобы вести полноценную редакционную деятельность, при этом нельзя забывать о том, что они направлены на удовлетворение информационных потребностей читательской аудитории. Редакционно-издательский маркетинг интернет-медиа складывается из нескольких направлений:

- определение информационной ниши интернет-издания (изучение рынка конкурирующих изданий, емкости рынка, изучение аудитории, определение целей и задач собственного проекта, позиционирование интернет-медиа в избранном сегменте, продвижение издания);

- функционирование редакции (определение редакторского коллектива, принципов работы журналистов — аутсорсинг, фри-ланс, краудсорсинг, режим обновления издания и т. п.)

— финансовая политика редакции.

На реализации финансовой политики редакции хотелось бы остановиться подробнее. Дело в том, что в настоящее время войти на рынок интернет-медиа довольно просто. Любой энтузиаст может запустить свой информационный проект в интернете, для этого нужно лишь оплатить хостинг, доменное имя и настроить сайт в интернете. Серьезные интернет-медиа обходятся в десятки и даже сотни раз дешевле в запуске и поддержке, чем традиционные издания.

Однако, для полноценного функционирования редакции интернет-медиа необходимы финансовые ресурсы. Рассмотрим, из каких статей складывается расходная и расходная части интернет-медиа.

К расходам редакции интернет-СМИ относится оплата труда журналистов и других работников, командировочные расходы, оплата аренды помещения, услуг связи, затраты на продвижение издания. Издательские расходы в интернет-медиа существенно снижены по сравнению с традиционным сектором медиа, сюда входит оплата гонораров и расходы на приобретение информации для издания. Для сравнения, при выпуске печатного издания большую часть расходов составляют затраты на покупку бумаги, типографские работы, тираж и распространение издания. Как мы видим, расходная часть интернет-медиа максимально сокращена.

Рассмотрим, из каких статей может состоять доходная часть интернет-медиа. В настоящее время в мире существует две бизнес-модели функционирования СМИ в интернете. Первая модель предполагает предоставление бесплатного доступа к информационным материалам и формирование доходной части за счет продажи рекламных мест. Вторая модель предполагает отсутствие рекламы и получение доходов за счет предоставления платного доступа к архивам и материалам СМИ. Обе модели можно встретить на западе и обе по-своему эффективны.

Однако, в России ситуация несколько иная. Подавляющее большинство интернет-медиа в нашей стране существуют за счет продажи рекламы. Российская аудитория не готова платить за доступ к материалам в сети интернет. Рассчитывать на продажу информации в русскоязычном сегменте интернета могут лишь издания, предлагающие коммерческую информацию, связанную с инвестициями, состоянием рынков и бизнесом. Ярким примером успешного ведения дел в данном направлении является РБК.

Третьим аспектом функционирования интернет-медиа являются юридические особенности деятельности интернет-медиа в Российской Федерации.

Бурное развитие рынка интернет-изданий значительно опережает процесс создания юридических норм, необходимых для регулирования отношений, возникающих в процессе их функционирования. Необходимо отметить, что данная ситуация характерна не только для нашей страны, но и для ряда развитых стран

мира. Крайне сложно регламентировать работу сети Интернет и масс-медиа, существующих в данной среде.

На сегодняшний день отношения, возникающие в процессе функционирования интернет-медиа, регулируются Конституцией РФ, законами «О средствах массовой информации», «Об информации, информатизации и защите информации», «О связи» и еще десятком законов.

В настоящее время разработан ряд законодательных норм, призванных регулировать отношения в интернет-среде — вопросы, связанные с защитой авторского права, защиты государственной тайны и некоторые другие, однако общего закона «Об интернете» пока нет.

В Государственной Думе еще летом 2011 года обсуждалась необходимость принятия базового закона «Об интернете», однако до сих пор не утихают споры по содержанию этого закона. В 2012 году со скандалом был принят закон «О защите детей от вредной информации», предполагающий создание черного списка интернет-ресурсов и отвечающий за досудебное закрытие сайтов, содержащих детскую порнографию, информацию о наркотиках и способах суицида.

Регистрация интернет-медиа в качестве СМИ в настоящее время носит добровольный характер, вследствие чего возникают проблемы с самоидентификацией интернет-СМИ, распространяемыми ими материалами и занятыми в их производстве работниками. До сих пор проблемной зоной является охрана авторского права, защита от недобросовестной информации, неприкосновенности частной жизни, права на интеллектуальную собственность, борьба с экстремизмом.

Section 2. Study of art

*Reznikova Olga Joseph, Bryansk State University,
Senior Lecturer, Faculty of Technology and Design.
E-mail: olga-rezn32@mail.ru*

Understanding the traditions of realistic painting as a cultural heritage of Russia

*Резникова Ольга Иосифовна, Брянский государственный университет,
Ст. преподаватель, факультет технологии и дизайна
E-mail: olga-rezn32@mail.ru*

Осмысление традиций реалистической живописи как культурного наследия России

Сохранение культурного наследия, выраженное в произведениях искусства, является одним из приоритетных направлений деятельности во многих европейских странах. Художественные памятники не только знакомят с культурой страны, они повышают к ней интерес, можно сказать придают особую значимость нации, в недрах которой зародились и воплотились в определенной художественной форме произведения искусства¹.

Современное мировое сообщество сегодня широко представляет культурные ценности, во многом демонстрирующие вклад своей нации в общее развитие мировой культуры². Не углубляясь в рассмотрение дефиниции культурных ценностей, отметим наряду с архитектурными сооружениями (которые чаще всего ассоциируются с этим понятием), высокое предназначение произведений изобразительного искусства, а конкретно — живописи. Картины созданные в разные исторические эпохи, талантливыми, подчас выдающимися мастерами своего дела,

¹ ЮНЕСКО: Цели, структуры, деятельность: Хроника, факты и цифры/Сост. Ройтер В., Хюфнер К.; Ред. Дроздов А. В.-М.: Рудомино, 2002.

² Максаковский В. П. Всемирное культурное наследие: Науч. - попул, справочное изд./Максаковский В. П.-М.: Логос, 2002.

являются предметом гордости Национальных музеев мира. В них собраны коллекции наглядно демонстрирующие развитие живописных традиций той или другой страны. И всё же на негласной карте особо ценных явлений в изобразительной деятельности искусства двухмерного пространства существуют некие доминанты, которые существенно влияли на общий ход развития мировой живописной традиции. Эпоха Возрождения в Италии, импрессионизм во Франции, работа Венского сецессиона в Австрии, это уже некие «бренды» связанные с определенной страной. Затрагивая в данном контексте изобразительное пространство России, несомненно сегодня такой доминантой можно назвать Русский авангард. Супрематизм Казимира Малевича, абстракционизм Василия Кандинского, конструктивизм Владимира Татлина и др. широко представляют русское искусство в мировом культурном пространстве. Несомненно, работы представителей русского авангарда обладают набором уникальных особенностей, что выражено в организации пространственных построений, пластического решения формы, особого цветения композиции, а также богатстве колористических экспериментов. Яркие по замыслу и художественному воплощению они резко выделяются своей революционностью на фоне традиционного классического искусства, «... не случайно рождение авангарда хронологически — и географически — совпало с первым прорывом научной революционной мысли в Европе»¹.

Ни в кой мере не умаляя достоинств художников русского авангарда, необходимостью проведения данного исследования стал некий дисбаланс в оценке культурных ценностей нашей страны. Сегодня в России инновационное искусство несёт в себе репрезентативную функцию, тем самым довлея и несколько искажая общую картину развития живописной традиции нации. Актуальностью представленной работы является важность сохранения реалистической традиции в изобразительном искусстве, её передачи в истинном свете будущим поколениям и возможности её подлежащего распространения в мировом культурном пространстве.

История свидетельствует, что реализм в русском искусстве не некий модно-переменчивый стиль, а обретенное воплощение пронизывающей мироустройство гармонии, проявление потаённых смыслов национального бытия². В связи с этим задачами данного изыскания, стали: исследование востребованности произведений реалистической живописи в социокультурном пространстве России XXI века, анализ особенностей экспозиционного показа художников-реалистов в государственных и частных музеях, и галереях, научный обзор творческих проектов, освещаю-

¹ Авангард и китч Клемент Гринберг Художественный журнал № 60 декабрь 2005/Впервые опубликовано осенью 1939 г. Partisan Review, VI, no. 5 (p. 34–49).

² Гавриляченко С. А. Вечная современность реализма/Каталог II Международной ассамблеи художников «Пластовская осень» 2013

щих особенности развития реализма в России, а также востребованность данного художественного направления в мировом европейском пространстве.

Реализм как художественное направление, непосредственно отображающее реальный мир во всех его проявлениях явился магистральным путём для художественной жизни России в XIX — XX вв. Широко известны имена художников, творческое наследие которых составило славу русской реалистической живописи. Картины В. Сурикова, И. Левитана, В. Серова, и других живописцев-реалистов и по сей день являются эталоном по многим аспектам. В первую очередь, это внимательное отношение к натуре, творческий подход художников при изучении выбранной темы, блестящее техническое исполнение (по части рисунка, живописи, композиции). Всё это вместе, а также, несомненно, любовь к русской земле, её природе, включенность в понимание культуры России, послужило тому, что в арсенале русского реалистического изобразительного искусства находятся произведения, восхищающие нас полнотой художественного образа, мощной жизненной правдой и духовной наполненностью.

Современные тенденции развития реалистического искусства, сегодня обозначаются практической деятельностью живописцев, активно участвующих в масштабных выставочных проектах, и создающих для этой цели творческие объединения и региональные общественные организации.

Представляет интерес выставочный проект «Притяжение реализма» осуществленный в Москве в галерее «Измайлово» в декабре 2009 года. Его цель — показать зрителю, что реализм в современном искусстве существует и развивается. Тогда же состоялась встреча художников и искусствоведов, на которой впервые была озвучена идея о создании при галерее Творческого объединения художников.

Среди присутствовавших были такие знаменитые художники, как Игорь Орлов, Леонид Бирюков, Павел Попов, Максим Фаюстов и Виталий Графов, известные искусствоведы Виталий Серафимович Манин, Владимир Сергеевич Погодин, а также молодые живописцы и искусствоведы. Теперь эта выставка молодых художников, работающих в реалистической манере живописи, проходит ежегодно. В январе 2010 года при Галерее «Измайлово» было создано Творческое объединение художников «Паровоз», в состав которого вошли как художники, уже завершившие свое профессиональное образование, так и студенты художественных ВУЗов Москвы. Название «Паровоз» отражает задачу объединения — поддержка творческой молодежи. Художники, вошедшие в состав объединения, выступают своего рода «паровозом» в мире искусства — протягивают руку помощи молодым и талантливым в их творческом развитии. Молодые авторы получают возможность расширять свой профессиональный кругозор, демонстрируя свои работы на коллективных выставках, сравнивая их работами других молодых художников и уже сложившихся мастеров. Одним из главных

принципов объединения является сохранение, популяризация и развитие традиций реалистического искусства. Поэтому девизом выступает лозунг: «Традиция в движении!» Молодые художники сумели воссоздать на своих полотнах образы и сюжеты, живущие в нашей памяти и сердцах, донести до зрителя свое понимание красоты, основанное на вековых традициях русского искусства. Творчество этих художников проникнуто настоящей любовью к искусству.

В 2007 году по инициативе галереи «Арт Прима» стартовал актуальный масштабный Всероссийский выставочный проект «Романтики реализма», который возвращает в культурное пространство современной России глубокое и чистое течение русской реалистической живописи — романтический реализм. Истоки объединения уходят в 70-е годы, не вследствие спущенного сверху указания — объединяться. Это была свободная воля художников, которые, будучи близкими по духу, тянулись друг к другу, устраивали совместные выставки. Одна из них называлась «Родная земля». Среди участников: Владимир Телин, Сергей Гавриляченко, Юрий Грищенко, Николай Зайцев, Игорь Орлов, Геннадий Пасько, Валерий Полотнов, Валерий Страхов, Алексей Суховецкий и Александр Цыплаков, ушедшие из жизни Никита Федосов, Вячеслав Забелин, Владимир Щербаков, Алексей Жабский, Михаил Абакумов. Каждый из этих художников — со своей темой, манерой. Но при этом, как сами они признаются, их живопись едина: она реалистичная по исполнению и романтическая по сути. В основу названия творческого объединения — «Романтики реализма» легли слова пейзажиста Алексея Саврасова: «Только любя природу, учась у нее, можно найти себя, своё. ... Если нет любви к природе, то не надо быть художником... Нужна романтика. Мотив. Романтика бессмертна. Настроение нужно. Художник — тот же поэт... Возвышайтесь чувством...»¹.

Традиции отечественной реалистической школы, продолжают в непреходящем восхищении художников перед разнообразием и неповторимостью окружающего мира. Практически все художники увлечены цветом. С помощью цвета они создают и формы, и наполняют свои работы глубиной и смыслом. В этом художники следуют традиции московской художественной школы, неслучайно многие из них преподают или преподавали в Московском государственном художественном академическом институте имени Сурикова.

В этой связи, необходимо отметить роль академического художественного образования, которое имеет глубокие традиции школы, которая, несомненно, сохраняется в России. Увлечение авангардом и не фигуративным искусством, во многом снизили планку специфики преподавания рисунка, живописи, композиции, во многих учебных заведениях мира. Несмотря на серьезные испытания

¹ Корвин К. А. Воспоминания. – Мн.: Современный литератор/Мастера культуры 1999.

в связи с современными приёмами подачи художественного продукта (перформансами, хэппенингами и т.д.), огромным влиянием на зрителя, критиков, любителей искусства современных европейских течений, русская реалистическая живописная школа не сдаёт свои позиции. Её традиции сегодня востребованы в мировой художественной практике¹.

В нынешней художественной ситуации судьба реалистического искусства складывается непросто. Произведения этого направления, вызывая неизменный интерес у публики, оттесняются в сознании художников и критиков на второй план из-за экспансии концептуализма. Авторы, стремящиеся к быстрому успеху, обращаются к концептуальному искусству, как наиболее раскрученному в средствах массовой информации. В то же время увлечение художников созданием объектов, инсталляций, провокаций и т.д., где главным является сама идея, а не ее воплощение, приводит к девальвации и упадку собственно живописного мастерства, без которого создать реалистическое произведение невозможно. Парадоксальность ситуации заключается в том, что среди широких масс зрителей реалистическое искусство всегда было любимо и востребовано. Публику одинаково привлекают глубина и значительность содержания и мастерство исполнения лучших реалистических произведений.

Таким образом мы утверждаем, что классическая традиция не исчерпалась и наши современники продолжают работать, в значительной мере основываясь на тех же принципах реализма основным критерием которого является наличие художественного образа.

Об этом свидетельствует ряд художественных проектов разного уровня масштабности, среди которых «Романтики реализма», «Притяжение реализма».

На основе исследовательских аналитических, обобщающе-синтетических, описательно-дискурсивных методов мы утверждаем, что несмотря на то, что в XX веке произошли политические события, во многом приведшие к утрате традиционных этических и эстетических ценностей, реалистическое искусство не растворилось в постмодернизме. Сегодня масштабные выставочные проекты определяют преимущество традиций реализма возвращая вольно или невольно забытые и так необходимые в профессиональной практике творческие проблемы серьезного картинного делания, исполнение произведений в классических техниках и материалах, поднимая вопрос о необходимой смене поколений, о приходе в профессиональное искусство подготовленной и серьезно работающей молодежи. Являясь важной частью духовной культуры, традиции реалистической живописи стали гуманистическим ориентиром и культурным наследием России.

¹ Традиции школы. Творческая мастерская живописи Российской академии художеств. -М.: Академия акварели и изящных искусств, 2013

Список литературы:

1. Авангард и китч Клемент Гринберг Художественный журнал № 60 декабрь 2005/Впервые опубликовано осенью 1939 г. Partisan Review, VI, no. 5 (p. 34–49).
2. Гавриляченко С. А. Вечная современность реализма/Каталог II Международной ассамблеи художников «Пластовская осень» 2013
3. Коровин К. А. Воспоминания. — Мн.: Современный литератор/Мастера культуры 1999.
4. Максаковский В. П. Всемирное культурное наследие: Науч. -попул, справочное изд./Максаковский В. П.-М.: Логос, 2002.
5. Традиции школы. Творческая мастерская живописи Российской академии художеств. – М.: Академия акварели и изящных искусств, 2013
6. ЮНЕСКО: Цели, структуры, деятельность: Хроника, факты и цифры/Сост. Ройтер В., Хюфнер К.; Ред. Дроздов А. В.-М.: Рудомино, 2002.

Section 3. History and archaeology

*Shatalov Vasily Anatolyevich, Udmurt State University, Research Assistant
At the Institute of History and Culture of the peoples of Cisurals
E-Mail: shatalov.vasily@mail.ru*

The phenomenon of the Ananyino bone

The cultural and historical area of Ananyino that existed on the territory of Volga and Kama River in IX — III century of BC¹ left a noticeable trace on the ethnic and cultural map of Eurasia and in the archeological heritage of the peoples who inhabited it. Wide chronological and territorial frames of the cultural and historical area of Ananyino defined the garishness of the landscape, types of economic activities and social environment of the population who left interesting and similar ceramic and personal complexes of burials and settlement monuments.

On the basis of numerous materials of archeological excavations and researches, it is known that items made of bone and horns, which are typical for the cultural and historical area of Ananyino of the epoch of early Iron Age². The spheres of application of items made of bones and horns in Volga-Kama area in the epoch of early Iron Age are truly universal: labor means, household items, ranged weapon, hunting and fishing items, decoration for clothes, horse harness items and facilities for games. Thus, this group of items is numerous and diverse in both functional purposes³ and appearance⁴; hence, it enables to characterize bright and original world of ancient culture⁵.

¹ Kuzminykh S.V., Chizhevsky A.A. The Ananyino world: a take on the modern condition of the problem//At the origins of Volga and Kama area (to 150 anniversary of the discovery of the Ananyino burial). – Elabuga, 2009. – P. 29–55. (Archeology of Eurasian steppes. Issue 8).

² Khalikov A.Kh. Volga and Kama area at the beginning of the epoch of early Iron Age (VIII–VI century BC). – M.: Nauka, 1977; Ashikhmina L. I., Chernykh E. M., Shatalov V.A. Vyatsky krai on the threshold of the Iron Age: bone inventory of the Ananyino epoch (I thousand BC). – Izhevsk: B. i., 2006.

³ Shatalov V.A. About the problems and principles of classification of bone items of the Ananyino epoch (on the example of weapons, hunting, fishing and horse items)//Povolzhskaya arkheologiya. – 2012. – № 1. – P. 58–67.

⁴ Chizhevskii A. A., Shatalov V.A. A Bit from the Lugovskoi Cemetery. On the Image of a Rider and Horse in the Ananyino Art//Anthropology and Archeology of Eurasia. – 2012. – Vol. 51. – № 1. – P. 43–61.

⁵ Vasilyev S. A. Art of the ancient population of Volga and Kama area during the Ananyino epoch

The Ananyino bone became widely known due to artistic appearance of the items, the value of which was obviously determined in the past by the role it played in spiritual life of the local population and today, by the place in the study of such phenomenon as «zoomorphic ornament»¹. At the same time, the volume and range of bone collection of the Middle, Mariisky and Kazan Volga region, the Kama region, basins of Vyatka and Belaya Rivers of the Ananyino period certifies about the universal importance in the society. Undoubtedly, the significant role in it was played by mass access, availability and diversity of raw material. However, the factors contributing to such bright take-off in culture of the Ananyino bone-cutting craft in the Kama and Volga regions were not limited by them. If one refers to wider analogies, something similar can be observed in the establishment of bone industry of the hunting and fishing peoples of the Northern Eurasia during the epoch of stone (final paleolith — mesolith). In the Kama region, the rapid development of bone processing falls on the transitional period from the Bronze to Iron Age.

The world of the cultural and historic area of the Ananyino is the world of forest (the Postmaklasheevskaya, Akozinskaya, Ananyino corded ware, Ananyino comb-corded ware) cultures². The forest zone of the Volga-Kama-Vyatka region is rich in various kinds of animals and plants, which are more suitable for the provision of life activity of large human collectives. The local forests have always abounded with animals and birds; hence, the hunting has always taken one of the leading places among the autochthonous population of this geographic zone³. With good reason the dominating number of the preserved material traces of ideological perception of the ancient people is related to the world of animals and hunting. All researchers referring to bone-cutting craft unanimously indicate the dependence of utilization of bone raw material on the level of cultivation of natural and geographic conditions and on the degree of development of the respective ethnic culture. In the forest area of the Volga and Kama Rivers the producing forms of households are established in the later Bronze cultures. However, the role of hunting during the growing importance of household cattle breeding has always remained high. During the Ananyino period the return to this ancient activ-

(origins and formation): dissertation of the Candidate of History Sciences. – SPb., 2002.

¹ Vasilyev S.A. The Ananyino zoomorphic ornament. The origins, main components and development//*Arkheologicheskie vesti*. – 2004. – № 11. – P. 275–297.

² Kuzminykh S.V., Chizhevsky A.A. The Ananyino world: a take on the modern condition of the problem//At the origins of Volga and Kama area (to 150 anniversary of the discovery of the Ananyino burial). – Elabuga, 2009. – P. 29–55. (*Archeology of Eurasian steppes*. Issue 8).

³ Goldina R.D., Kolobova T.A., Kazantseva O.A., Mityrakov A.E., Shatalov V.A. Tarasovskoe sanctuary of the earlier Iron Age in the Middle Kama region//*Materials and studies of the Kama and Vyatka archeological expedition*. – T. 26. – Izhevsk: B. i., 2013. – P. 86.

ity is observed in the economy¹. An important role was played by palaeoclimatic changes in II–I thousand — the middle of I thousand BC, which were the reasons of the disturbance of landscape and ecological stability causing the migration of the population within former ethnic and cultural realms. The formation of a new archeological map of the Volga and Kama area in the earlier Iron Age is related to the contradictory and multidirectional integration and migration processes.

Actively developing industry of bone and horn processing solved the problem of utilization of products of butchering of spoils of the chase and household cattle². It met the need in the material for mass production of weapons and hunting and fishing facilities. The correlation of the given categories in the general range of items reflects the real demand for them in the communities of hunters, fishermen and cattle farmers. Given all the typological variety of weapons, their number in the collection gives place to the items of armament, hunting, hunting and fishing and horse facilities³.

The appearance of metal that replaced stone in the production area undoubtedly played a revolutionary role in the history of the mankind. Did it affect bone industry? We do not have significant proof of processing of organic raw material during the epoch of eneolith and bronze in the Volga and Kama area. Moreover, the specialists in the sphere of ancient metallurgy think that it is possible to talk about some regress in the technology of nonferrous metal working at the beginning of the early Iron Age compared to the end of the Bronze Age and the character of iron working is called «slow»⁴. To some extent, the needs of the local population in metal were decided during the further goods exchange but the import of metal could not solve the problem of the growing demand for it to the full extent. Thus, bone and horn raw material was a real alternative to metal being solid but at the same time capable of softening, elastic but not losing its qualities in the process of usage, responsive to processing by many ways (cutting, chipping, scraping, sawing, polishing and drilling). In the conditions of deficit of metal and growing needs in it the role of bone and horn as raw material for production of weapons (especially arrow heads that served for both hunting and war), items

¹ Andreeva E. G. The animals of the Kama region during the Ananyino period according to bone remains of archaeozoological monuments // Academic notes of the Perm State University. – 1967. – № 148. – P. 171–186; Petrenko A. G. Ancient and medieval cattle breeding in the Middle Kama and Ural regions. – M.: Nauka, 1984. – P. 169.

² Shatalov V. A. Processing of bone by the Ananyino population in the Volga and Kama area: raw material base and technology of items production // The Kama area in the ancient and medieval times. – Izhevsk: ΓGamma+, 2012. – P. 71–84.

³ Ashikhmina L. I., Chernykh E. M., Shatalov V. A. Vyatsky krai on the threshold of the Iron Age: bone inventory of the Ananyino epoch (I thousand BC). – Izhevsk: B. i., 2006.

⁴ Kuzminykh S. V. The end of the Bronze and early Iron Age in the North of European part of Russia // II Northern Archeological congress. Reports. – Yekaterinburg – Khanty-Mansyisk, 2006. – P. 236.

of horse harshness, household and religious practice increased significantly. These combined factors determined the appearance of the phenomenon of the Anyinyo bone and its existence for quite a long time in I thousand BC.

The Anyinyo bone industry of the Volga and Kama area impresses with the mass production of items, their wide range, demand for them in the material and spiritual life of people. It demonstrates well-established production with clear technological schemes (from the choice of the primary raw material to the readiness of the item)¹. The selection of raw material for bone processing was closely connected with the type composition of game and household animals (with obvious preference of wild fauna), as well as with the process of bone utilization. The utilization of bone raw material was of universal nature: raw material wastes were used to produce things. From the point of technology, one can speak about the diversity of ways and technical completion of ready items. The use of natural form of raw material in the construction of items stands out among these ways (piercing, needles, hooks, shoe making tools, dices for games, amulets) as well as partial use mainly realized in the work with longitudinal bone (handles, mattock and spindle whorl)².

There is a large share of items made of the Anyinyo bone that have complex shape and construction, which required knowledge about the nature of raw material and the specific of its shaping and splitting (arrow heads, fish spears and hooks). The technology of processing of horn material reached the perfection the popularity of which was compared with the Siberian cultural world as well as medieval horn processing of the Kama area. The ancient masters knew how to split horn blades to produce clasps, buckles, combs and shovels. These items are numerous in the collections of the Anyinyo towns. In our opinion, combs that survived till the epoch of the late medieval and shovels are the most expressive samples of the Anyinyo bone cutting production that had steady traditions.

The variety of technological ways, smooth technical skills, quite advanced tools led to certain individualization of the Anyinyo bone cutting craft, formation of masters who went beyond the satisfaction of daily needs of people. The qualitative and quantitative composition of the assortment of bone items at the Anyinyo monuments mark them notably among other monuments of archeological cultures of the early Iron Age.

¹ Ashikhmina L. I., Chernykh E. M., Shatalov V. A. Vyatsky krai on the threshold of the Iron Age: bone inventory of the Anyinyo epoch (I thousand BC). – Izhevsk: B. i., 2006; Shatalov V. A. Processing of bone by the Anyinyo population in the Volga and Kama area: raw material base and technology of items production//The Kama area in the ancient and medieval times. – Izhevsk: ΓGamma+, 2012. – P. 71–84.

² Shatalov V. A. Processing of bone by the Anyinyo population in the Volga and Kama area: raw material base and technology of items production//The Kama area in the ancient and medieval times. – Izhevsk: ΓGamma+, 2012. – P. 75–83.

Technical and morphological analysis of items made of bone and horn of the Volga and Kama area and its comparison with the neighboring cultures to the east and west shows significant similarity. This similarity was most probably determined by similar household characteristics of the forest cultures. The obvious originality of each of them (either Ust-poluy, Dyakovo or Ananyino) issues from the presence of specific categories of the inventory and separate details, which was defined by the peculiarities of genesis of cultures, direction of their relations and ethnic affiliation. But the establishment of similarities and differences against such wide cultural background is only possible in the course of further research that requires sound systematization of materials within the entire Ananyino world taking into account cultural and chronological positioning of the monuments.

As a whole, the Ananyino bone is an interesting historical and archeological phenomenon that requires active attention and scrupulous study. At the same time, it is important to understand that horn combs, handles and shovels as well as other bone items of the Ananyino people were considered not only as elements of material household but the reflection of spiritual life of our ancestors; not by coincidence they are found at the places of sanctuaries¹. The weird combination of settled and nomadic, local and borrowed in the minds of the Ananyino people is observed by all researches. Bone cutting craft, its items are the valuable source for reconstruction of many sides of life and activity of the Ananyino tribes and deserve further purposeful research.

¹ Goldina R.D., Kolobova T.A., Kazantseva O.A., Mitryakov A.E., Shatalov V.A. Tarasovskoe sanctuary of the earlier Iron Age in the Middle Kama region//Materials and studies of the Kama and Vyatka archeological expedition. – T. 26. – Izhevsk: B. i., 2013. – Table 25, 1–10, Table 26, 1–16.

Section 4. Pedagogy

*Abramova Yana Konstantinovna, National University of Science and Technology "Moscow Institute of Steel and Alloys", teacher in "Russian and Foreign Languages and Literatures" department
E-mail: yanaabramova@mail.ru*

Blended learning as a reality of the 21st century

*Абрамова Яна Константиновна, Национальный исследовательский технологический университет «Московский Институт Стали и Сплавов», преподаватель кафедры «Русского и иностранных языков и литературы»
E-mail: yanaabramova@mail.ru*

Смешанное обучение как реалия 21 века

Человечество использует компьютеры в обучающих целях довольно давно. «Всемирная паутина», пришедшая на смену дискетам и компакт-дискам в начале 90-х годов 21 века, позволила студентам находить в Интернете информацию статического характера, не позволяющую учащимся и преподавателям взаимодействовать с ней, добавлять что-то свое. В течение 90-х годов были созданы системы управления обучением (Learning Management Systems, LMS). По своей сути это программное обеспечение, созданное для управления и предоставления ресурсов и заданий, а также отслеживания и сообщения о результатах работы, являющееся дистанционным курсом или частью курса смешанного обучения. Первыми LMS по английскому языку являются Black Board и WebCT, позволяющие студентам выполнять целые онлайн-курсы или дополнительные задания вдобавок к аудиторным занятиям. Системы управления обучением позволили взаимодействовать студентам посредством такого инструмента, как форум. Так началась эпоха электронного обучения языку.

Повсеместное использование информационных технологий со всеми их достоинствами и недостатками активно внедряется в рамки традиционного обу-

чения в классе, которое было успешным на протяжении многих лет. В качестве компромисса возникла *модель смешанного обучения* (blended learning), совмещающая преподавание в классе (face-to-face) и компьютерно-опосредованное обучение на образовательной онлайн-платформе университета, на которой находится весь учебный материал, встроена система тестирования, есть доступ к различным онлайн-библиотекам и источникам, а также дополнительным материалам, представленным на усмотрение преподавателей, которые точно соответствуют пройденным темам¹. Программы смешанного обучения могут содержать любой бленд (смесь) этих двух режимов. В одних программах будет превалировать обучение в аудитории с небольшой лишь онлайн-составляющей. В других большая часть обучения отведена на онлайн-режим с минимальными встречами в классе. В настоящее время нет единого общепринятого согласованного определения данной модели обучения. Термины «смешанное», «гибридное» и «смешанно-режимное» используются как синонимы в текущих научных исследованиях.

В коммуникативном аспекте смешанное обучение состоит из двух типов: синхронная и асинхронная коммуникация. Синхронное общение протекает в реальном времени либо в течение аудиторной работы, либо посредством онлайн-текстовых и аудио чатов, видеоконференций. Асинхронное общение осуществляется в разное для коммуникантов время, путем использования, например, электронной почты, форумов или блогов.

Существует множество различных подходов к смешанному обучению. Оно может принимать различные формы, в зависимости от потребностей преподавателей и студентов. Англоязычными методистами были выделены следующие модели: дополняющая, чередующая, гибкая, компьютерно-лабораторная, модель домашнего обучения и 3D-модель. Рассмотрим каждую из них.

Сутью *дополняющей модели* является наличие добавочных заданий онлайн к основному учебному процессу, протекающему в стенах вуза.

Чередующая модель подразумевает чередование аудиторных занятий и выполнение как синхронных, так и асинхронных заданий онлайн.

В *модели гибкого типа* превалирует онлайн обучение, однако студенты в индивидуальном порядке или в малых группах встречаются с преподавателем на консультациях.

Компьютерно-лабораторная модель отличается от всех тем, что занятия проходят в вузе в компьютерном зале совместно с преподавателем-инструктором.

Так называемая *модель домашнего обучения* подразумевает встречи с преподавателем исключительно в целях сдачи необходимых тестов и экзаменов.

¹ Тимкин С. Л. Вводный курс в информационно-образовательную среду открытого образования (ИОС ОО) : учеб. пособие / С. Л. Тимкин; Ом. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. Омск, 2005.

Наконец, *3D-модель*, наиболее редкая на данный момент, состоит в использовании как преподавателем, так и его студентами виртуального мира (*Second Life*) в целях организации и проведения образовательного процесса.

Преподаватели, работающие по модели смешанного обучения, выделяют следующие ее достоинства:

1) Такое обучение помогает социализироваться студенту в классе, снимает психологические барьеры.

2) Смешанная модель предоставляет уникальную возможность выполнять задания в любом месте, снабженным доступом к Интернету.

3) Этот путь весьма рационален, так как позволяет преподавателю учесть индивидуальные потребности, стили обучения каждого студента, предлагать ему отдельные задания, помогающие развить определенные способности.

4) Данная модель экономит бесценное аудиторное время, которое тратится исключительно эффективно.

5) Смешанное обучение формирует все виды речевой деятельности как в классе, так и онлайн: навыки чтения и письма студенты практикуют в чатах, форумах и блогах, а навыки аудирования и устной речи — с помощью голосовых чатов, виртуальных форумов или комнат.

6) Студенты слышат носителей языка в большом количестве, благодаря аудированию и аудио- и видео-конференциям.

7) В процессе овладения языком формируются еще две фундаментальные компетенции: компьютерная грамотность и автономность (способность учиться самостоятельно).

В данное время модель смешанного обучения имеет широкое распространение по всему миру. Лидирующее место при этом продолжают занимать Соединенные Штаты Америки, что обусловлено наличием хорошего уровня интернет-коммуникаций, техническим и компьютерным оснащением потенциальных студентов, а также высоким уровнем компьютерной грамотности населения страны. В качестве примера можно привести Калифорнийский университет (г. Лос-Анджелес), Университет Джорджа Вашингтона (г. Вашингтон), Джорджтаунский университете (г. Вашингтон) и многие другие, в которых данная модель обучения применяется и для обучения русскому языку как иностранному.

Так, на факультете славянских языков и литературы Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе использование технологии смешанного обучения включает в себя:

1. Совмещение аудиторных занятий по курсу «*Русский язык для начинающих*» (А. Кудыма) и интерактивной рабочей тетради, располагающейся на портале сайта Калифорнийского университета (www.russian.ucla.edu/beginnersrussian).

Контент сайта содержит два раздела:

А) Раздел для преподавателей (книга для учителя, домашние задания, ключи к тестам, презентации, дополнительные материалы — организованная база — упражнения по грамматике и устной речи, флеш-карточки, упражнения на перевод и ответы к ним для самопроверки);

Б) Раздел для студентов (аудио, грамматические подкасты на английском языке, домашние задания, прописи, ответы к тестам). Из веб-инструментов в наличии: форумы и блоги (понеделная организация), видеозаписи со списком вопросов (аудирование), групповые проекты в форме Вики (Wiki).

2. Учебно-Методический Комплекс «В пути» (авторы О. Каган, Ф. Миллер, А. Кудыма).

На портале сайта Калифорнийского университета располагаются: 1. Раздел для преподавателей; 2. Раздел для студентов; 3. Инструменты: грамматические подкасты, аудио, видео, блоги, упражнения по уровням и тренировочные тесты по системе ТРКИ (ТЭУ, ТБУ, ТРКИ-1, ТРКИ-2).

3. В аудитории используются аудио, видео с сайта, а также мультимедийные презентации PPT на каждом уроке. Существует целая коллекция презентаций, привязанных к учебникам, для каждого курса, пополняемая ежегодно (например, добавляются видеоклипы, фотографии).

4. Преподаватели широко используют дополнительные ресурсы, среди них — G.L.O.S.S. и RAILS.

В странах Восточной Азии смешанное обучение также имеет широкую распространенность. Так, в Южной Корее оно отличается особой популярностью. В 2001–2004 годы в этой стране появилось семнадцать кибер-университетов, пятнадцать из которых имели связь с традиционными кампусными учреждениями. Несмотря на быстрый рост кибер-университетов, статистические показатели и многочисленные опросы показали, что смешанная модель является предпочтительной не только среди студентов, но и преподавателей. Однако качественной реализации обучения по данной модели по-прежнему мешает отсутствие интерактивности с преподавателями, недостаточно интересное содержание курсов, слишком большой объем работы, малоразвитая кибер-педагогика и т. д. Тем не менее, некоторые университеты в настоящее время совершенствуют программы смешанного образования, в соответствии со стратегией интерактивного обучения. В качестве примера можно привести Пусанский Национальный Университет, Женский Университет Ихва, Университет Конкук и Сеульский Национальный Университет.

Смешанное обучение завоевало и Великобританию. Самым известным на данный момент продуктом в России является инновационная программа обучения английскому языку Touchstone (Cambridge University Press), состоящая из УМК Touchstone (книга для учителя, книга для студента, рабочая тетрадь для студента,

компакт-диск для самоподготовки для студентов, компакт-диск с материалами для учителя) и одноименного онлайн-курса, содержащего как контент в виде учебника, рабочей тетради, тестов, так и веб-инструменты «форум», «блог», «чат», «вики». Интерактивный курс позволяет обучающимся выполнять сортированные комплекты заданий, которые в свою очередь состоят из тщательно структурированных задач. Этот метод — известный как *скаффолдинг* — выстраивание пространства зоны ближайшего развития (термин Дж. Брунера) — снабжает студентов строительными блоками, необходимыми для постепенного пошагового развития своих способностей. Каждый урок в онлайн-курсе Touchstone преследует конкретные результаты обучения, которые обозначены как Can Do Statements и имплицитно содержатся в каждом наборе заданий. Преподаватели сами выбирают путь совмещения аудиторных и онлайн-занятий, а также объем и содержание заданий на платформе, необходимых к выполнению студентами. Сроки выполнения любого рода заданий фиксированные — в расписании стоит точная дата выполнения, и только до этого дня (или часа) можно передать задание. Преподаватель вправе не принимать просроченные задания.

Каждое задание учебника разработано так, чтобы помочь преподавателям довести студентов до определенного результата обучения. Этот же результат обучения достигается в результате самообучения на платформе онлайн, которая не повторяет аудиторные задания, а расширяет и улучшает усвоение материала. Также бленд с использованием платформы Touchstone осуществляется не только исключительно в домашних условиях, но и как элемент аудиторной работы. В традиционном подходе к обучению, для сравнения, студент ограничен конкретными временными рамками урока, что не позволяет ему в полной мере достичь все поставленные учителем цели.

Модель смешанного обучения постепенно набирает обороты и в России. Упомянутый выше курс английского языка Touchstone уже несколько лет успешно действует в московском вузе НИТУ «МИСиС» в виде партнерского проекта совместно с издательством Кембриджского университета Великобритании — Touchstone@MISiS. В зависимости от уровня владения английским языком, студент первого курса попадает на один из первых пяти модулей по результатам входного тестирования. Один модуль приравнивается к одному семестру. Программа бакалавриата рассчитана на 8 семестров, таким образом, максимально студент может освоить 8 модулей. 60% времени обучения составляют аудиторные часы и 40% времени — внеаудиторные на электронной платформе Touchstone.

Программа Touchstone@MISiS включает в себя три области применения английского языка: английский для общих целей (General English), английский язык для академических целей (English for Academic Purposes — EAP) и английский для профессиональных целей (English for Specific Purposes — ESP). Модули про-

граммы соотносятся с Общеввропейской шкалой языковых компетенций, где А соответствует элементарному владению, В — самостоятельному и С — свободному уровню владения языком. В модулях А1, А2, В1, В1+ изучается английского для общих целей. В модуле В2 к английскому для общих целей добавится такой компонент как ЕАР. Начиная с модуля С1, к первым двум компонентам добавляется английский для профессиональных целей — язык, который необходим студентам исследовательского вуза для будущей карьеры.

Еще в одном московском вузе — МЭСИ — смешанное обучение используется довольно широко: от предметов по специальности до обучения иностранным языкам. Руководство института использует в своей работе опыт западных университетов и, видя различные преимущества смешанной формы обучения, использует Систему управления обучением «Виртуальный Кампус» для поддержки традиционного очного обучения, а также для обучения студентов заочной формы и формы обучения экстернат. Данная LMS имеет встроенные системы тестирования, а также интегрирована с различными библиотечными системами МЭСИ, что позволяет студентам успешно использовать все возможные доступные ресурсы (презентации, задания, статьи, пособия, списки источников литературы, методические указания и т. д.) в процессе обучения¹. Из веб-инструментов в наличии форумы, блоги, тесты, календарь, новости.

На наш взгляд, преимущества смешанного обучения заключаются в расширении возможностей взаимодействия, в адаптированности к потребностям и особенностям студентов, в формировании чувства ответственности у студента за собственное обучение, а следовательно — в улучшении обучения и развитии мотивации. Конечная цель данной модели обучения — это обеспечение реальной практической возможности (как для студентов, так и для преподавателей) создания независимого, рационально полезного, устойчивого и постоянного роста и развития.

Список литературы:

1. Кузьмина Т. В., Тихомирова Е. В., Гольдфарб Л. Ю., Дворников Н. Ю. Студент в среде E-Learning: учебное пособие. – М.: МЭСИ, 2008.
2. Тимкин С. Л. Вводный курс в информационно-образовательную среду открытого образования (ИОС ОО): учеб. пособие / С. Л. Тимкин; Ом. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. – Омск, 2005.

¹ Кузьмина Т. В., Тихомирова Е. В., Гольдфарб Л. Ю., Дворников Н. Ю. Студент в среде E-Learning: учебное пособие. – М.: МЭСИ, 2008.

*Araslanova Vera Alexeevna, Ph. D., Associate Professor
social and humanitarian disciplines Surgut State Pedagogical University
E-mail: oikovera@mail.ru*

*Araslanova Anastasia Alexandrovna, Ph. D., doctoral student
of pedagogy East-Siberian State Academy of Education,
E-mail: generol@mail.ru*

Formation of professional competence of future specialist in Records Management and Archival

*Арасланова Вера Алексеевна, к. г. н., доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин Сургутского государственного
педагогического университета
E-mail: generol@mail.ru*

*Арасланова Анастасия Александровна, к. п.н., докторант кафедры
педагогике Восточно-Сибирской государственной академии образования,
E-mail: generol@mail.ru*

Формирование профессиональных компетенций будущего специалиста в области документоведения и архивного дела

Одним из приоритетных направлений модернизации современного российского образования, способствующим укреплению конкурентоспособности образовательной системы, является масштабное внедрение в образовательную деятельность учреждений высшей школы компетентного подхода. Суть компетентного подхода сводится к приобретению студентами в период обучения в вузе набора так называемых ключевых компетенций, весомых для его успешной адаптации к требованиям современного рынка труда, и их активное применение в профессиональной деятельности молодыми специалистами — выпускниками вузов. Российские и зарубежные исследователи выделяют от 3 до 37¹ видов компетентностей (культурологическую, информационную, коммуникативную, педагогическую и др.) и компетенций (методологическую, информационную, коммуникативную, социальную, инструментальную, и др.) для разных видов деятельности².

¹ Равен Дж. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. – М.: Когито Центр, 2002. - 396 с.

² Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетен-

Принятие отечественной педагогической общественностью компетентностного подхода как передовой технологии постоянного повышения профессиональной квалификации студентов и выпускников, обеспечивающей конкурентоспособность, как отдельных вузов, так и российской системы образования в целом, становится целью осуществления и критерием результативности реформы высшего образования в контексте доступность — качество — эффективность.

Реализация компетентностного подхода в деятельности образовательных учреждений является объектом изучения В. Л. Глазычева, Л. Гребнева, Ю. Давыдова, Дж. Равена, А. Хуторского и др.

Вопросы, связанные с необходимостью повышения профессиональной компетентности выпускников путем их участия в синергетическом взаимодействии с обучающей информационно-образовательной средой вуза, раскрывающей и активизирующей внутренние творческие способности личности, рассматриваются в работах А. Л. Андреева, В. А. Болотова и В. В. Серикова, П. П. Борисова, С. Евтушевской, Э. Ф. Зеер, Д. А. Иванова, В. Ю. Маноляк, В. В. Маскина, И. П. Панфиловой и Е. В. Груздовой, С. Б. Серяковой, Е. В. Чуба и др.

Теория ключевых компетенций, как механизма обеспечения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов получила развитие в трудах Т. Дюрана, В. Ефремова, А. И. Жилиной, И. Зимней, Р. Каплана и Д. Нортона, Р. МакГрата, Д. МакКлеланда, К. Прахаладаи, Г. Хамела, Л. Фаэя и Р. М. Рэнделла и др. Принято считать, что статья Дэвида МакКлеланда «Тестирование: компетенции против интеллекта»¹ может рассматриваться начальной точкой компетентностного подхода. В этой статье Д. Мак Клеланд утверждал, что обычно используемые личностные тесты и тесты IQ плохо справляются с задачами предсказания успешности респондента в реальной профессиональной деятельности, и что вместо этого, как альтернатива, должен разрабатываться компетентностный подход².

Компетентностный подход при сохранении роли знания как культурного компонента предполагает ориентацию на практический опыт решения жизненных проблем, выполнения ключевых функций и социальных ролей. При этом актуализируются умения индивида разрешать проблемы: в познании и объяснении явлений действительности; в освоении современной техники и технологий; во взаимоотношениях с окружающими и оценке собственных поступков;

тностного подхода в образовании. Авторская версия. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. - 20 с.

¹ McClelland D. C. Testing for competence rather than for intelligence//American Psychologist. – 1973. – 28. - 1–14.

² Les rémunérations. Politiques et pratiques pour les années [Texte]/Coordonné par J.-M. Peretti et P. Roussel. – Vuibert, Tournai, 2000.

в практической жизни; при выборе профессии, жизненного стиля и способов самоопределения.

Родовыми понятиями компетентностного подхода являются «компетенция» и «компетентность». После того, как понятие «компетенция» появилось в зарубежной экономической литературе в начале 1990-х гг., было предложено множество трактовок и вариантов определений. Согласно Г. Сартану, «компетенции — это совокупность индивидуальных и профессиональных характеристик работника, определяющих качественное выполнение работы. Компетенции определяют стандарт эффективного выполнения работы»¹. Компетенции принято интерпретировать как единый (согласованный) язык для описания академических и профессиональных профилей и уровней высшего образования, при этом язык компетенций является наиболее адекватным для описания результатов образования. Европейскими экспертами предлагается использовать понятия общих и специальных компетенций:

— общие компетенции:

- инструментальные (общенаучные), включающие базовые общие знания в области математики и естественных наук, гуманитарных и социально-экономических наук; базовые компьютерные и лингвистические науки; умение извлекать и анализировать информацию из различных источников; способность понимать и использовать новые идеи; способность организовать и спланировать работу и пр.;

- межличностные (социально-личностные), включающие способность к критике, терпимость, умение работать в коллективе, общая культура, приверженность к этическим ценностям;

- системные (в том числе — организационно-управленческие), включающие способность применять полученные знания на практике; способность к адаптации к новым ситуациям; знание организационно-правовых основ своей деятельности, способность организовать работу и др.;

— специальные (профессиональные) компетенции:

- базовые общепрофессиональные знания, умения в избранной сфере деятельности;

- профессионально профилированные (специализированные) знания в соответствии с конкретной профилизацией или специализацией выпускника.

При рассмотрении проблем модернизации российского образования и определения требований к выпускникам вузов в настоящее время широко применяется категория «профессиональная компетентность». Как полагают авторы настоящей статьи, исчерпывающее определение данной категории приводит Юлдашева М. Р.

¹ Сартан Г. Развитие компетенций: этапы внутрикорпоративного обучения // Персонал-Микс. – 2005. - № 2.

«Профессиональная компетентность включает совокупность способностей, качеств и свойств личности, необходимых для успешной профессиональной деятельности в той или иной сфере. Системообразующим компонентом профессиональной компетентности является коммуникативная компетенция, которая одновременно является и ключевой компетенцией, т. е. компетенцией, необходимой для любой профессиональной деятельности»¹. К. В. Шапошников, понимая под профессиональной компетентностью «готовность и способность специалиста принимать эффективные решения при осуществлении профессиональной деятельности», считает, что профессиональная компетентность «в целом характеризуется совокупностью интегрированных знаний, умений и опыта, а также личностных качеств, позволяющих человеку эффективно проектировать и осуществлять профессиональную деятельность во взаимодействии с окружающим миром»².

Исследования ведущих отечественных специалистов в области документационного обеспечения управления (ДОУ): Т. В. Кузнецовой, А. В. Пшенко, О. Я. Гойхмана и др. направлены на определение основных компетенций специалиста-документоведа.

Содержание основной образовательной программы высшего учебного заведения направления «Документоведение и архивоведение» представляет изучение оперативной, ретроспективной и перспективной среды существования документа, основных задач документоведения и архивоведения на современном этапе, использования современных информационных технологий в управлении документами и др.

Реалии сегодняшнего времени таковы, что требования к компетенциям современного конкурентоспособного специалиста направления «Документоведение и архивоведение» достаточно высоки. К значимым компетенциям можно отнести: способность к обобщению, анализу, восприятию информации в сфере документационного обеспечения управления и архивного дела; умение понимать и критически анализировать текущую и ретроспективную документную информацию, владение знаниями в области информационного и архивного, трудового и других отраслей права.

Профессионал в области документационного обеспечения управления и архивного дела в современных условиях, в соответствии с ФГОС ВПО:

— должен владеть информационными технологиями в документационном обеспечении управления и архивном деле;

¹ Юлдашева М. Р. Качество подготовки студентов в контексте компетентного подхода. Проблемы и перспективы развития образования в России. 2012, № 13. С. 274–279

² Шапошников К. В. Контекстный подход в процессе формирования профессиональной компетентности будущих лингвистов-переводчиков: Автореф. дис. канд. пед. наук. – Йошкар-Ола, 2006. - 26 с.

— знать международные стандарты в области документационного обеспечения управления и архивного дела, особенности организации федеральных архивов, архивов субъектов федерации и муниципальных архивов;

— владеть методами защиты конфиденциальной документной информации; правилами создания, внедрения и использования справочно-поисковых средств в документационном обеспечении управления и архивном деле и др;

— уметь применять научные методы при исследовании документов организации, архивных документов, уникальных и особо ценных документов, а также ретроспективной документной информации и др.

Организация процесса обучения в вузе с позиций компетентностного подхода при подготовке специалиста в области документоведения и архивного дела предполагает умелое сочетание следующих традиционных и инновационных форм и методов, позволяющих выстроить индивидуальную образовательную траекторию:

— лекции, практические занятия, чтение рекомендованной литературы, учебно-исследовательская работа студентов;

— взаимосвязь аудиторной и самостоятельной работы, которая выражается в апробировании умений и навыков, полученных на практических занятиях и в рамках своей самостоятельной деятельности;

— совершенствование навыков самостоятельного творчества через выполнение поисковых, творческих заданий, как на занятиях, так и во внеучебное время;

— самостоятельная работа студентов направленная на развитие и совершенствование исследовательских навыков, более глубокое изучение материала полученного в рамках аудиторной работы, его систематизация и самостоятельное изучение отдельных тем.

В современном обществе, испытывающем дефицит профессионалов, формирование и сохранение квалифицированного коллектива, вложения в персонал и установка на стабильность — характерные черты развивающихся перспективных компаний. Успешность деятельности любого предприятия определяются многими факторами, но одним из значимых является человеческий. Формирование востребованного специалиста на основе компетентностного подхода, на наш взгляд, позволяет решать кадровую проблему достаточно эффективно, а процесс обучения в данном случае становится ориентированным на потребности регионального рынка труда. А специалисты в области документоведения и архивного дела в условиях информатизации общества и развития электронного документооборота востребованы во всех сферах профессиональной деятельности. Из чего следует, что вопрос о формировании компетенций будущих специалистов приобретает особую значимость.

*Barinova Natalya Aleksandrovna, Bashkir State Pedagogical University,
lecturer, the Faculty of Physics and Mathematics
E-mail: natalbar@rambler.ru*

*Karunas Ekaterina Vladimirovna, Bashkir State Pedagogical University,
lecturer, the Faculty of Physics and Mathematics
E-mail: katerina.karunas@yandex.ru*

Elements of e-learning in the federal state educational standards

*Баринова Наталья Александровна, Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы,
ст. преподаватель, физико-математический факультет
E-mail: natalbar@rambler.ru*

*Карунас Екатерина Владимировна, Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы,
ст. преподаватель, физико-математический факультет
E-mail: katerina.karunas@yandex.ru*

Элементы электронного обучения в системе федерального государственного образовательного стандарта

Современная школа нуждается в компетентном учителе, способном решать профессиональные задачи в соответствии с требованиями новой образовательной парадигмы и реализации федерального государственного образовательного стандарта, педагоге, обладающем глубокими теоретическими и практическими профессиональными знаниями в области применения в своей педагогической деятельности информационно-коммуникационных технологий, владения педагогическими технологиями электронного и дистанционного обучения.

Современному учителю при реализации стандарта нового поколения необходимо рассмотреть процесс обучения с другой позиции. Теперь его задача — не просто служить передатчиком знаний (научить писать и читать), а сделать всё для развития личности ребенка как субъекта своей деятельности. Один из примеров это развитие универсальных учебных умений, «обеспечивающих «умение учиться», способность личности к саморазвитию и самосовершенствованию путем сознательного и активного присвоения нового социального опыта, а не только освоение учащимися конкретных предметных знаний и навыков

в рамках отдельных дисциплин»¹, которые помогут ученику быть успешным как на следующих ступенях образования, так и в дальнейшей профессиональной деятельности.

По словам А. Хуторского, одного из разработчиков компетентностного подхода, новые термины, звучащие в ФГОС, как «метапредметность», «компетентностный подход», не просто наукообразные слова, это слова определяющие подходы, которые помогут ребёнку стать не только успешным учеником, но и успешным взрослым. Поэтому роль учителя в становлении бедующего поколения трудно переоценить². Учитель в достаточной мере владеет теоретическими основами внедрения ФГОС, но часто сталкивается с проблемой недостаточной практической разработанности проектирования и организацией своей деятельности в рамках нового стандарта.

Вопросы, которые возникают у учителей: «Как работать по новым стандартам и старым учебникам? Как измерить метапредметные результаты учеников? Как оценивать компетентности учащихся и другие параметры новых стандартов? Начальная школа уже работает по новым стандартам. К чему надо готовиться остальным учителям? Как определить те изменения, которые необходимо внести в собственную деятельность с учётом ФГОС? Как разработать урок по новым образовательным стандартам и провести его на практике?»

В связи с этим наблюдается недостаток системного информационно-методического обеспечения для учителей реализующих ФГОС. Одним из возможных путей устранения данного недостатка является внедрение технологий электронного обучения в образовательный процесс.

В новом федеральном законе «Об образовании в РФ» детально описываются понятия «электронного обучения» и «дистанционных образовательных технологий». В принятой Государственной программе развития образования до 2020 года электронное обучение определено одним из ведущих направлений модернизации современного образования с целью повышения человеческого потенциала, что обуславливается происходящими изменениями в целях и содержании образования на разных ступенях. Система электронного обучения включает в себя возможности дистанционного обучения с активным использованием сетевых технологий.

В настоящее время одним из показателей эффективности деятельности школы определяться наличием у них ясной и взвешенной педагогической позиции по отношению к новым коммуникационным технологиям и Интернет-ресурсам.

¹ Асмолов А., Бурменская Г., и др. Формирование универсальных учебных действий в основной школе. От действия к мысли. Система заданий. – М.: Просвещение. – 2013.

² Хуторской А. В. Компетентностный подход в обучении. Научно-методическое пособие. — М.: Эйдос; Института образования человека. – 2013.

Определив потребности своего образовательного учреждения и его субъектов в дистанционном обучении, выявив наиболее эффективные формы и методы дистанционного образования, которое направлено на реализацию потребностей субъектов обучения, каждая школа и вуз могут использовать в своей деятельности электронное обучение.

Бурное развитие информационных технологий, являющихся основой дистанционного обучения, способствуют его внедрению в образовательный процесс.

Оснащение компьютерного класса образовательных учреждений персональными компьютерами (ПК), компьютерной техникой, программным обеспечением (ПО), методическими и учебно-методическими материалами, а также подключение к сети Интернет все это должно способствовать организации качественного образовательного процесса. Однако возникает вопрос: Какова эффективность использования высокотехнологического компонента для развития личности учащегося и личности самого учителя?

В традиционной образовательной системе информационный компонент существенно не оказывает влияние на развитие и самореализацию личности учителя, поскольку определяющей характеристикой данной системы является ее передаточный, транслируемый характер.

Однако именно информатизация образования посредством коммуникаций способствует повышению методического уровня преподавания, дает возможности творческой самореализации учителя. Информационно-аналитические умения педагога способствуют получению информации различными способами из разнообразных источников; реализует свободу выбора учителя; обеспечивает демонстрацию образовательных результатов субъектов учебного процесса; обеспечивает возможность их активного сравнения участниками учебного процесса.

Согласно ФГОС важным условием реализации основной образовательной программы является требование наличия информационной образовательной среды. С учетом выявленных потребностей педагогов, обучающихся и образовательных учреждений необходимо создать подобную среду, позволяющую объединить всех участников для их взаимодействия.

Система дистанционного обучения — это ключевая информационная система электронного обучения, обеспечивающая взаимодействие между учащимися, преподавателями и электронным образовательным контентом.

Учителю в школе и преподавателю в вузе система дистанционного обучения дает дополнительные возможности совершенствования методических систем обучения.

Создание информационно-образовательной среды в первую очередь способствует созданию, накоплению и распространению ЭОР, обмен опытом между преподавателями, увеличение географического охвата учителей, сокращение затрат на мониторинг и аттестацию, экономия времени учителей, совершенствова-

ния научно-методического обеспечения образовательного процесса; выявления и распространения лучшего педагогического опыта; внедрения и распространения современных образовательных технологий в образовательный процесс; поощрения творчески работающих педагогов.

Для реализации данных целей, а также для поддержки и развития электронного образования в Республике Башкортостан, Башкирским государственным педагогическим университетом им. М. Акмуллы был реализован конкурс видеуроков.

Участниками конкурса были педагогические работники средней общеобразовательной школы, причем каждый участник мог представить любое количество уроков.

Видеоурок — это урок в формате видеоданных, записанных на физический носитель с целью сохранения этой информации и возможности последующего её воспроизведения и отображения на устройстве вывода (монитора, экрана или дисплея).

К структуре видеоурока предъявлялись следующие методические требования:

1) организация начала урока (вступительная часть урока: сообщение темы урока, обеспечение подготовки обучающимися усвоения материала (обеспечение мотивация, актуализация));

2) основная часть урока (в этой части даётся объяснение-изложение, сопровождаемое наглядным материалом, демонстрацией различных картинок, фотографий, таблиц и схем и т. д., пояснение, закрепление и систематизация);

3) заключительная часть урока (подведение итогов).

Особое внимание уделялось изложению материала: точного и чёткого формулирования сути изучаемого вопроса; использования сравнения, сопоставления, аналогии; привлечения ярких примеров; логики изложения.

Приветствовалось: опора на межпредметные связи с целью их использования для формирования у учащихся целостного представления о системе знаний; практическая направленность учебного процесса; включение в содержание урока упражнений творческого характера; выбор оптимального сочетания и соотношения методов обучения; имидж учителя.

Присланные уроки учителей были выложены в сеть, где их могли просмотреть как жюри (экспертная комиссия), так любой пользователь. Конкурсный отбор участников проводился оргкомитетом. Оценка видео урока осуществлялась не менее чем 3 экспертами по оценочной карте. В состав экспертов входили ведущие преподаватели БГПУ им. М. Акмуллы.

По итогам конкурса был создан сервис с онлайн медиабазой лучших уроков учителей республики.

Этот сервис является началом создание электронного образовательного ресурса гибкого, динамичного с предоставлением возможности получения методической помощи педагогам, желающим повышать свою квалификации в удобном для них месте и в удобное время.

*Belenko Semen Victorovich, Omsk State Pedagogical University
postgraduate student, Department of Education
E-mail: Semkaaa@bk.ru*

Competence Based Approach To Ethnopedagogical Training Of Future Teachers

*Беленко Семён Викторович,
Омский Государственный Педагогический Университет
аспирант, кафедра Педагогики
E-mail: Semkaaa@bk.ru*

Компетентностный подход в этнопедагогической подготовке будущих учителей

Многочисленные преобразования в современной России неукоснительно отражаются в системе образования. Как справедливо отмечает Д. И. Фельдштейн, «... современные условия не просто изменений, а перехода общества в новое историческое состояние, обуславливающее объективные изменения в развитии человека, прежде всего растущего человека, не могут не требовать и объективно требуют принципиально новой организации такой важнейшей сферы, как система образования, ответственная за подготовку человека к жизни, за формирование его культурного потенциала»¹.

Основу всякой культуры задает народная культура воспитания. Национальное возрождение невозможно без актуализации вековых традиций воспитания, народной педагогики. Формирование любой подлинно национальной школы возможно исключительно на этнопедагогической основе.

Термин этнопедагогика ввел в научный лексикон и разработал в 60-е годы Г. Н. Волков. «Этнопедагогика — наука об эмпирическом опыте этнических групп в воспитании и образовании детей, о морально-этических и эстетических воззрениях на исконные ценности семьи, рода, племени, народности, нации. Этнопедагогика объясняет народную педагогику и предлагает пути ее использования в современных условиях, собирает и исследует опыт этнических групп, основанный на многовековом, естественно развивающемся соединении народных традиций»².

¹ Фельдштейн Д. И. Проблемы психолого-педагогических наук в пространственно-временной ситуации XXI века. (Доклад на общем собрании РАО)//www.smolin.ru/actual/public/pdf/feldchteyn.pdf

² Волков Г. Н. Этнопедагогика: Учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. - 168 с.

Этнопедагогика находится на стыке философии, педагогики, этнологии, психологии, культурологии, религиоведения. Как междисциплинарная сфера, этнопедагогика использует факты народной педагогики, но применяет теоретический инструментарий общей педагогики. Она выявляет педагогический потенциал давних традиций в условиях современного социума, определяет целесообразность новых традиций, способствующих развитию личности. Этнопедагогика — это обобщенное, теоретическое осмысление народной педагогики разных национальностей и народов многих веков, благодаря ей получает распространение воспитательный опыт многих наций. Таким образом, этнопедагогика ориентирована на практику и предоставляет педагогам профессиональные средства, апробированные многовековым воспитательным опытом.

Обобщив имеющиеся в литературе данные, можно сказать, что современные педагоги в своих научных работах и практике профессионального образования касаются различных аспектов проблемы этнопсихологии. Так А. Ф. Афанасьев, А. Л. Бучаев, Г. Н. Волков, А. Ш. Гашимов, А. Э. Измайлов, Я. И. Хаибиков, А. Ф. Хинтибидзе, В. И. Элашвили разрабатывают фундаментальные основы этнокультурного воспитания подрастающего поколения. О. А. Абдулина, Е. В. Бондаревская, В. И. Загвязинский, В. А. Сластенин, Н. Е. Щуркова и др. затрагивают вопросы подготовки современных педагогов. Б. Ш. Алиева, А. А. Григорьева, И. С. Портнягин, Э. И. Сокольниковы занимаются рассмотрением теории и практики семейной этнопедагогики народов России. Т. В. Анисенкова, Т. В. Давыдова, А. Н. Яковлева прорабатывают проблему этнопедагогической подготовки педагогов различных типов учебных заведений. На основании этих работ будем считать, что этнопедагогическая подготовка будущих учителей — это целенаправленный процесс, содержание и организация которого определяется этнопедагогической средой требованиями к людям педагогической профессии.

В федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования от 2011 года указано, что Бакалавр по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование должен быть способен учитывать этнокультурные и конфессиональные различия участников образовательного процесса при построении социальных взаимодействий; способен вести профессиональную деятельность в поликультурной среде, учитывая особенности социокультурной ситуации развития¹.

ФГОС ВПО третьего поколения разработаны на основе компетентного подхода. Он предполагает переход от знаниевой парадигмы обучения к достижению субъектами образования определенного уровня компетенции. Ориента-

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование (квалификация (степень) «Бакалавр»)

ция на компетенции, как ожидаемый результат, нормативно закреплена, также и в программе Российское образование — 2020. В частности, в ней отмечается, что «инновационное развитие страны требует, чтобы к 2015 г. все учебные программы и методы обучения были обновлены с использованием элементов компетентностного подхода»¹.

Разработка тезауруса компетентностного подхода предпринята в работах Хуторского А. В. В его определении, «компетенция — совокупность взаимосвязанных качеств личности (ЗУН, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов, и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним. Компетентность — владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности»². При этом в состав понятия компетентность, с точки зрения М. А. Чошанова входят: во-первых, наличие и постоянное обновление знаний, во-вторых, умение решать практические задачи, в-третьих, критический стиль мышления.

В работах А. А. Деркач, И. А. Зимней, И. А. Зязюн, Н. В. Кузьминой, А. К. Марковой, В. А. Сластенина раскрывается проблема профессиональной компетентности педагога, определяются ее структурные компоненты; в трудах В. П. Бездухова, О. Б. Бигич, Е. В. Бондаревской, Н. М. Борытко, А. И. Гура, Я. В. Кичук, И. А. Колесниковой, В. В. Радул, С. А. Ракова, Л. Л. Хоружа описывается специфика профессионального становления личности педагога, формирования основных видов его профессиональной компетентности.

Таким образом, согласно требованиям ФГОС ВПО к основным образовательным программам подготовки бакалавров, выпускник должен обладать следующими компетенциями: 1) общекультурными, 2) общепрофессиональными, 3) профессиональными. Общекультурная компетенция, с точки зрения А. В. Хуторского заключается в способности осознавать «особенности национальной и общечеловеческой культуры, духовно-нравственные основы жизни человека и человечества, отдельных народов, культурологические основы семейных, социальных, общественных явлений и традиций, роль науки и религии в жизни человека, их влияние на мир, компетенции в бытовой и культурно-досуговой сфере...»³.

Проанализировав подходы А. В. Кайсаровой, Г. М. Королевой Е. В. Кузнецова, М. Г. Харитоновой, мы остановились следующем определении этнопедагоги-

¹ Волков А. Е., Кузьминов Я. И., Реморенко И. М., Рудник Б. Л., Фрумин И. Д., Якобсон Л. И. Российское образование – 2020: модель образования для инновационной экономики. // Вопросы образования, 2008. № 1. С. 32–64

² Хуторской А. В. Компетентностный подход в обучении: Научно-методическое пособие. – М.: Издательство «Эйдос»; Издательство Института образования человека, 2013. – 73 с

³ Там же.

ческой компетентности: это интегративное свойство педагога, включающее ряд компонентов, которые представляют совокупность способностей, личностных качеств, сформированных на основе этнопедагогических знаний и умений, необходимых в его этнопедагогической деятельности в полиэтническом пространстве и направленных на постоянное овладение новыми знаниями.

На основании работ П. А. Апакаева, Е. П. Жирков, А. В. Кайсаровой, М. Б. Кожановой, Л. В. Кузнецова, В. Г. Крысько, А. Б. Панькина, Т. Н. Петровой, М. Г. Харитоновой и др., можно выделить следующие компоненты этнопедагогической компетентности будущего учителя: интеллектуальный, представленный этнопедагогическими знаниями и готовностью личности к их освоению; практический, включающий умения и навыки созидательной этнопедагогической деятельности; ценностно-мотивационный, подразумевающий приорит общечеловеческих и национальных ценностей.

Таким образом, несмотря на активную разработку проблемы развития профессионально-педагогической компетентности специалистов, задача формирования этнопедагогической компетентности будущих учителей остается недостаточно разработанной. Этнопедагогическая подготовка учителя должна проходить красной нитью сквозь всю систему образования в высшей школе, являясь значимым фактором развития у выпускников высокого уровня профессиональной компетентности.

Список литературы:

Фельдштейн Д. И. Проблемы психолого-педагогических наук в пространственно-временной ситуации XXI века. (Доклад на общем собрании РАО). // www.smolin.ru/actual/public/pdf/feldchteyn.pdf

Волков Г. Н. Этнопедагогика: Учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 1999. – 168 с.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование (квалификация (степень) «Бакалавр»), 2011.

Волков А. Е., Кузьминов Я. И., Реморенко И. М., Рудник Б. Л., Фруммин И. Д., Якобсон Л. И. Российское образование – 2020: модель образования для инновационной экономики. // Вопросы образования, 2008. № 1. С. 32–64

Хуторской А. В. Компетентностный подход в обучении: Научно-методическое пособие. – М.: Издательство «Эйдос»; Издательство Института образования человека, 2013. – 73 с

Чошанов М. А. Гибкая технология проблемно-модульного обучения: Методическое пособие. – М.: Народное образование, 1996. – 160 с.

*Zhukova Oxana Anatolievna,
Kharkov National University named after V. N. Karazin,
associate professor, department of pedagogy, psychology faculty
E-mail: edu.pedagogika@gmail.com*

Pedagogical training as part of building professional competency of students

*Жукова Оксана Анатольевна,
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина,
доцент кафедры педагогики факультета психологии
E-mail: edu.pedagogika@gmail.com*

Общепедагогическая подготовка как средство формирования профессионально-игровой компетентности студентов

Одной из характеристик современного образовательного пространства является переориентация со знаниевой парадигмы на гуманистическую, основой которой является личностное развитие и творческая самореализация личности. Таким образом, доминанта педагогического процесса может быть определена через категории «развитие» и «саморазвитие», в связи с чем одним из главных направлений деятельности преподавателя ВУЗа является создание условий для личностного роста обучаемых путем их включения в разнообразные виды деятельности. К этим видам деятельности в высшей школе могут быть отнесены: познавательная деятельность, самостоятельная работа, научное творчество и др.

Естественным условием развития личности обучаемого посредством получения образования является совершенствование ВУзовских форм, методов, приемов, техник, технологий обучения и преподавания в связи с необходимостью повышения профессиональной компетентности как профессорско-преподавательского состава, так и студентов — будущих педагогов.

В современной психолого-педагогической литературе компетентностный подход представлен как один из главных ориентиров развития образовательной системы вообще и профессиональной подготовки выпускника как ее субъекта и продукта, в частности (И. Г. Агапов, Р. Н. Азарова, В. И. Байденко, В. А. Болотов, Ю. В. Варданын, Э. Ф. Зеер, И. А. Зимняя, Н. М. Золотарева, А. М. Павлова, Г. К. Селевко, Э. Э. Сыманюк, Ю. Г. Татур, И. Д. Фрумин, А. В. Хуторской). В его границах профессиональное образование рассматривается не только как средство подготовки будущих специалистов для различных сфер деятельности человека, а и как необходимый этап развития личности самого человека. Таким образом,

знаниевая составляющая представлена в контексте личностного становления и развития субъекта образования.

Личностному становлению, развитию и приращению субъектов образовательного процесса способствует внедрение и использование игровых технологий, которые причислены к разряду инновационных (М. Н. Гуслова, С. А. Мухина, А. П. Панфилова, А. А. Соловьева). Широкий спектр их применения в учебно-воспитательной работе ВУЗа обусловлен рядом причин: 1) игра подчинена решению образовательных задач; 2) в игровом режиме происходит процесс воссоздания профессионального контекста деятельности; 3) большинство методик игрового взаимодействия основаны на соучении через взаимодействие и проживании личного опыта, который так необходим в реальной профессиональной деятельности. Вот почему проблемы, связанные с качественной разработкой учебных игр, их апробацией, внедрением, организацией игрового взаимодействия в учебно-воспитательном процессе ВУЗа остаются актуальными и представляют одно из перспективных направлений развития педагогической науки.

Проблема разработки и внедрения дидактических игр в учебно-воспитательный процесс ВУЗа, использования игры в подготовке будущих профессионалов стала центром внимания многих исследователей, среди которых следует отметить: Л. Н. Матросову, В. А. Сластинина (игра в подготовке учителя); А. П. Панфилову (игровое моделирование в деятельности педагога); В. А. Трайнева (проблемы развития игрового обучения в педагогическом ВУЗе); С. А. Шаронову (технология метода игровой ситуации в организации преподавательской и исследовательской деятельности со студентами); Д. В. Чернилевского (игра как инновационная технология реализация учебного процесса в ВУЗе); Н. Г. Берденникову, В. И. Меденцева, Н. И. Панова (игра как метод активизации практических занятий в ВУЗе), П. М. Щербаня (методика создания и проведения учебно-педагогических игр по дидактике, теории воспитания и управления школой) и др.

Несмотря на достаточно широкий спектр идей, очерченных в связи с разноплановым внедрением игровых технологий в учебно-воспитательный процесс высшей школы, мы видим необходимость рассмотреть потенциал общепедагогической подготовки в формировании профессионально-игровой компетентности будущих выпускников.

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что вопросы, связанные с содержанием понятия «профессионально-игровая компетентность» выпускников ВУЗов, его наполняемостью перечнем ЗУН в зависимости от специфики получаемой студентом профессии, их формированием в процессе учебно-воспитательной работы ВУЗа, исследованием уровней сформированности, находятся в стадии разработки и развития. В данной статье мы не будем останавливаться на формулировке рабочего определения данного понятия, а рассмотрим

общепедагогическую подготовку студента в высшей школе как одно из средств формирования заявленного в статье вида компетентности.

Потребность в подготовке специалистов, способных адаптироваться к изменениям в своей профессиональной деятельности, владеющих системой методов, техник, технологий, позволяющих гибко и адекватно реагировать на изменяющиеся условия, определила необходимость применения педагогических технологий гуманистической ориентации. В связи с этим мы обратились к применению в учебно-воспитательном процессе высшей школы игровых технологий. Наш выбор был обусловлен тем, что игровые технологии:

- гармонично вписываются в традиционную ВУЗовскую систему обучения и воспитания;
- способствуют активизации процесса обучения в высшей школе;
- могут быть применимы как для студентов, изучающих гуманитарные науки, так и для студентов факультетов естественно-научного направления;
- являются универсальной формой обучения, аналогом психофизической тренировки в практике профессионального образования;
- представляют средство модификации и модернизации образовательной системы.

Составляющими общепедагогической подготовки студентов в ВУЗе являются: изучение психолого-педагогических дисциплин; различные виды практик (летняя воспитательная, учебно-производственная, целевая, преддипломная); научно-исследовательская работа; воспитательная работа; самостоятельная работа студентов.

Взяв за основу положение о том, что формирование компетенций происходит средствами содержания образования¹, а содержание образования заложено в форме, как внешней оболочке его существования, предлагаем более детально остановиться на рассмотрении различных форм организации учебно-воспитательной работы в ВУЗе. В контексте заявленной темы мы видим свою задачу в том, чтобы показать многообразие организационных форм общепедагогической подготовки студентов, открывающих возможности и перспективы внедрения в образовательную систему высшей школы широкого спектра игровых технологий, которые можно использовать в процессе преподавания большинства ВУЗовских дисциплин.

Аудиторные формы организации учебно-воспитательной работы в высшей школе представлены традиционными лекциями в сочетании с лекциями активными, семинарскими и практическими занятиями, комплексными формами.

В лекционном курсе студенты знакомятся с: категориальным аппаратом; генезисом игры как явлением в жизни человека; сферами игровой деятельности челове-

¹ Хуторской А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты // Интернет-журнал «Эйдос». - 2002. - 23 апреля. <http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm>.

ка; историей игрового движения; современным многообразием и особенностями игровых технологий; научно-теоретическим обоснованием игровой учебной деятельности: ее природой, истоками, законами, спецификой, формами, функциями, принципами, структурными компонентами, условиями применения в учебном процессе; универсальной технологией разработки учебной игры; различными видами классификации; требованиями, предъявляемыми к педагогическому руководству игрой.

Семинарские занятия: углубляют, конкретизируют, систематизируют знания, полученные на лекции и во время самостоятельной работы; формируют интеллектуальные умения и навыки планирования, анализа, обобщения опыта применения игровых технологий; совершенствуют умения и навыки принятия конкретных решений в реальных условиях организации игрового взаимодействия; развивают самостоятельность мышления, умения аргументировать, подтверждать отдельные теоретические положения игрового взаимодействия, отшлифовывают умения доказывать, убеждать, переубеждать.

Практические занятия направлены на овладение техникой игрового взаимодействия; отработку на практике приемов и требований методического характера, предъявляемых к внедрению игры в учебно-воспитательный процесс. Практическое воплощение в жизнь получают вопросы, связанные с организацией и проведением дидактических игр как в средней, так и в высшей школе. Совершенствование практической составляющей деятельности студента сопряжено с выполнением разнообразных видов работы, к которым отнесены: составление конкретных примеров игровых ситуаций с комментариями к ним; апробация самостоятельно разработанного модуля обучения в форме игры по конкретному предмету; обсуждение разных вариантов разрешения практических ситуативных задач, связанных с применением игровых технологий и техник игрового взаимодействия, анализом учебных, развивающих и игровых целей занятия, средств их достижения и ожидаемых результатов, трудностей, эффектов и рисков от организации игрового взаимодействия.

Комплексные формы (педагогический КВН, тренинги, имитационно-моделирующие учебные игры), предполагают органичное единство и тесную взаимосвязь различных форм обучения: лекционной, семинарской, практической и педагогической практики. Поэтапная конкретизация такой фундаментальной педагогической проблемы как игровая учебная деятельность, с одной стороны, способствует творческому осмыслению теории игровой деятельности, с другой — формированию умений применять на практике приобретенные знания. Таким образом, комплексные формы организации учебно-воспитательной работы в ВУЗе обучают игровой технологии, способствуют преодолению неэффективных форм поведения, а также совершенствуют модель межличностной коммуникации во время игрового взаимодействия.

Для приобщения студентов к научно-исследовательской работе используются задания, направленные на: подбор педагогической литературы по исследуемой теме; составление аннотаций отдельных источников их реферирование; обобщение и систематизацию знаний, приобретенных из различных источников; расширение межпредметных связей (игра в социологии, культурологии, психологии, терапии); изучение и диагностику свойств личности в игре; проявление и тренировку проблемных, аналитических, конструктивных, проективных умений и навыков.

Различные виды практик (летняя воспитательная, учебно-производственная, целевая, преддипломная), суть которых состоит в ознакомлении студентов с деятельностью учителя-предметника, наблюдении за его работой, выполнении его обязанностей в качестве помощника и дублера, углубляют и закрепляют теоретические знания педагогической направленности. В контексте рассматриваемой нами темы эти виды практик призваны подчеркнуть практическую ценность игрового обучения и могут включать такие направления, как: практика проведения учебных игр педагогического направления; практика модификации учебных игр; практика проведения многоуровневых и многоплановых модифицированных учебных игр.

Различные виды самостоятельных работ предполагают задания, которые позволяют проверить, проанализировать и оценить содержательную, контекстуальную, процессуальную и творческую составляющие деятельности студентов как будущих преподавателей. К числу таких разноуровневых дифференцированных заданий нами были отнесены задания теоретически-ориентированного, практико-ориентированного, творчески-ориентированного характера¹.

Внеаудиторные формы (научные конференции, консультации, научные кружки) частично решают задачи эффективного позиционирования игровых технологий.

Специфика процесса воспитания в ВУЗе состоит в том, что его основой является профессионально-педагогическая направленность². Основными формами реализации этой направленности в контексте рассматриваемой нами темы являются:

- педагогические информации (краткий обзор информации относительно распространения опыта внедрения и использования игровых технологий в школах, ВУЗах в масштабе города, региона, страны);

¹ Жукова О. А. Имитационно-ролевая игра как завершающий этап документального историко-педагогического комплекса // Вестник МГТУ им. М. А. Шолохова (Серия «Педагогика и психология»). – 2013. – № 3; Жукова О. А. Инновационные подходы к активизации самостоятельной работы студентов при изучении темы «Игровые технологии» // Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера». – 2013. – № 1.

² Вітвицька С. С. Основи педагогіки вищої школи: Підручник за модульно-рейтинговою системою навчання для студентів магістратури. – Київ, Центр навчальної літератури, 2006. – С. 143.

- читательские конференции («Педагогический, психологический, культурологический абрис игры»);
- встречи с педагогами («У нас в гостях педагоги-новаторы», использующие в своей профессиональной деятельности технологии заявленного вида);
- праздники («Ярмарка педагогических технологий», среди которых заявлена и игровая);
- дискуссионные клубы («Игровые технологии: опыт, реалии, перспективы», «Специалист XXI века: профессиональная и игровая компетентность»);
- диспуты («Компьютерные игры: за и против»);
- устный журнал («Инновационные педагогические технологии»);
- беседа за круглым столом («Игровые технологии: традиции, новаторство, новизна»), а также беседы и лекции, касающиеся тем относительно воспитательного, развивающего, социализирующего характера игры;
- педагогический кружок («Игровое моделирование»);
- студенческий клуб («Учитель будущего», требования к учителю, внедряющему игровые технологии);
- конкурс («Ищем педагогические таланты» — представление игрового проекта, собственной разработки фрагмента урока или лекции, содержащего элементы игры).

Подводя итог, необходимо отметить следующее:

- 1) формирование профессионально-игровой компетентности будущих выпускников происходит средствами содержания образования, облаченных в различные формы;
- 2) среди форм организации учебно-воспитательной работы в Вузe, способствующих формированию заявленного в статье вида компетентности, следует отметить аудиторные, внеаудиторные, комплексные формы;
- 3) в рамках существующих в ВУЗе организационных форм обучения знания, являясь отправной точкой личностного становления и развития студента — будущего педагога, обогащенная игровыми технологиями (гуманистически ориентированными педагогическими технологиями), способствует формированию профессионального мышления, умений применять нестандартные средства для решения педагогических задач, совершенствует профессиональные навыки, определяет вектор развития студента от приспособления к творчеству.

Kenzhegaliev Kulush Kushenovich
Candidate of pedagogical sciences, associate professor
Sh. Ualikhanov Kokshetau State University, Kokshetau, Kazakhstan
E-mail: kulushk@mail.ru

Muhamedzhanova Gulvira Sovetovna
First year master student
Sh. Ualikhanov Kokshetau State University, Kokshetau, Kazakhstan
E-mail: m_gulvira@mail.ru

The content and structure of universal pedagogical competencies of teachers

Кенжегалиев Кулуш Кушенович
канд. пед. наук, доцент Кокшетауского государственного университета
им. Ш. Уалиханова, г. Кокшетау, Казахстан
E-mail: kulushk@mail.ru

Мухамеджанова Гульвира Советовна
магистрантка 1 курса Кокшетауского государственного университета
им. Ш. Уалиханова, г. Кокшетау, Казахстан
E-mail: m_gulvira@mail.ru

О содержании и структуре универсальных педагогических компетенций учителей

Проблема исследования. Процесс смены образовательной парадигмы от знаниевой, предметной к парадигме достижений, его непрерывности, то есть к «образованию через всю жизнь» повышают требования к профессиональной подготовке педагогов, которые не просто должны владеть отдельными умениями и знаниями по направлениям своей педагогической деятельности, но и обладать высокоразвитыми универсальными педагогическими компетенциями.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что без формирования универсальных педагогических компетенций процесс реализации профессиональных компетенций представляется невозможным. Ведь именно универсальные педагогические компетенции будут характеризовать образ культурного учителя.

Природу компетенции ученые определяют через такие понятия, как знания, умения, навыки, качества или свойства личности¹ (Н. В. Кузьмина, А. К. Маркова, К. С. Махмурян и др.), специальные способности (Дж. Равен, Р. Уайт и др.).

¹ Кузьмина Н. В. Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного

Н. В. Кузьмина под компетентностью понимает *способность педагога превращать специальность, носителем которой он является, в средства формирования личности учащегося.*

Маркова А. К. обосновывает зависимость результатов профессиональной деятельности от компетенций педагога: «это такой труд учителя, в котором на достаточно высоком уровне осуществляется педагогическая деятельность, педагогическое общение, реализуется личность учителя, в котором достигаются хорошие результаты в обучении и воспитании»¹.

Профессор Байденко В. И. выделяет следующие категории универсальных навыков: инструментальные компетенции, межличностные компетенции и системные компетенции².

Эти компетенции имеют прямое отношение к профессии учителя. Поэтому сегодня есть основание говорить не только о предметно-специализированных компетенциях, которые присущи педагогу в той или иной области, но и об универсальных педагогических компетенциях, содержание которых еще не полностью определено.

Универсальные педагогические компетенции также называют ключевыми, базовыми, охватывающими многофункциональный характер педагогической деятельности.

Подводя итог вышесказанному, мы полагаем, что универсальные педагогические компетенции — это высокая профессиональная культура общения, совокупность общепедагогических и общеметодических умений и навыков, влияющий на высокий уровень и результативность в профессионально-педагогической деятельности учителя.

Общепедагогическими и общеметодическими умениями должны обладать все учителя. Например, в структуру общепедагогических умений по деятельности учителей вошли:

1. культура речи;
2. культура общения с учащимися;
3. этика учителя;
4. пунктуальность учителя;
5. внешний вид учителя;
6. справедливость учителя.

К общеметодическим умениям по деятельности учителей вошли:

1. организация учебной деятельности;

обучения. – М.: Высшая школа, 1990. 119 с.

¹ Маркова А. К. Психология профессионализма. – М.: Педагогика, 1996. 131 с.

² Байденко В. И. Болонский процесс: поиск общности европейских систем высшего образования [проект TUNING], Москва-Астана, 2006. 230 с.

2. объяснение учебного материала;
3. владение методами поиска нового;
4. рациональное использование времени на занятиях;
5. методы применения наглядных средств обучения;
6. владение методами самоанализа урока.

Для подтверждения правильности мысли нами была предпринята попытка выделить структуру универсальных педагогических компетенций для всех учителей. С этой целью было проведено анкетирование педагогов **среди общеобразовательных** школ, колледжей (участвовало 100 респондентов. Анкетирование носило анонимный характер и содержание анкеты было представлено из перечня 19 видов педагогических умений и навыков.

Респондентов попросили дать свою оценку, по возможности, выделив только универсальные педагогические компетенции.

Согласно матрице частот респондентами из 19 видов педагогических умений и навыков было выделено 17, которые в свою очередь были распределены по блокам. Полученные результаты приводятся в нижеследующей таблице.

	№	Универсальные педагогические умения и навыки	Баллы
1 блок	1.	умение культурного общения с учащимися	98
	2.	умение организовать учебную деятельность	
	3.	способность понимать, излагать и анализировать получаемую информацию	
	4.	пунктуальность учителя	
2 блок	5.	уважение личности ученика	97
	6.	эрудиция и культура речи	
3 блок	7.	владение методами поиска нового	96
	8.	владение материалом и рациональное использование времени на занятиях	
4 блок	9.	умение доходчиво объяснять материал	94
	10.	внешний вид преподавателя	
	11.	уметь анализировать проведенные уроки и выявлять скрытые причины их недостатков	
5 блок	12.	уметь воздействовать на ученика не прямо, а косвенно, через создание условий для появления у него желаемого качества	92
6 блок	13.	умение понимать и сопереживать вместе с учащимися	90
7 блок	14.	умение быть справедливым во всем	82

Результаты анкетирования показали, что первый блок универсальных педагогических компетенций учителей включает умение культурного общения с учащимися, умение организовать учебную деятельность, способность понимать, излагать и анализировать получаемую информацию, пунктуальность учителя.

Анализ ответов подтвердил мнение, что для учителя важно овладеть не только профессиональными знаниями, умениями и навыками, но и профессиональной культурой общения с учащимися. Ибо в процессе приобщения ученика к национальным культурным традициям, общечеловеческим ценностям и их воплощения в жизнь и совершается процесс интериоризации, основанный известным ученым П. Я. Гальпериным — преобразование внешних влияний во внутренние мотивы личности¹.

Говоря о профессиональной культуре общения учителя, мы, прежде всего, должны видеть во всех его взаимоотношениях умение достигать поставленных целей обучения и воспитания.

Учитель, не способный выстроить взаимоотношения с детьми в соответствии с их возрастными, индивидуальными особенностями, с их разной средой семейного воспитания, не решает задачи формирования, обучения и воспитания личности. В этом случае можно ли вообще говорить о профессиональной культуре общения? Ее здесь просто нет.

Для ученика важно, чтобы его воспринимали как личность со всеми его достоинствами и недостатками, так как особое влияние на ребенка оказывают окружающие, среди которых учитель занимает одно из ведущих мест. Настоящий учитель — это ученик своих учеников.

Высокого результата в педагогической деятельности достигает тот учитель, который рассматривает обучение как двухсторонний процесс, в условиях которого учитель и ученики становятся единомышленниками, полноправными партнерами общения, в результате которого реализуются задачи обучения и воспитания. Еще Сократ более двух тысяч лет назад сказал: «В каждом человеке солнце, только дайте ему светить»².

Второй блок универсальных педагогических компетенций учителей включает такие умения и навыки как уважение личности ученика, эрудиция и культура речи.

Профессиональная деятельность требует от учителя и особые нравственно-психологические качества, такие, как любовь к детям, самодисциплина, непрерывное самообразование и самопознание, принципиальность, сочетающаяся с педагогической этикой, что и показывают результаты нашего исследования. Учитель должен следовать основным постулатам педагогики, быть образцом воспитанности и культуры поведения, грубость, крики, оскорбления недопустимы в его работе. Как определил известный классик *Н. Г. Чернышевский*: «**Быть** грубым — значит забывать собственное достоинство»³.

¹ Гальперин П. Я. К учению об интериоризации // Вопросы психологии, 1966. № 6. 25–31 с.

² Иозеф Томан. Сократ. – М.: 1983. 124 с.

³ Чернышевский Н. Г. Об искренности в критике. М.: 1854 143 с.

Владение методами поиска нового, материалом и рациональное использование времени на занятиях составляет третий блок нашей таблицы.

Немаловажной задачей для учителя является заинтересовать каждого ученика своим предметом, найти ко всем свой «ключик к сердцу». А это требует от учителя творчества, постоянного совершенствования методов, приемов и средств обучения и воспитания. Педагогу необходимо помогать ученику учиться самому, воспитывать потребность в образовании. Ведь только таким образом можно воспитать думающего, свободно рассуждающего, отстаивающего своего мнения ученика. А время — это деньги педагогики и если его разумно инвестировать в деятельность, то это, конечно же, способствует развитию личности.

Четвертый блок универсальных педагогических компетенций составляет умение учителя доходчиво объяснять материал, внешний вид педагога, умение анализировать проведенные уроки и выявлять скрытые причины их недостатков.

Облик учителя играет значительную роль во взаимоотношении с учениками. Поэтому педагог должен быть интересным и внешне и внутренне, современным и в одежде и во взглядах. Так же не надо забывать, что внешний вид учителя — это элемент педагогической техники, структурный компонент педагогического мастерства, определяющий педагогический успех учителя.

Критическая позиция учителя по отношению к собственной деятельности осуществляется путем самоконтроля, самодиагностики и самооценки. Именно эти составляющие мы выделяем как компоненты, способствующие развитию самоанализа учителя.

Уметь воздействовать на ученика не прямо, а косвенно, через создание условий для появления у него желаемого качества, согласно представленной таблице, входит в пятый блок.

В процессе педагогической деятельности нередко сопротивляющемуся любому контролю со стороны педагога ученику эффективным оказывается прием косвенного воздействия. Ведь каждый ученик — это целый мир, в котором разобраться не просто, но возможно. Учитель воздействует на ученика словом, но оно лишь тогда обретает вес, когда за ним стоит богатый внутренний мир учителя, его тонкая душевная организация. Ведь невозможно добиться от ученика нравственного поведения только путем бесконечного повторения догм и заповедей. В педагогике есть аксиома: интеллект оттачивается интеллектом, характер воспитывается характером, личность формируется личностью.

В деятельности преподавателя особое место занимает умение понимать и сопереживать вместе с учащимися, что доказывают результаты анкетирования, где данная составляющая универсальных педагогических компетенций занимает место в шестом блоке.

Своеобразным барометром в характере учителя является его душевная чуткость, позволяющая ему чувствовать состояние учеников, вовремя приходить им на помощь. Учитель — это друг, наставник, творец, человек, в сердце которого найдется место для каждого. Учитель не должен быть роботом, не обладающим ни сердцем, ни чувствами, ни эмоциями. Педагог должен быть, прежде всего, человеком, личностью. А человеком он может быть при одном условии, если умеет видеть человека в других.

В седьмом блоке респонденты отметили умение учителя быть справедливым во всем.

По роду своей деятельности учитель вынужден систематически оценивать знания, умения, поступки учащихся. Поэтому важно, чтобы педагог был справедливым со всеми. А при этом важнейшим условием успешной работы учителя является требовательность к себе, ибо нельзя требовать от других того, чем не владеешь сам.

Итак, анализ результатов исследования позволил нам сделать вывод, что универсальные педагогические компетенции — обязательный компонент профессионально-педагогической деятельности учителя любой специальности.

Универсальные педагогические компетенции характеризуются многокомпонентной структурой, имеют различные уровни проявления сформированности, которые требуют дальнейшего изучения.

Отсюда возникают следующие проблемы исследования:

1. Считаем необходимым провести анкетирования учащихся этих учителей по выявлению значимости компонентов семи блоков универсальных педагогических компетенций.

2. Анкетировать учащихся на предмет, какие из качеств универсальных педагогических компетенций встречаются у учителей ведущих занятия.

Эти проблемы будут изучены и обобщены в следующих статьях.

Список литературы:

1. Байденко В. И. Болонский процесс: поиск общности европейских систем высшего образования [проект TUNING]. Москва-Астана 2006. 230 с.
2. Гальперин П. Я. К учению об интериоризации // Вопросы психологии, 1966, № 6. 25–31 с.
3. Иозеф Томан. Сократ. – М.; 1983. 124 с.
4. Кузьмина Н. В. Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного обучения. – М.; Высш. шк., 1990. 119 с.
5. Маркова А. К. Психология профессионализма. – М.; Педагогика, 1996. 31 с.
6. Чернышевский Н. Г. Об искренности в критике. 1854. 143с.

*Makaev Khanif Fakhretdinovich, associate professor,
Makaeva Guzal Zainagievna, associate professor,
Branch of Ufa State Petroleum Technical University
in the City of Sterlitamak,
the Faculty of Humanitarian Sciences
E-mail: makaev-63@mail.ru*

The Role of Communicative Competence in Training a Specialist

*Макаев Ханиф Фахретдинович, доцент,
Макаева Гузаль Зайнагиевна, доцент,
филиал Уфимского государственного
нефтяного технического университета
в г. Стерлитамаке, кафедра гуманитарных наук
E-mail: makaev-63@mail.ru*

Роль коммуникативной компетентности в подготовке специалиста

Происходящие в мире кардинальные перемены во всех сферах жизни человеческого общества требуют повышения роли нравственной, духовной личности, сочетающей высокий уровень ответственности и свободы в определении своего жизненного предназначения. В этих условиях важнейшим фактором мирного и созидательного развития общества посредством разрушения барьеров непонимания между людьми является коммуникативная компетентность.

Рассмотрим различные подходы к трактовке понятия «коммуникативная компетентность» с целью выявления сущностного его основания. Например, Дж. Равен определяет компетентность, состоящую «из большого числа компонентов, многие из которых относительно независимы друг от друга ... могут заменять друг друга в качестве составляющих эффективного поведения». Определяя «компетентность» как «готовность», «способность», «ответственность», «уверенность» и т. д., Дж. Равен выделяет 37 его видов¹.

Авторы «Словаря методических терминов» определяют коммуникативную компетентность как «способность использовать языковые средства для решения определённых коммуникативных задач; включает в себя знание законов и правил

¹ Равен, Д. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация/Д. Равен. М., 2002. (англ. 1984). – С. 253

общения, умение определять цели общения, понимать партнёра по общению, общаться адекватно сферам и ситуациям общения»¹.

Согласно Коджаспировой Г. М. и Коджаспирова А. Ю., «коммуникативная компетентность — способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми; система внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективной коммуникации в определённом круге ситуации межличностного взаимодействия»².

Под коммуникативной компетентностью мы понимаем способность специалиста определённой области эффективно и со всей ответственностью общаться с коллегами в конкретной ситуации профессионального речевого общения по конкретному деловому вопросу, включающему общепрофессиональные и узкоспециальные профессиональные знания, умения и навыки³. Коммуникативная компетентность личности — это знание и понимание норм и правил общения, в том числе и невербального языка общения, высокий уровень речевого развития, позволяющий человеку в процессе общения передавать и воспроизводить информацию, умение вступать в контакт с окружающими людьми с учетом их половых, возрастных, социально-культурных, статусных характеристик, умение убеждать собеседника, способность правильно оценивать собеседника как личность, как конкурента или партнера, выбирать собственную коммуникативную стратегию в зависимости от такой оценки, способность вызывать у собеседника положительное отношение к собственной личности.

Трудно переоценить значение коммуникативной компетентности в расширении международных контактов и установлении партнерских отношений с зарубежными компаниями и фирмами для России, активно участвующей в мировых политических, экономических и социально-культурных процессах. Выдвигаются особые требования к профессиональной подготовке специалистов, при которой формирование коммуникативной компетентности и развитие коммуникативных способностей рассматривается в различных аспектах — психологическом, лингвистическом, культурологическом и педагогическом.

¹ Словарь методических терминов. Электронный ресурс: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:http://rus-gmo.at.ua/load/metodika_pdagogika/slovar_metodicheskikh_terminov_kompetencija/11-1-0-196.

² Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Словарь по педагогике. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2005г. – С. 133

³ Макаев Х. Ф. Формирование иноязычной коммуникативной компетентности как условие подготовки профессионально-мобильных специалистов./Поликультурное образовательное пространство Поволжья: пути и формы интеграции: сб. науч. трудов Международной научно-практической конференции (Казань, КФУ, Июнября 2013 г.)/под ред. Г.Ж. Фахрутдиновой, Е. Г. Соловьевой. – Казань: Отечество, 2013. – С. 353.

По данным социологического исследования, 52% населения России страдает от такой психологической проблемы, как «затруднения в общении», причём встречается она одинаково часто как у мужчин, так и у женщин¹. Нормальное функционирование общества подразумевает свободную коммуникацию между его членами по поводу общих проблем и интересов, выработку общих решений на основе рационального обсуждения².

Востребованность коммуникативной компетентности обуславливается «социокультурной ситуацией, проявившейся в наступлении глобализации, кризисе национальных культур, упадке морали, переоценке нравственных ценностей, в духовном обнищании, наступлении поп-культуры в планетарном масштабе»³. Современные условия профессиональной деятельности любой сферы, вызванные стремительным вхождением России в мировое сообщество и расширением в связи с этим международных производственных связей, определяют высокий спрос на наличие у специалистов коммуникативной компетентности. Успех международных отношений, несомненно, зависит от способности людей адекватно понимать друг друга, взаимодействовать и сотрудничать, поэтому «достижение результата, который удовлетворил бы всех участников межкультурного общения, — вот истинная цель коммуникации, то к чему нужно стремиться»⁴.

Российскому обществу сегодня необходим специалист, способный осознавать и контролировать свое социальное поведение, понимать поведение других, причины возникновения того или иного эмоционального состояния, овладевать механизмами коммуникации, необходимыми для успешного выполнения данной деятельности, видеть коммуникативные проблемы в своей деятельности, формулировать и искать пути их адекватного разрешения, т. е. эффективно участвовать в деловом общении.

Всё это одинаково необходимо для всех категорий специалистов-участников деловых коммуникаций, что обусловлено востребованностью повышенной собранности в профессиональной обстановке. Ситуации профессионального общения требуют умений выработки правильных приемов, позволяющих достичь непосредственного результата. Вступая в отношения с коллегами, специалист дол-

¹ Ежова Н. Н. Научись общаться!: коммуникативные тренинги/Н. Н. Ежова. – Изд. 6-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2009. – С. 10.

² Фомин Ю. А. Психология делового общения/Ю. А. Фомин. – 3 изд., перераб., и доп. – Мн.: Амалфея, 2003. – С. 95.

³ Макаева Г. З. Влияние ислама на башкирскую культуру. Монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – С. 3.

⁴ Барышников Н. В. Обучение языкам и культурам иных стран на службу отечеству//Вестник ПГАУ, № 2–3, Пятигорск, 2004. – С. 10.

жен уметь, если это необходимо, минимизировать отрицательные последствия, которые могут быть связаны с непониманием своего собеседника, с неумением четко изложить свою позицию, аргументировать её и т. д. Недавние выпускники высших учебных заведений часто становятся руководителями, не имея достаточной теоретической подготовки в области управления и практических навыков в руководстве коллективами и, как следствие, у молодых специалистов возникают трудности при адаптации на новом месте работы.

Выпускник вуза, по нашему мнению, имеет 6 основных перспектив будущей деятельности:

1. Работать на уровне, приобретенном в момент выпуска из вуза (профессиональная неопытность).

2. Обогащать полученные в вузе знания практическим опытом работы, наблюдениями за работой коллег, консультированием, но оставаться в рамках узких возможностей, соответствующих требованиям профессии (профессиональный застой).

3. Обогащать свои знания и практику собственным практическим опытом и опытом своих коллег (профессиональное совершенствование, не выводящее специалиста за рамки опыта, накопленного им самим и его непосредственными коллегами по работе).

4. Дополнять эти возможности знанием в рамках достижений соответствующей отечественной науки за счет информации, полученной не только из отечественных, но и иностранных источников, синтезируя их в профессиональные возможности более высокого уровня (более высокая ступень профессионального совершенствования, обеспечивающая прогресс в деятельности не только инженера, но и производства, в котором он работает).

5. Выйти на уровень новаторских решений (рационализаторство и изобретательство как высшая ступень профессионального роста).

6. Выйти за рамки профессиональной деятельности, кардинально изменив статус, т. е. стать руководителем производства, в деятельности которого профессиональные знания — это информационная основа для деятельности другого рода, требующей уже самостоятельного расширения информационного поля в область управленческой практики (карьерный рост)¹.

Ведущая цель обучения студентов в вузе — это создание условий для дальнейшего профессионального и карьерного роста специалиста через формирование коммуникативной компетентности. Связанные с формированием коммуникативной компетентности задачи должны помочь выпускнику вуза в достижении

¹ Макаев Х. Ф. Профилирование иноязычной подготовки студентов как фактор повышения мотивации к профессиональному и карьерному росту: Монография. – Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2007. - с. 19–20.

им перспективных целей: подняться на иной качественный уровень профессиональной деятельности, обуславливающей его конкурентоспособность в условиях рынка труда и способствовать созданию возможностей последующего профессионального и карьерного роста.

Список литературы:

1. Равен, Д. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация/Д. Равен. М., 2002. (англ. 1984).
2. Словарь методических терминов. Электронный ресурс: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:http://rus-gmo.at.ua/load/metodika_padaagogika/slovar_metodicheskikh_terminov_kompetencija/11-1-0-196.
3. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Словарь по педагогике. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2005 г. – 448 с.
4. Макаев Х. Ф. Формирование иноязычной коммуникативной компетентности как условие подготовки профессионально-мобильных специалистов./Поликультурное образовательное пространство Поволжья: пути и формы интеграции: сб. науч. трудов Международной научно-практической конференции (Казань, КФУ, 1 ноября 2013 г.)/под ред. Г. Ж. Фахрутдиновой, Е. Г. Соловьевой. – Казань: Отечество, 2013. – с. 353.
5. Ежова Н. Н. Научись общаться!: коммуникативные тренинги/Н. Н. Ежова. – Изд. 6-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2009. – 249 с.
6. Фомин Ю. А. Психология делового общения/Ю. А. Фомин. – 3 изд., перераб., и доп. – Мн.: Амалфея, 2003. – 448 с.
7. Макаева Г. З. Влияние ислама на башкирскую культуру. Монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 158 с.
8. Барышников Н. В. Обучение языкам и культурам иных стран на службу отечеству//Вестник ПГЛУ, № 2–3, Пятигорск, 2004.
9. Макаев Х. Ф. Профилирование иноязычной подготовки студентов как фактор повышения мотивации к профессиональному и карьерному росту: Монография. – Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2007. – 114 с.

*Makasheva Margarita Sarmanbayevna,
Kyzylorda State University after Korkut Ata, senior teacher
E-mail: makashevarita@mail.ru*

*Kuzdybayeva Saule Abdizhamilovna,
Kyzylorda Humanitarian college named M. Mametova, teacher
E-mail: makashevarita@mail.ru*

Peculiarities of polycultural education in process of preparing teachers in Kazakhstan Republic

*Макашева Маргарита Сарманбаевна,
Кызылординский государственный университет
им. Коркыт Ата, старший преподаватель
E-mail: makashevarita@mail.ru*

*Куздыбаева Сауле Абдижамилевна,
Кызылординский гуманитарный колледж
им. М. Маметовой, преподаватель
E-mail: makashevarita@mail.ru*

Особенности поликультурного образования в процессе подготовки педагогов в Республике Казахстан

Интеграция Казахстана в мировое образовательное пространство сопряжена с поиском новых путей формирования личности специалиста, способного свободно ориентироваться в современном мире, толерантно относиться к представителям разных народов, их культурному многообразию и ценностям. В связи с этим особое значение в педагогической науке приобретает проблема поликультурного образования и воспитания, которая актуализировалась в последнее время не только в нашей стране, но и во всем мире. Во-первых, это связано с интенсификацией интегративного взаимодействия стран, народов, культур, во-вторых — с усилением тенденции к деструктивности в отношениях между государствами, возникновением локальных войн, конфликтов на религиозной и межнациональной почве, агрессии, терроризма.

Огромное значение в русле обозначенных выше проблем приобретает разработка и внедрение идей, направленных на воспитание поликультурной личности. Особый интерес представляют исследования западные ученых (Д. Бэнкс, Р.Л. Гарсия, Я. Пей, Д. Хупс и др.), в которых основные цели поликультурного

образования выражаются: в формировании готовности и умения жить в многонациональной среде для достижения индивидуального успеха и социального прогресса, для уменьшения дискриминации в обществе; в воспитании в детях и молодежи толерантности и взаимоуважения; в подготовке к жизни не только в рамках своей страны, но и на глобальном уровне: «в своей жизни учащиеся столкнутся с агрессивным шовинизмом, расизмом, национализмом и этноцентризмом, они должны знать, как справиться с этим»¹.

На сегодняшний день существует несколько теоретико-методических направлений в поликультурном образовании и воспитании и, соответственно, несколько подходов к трактовке этого понятия российскими учеными. По их мнению, поликультурное образование — это: приобщение подрастающего поколения к этнической, общенациональной (русской) и мировой культурам в целях духовного обогащения, а также как развитие планетарного сознания и формирование готовности и умения жить в много культурной среде; способ противостоять расизму, предрассудкам, ксенофобии, предвзятости, этноцентризму, ненависти, основанной на культурных различиях; совокупность групп целей, которые можно обозначить понятиями «плюрализм», «равенство» и «объединение»; подготовка к жизни в полиэтническом социуме: овладение культурой своего народа, формирование представлений о многообразии культур и воспитание этно-толерантности; «формирование человека, способного к активной и эффективной жизнедеятельности в многонациональной и поликультурной среде, обладающего развитым чувством понимания и уважения других культур, умения жить в мире и согласии с людьми разных национальностей»².

Обобщенный анализ исследований казахстанских ученых М. Х. Балтабаева, Ж. Ж. Наурызбай, Б. Е. Каировой позволяет рассматривать поликультурное образование как: систему обучения и воспитания молодого поколения, направленную на сохранение культурной идентичности личности путем приобщения к родному языку и культуре с одновременным освоением ценностей мировой культуры; стратегию взаимосвязанных основных этапов, которые выражаются в этнической идентификации и идентификации с ценностями мировой культуры.

Краткий анализ концепций поликультурного образования показывает, что с одной стороны, глубокое знание собственной культуры — это фундамент заинтересованного отношения учащихся к другим культурам, с другой стороны, — знакомство со многими национальными культурами — является основанием для духовного обогащения и развития личности.

¹ Garcia R. L. Education for Cultural Pluralism: Global Roots Stew. Phi Delta Kappa, 1981.

² Макаев В. В., Малькова З. А., Супрунова Л. А. Поликультурное образование - актуальная проблема современной школы // Педагогика. - 1999. - № 4 - С. 3–10.

Исходя из вышесказанного, мы трактуем поликультурное образование как целостный и многокомпонентный процесс, в ходе которого осуществляется приобщение учащихся к родной этнической и мировой многонациональной культуре с целью воспитания поликультурной личности, готовой к позитивному диалогу и взаимодействию с представителями различных национальностей на уважительной, толерантной основе.

В этой связи поликультурная личность, на наш взгляд, развивается в опоре на следующие взаимообусловленные компоненты поликультурного образования: этническая идентичность (позитивное отношение к собственной этнической группе в сочетании с позитивным отношением к другим этническим группам, знание и понимание «своей» культуры), межкультурная компетентность (знание культуры других народов; понимание глубокой взаимосвязи между различными культурами, объединяющим фактором которых выступают общечеловеческие ценности), межкультурная интеграция (открытость к восприятию различных культур, умение взаимодействовать с культурой разных народов и их представителями; использование различных этнических традиций в своей практической деятельности).

Таким образом, цель профессионального образования, в ракурсе исследуемой проблемы, состоит в создании условий для формирования поликультурной личности посредством постижения духовного потенциала, заключенного в произведениях мирового и национального искусства, направленных на развитие чувства взаимопонимания, дружбы и сотрудничества.

Эта проблема, хотя и не целенаправленно, но практически решалась и решается на уроках художественно-гуманитарного цикла в общеобразовательных школах, в процессе изучения тем, связанных с культурой разных народов. Тем не менее, сегодня частичное решение проблемы поликультурного образования, где она выступает лишь как сопутствующий элемент в системе основных задач, становится явно недостаточным.

Надо признать необходимость специальной и целенаправленной подготовки будущего учителя к формированию поликультурной личности школьника в процессе обучения и воспитания. Учитывая это, нами была разработан спецкурс «Основы формирования поликультурной личности». Осуществляемая в рамках указанного спецкурса подготовка будущих учителей предусматривает следующие тесно взаимосвязанные между собой компоненты:

— мотивационно-ценностный компонент подразумевающий формирование потребности студентов к развитию поликультурной личности школьника в процессе своей профессиональной деятельности; формирование заинтересованного, личностно-ценностного отношения к поликультурному образованию; изучению культур разных народов;

— логико-содержательный компонент, направленный на приобретение знаний о сущности поликультурного образования, его основных компонентах, принципах, условиях, методах и современных технологиях, а также истории национальной культуры, ее особенностях, культуры других народов; знаний, необходимых для развития поликультурной личности в процессе школьных занятий;

— художественно-операциональный компонент, включающий практические занятия, направленные: на овладение методикой формирования поликультурной личности школьника на уроке, призванный выработать у будущих учителей ряд умений, навыков, отвечающих специфическим требованиям искусства и поликультурного образования; на развитие у студентов таких необходимых качеств личности как толерантность (принятие и правильное понимание многообразия культур, уважительного отношения к их представителям; стремление к развитию этого качества у детей в процессе занятий); эмпатия (способность к сопереживанию искусства различных этнокультурных традиций); диалогичность (позволяющая взаимодействовать, сотрудничать в полиэтническом коллективе класса и школы).

Процесс первого периода работы обуславливает необходимость внедрения авторского курса «Основы формирования поликультурной личности школьника», направленное на развитие мотивации студентов к данному аспекту их профессиональной деятельности, получение необходимых знаний, формирование специальных умений и навыков, позволяющих эффективно осуществлять общее направление воспитания поликультурной личности в условиях школьных занятий.

Необходимо отметить, что отношение студентов к преподавателю зависит от того, насколько свободно он владеет материалом, насколько проблемно раскрывается та или иная тема, как преподаватель выстраивает свое общение с аудиторией, ведется ли коллективный поиск истины. Мы согласны с мнением российского ученого А. А. Аронова о том, что эффективность обучения заметно повышается тогда, когда преподаватель читает свой авторский курс, подкрепленный своими программой, учебником (учебным пособием), монографией, словарями и т. д. Прекрасно, когда студенты, все без исключения «вооружены работами преподавателя, что объективно позволит находить новые нюансы, расставлять оригинальные содержательные акценты, т. е. творить в буквальном смысле слова»¹.

В этой связи мы говорим о знании преподавателем основ поликультурного образования до тонкостей, до штрихов и полутонов. В этом контексте толерант-

¹ Аронов А. А. Некоторые аспекты подготовки компетентных специалистов в системе современного высшего российского образования // Пути подготовки конкурентноспособных специалистов в вузе культуры и искусств: Сборник статей / Под общей научной ред. проф. Казаковой А. Г. – М.: Экон-Информ, 2009. – 184 с.

ное отношение преподавателя к представителям разных национальностей, их культуре выступает в качестве своеобразной установки на этнотолерантное поведение учащихся. Компетентность в своем предмете объективно предполагает общую широкую эрудицию преподавателя.

Второй период нашей работы предполагает апробацию методики на уроках в общеобразовательной школе. Основная цель данного этапа — реализация полученных теоретических знаний по методике воспитания поликультурной личности школьников непосредственно в педагогической деятельности будущих учителей. Система заданий для студентов включает: разработку и проведение интегрированных уроков (на основе интеграции литературы, изобразительного искусства, географии и музыки); коллективную разработку тематики и заданий с содержанием элементов поликультурного образования; взаиморецензирование студентами работ методического характера (тематическое планирование, анализ художественных и музыкальных произведений различных этносов, конспекты уроков); составление опорных конспектов для самостоятельного изучения темы школьниками по культуре разных народов (с указанием информационных источников, контрольными вопросами). На данном этапе должны быть реализованы задачи разработанной авторской методики профессиональной готовности педагогов к воспитанию поликультурной личности школьника.

Подводя итог сказанному, следует сделать вывод, что главной задачей всей системы образования Республики Казахстан является воспитание человека культуры — гармоничной поликультурной личности, которая предполагает ориентацию на общечеловеческие ценности, мировую и национальную духовную культуру.

Список литературы:

1. Аронов А. А. Некоторые аспекты подготовки компетентных специалистов в системе современного высшего российского образования // Пути подготовки конкурентноспособных специалистов в вузе культуры и искусств: Сборник статей / Под общей научной ред. проф. Казаковой А. Г. – М.: Экон-Информ, 2009. – 184 с.
2. Макаев В. В., Малькова З. А., Супрунова Л. Л. Поликультурное образование – актуальная проблема современной школы // Педагогика. – 1999. – № 4 – С. 3–10.
3. Garcia R. L. Education for Cultural Pluralism: Global Roots Stew. Phi Delta Kappa, 1981.

*Viktor Leonidovich Mozgoviy,
Doctoral Candidate of the theory and history
of pedagogical skill department of the Institute
of Pedagogical Education and Education of Adults NAPS of Ukraine
E-mail: viktoriya-72@mail.ru*

The complexity of future teachers' preparation for the pedagogical action direction

*Мозговий Віктор Леонідович,
докторант відділу теорії і історії педагогічної
майстерності Інституту педагогічної освіти
і освіти дорослих НАПН України
E-mail: viktoriya-72@mail.ru*

Комплексність підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії

Враховуючи специфіку предмета дослідження, комплексність як науковий підхід у підготовці майбутніх учителів до режисури педагогічної дії передбачає вирішення таких завдань: 1) отримання різнобічного, цілісного знання про об'єкт дослідження; 2) визначення базової дисципліни, за рахунок якої можливо є реалізація комплексного підходу до проблеми дослідження; 3) формування єдиного (спільного) уявлення про об'єкт дослідження як відправної точки для проведення комплексного дослідження.

Вирішення першого завдання комплексного дослідження проблеми підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії передбачає отримання різнобічного, цілісного знання про об'єкт дослідження. Можемо зазначити, що реалізація вказаного завдання можлива за умови формування комплексних взаємопов'язаних узагальнень за результатами цілісного та системного аналізу проблеми дослідження в різних науках. Підґрунтям для формування такого припущення може стати факт існування серед вітчизняних і зарубіжних науковців позиції, яка підтверджує, що будь-яке педагогічне дослідження повинне аналізуватися як соціальне явище і мати відповідні соціально-педагогічні характеристики.

Можемо передбачити, що за вищезазначеної умови принаймні чотири наукові галузі повинні стати відправними точками для комплексного дослідження проблеми підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії, а саме: соціологія, психологія, педагогіка, театральна педагогіка. Відповідно, реалізація комплекс-

ного підходу дослідження проблеми підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії буде передбачати місце, умови і конкретизацію завдання, для вирішення якого буде доречним використання знань вказаних наукових галузей. А тому проаналізуємо у які типи взаємодії можуть вступати вищезазначені галузі науки і як вони формуватимуть комплексне взаємопов'язане знання об'єкта дослідження.

Розпочнемо комплексне дослідження проблеми підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії із фронтального аналізу розвитку явища у контексті визначених наукових галузей. Щодо важливості отримання результатів розробки проблеми дослідження у рамках соціології слід зазначити, що питання свідомого вибору особистістю професійної сфери діяльності споконвічне і буде актуальним доти, поки буде існувати потреба у суспільній діяльності. Що ж стосується свідомого вибору педагогічної професії, то спробуємо з позиції комплексного підходу проаналізувати вказаний процес.

Останнім часом, на жаль, усе частіше викладачі змушені переконувати у перспективності педагогічної професії більшість студентів, що навчаються у педагогічних вищих навчальних закладах. Підтвердженням цьому факту є економічний еквівалент її цінності у сучасному суспільстві. Однак функціонування та розвиток вітчизняної педагогічної освіти дають підстави стверджувати, що вказаний вид професійної діяльності має свою соціальну оцінку і відповідний соціальний запит. Урахування визначеної позиції є досить важливим критерієм розвитку педагогічної освіти та, відповідно, позитивним фактором реалізації підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії. Так, наприклад, одне із основних питань вирішення професійної соціалізації беззаперечно буде мати більшу результативність, якщо майбутній учитель виконуватиме функцію режисури педагогічної дії.

Встановлений взаємозв'язок педагогіки і соціології у рамках досліджуваного явища дає підстави для проведення аналізу на предмет встановлення взаємодії системи підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії з психологічною наукою. Підтвердження цьому є наукові роботи, що розкривають сутність режисури як методу естетико- й трансдраматичної терапії. Теоретична обґрунтованість та практична розробленість вказаних напрямів стала досить вагомою складовою комплексного аналізу системи підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії.

Досить цікавим виявився комплексний аналіз проблеми підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії у контексті театральної педагогіки. Оскільки режисура є складовою театральної педагогіки, її використання в мистецько-педагогічній практиці має свою давню історію. Існування низки наукових робіт із театального мистецтва підтверджує особливості трансформації театральної

режисури в режисуру педагогічну. До того ж слід зазначити, що рух від театральної режисури до режисури педагогічної дії у мистецько-педагогічному контексті не був однобічним. У рамках педагогічної науки режисура як практична педагогіка має свій теоретико-методичний багаж. У значній кількості наукових робіт вітчизняних та зарубіжних авторів акцентовано увагу на доцільності використання у межах навчально-виховного процесу форм, методів, прийомів режисури педагогічної дії.

Таким чином, проведення дослідження, пов'язаного з отриманням різнобічного, цілісного знання про об'єкт дослідження дає підстави стверджувати нам про наявність у підготовці майбутніх учителів до режисури педагогічної дії комплексу взаємозв'язків серед певних гуманітарних наук — соціології, психології, педагогіки і театральної педагогіки. Характерною ознакою встановлених взаємозв'язків є функціональність режисури у вирішенні різних галузевих завдань. А тому отримані знання однієї галузі науки стають науковим „полігоном” для досліджень іншої, що створює тим самим комплексне дослідження певного явища або феномену.

Щодо вирішення другого завдання комплексного дослідження проблеми підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії, то слід зазначити, що відправні точки комплексної аналітичної діяльності пов'язані з предметом дослідження. Оскільки предмет дослідження передбачає вирішення питання щодо розробки теорії і методики підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії, логічно можемо передбачити, що проблема стосується двох галузей знань — педагогіки та мистецтва (театральної педагогіки). Встановлені галузі дають підстави нам визначити основним системоутворювальним елементом дослідження комплексу підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії таку дисципліну як „Основи педагогічної майстерності”.

Вибір педагогіки як базової дисципліни для підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії обумовлено не тільки фактом повторювальності цього терміна, а ще й не менш важливою умовою, зокрема у рамках визначеної дисципліни відбувається підготовка фахівців педагогічного профілю до реалізації трьох професійних функцій — дидактичної, розвивальної, виховної. З огляду на те, що режисуру педагогічної дії ми розглядаємо у вигляді певної функції, яка розрахована на організацію результативної педагогічної взаємодії, абсолютно доцільним є рішення щодо опанування нею майбутніми вчителями саме у рамках вивчення такої дисципліни як „Основи педагогічної майстерності”. Сподіваємося, що не винятком буде опанування вказаною функцією і майбутніми режисерами театральних колективів, які будуть опановувати основи театральної педагогіки.

Підсумовуючи проведену роботу, можемо зробити висновок, що встановлена локальність реалізації функції режисури педагогічної дії у рамках такої базової

дисципліни як „Основи педагогічної майстерності” вимагає, у першу чергу, перегляду підходів до її викладання. Дієвість, динамічність і виразність повинні стати основними пріоритетами сучасної педагогіки, а режисура педагогічної дії може забезпечити їй визначені ознаки.

Реалізація третього завдання пов'язана з формуванням єдиного (спільного) уявлення про об'єкт дослідження як відправну точку для проведення комплексного дослідження. Характерною особливістю комплексного дослідження проблеми підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії є факт синтезу педагогічного та мистецько-театрального компонентів. Наявність зазначених компонентів у досліджуваній темі вимагає від нас комплексного урахування усіх ключових аспектів. А тому реалізація комплексного підходу щодо формування єдиного (спільного) уявлення про об'єкт дослідження буде залежати від урахування педагогічного та мистецько-театрального аспектів.

Педагогічний аспект комплексної реалізації проблеми підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії орієнтований на:

— розвиток системи підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії на основі комплексного вирішення професійно орієнтованих, педагогічних завдань;

— орієнтацію системи підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії не на окремі завдання (режисура елементу уроку, підготовка сценарію виховного заходу та ін.), а на цілісне опанування комплексом педагогічно доцільних знань, умінь і навичок, що сприятимуть реалізації функції режисури педагогічної дії;

— проведення аналізу освітньо-кваліфікаційних характеристик фахівців педагогічного профілю з метою встановлення факту наявності у циклі дисциплін професійної та практичної підготовки навчальних курсів, пов'язаних з формуванням акторсько-режисерських знань, умінь і навичок, та їх подальше раціональне удосконалення у контексті функції режисури педагогічної дії;

— визначення особливостей проведення педагогічного експерименту, пов'язаного з підготовкою майбутніх учителів до режисури педагогічної дії.

Щодо мистецько-театрального аспекту комплексного підходу до формування єдиного (спільного) уявлення про об'єкт дослідження, то основну роботу орієнтовано на:

— встановлення передумов комплексного впровадження режисури у професійну підготовку майбутніх учителів;

— комплексне дослідження дифузії мистецько-театрального і педагогічного аспектів у режисурі педагогічної дії;

— використання напрацювань педагогічної теорії і практики щодо підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії з метою удосконалення підходів

підготовки акторсько-режисерських кадрів для запитів мистецько-театральної індустрії;

— інтеграція змісту режисури педагогічної дії та системи театральної педагогіки з метою встановлення їх взаємозв'язків, взаємодоповнюваності та функціональності синтезу.

Визначене змістове наповнення педагогічного та мистецько-театрального аспектів становить основу єдиного комплексного уявлення про проблему підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії. Визначені орієнтири комплексного дослідження вказаної проблеми об'єднані єдиною метою — реалізацією підготовки майбутніх учителів до опанування функцією режисури педагогічної дії.

Узагальнюючи роботу щодо реалізації комплексного підходу до проблеми підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії, можемо зробити такі висновки:

1) отримання комплексного знання про процес підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії дозволило визначити спектр галузей науки, які формують цілісну і дієву структуру досліджуваного педагогічного явища;

2) проведений комплексний аналіз функціональності дисциплін, що в перспективі можуть забезпечити результативність підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії, дозволив визначити базовою дисципліною „Основи педагогічної майстерності”.

3) реалізація комплексного підходу забезпечила дослідження процесу підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії у педагогічному і мистецько-театральному аспектах. Зазначений факт сприяв формуванню єдиного уявлення про педагогічне явище та визначення відправної точки вирішення проблеми підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії з урахуванням двох площин — педагогічної і мистецько-театральної.

Таким чином, дослідження комплексності підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії забезпечило процес наукового пізнання якісними та кількісними даними, що дозволяють із впевненістю говорити про перспективність розробки зазначеного наукового напрямку. Визначені методологічні орієнтири комплексного підходу дослідження проблеми підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії сформували теоретико-методологічні вектори розробки зазначеної проблеми, направлені на реалізацію діяльнісно-орієнтованої педагогічної освіти. Завдяки такому підходу проблема підготовки майбутніх учителів до режисури педагогічної дії набула ознаки науковості й активізувала роботу щодо проведення детальних характеристик елементів наукового пізнання досліджуваного педагогічного явища.

*Podkovko Katerina Nikolaevna,
Surgut Teacher Training University,
Ph. D., Education, Leading Specialist of Division
Monitoring the Quality of training,
Teacher, Department of Pedagogical and Special Education
E-mail: en1310@mail.ru*

To the question of higher education quality's guarantee

*Подковко Екатерина Николаевна,
Сургутский государственный педагогический университет,
кандидат педагогических наук,
ведущий специалист отдела мониторинга качества обучения,
преподаватель кафедры педагогического и специального образования
E-mail: en1310@mail.ru*

К вопросу гарантии качества высшего образования

Рассматривая получение высшего образования как механизм самореализации обучающегося, возникает необходимость в определении инструментов гарантии качества такого образования. В частности, ФГОС ВПО, имея государственный статус, изначально рассматривается как инструмент гарантии качества.

Образовательные стандарты, по мнению Ю. Б. Рубина, необходимы *государству*, чтобы «осуществлять конституционные гарантии на получение гражданами образования соответствующего уровня и качества»¹, и *гражданам*, чтобы «получить именно те профессиональные знания, умения и навыки, а также компетентность по соответствующим вопросам, которые дадут им конкурентные преимущества при трудоустройстве»².

Однако, проведенный Ю. Б. Рубиным, анализ преимуществ и недостатков действовавших до недавнего времени ГОС ВПО второго поколения позволил прийти автору к следующим выводам: «В российских госстандартах слабо отражаются приоритеты государственной политики в образовании, принципы взаимной социальной ответственности участников рынка образовательных услуг. А главное — практическое применение ГОС ВПО в качестве нормы, директивно заданного коридора порядка в образовании, элемента правила игры и рамок суверенитета образовательных учреждений не способствует повышению

¹ Рубин Ю. Б. Высшее образование в России: качество и конкурентоспособность/Ю. Б. Рубин. – М.: Московская финансово-промышленная академия, 2011. – С. 217.

² Там же. С. 217.

конкурентоспособности российских вузов на внутреннем и внешнем рынках образовательных услуг»¹.

Таким образом, решение проблемы повышения конкурентоспособности высшего образования было возложено, в частности, на ФГОС ВПО.

Анализ ФГОС ВПО по направлениям подготовки бакалавриата позволил определить следующую модель гарантии субъектов образовательного процесса. Так, вуз гарантирует государству реализацию основной образовательной программы в соответствии с требованиями, определенными ФГОС ВПО. Вуз гарантирует обучающимся овладение общекультурными и профессиональными компетенциями для решения профессиональных задач в области образования, социальной сферы, культуры и т. д. или продолжения профессионального образования в магистратуре.

Описанные в ФГОС ВПО гарантии качества обуславливают необходимость разработки не только стратегии по обеспечению качества подготовки обучающихся, но и объективных оценочных процедур. Реализация данного направления работы невозможна без соответствующей учебно-методической документации и сопутствующих материалов.

В частности, отправной точкой при проектировании программ учебных дисциплин должны стать конечные учебные результаты, сформулированные в соответствии с осваиваемыми знаниями, умениями и приобретаемыми компетенциями в целом по основной образовательной программе.

Для формулирования конечных учебных результатов целесообразно использовать классификацию уровней усвоения В. П. Беспалько:

1 — репродуктивный с подсказкой (*узнавание*) — узнавание объектов, свойств, методов на основе предшествующего обучения (при повторном восприятии ранее усвоенной информации);

2 — репродуктивный (*воспроизведение*) — действие путем самостоятельного воспроизведения и применения информации о ранее усвоенной ориентировочной основе для выполнения уже известной операции или действия (самостоятельное применение типовых правил (алгоритмов) деятельности);

3 — продуктивное действие эвристического типа (*применение*), когда приобретает новый опыт в процессе самостоятельного построения или трансформации ранее известной ориентировочной основы путем переноса опыта для выполнения новой операции или действия;

4 — продуктивная творческая деятельность (*творчество*), реализуемая путем самостоятельного конструирования новой программы действий.

¹ Рубин Ю. Б. Высшее образование в России: качество и конкурентоспособность / Ю. Б. Рубин. — М.: Московская финансово-промышленная академия, 2011. — С. 214–215.

Так, основными глаголами действия, отражающими учебные результаты уровня *узнавание*, могут быть следующие: давать определение, повторять, фиксировать, перечислять, вспоминать, называть, пересказывать, акцентировать (подчеркивать главное) и др.

Для учебных результатов уровня *воспроизведение* характерны следующие глаголы действия: объяснять, обсуждать, описывать, переформулировать, распознавать, сравнивать, выражать, опознавать, обнаруживать, реферировать, соотносить, употреблять, использовать, описывать в общих чертах, изображать схематически и др.

Учебные результаты уровня *применение* предполагают использование таких глаголов действия, как интерпретировать, применять, демонстрировать, инсценировать, применять на практике, иллюстрировать, действовать, разрабатывать план, распознавать, анализировать, оценивать, вычислять, приводить, проверять, сопоставлять, критиковать, обследовать, дискутировать, классифицировать и др.

Уровень *творчество* отражают учебные результаты, выраженные следующими глаголами действия: составлять, планировать, предполагать, формулировать, систематизировать, организовывать, давать общую оценку, сравнивать по значимости, пересматривать, оценивать и др.

Так, освоение студентами направления подготовки «Педагогическое образование» учебной дисциплины «*Основы проектировочной деятельности специалиста*» направлено на *формирование ориентировочной основы педагогической компетенции в области педагогического проектирования*. Для достижения поставленной цели у студентов необходимо сформировать не только теоретическую готовность к организации проектной деятельности, но и способность к учебно-методическому сопровождению учебно-воспитательного процесса в образовательных организациях различного уровня. Поэтому целесообразно структуру учебной дисциплины представлять двумя модулями:

– модуль «Психолого-педагогические основы проектной деятельности педагога»;

– модуль «Теоретико-методические основы педагогического проектирования».

Выше описанная цель и задачи изучения учебной дисциплины позволили определить основное содержание процесса формирования у студентов теоретической готовности к организации проектной деятельности в рамках модуля «*Психолого-педагогические основы проектной деятельности педагога*». Так, содержание данного модуля определяется следующим кругом вопросов:

- основные направления реформирования системы образования в РФ;
- основные понятия педагогического проектирования;
- история возникновения и развития потребности человеческого общества в проектной деятельности;
- педагогическая сущность проектирования;
- субъекты и объекты проектной деятельности;

- виды педагогических проектов.

В частности, на уровне *узнавание* в рамках модуля «Психолого-педагогические основы проектной деятельности педагога» студентами должны быть освоены такие учебные результаты как:

- давать определение понятия непрерывного образования, «проектирование», «педагогический проект», видов педагогического проекта;
- перечислять формы и виды непрерывного образования, историко-культурные источники развития педагогического проектирования, виды, уровни педагогического проектирования, принципы проектной деятельности, субъекты проектной деятельности, основные проблемы организации совокупного субъекта, основные виды педагогических проектов;
- называть основные объекты проектирования;
- воспроизводить периодизацию становления метода проектов в отечественной и зарубежной педагогике.

На уровне *воспроизведение* студенты осваивают следующие учебные результаты:

- охарактеризовывать формы непрерывного образования, принципы проектной деятельности;
- распознавать виды непрерывного образования, понятие «проектирование» в ряду близких по смыслу понятий;
- описывать объективные и субъективные основания проектирования педагогической деятельности, виды и уровни педагогического проектирования, совокупные субъекты проектной деятельности, основные виды педагогических проектов;
- раскрывать этапы развития идей проектной деятельности в педагогике.

На уровне *применение* студенты осваивают лишь небольшую часть учебных результатов:

- определять основные понятия проектирования применительно к педагогическому контексту;
- выявлять историко-педагогический контекст возникновения метода проектов в России в 1920-х гг., виды и уровни педагогического проектирования применительно к педагогическому контексту;
- составлять каталог сайтов, на которых можно найти описание различных учебных проектов.

Описанное проектирование конечных учебных результатов отражает основные познавательные категории, отраженные в таксономии целей Блума: знание — понимание — применение — анализ — синтез — оценка. Данные познавательные категории традиционно измеряются в педагогических тестах.

Таким образом, конечные учебные результаты, зафиксированные в программах учебных дисциплин, рассматриваются как содержательное и критериальное ядро системы оценки освоения основной образовательной программы, соединяющие во-

едино образовательный процесс, образовательный стандарт и систему оценки. Кроме того, оценка качества освоения основной образовательной программы проводится не просто для того чтобы собрать данные, оценить состояние образования на определенные моменты времени, а для того чтобы улучшить качество образования. Данное положение в целом соответствует основным параметрам процесса эвалюации, когда принятие административно-управленческого решения основано на «измерениях (в количественных или качественных шкалах), анализе и прогнозировании»¹.

Однако выше перечисленные инструменты гарантии качества высшего образования могут обеспечить эффективность системы образования в том случае, когда будут созданы мотиваторы, которые заставят людей думать о собственном профессиональном образовании и о повышении собственного профессионального образовательного уровня.

Список литературы:

1. Гуськова М. В. Эвалюация в образовании: Монография/М. В. Гуськова. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 153 с.
2. Рубин Ю. Б. Высшее образование в России: качество и конкурентоспособность/Ю. Б. Рубин. – М.: Московская финансово-промышленная академия, 2011. – 448 с.

*Popova Alla Viktorovna,
Moscow Metropolitan Governance University, Associate Professor
E-mail: popovaav@mail.ru*

Modern technologies of attraction young people to state civil service

*Попова Алла Викторовна,
Московской городской университет
управления Правительства Москвы, доцент
E-mail: popovaav@mail.ru*

Современные технологии привлечения молодежи на государственную гражданскую службу

В настоящее время кадровая политика государственной гражданской службы города Москвы претерпевает качественные изменения, направленные на мак-

¹ Гуськова М. В. Эвалюация в образовании: Монография/М. В. Гуськова. – М.: ИНФРА-М, 2012. – С. 25.

симальное раскрытие потенциала государственных служащих, рациональное использование кадров, обеспечение высокоэффективной и качественной реализации функций мегаполиса. Главной задачей стратегия управления кадровыми процессами на государственной службе становится стимулирование карьерного фактора, обуславливающего выявление потенциально способных служащих к работе в новых условиях, формирование у них здоровых карьерных интересов, совпадающих с интересами и стратегическими планами организаций.

В силу этого, кадровая политика государственной гражданской службы должна быть гибкой и использовать различные подходы в развитии управленческих отношений, привлечении перспективных и молодых граждан на государственную службу.

Одним из таких подходов является организация стажировки выпускников высших профессиональных образовательных учреждений в Правительстве Москвы и органах исполнительной власти города Москвы.

С приходом С. С. Собянина кадровый состав московских чиновников резко помолодел. В УГСК Правительства Москвы отмечают, что постепенное омоложение характерно для всех подразделений городской администрации. Почти 40% чиновников — это молодые люди в возрасте до 30 лет. «Молодежь приходит, потому что Правительство Москвы как работодатель ставит интересные задачи и дает возможность для самореализации», — поясняет начальник Управления государственной службы и кадров (УГСК) Правительства Москвы А. Б. Александрова¹. При этом А. Б. Александрова подчеркнула, что процесс омоложения Правительства сейчас только набирает обороты.

18 февраля 2013 года вступили в силу изменения в Закон города Москвы «О государственной гражданской службе города Москвы» от 26 января 2005 г. № 3², снижающие требования к стажу для будущих чиновников.

Молодым специалистам для трудоустройства на госслужбу на ведущую группу должностей теперь достаточно иметь лишь один год работы по специальности.

Изменения существенно «омолодят» основной костяк госслужащих, поскольку к ведущей группе должностей относятся самые массовые позиции гражданской службы: главные специалисты, консультанты, советники, а также и часть руководящих постов среднего звена — начальники отделов и их заместители.

Смягчение условий приема на госслужбу коснулось не только молодых специалистов, но и молодых руководителей. Ранее для приема на ведущие должности категории «руководители» необходимо было иметь 4 года стажа работы по спе-

¹ Егорова Е. Молодым — дорога на Тверскую // Московский комсомолец: URL: <http://www.mk.ru> (2013. 20 апреля).

² Закон города Москвы «О государственной гражданской службе города Москвы» от 26 января 2005 г. № 3 // Вестник Мэра и Правительства Москвы. — 2005. — № 8.

циальности. Это требование было существенным барьером, мешающим принимать на госслужбу молодые кадры, которые уже проявили себя в коммерческом секторе и готовы применить свой опыт на благо города.

Кроме того, обновленные квалификационные требования открывают хорошие перспективы для молодежи с точки зрения мотивации поступления на госслужбу и развития карьеры. Должностной рост молодых специалистов теперь не будет ограничен формальными требованиями к стажу, и это позволит эффективным работникам быстрее построить карьеру¹.

Для привлечения молодых специалистов УГСК Правительства Москвы также разрабатывает специальные молодёжные проекты. Одним из таких проектов является *программа стажировок молодых граждан* в органах исполнительной власти города Москвы и Аппарате Мэра и Правительства Москвы².

Программа показала свою эффективность, ведь данный проект проходит столичном мегаполисе уже не первый раз. В соответствии с Постановлением Правительства Москвы от 31 мая 2011 года № 241-ПП с 1 июля 2011 года к работе в системе органов исполнительной власти города Москвы приступили 20 молодых граждан — стажеров. Все участники программы стажировок были оформлены в Аппарат Мэра и Правительства Москвы на должности ведущих аналитиков с оплатой 25 000 рублей в месяц сроком на 1 год, для каждого стажера был определен руководитель стажировки.

Стажировка молодых граждан в органах исполнительной власти города Москвы и Аппарате Мэра и Правительства Москвы проходила по широкому спектру направлений профессиональной деятельности, в том числе инвестиционная политика города Москвы, правовое и административное регулирование социальной политики города Москвы, инновации в энергетической отрасли Москвы, организация процесса проведения внешней экспертизы нормативных правовых актов города Москвы и др.

В течение года все участники стажировки работали по индивидуализированным планам, исходя из направлений профессиональной деятельности и поставленных руководителем стажировки задач. В процессе работы стажеры принимали участие в рабочих группах, выступали на общественных советах, коллегиях и совещаниях, готовили предложения по совершенствованию нормативных правовых актов, формировали отчеты, организовывали мероприятия и инициировали проекты.

¹ Госслужба стала доступнее для молодежи // Официальный сайт Управления государственной службы и кадров Правительства Москвы: URL: <http://hr.mos.ru> (2013. 14 апреля).

² Постановление Правительства Москвы «О стажировках молодых граждан в органах исполнительной власти города Москвы и Аппарате Мэра и Правительства Москвы» от 31 мая 2011 года № 241-ПП // Вестник Мэра и Правительства Москвы. – 2011. – № 33.

Помимо решения профессиональных задач в государственных органах города Москвы, стажеры выступали в роли наставников для кандидатов на стажировки следующего года. Действующие стажеры проводили для кандидатов семинары и тренинги, принимали участие в процессе отбора.

Работа стажеров получила высокую оценку руководителей органов исполнительной власти города Москвы, и, как следствие, всем участникам программы стажировок 2011–2012 года были сделаны одно или несколько предложений о трудоустройстве. А. В. Ракова, заместитель Мэра Москвы в Правительстве Москвы — руководитель Аппарата Мэра и Правительства Москвы, так охарактеризовала данную программу: «В 2011 году мы отобрали 20 молодых людей. В течение года дали им возможность поработать в разных органах власти, платили им приличную заработную плату. Через год 19 из них устроились в Правительство Москвы на постоянную работу. Причем отраслевики чуть ли не дрались между собой, чтобы взять этих ребят к себе. Сейчас такую же стажировку проходят еще 20 молодых людей, отобранных примерно из 800 кандидатов»¹.

В феврале 2012 года был открыт конкурсный отбор на программу стажировок в Правительстве Москвы на 2012–2013 год. За период с 13 февраля по 18 марта 2012 года было подано более 800 заявок. Информация о приеме заявок на программу стажировок была распространена через объявления в 46 вузах Москвы, социальные сети, баннер на сайте Superjob², участников проекта «Молодежный кадровый резерв»³. Конкурс на данную программу составил в 2012 году 40 чел. на место.

В апреле 2013 г. Правительство Москвы начало новый отбор кандидатов на стажировку в органах исполнительной власти столицы, чтобы «привлечь мотивированных и подготовленных молодых граждан на государственную службу и в учреждения бюджетной сферы»⁴, — об этом на открытой дискуссии «Правительство Москвы: карьерные возможности для молодежи» сообщила начальник УГСК Правительства Москвы А. Б. Александрова. В программу приглашались выпускники и аспиранты любого вуза, однако, желательно, чтобы полученная специализация соответствовала выбранному направлению стажировки. По словам А. Б. Александровой, «любой молодой человек, который заботится о своей

¹ Ракова А. В., руководитель Аппарата Мэра и Правительства Москвы, о программе стажировок/ Стажировка в Правительстве Москвы//Карьерный портал Правительства Москвы: URL: <http://talent.mos.ru> (2013. 20 апреля).

² Superjob – URL: <http://www.superjob.ru> (2013. 21 апреля).

³ Молодёжный кадровый резерв //Кадровый студенческого проект Правительства Москвы «Гражданская смена»: URL: <http://www.grsmena.ru> (2013. 6 апреля).

⁴ Весенний призыв на госслужбу//Коммерсантъ: ежедневная общенациональная деловая газета: URL: <http://www.kommersant.ru> (2013. 13 апреля).

карьере, а не ждет, что его кто-то куда-то устроит, может попробовать реализовать себя в программе годичной стажировки для молодых граждан»¹. «Мы намерены бороться за таланты с корпорациями вроде «Газпрома» и прочими работодателями, мы хотим создать молодежи лучшие условия для карьерного роста»², — заметила А. Б. Александрова.

Отбор на программу стажировок 2013–2014 гг. проводился в три этапа и заключался в оценке профессиональных и личностных качеств кандидатов.

Этап 1. Сбор заявок от кандидатов на Карьерном портале. Срок проведения: 4–30 апреля 2013 г. На данном этапе кандидаты проходили конкурс резюме. По итогам первого этапа (конкурс профайлов на Карьерном портале) наиболее успешные кандидаты были приглашены для прохождения Центра оценки.

Этап 2. Центр оценки. Срок проведения: 1–17 мая 2013 г. На данном этапе проводились деловые игры, интервью, тестирование на умение анализировать большие массивы информации, выявление мотивации участников. Оценка участников проводилась в соответствии со следующими компетенциями: коммуникация, ориентация на результат, ориентация на развитие, правосознание, любовь к Москве и жителям. Успешно прошедшие второй этап кандидаты принимали участие в конкурсе индивидуальных проектов.

Этап 3. Конкурс индивидуальных проектов. Срок проведения: 24 мая — 17 июня 2013 г. На третьем этапе кандидатам необходимо разработать и защитить свой собственный проект по решению актуальной городской проблемы:

1. Подготовка проектов проводилась на выездной экспресс-школе, в рамках которой проходили мастер-классы специалистов Правительства Москвы и консультации по подготовке проектов.

2. Предварительная оценка проектов проходила на Карьерном портале Правительства Москвы, любой желающий житель города мог отметить понравившейся ему проект.

3. Финальным отбором являлась очная защита проектов перед экспертной группой с учетом набранных отметок.

Оценку на всех этапах проводили: Управление государственной службы и кадров Правительства Москвы, экспертная группа, Центр кадровой диагностики МГУУ Правительства Москвы, а также жители города.

По итогам всех этапов конкурса формировался список участников стажировки в Правительстве Москвы. 50 кандидатов, успешно прошедших конкурсный

¹ «Москва-24»: как стать хорошим чиновником//Официальный сайт Управления государственной службы и кадров Правительства Москвы: URL: <http://hr.mos.ru> (2013. 14 апреля).

² Буланова Н. Из студентов в чиновники: выпускников московских вузов трудоустраивают в столичном Правительстве//Новые Известия: ежедневная общероссийская газета: URL: <http://www.newizv.ru> (2013.14 апреля).

отбор, 1 июля приступили к стажировке в должности ведущих аналитиков с зарплатой 25 тысяч рублей в месяц.

Уникальность стажировки в том, что весь период разделен на четыре равных части, и участник программы каждые три месяца меняет место прохождения стажировки. Соответственно, за год стажер получает опыт работы в четырех разных органах власти по единой профессиональной специализации. Подобный формат стажировок обеспечивает разностороннее профессиональное развитие и полное погружение в работу государственного служащего. Дальнейшее трудоустройство в Правительство Москвы зависит исключительно от эффективности и результатов работы во время стажировки. Как показывает практика, 90% стажеров получают предложение о трудоустройстве в органы исполнительной власти города Москвы¹.

Также сейчас в УГСК Правительства Москвы разрабатываются и другие программы для молодёжи.

Одна из таких программ — **прохождение студентами вузов города Москвы практики** в органах исполнительной власти города Москвы и Аппарате Мэра и Правительства Москвы. Данная программа представляет интерес для студентов 3–5 курсов вузов города Москвы. Эта программа будет реализовываться по следующей схеме:

- 1) карьерный портал Правительства Москвы — единая площадка для приема/распределения заявок на прохождение практик в Правительстве Москвы;
- 2) объявление о наборе на практику проводится в декабре/январе и апреле/мае каждого года;
- 3) срок прохождения практики: от 2 недель до 2 месяцев;
- 4) прохождение практики не оплачивается;
- 5) практика проходит в органах исполнительной власти города Москвы и подведомственных учреждениях города;
- 6) взаимодействие с вузами города Москвы будет осуществляться на основе договора (возможно заключение договора УГСК — ВУЗ или ОИВ — ВУЗ);
- 7) потребности государственных органов в практикантах размещаются на Карьерном портале (постоянный сбор потребности в практикантах от ОИВ).

Выступая на открытой дискуссии «Правительство Москвы: карьерные возможности для молодежи» директор по работе со студентами и выпускниками Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Татьяна Дубова говорила о необходимости внедрения новых принципов работы с молодёжью. Она заметила, что программу практик для студентов вузов Москвы следовало бы начинать с третьего курса. «Студентами нужно заниматься, дать возможность попробовать себя. Если они получают возможность уже на третьем

¹ Стажировка//Карьерный портал Правительства Москвы: URL: <http://talent.mos.ru> (2013. 14 апреля).

курсе написать курсовую, возможно диплом они будут писать по той прикладной теме, которая будет интересна Правительству Москвы. Это увеличит вероятность того, что выпускники придут работать на госслужбу», — отметила Дубова¹.

Таким образом, в настоящее время в Правительстве Москвы разрабатывается комплексный подход к работе с молодёжью. Данные мероприятия, проводимые УГСК Правительства Москвы, способствуют привлечению молодых талантливых специалистов к решению актуальных городских проблем. Сегодня у молодежи появляется реальный шанс проявить себя на государственной гражданской службе города Москвы и сделать успешную карьеру.

*Khakimova Elena Kamilevna, Eastern Economics and Law
Academy of Humanities, deputy director
E-mail: zubareva@insto.ru*

Forms and methods of students' — future educational psychologists' emotional competence forming

*Хакимова Елена Камилевна, Восточная экономико-юридическая
гуманитарная академия, заместитель директора
E-mail: zubareva@insto.ru*

Формы и методы формирования эмоциональной компетентности у студентов — будущих педагогов-психологов

Проблема формирования компетентности специалистов различного профиля является предметом изучения многих современных российских и зарубежных исследователей. Многие исследования проводятся в основном применительно к профессиям типа «человек-человек», однако, профессиональная компетентность педагогов-психологов на данный момент недостаточно изучена.

При всем многообразии взглядов на критерии успешности профессиональной психолого-педагогической деятельности, существует одно положение, которое разделяется преобладающим числом ученых: главным инструментом в работе психолога-практика (в том числе и педагога-психолога) является он сам, его личность (Л. И. Воробьева, А. Гутгенбуль-Крейг, Р. Кочюнас, Е. А. Пуртова, Е. А. Иванова, Н. М. Лебедева и др).

¹ Правительство ищет кадры // Росбалт: информационное агентство: URL: <http://www.rosbalt.ru> (2013. 3 апреля).

Между тем, учреждения профессионального образования не в полной мере учитывают специфику труда педагога-психолога, в котором специалисту необходимо противостоять профессиональным трудностям, проявлять перцептивные способности, понимать индивидуальность и неповторимость другого человека, эмпатировать ему, рефлексировать, управлять своим эмоциональным состоянием, определять особенности своего воздействия. Более того, одной из самых больших трудностей в психолого-педагогической деятельности является ее высокая эмоциональная насыщенность, что может повлечь за собой психоэмоциональные перегрузки, эмоциональную напряженность, эмоциональное выгорание и т. д.

Следовательно, наибольшую значимость в структуре личности педагога-психолога имеют эмоциональные способности (или феномены, соотносимые с эмоциональными способностями, например, эмоциональная компетентность), к которым относят способности к опознанию, пониманию эмоций и управлению ими.

При этом проблема исследования эмоциональной сферы в контексте профессионально значимых качеств личности специалиста остается до сих пор недостаточно изученной, как в отечественной, так и в зарубежной науке. Между тем, мастерство педагога-психолога напрямую связано не только с профессиональными знаниями, умениями и навыками, но и с индивидуальными особенностями его личности, отражающими эмоциональную сферу: эмпатическими и рефлексивными способностями, а также способностями к саморегуляции и регуляции отношений с другими людьми. Это обуславливает необходимость развития основных составляющих эмоциональной компетентности.

Проблема развития эмоциональной компетентности (эмоционального интеллекта) находится в центре научных дискуссий. По поводу возможности развития эмоциональной компетентности в психологии существуют два отличных друг от друга мнения. Ряд ученых (к примеру, Дж. Майер) придерживаются позиции, что повысить уровень эмоциональной компетентности практически невозможно, поскольку это относительно устойчивая способность¹. В то же время эмоциональные знания относительно легко приобретаются, в том числе и в процессе обучения. Их оппоненты (в частности, Д. Гоулман) считают, что эмоциональный интеллект можно и нужно развивать. Одним из подтверждений этой позиции является тот факт, что нервные пути мозга продолжают развиваться вплоть до середины человеческой жизни. В связи с этим становится возможным и эмоциональное развитие. Сторонники развития эмоциональной компетентности также утверждают, что необходимо

¹ Mayer J.D. Emotional intelligence information. – 2005. http://www.unh.edu/emotional_intelligence/

проводить специальное обучение, направленное на формирование данного качества¹.

По мнению Г. В. Юсуповой, исследуемые как различные, умственные способности и компетентность рассматриваются как связанные с одними и теми же психологическими механизмами².

Е. В. Либина, изучая индивидуальные различия в реагировании на стресс (в рамках психологии совладания) вводит понятие эмоциональной компетентности, которую определяет как способность личности осуществлять оптимальную координацию между эмоциями и целенаправленным поведением. В дальнейшем автор рассматривает понятие эмоциональной компетентности с точки зрения психотерапевта, противопоставляя его защитному поведению, и при этом оставляя в тени состав, структуру и свойства этого интегрального образования³.

Поскольку эмоциональный интеллект, так же как и компетентность, трактуется через понятие способности, мы сочли правомерным вести речь об особой психической организации индивида — **эмоциональной компетентности**, которая представляет собой совокупность эмоциональных и социальных способностей, таких, как способности к пониманию собственных эмоций и эмоций других людей, к управлению эмоциональной сферой.

Мы согласны с позицией Г. В. Юсуповой, которая выделяет два существенных для исследования эмоциональной компетентности направления: когнитивный (понимание) и поведенческий (управление). Каждое направление имеет два вектора: внутренний — направленность на себя и внешний направленность на других. Таким образом, в составе эмоциональной компетентности выделяются четыре базовых компонента — саморегуляция, регуляция взаимоотношений, рефлексия и эмпатия, образующие четыре функциональных блока — поведенческий, когнитивный, интраперсональный и интерперсональный.

Все структурные компоненты эмоциональной компетентности взаимосвязаны, и их тесная взаимозависимость способствует эффективному межличностному взаимодействию.

Педагог-психолог как личность и профессионал развивается в ходе обучения, воспитания и социализации. Следовательно, процесс формирования эмоциональной компетентности у студентов будущих педагогов-психологов может быть более успешным и эффективным, если в ходе учебно-воспитательного процесса

¹ Гουλман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство: искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 350с.

² Юсупова Г. В. Состав и измерение эмоциональной компетентности. дис. канд. психол. наук. – Казань. – 2006. – 208с.

³ Либина Е. В., Либин А. В. Стили реагирования на стресс//Стиль человека: психологический анализ. - М.: Смысл, 1998. – 204с.

применять разнообразные формы и активные методы обучения и воспитания, направленные на формирование компонентов эмоциональной компетентности: лекция-беседа, диспут, тренинг, практические занятия с применением имитационных методов и метода группового интервью и др.

Рассмотрим педагогическое обеспечение формирования эмоциональной компетентности у студентов педагогов-психологов.

Исходя из того, что эмоциональная компетентность не является самостоятельным объектом изучения в процессе подготовки педагогов-психологов, а формирование компетентности невозможно без владения знанием о содержании компетентности, с целью формирования когнитивной составляющей эмоциональной компетентности, в теоретические курсы психологического цикла (возрастная психология, история психологии и общая психология) нами внедрялась информация об эмоциях и их роли в жизни человека, сущности эмоциональной компетентности и ее значимости в профессиональной деятельности педагога-психолога.

С целью формирования когнитивной и мотивационной составляющих эмоциональной компетентности на практических занятиях можно использовать разнообразные активные методы обучения (практическое занятие с элементами группового интервью «Эмоции в нашей жизни», лекция-беседа «Эмоциональная компетентность», диспут «IQ или EQ?»).

Целью практического занятия с элементами группового интервью «Эмоции в нашей жизни» является расширение представления педагогов-психологов о значении эмоций в жизни человека и в работе педагога-психолога. Для достижения цели ставятся следующие задачи: актуализация знаний об эмоциях, полученных в процессе обучения; актуализация и расширение словарного запаса для выражения эмоциональных состояний; актуализация знаний о личностных качествах педагога-психолога; формирование интереса к развитию себя как профессионала.

Данное мероприятие состоит из следующих этапов:

1. Приветствие. Разминка.
2. Притча «Гвозди».
3. Определение темы и целей занятия.
4. Поговорки и высказывания об эмоциях.
5. Место эмоций в жизни человека.
6. Эмоциональный словарь.
7. Эмоции и личность педагога-психолога.
8. Упражнение «Зеркало».
9. Эксперимент «Человек без эмоций».
10. Итоги занятия.
11. Притча «Монахи и девушка».

Занятие «Эмоциональная компетентность» проводится в форме лекции-беседы, целью которого сформировать представление студентов педагогов-психологов об эмоциональной компетентности. Задачами занятия являются: актуализация знаний об эмоциях, полученных в процессе обучения; определение места эмоциональной компетентности в составе профессиональной компетентности педагога-психолога; освещение исторического аспекта вопроса; определение структуры эмоционального интеллекта, характеристика его составных частей.

План занятия:

1. Приветствие. Вводное слово.
2. Понятие профессиональной компетентности и ее составляющих.
3. История вопроса.
4. Состав эмоциональной компетентности.
5. Способы диагностики эмоциональной компетентности: тестирование и оценка.
6. Итоги занятия.

Целью диспута «IQ или EQ» является расширение представлений студентов педагогов-психологов об эмоциональном интеллекте и IQ, достижение ясности, уточнение своих взглядов и позиций; задачами — актуализация знаний об эмоциях, полученных в процессе обучения; формирование познавательной мотивации более глубокого изучения представленных понятий; организация обсуждения.

Занятие состоит из следующих этапов:

1. Организационный момент (подготовка студентов к диспуту: изучение справочной литературы).
2. Проведение диспута:
 - вступительное слово;
 - обозначение вопросов;
 - определение правил диспута;
 - обсуждение поставленных вопросов;
 - заключение, подведение итогов.

С целью реализации поведенческой составляющей эмоциональной компетентности может быть использована авторская тренинговая программа «Мир эмоций», рассчитанная на 10 занятий по 2 раза в неделю продолжительностью 90 минут.

Цель программы «Мир эмоций»: создать условия для формирования эмоциональной компетентности.

Задачи:

1. создание условий для развития навыков эмоционального самовыражения;
2. формирование установки на самопознание и саморазвитие;
3. развитие умения анализировать собственное эмоциональное состояние;

4. формирование навыков саморегуляции;
5. совершенствование навыков эмпатии;
6. формирование навыков регуляции отношений с другими людьми.

Форма проведения: групповые занятия (2 подгруппы по 14 и 15 человек).

Каждое занятие состоит из трех частей:

1. Вводная часть (вводное слово ведущего, ритуал приветствия, разминка).

Имеет целью введение участников в курс дела, настрой, включение в работу, рефлекссию состояния.

2. Основная часть (упражнения, этюды, игры, обсуждение результатов).

Это рабочая часть тренинга, включающая основную информацию и нагрузку в зависимости от целей и задач конкретного занятия.

3. Завершение (подведение итогов, ритуал прощания).

Рефлексия процесса работы предназначена для определения отношения к происходящему, своего вклада в работу. Ритуалы (приветствия и прощания) способствует созданию особого климата психологической безопасности, объединению всех участников.

В процессе формирования поведенческой составляющей эмоциональной компетентности в курс психолого-педагогического практикума могут быть введены практические занятия с использованием имитационных методов, требующие применения сформированных качеств.

Целью практического занятия с применением метода инсценировки явилось закрепление знаний и умений, полученных в ходе тренингов.

Задачи:

- актуализация знаний и умений, полученных в ходе тренингов и занятий;
- проверка умений оперировать полученными знаниями, умений применять их при решении практических задач;
- реализация непосредственного перехода от получения знаний к их применению в будущей профессиональной деятельности;
- развитие воображения и навыков прогнозирования условий предстоящей деятельности;
- развитие внутренней собранности, решительности, готовности к преодолению неожиданных трудностей.

План занятия включает следующие этапы: приветствие, вводное слово, разминка, психолого-педагогические задачи, инсценировки, итоги занятия.

Например, ход одного из занятия:

1. Приветствие.
2. Игра «Наблюдатель».
3. Упражнение «Тренировка педагогической наблюдательности».
4. Обсуждение.
5. Упражнение «Трудности и проблемы в межличностных отношениях».

6. Обсуждение.
7. Упражнение «Пожалей маленького».
8. Обсуждение.
9. Упражнение «Консультация».
10. Обсуждение.
11. Итоги занятия.

Таким образом, внедрение в учебно-воспитательный процесс студентов педагогов-психологов рассмотренных форм и методов формирования разных составляющих эмоциональной компетентности способствует более успешному и эффективному осуществлению этого процесса.

*Shipova Alina Valeryevna,
FGAOU DPO «Academy of increase of qualification
and professional retraining of educators», Moscow,
graduate student, pedagogics and psychology chair
E-mail: shipova.alina@bk.ru*

Principles of the organization cultural practician of teenagers in a children's recreation camp

*Шипова Алина Валерьевна,
ФГАОУ ДПО «Академия повышения квалификации
и профессиональной переподготовки работников образования»,
Москва, аспирант, кафедра педагогики и психологии
E-mail: shipova.alina@bk.ru*

Принципы организации культурных практик подростков в детском оздоровительном лагере

Представленное исследование посвящено раскрытию принципов организации культурных практик в детском оздоровительном лагере. Для организации культурных практики подростков в детском оздоровительном лагере нами разработана модель функционирования культурных практик в детском оздоровительном лагере, состоящая из упорядоченной совокупности компонентов, между которыми существует опосредованная взаимосвязь, на основе изучения опыта конструирования и апробации базовых моделей образования и воспитания в отечественной педагогической науке и практике¹.

¹ Поддасый И. П. Педагогика – М.: ВЛАДОС, 1999.

Цель модели — организация культурных практик как средства социализации подростков в детском оздоровительном лагере, создание необходимых условий для развития личности подростков, реализующих собственные интересы и потребности и обладающих следующими качествами: активностью, инициативностью, самостоятельностью, стремлением к самосовершенствованию, высоким культурным уровнем, готовностью к творческой деятельности, к конструктивному взаимодействию с окружающими, адекватностью и осознанностью поведения, создание необходимых условий для удовлетворения потребностей личности подростка.

Задачи организации культурных практик подростков в детском оздоровительном лагере: формирование у подростков целостной и научно обоснованной картины мира; приобщение подростков к общечеловеческим ценностям; развитие мотивационно-потребностной сферы личности подростка; развитие творческих качеств; развитие нравственной, волевой и эстетической сфер личности; формирование стремления к самосовершенствованию, самовоспитанию и самообразованию; обеспечение условий для максимальной самореализации; формирование положительной Я — концепции личности, высоконравственного отношения к себе и к окружающей действительности; подготовка подростков к профессиональному и жизненному самоопределению.

Рассмотрим принципы организации культурных практик подростков в детском оздоровительном лагере. При разработке принципов организации культурных практик подростков в детском оздоровительном лагере мы основывались на выделении принципов воспитания в отечественной педагогике¹. Принципы организации культурных практик подростков в детском оздоровительном лагере мы рассматриваем как основополагающие требования, предъявляемые к деятельности воспитателя, вожатого в воспитательном пространстве детского оздоровительного лагеря при организации культурных практик подростков, которые должны выполняться вне зависимости от ситуации и изменяющихся условий.

Гуманистический принцип организации культурных практик требует рассмотрения ребенка как главной ценности в системе человеческих отношений, основной нормой которых является гуманность. Данный принцип предполагает уважительное отношение к каждому человеку, а также обеспечение свободы совести, вероисповедания, мировоззрения, выделение в качестве одной из приоритетных задач заботу о физическом, социальном и психическом здоровье подростка. К условиям реализации гуманистического принципа относятся добровольность включения подростка в ту или иную деятельность; доверие к подростку в выборе средств до-

¹ Сластенин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. Общая педагогика/Под ред. В. А. Сластенина. – М.: ВЛАДОС, 2002.

стижения поставленной цели, основанное на вере в возможность каждого ребенка и его собственной вере в достижение поставленных задач; оптимистическая стратегия в определении задач организации культурных практик; предупреждение негативных последствий в процессе воспитательного воздействия; учет интересов подростков; формирование у подростков готовности к социальной самозащите своих интересов при осознании своей социальной защищенности.

Принцип принятия ребенка как уникальной личности означает признание права подростка на уважение его личности, истории жизни, признание своеобразия развития на данном этапе его индивидуальной жизни, признание права ребенка на определенное поведение и производимый им выбор.

Принцип индивидуализации воспитания предполагает отношение к ребенку как к личности с присущими ей индивидуальными чертами, ориентирует на учет незавершенности, открытости личности к постоянным изменениям. Реализация данного принципа связана с выявлением, сохранением и развитием индивидуальности, самобытности ребенка, поддержкой процессов саморазвития, самовоспитания; признанием личности развивающегося человека высшей социальной ценностью; уважением уникальности каждого ребенка; признанием его социальных прав и свобод; ориентацией воспитания на личность воспитанника как цель, объект, субъект, результат и показатель эффективности воспитания; отношением к воспитаннику как к субъекту собственного развития; опорой в воспитательной деятельности на всю совокупность знаний о человеке, на естественный процесс саморазвития личности. К условиям реализации принципа индивидуализации воспитания относятся мониторинг изменений индивидуальных качеств подростка; определение эффективности влияния фронтальных методов на индивидуальность воспитанника; выбор специальных средств педагогического влияния на каждого подростка; учет индивидуальных качеств ребенка в процессе воспитания.

Принцип социальной адекватности воспитания требует соответствия содержания и средств организации культурных практик подростков социальной ситуации, в которой организуется воспитательный процесс. Задачи организации культурных практик связаны с реальными социально-экономическими условиями и направлены на формирование у подростков прогностической готовности к реализации разнообразных социальных задач¹.

Принцип природосообразности означает отношение к ребенку как к части природы, что предполагает организацию культурных практик на основе учета закономерностей природного развития, половозрастных особенностей подростков, их психофизической организации и задатков; принцип сосредоточивает внимание вожатых на экологической проблематике, включающей как экологически

¹ Рожков М.И., Байбородова Л. В. Теория и методика воспитания. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004.

чистую окружающую природную среду, так и бережное отношение к природе подростка, его индивидуальности¹.

Принцип культуросообразности предполагает ориентацию вожатых в детском оздоровительном лагере и всей системы образования на отношение: к детству — как культурному феномену; к ребенку — как к субъекту жизни, способному к культурному саморазвитию и самоизменению; к педагогу — как к посреднику между ребенком и культурой, способному ввести его в мир культуры; к образованию — как к культурному процессу; к образовательному учреждению — как к целостному культурно-образовательному пространству, осуществляется творение культуры и воспитание человека культуры.

Принцип конструктивного взаимодействия педагога и подростка в процессе организации культурных практик в детском оздоровительном лагере предусматривает организацию их совместной жизнедеятельности на основе общих целей и задач деятельности, развитие взаимопонимания и взаимопомощи, взаимную поддержку.

Таким образом, разработанное концептуальное видение изучаемого нами процесса позволило теоретико-методологически обосновать модель организации культурных практик подростков в детском оздоровительном лагере. Начинается модель с выделения цели организации культурных практик подростков в условиях воспитательного пространства детского оздоровительного лагеря. Намеченная целевая установка определила выбор принципов организации культурных практик подростков в детском оздоровительном лагере. Принципы организации культурных практик выступают как основополагающие требования, предъявляемые к деятельности педагогов, вожатых в детском оздоровительном лагере, определяющие содержание, организационные формы и методы воспитательного процесса в лагере. Научно-теоретическое обоснование модели организации культурных практик подростков в условиях воспитательного пространства детского оздоровительного лагеря предполагает не только знание специфики составляющих ее компонентов, их взаимодействия и взаимообусловленности, но и учитывает то, что представленная модель является функционирующей, саморазвивающейся, а поэтому дает возможность вариативного выбора содержания, форм, методов и средств, используемых для достижения цели, вытекающих из целей принципов и условий, ведущих к результату.

¹ Степанов Е. Н., Лузина Л. М. Педагогу о современных подходах и концепциях воспитания. – М.: ТЦ Сфера, 2003.

Section 5.

Political science

Gafarowski Dymitr Olegovich, Jagiellonian University (Cracow, Poland)
Ph. D. student, Institute of Russian and East European Studies
E-mail: dymitr.gafarowski@interia.pl

Belarus membership in the Customs Union and Single Economic Space: short-term trade effects (2010–2013)

The establishment of the Customs Union (CU) between Russia, Belarus and Kazakhstan constitutes a major milestone in the development of post-Soviet regional integration. The earnest integration intentions of the member states have been underpinned by their transition to a new level of integration development on January 1, 2012, when the Single Economic Space (SES) was formed. It is noteworthy that right from the beginning the member states managed to achieve success in the institutional framework, decision-making structure changing as well as adjustment of trade tariffs¹. Particularly, the Common Customs Tariff was adopted and brought into force, the internal customs controls as well as supranational institutions were abolished, the Commission of the CU and the Eurasian Economic Commission (since 2012) were introduced. The achievements in the field of the institutional framework is considered to be an outstanding indicator in achieving success in the integration processes; however, the key factor in the assessment of the integration association is its trade effects. By the time the Customs Union came into existence, the member states had possessed an extremely low share of reciprocal trade in their total foreign turnover². It is worth mentioning that the trade effects observed in the member states upon the union formation are distributed unequally and vary in scope. The main objective of the present research is to analyze the Belarus major trade effects of the integration processes in the framework of the CU/SES in the period of 2010–2013 taking into

¹ Dragneva R., Wolczuk K. Russia, the Eurasian Customs Union and the EU: Cooperation, Stagnation or Rivalry?. – Chatham House Briefing Paper, Russia and Eurasia Programme, REP BP 2012/01, 2012, pp. 6–7, [online] www.chathamhouse.org, (access: 11.10.2013).

² Лихачев А. Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана: история, современный этап и перспективы развития/Российский внешнеэкономический вестник, 2010, № 6, с. 11.

consideration macroeconomic trade indexes of the member states, particularly, their foreign and reciprocal turnover.

The most considerable effects of the CU formation are revealed in the trade of Belarus. In the year of 2010 the export growth from Belarus to the member states made 48,3%; this vastly outweighed the same indicator for the third countries (4,3%, see tab. 3). The export from Belarus to Kazakhstan in the year of 2010 was increased by 48,3%, and to Russia — by 48,2% (tab. 1). This growth was mainly caused by „the specificity of the carbohydrate deposits supply and the activation of the finished goods export from Belarus, particularly, foodstuffs, machinery and equipment”¹. In the year of 2011 the export growth rate from Belarus to the CU countries remained at the level of the previous year — its volume increased by 45,7%; the export in Kazakhstan — by 45%, in Russia — by 45,8%. By the year of 2012 the export growth from Belarus to the CU was not so robust and was measured only up to 12,3%. In comparison to the previous year the export growth from Belarus to Kazakhstan decreased by more than two times (from 45% to 19,7%), to Russia by more than 3 times (from 45,8% to 12,4%). Based on the first three quarters of 2013 it can be assumed that the export growth from Belarus to Russia and Kazakhstan continued. Its volume did not exceed the variable for the relevant period of the previous year considerably (roughly by 5,5%).

Tab. 1: Export from Belarus to CU/SES, 2010–2013²

Year	Total		KZ		RUS	
	value [mln. USD]	annual change [%]	value [mln. USD]	annual change [%]	value [mln. USD]	annual change [%]
2010	10 418,40	148,3	464,79	148,3	9951,26	148,2
2011	15 182,88	145,7	673,95	145,0	14 508,93	145,8
2012	17 116,31	112,7	806,90	119,7	16 309,40	112,4
2013 [I–IX]	13 199,59	105,5	639,16	100,0	12 560,43	105,8

Except for the observed positive effect on the turnover of Belarus with the member states, the integration processes made a dramatic effect on the trade with the third countries. In the year of 2011 due to the trade liberalization in the framework of the SES, Belarus obtained an opportunity to import duty-free oil from Russia which led to

¹ Eurasian integration project: effects and issues of implementation. (Research report)/Editor Glinkina S. – Moscow: RAS Institute of Economy, 2013, p. 10.

² Source: statistical data of the Eurasian Economic Commission. (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/trade/Pages/default.aspx).

facilitating oil supply¹. It is necessary to highlight that the abolishment of the oil and oil products duty was applied exclusively to the domestic trade between Russia and Belarus. In case of Russia's oil or oil products export from Belarus beyond the borders of the CU, the export duty were to be applied and transferred to the budget of the Russian Federation to the full extent. Along with the import increase observed in 2011 from Russia to Belarus (predominantly this is related to Russia's oil), the increase of the export growth rate from Belarus to the third countries was reported (tab. 3), which outweighed the relevant variables for the member states (76,5% — third countries; 45,7% — member states). The present fact was conditioned by the increase of oil and petrochemical products share in the export structure, which were produced on the territory of Belarus from the Russian oil and exported outside the member states under the cover of «dissolvent and diluents» and «biofuel»². The given goods were free of oil duty in favour of Russia; this brought substantial revenues to Belarus. In 2012 as a result of the negotiations between Russia and Belarus this practice to re-export oil goods under the cover of commodity positions, the export duty for which is not taken in favour of the Russian budget, was ceased. This fact was reflected in the trade turnover of Belarus with the third countries as well as with Russia. In 2012 the import growth from Russia to Belarus dropped to 8,1% (tab. 2), whereas the export growth from Belarus to the third countries was reduced to more than 7 times and made 10,3% (tab. 3). This negative dynamics was also reported in the year of 2013. Upon the first three quarters the import volume from Russia to Belarus decreased by 21,4% (tab. 2), whereas the export from Belarus outside the member states reduced by 35,4% (tab. 3).

Tab. 2: Import to Belarus from CU/SES, 2010–2013

Year	Total		KZ		RUS	
	value [mln. USD]	annual change [%]	value [mln. USD]	annual change [%]	value [mln. USD]	annual change [%]
2010	18656,70	111,1	407,88	544,6	18254,07	109,2
2011	25615,65	137,3	132,97	32,6	25482,68	139,6
2012	27670,76	108,0	119,02	89,5	27551,73	108,1
2013 [I–IX]	17148,57	79,6	62,35	67,1	17086,22	79,6

¹ Libman A., Ushkalova D. Foreign Trade Effects of the Customs Union between Belarus, Kazakhstan, and Russia/Central Asia Economic Paper, 2013, no. 8, pp. 4, [online] <http://centralasiaprogram.org/central-asia-economic-paper-no-8-may-2013>, (access: 11.10.2013).

² Eurasian integration project: effects and issues of implementation. (Research report)/Editor Glinkina S. – Moscow.: RAS Institute of Economy, 2013, p. 10.

Tab. 3: Belarus foreign and reciprocal trade indexes, 2010–2013¹

Trade direction	Export			Import		
	year	value [mln. USD]	annual change [%]	year	value [mln. USD]	annual change [%]
CU/SES	2010	10 418,40	148,3	2010	18 656,70	111,1
	2011	15 182,88	145,7	2011	25 615,65	137,3
	2012	17 116,31	112,7	2012	27 670,76	108,0
	2013 [I–IX]	13 199,59	105,5	2013 [I–IX]	17 148,57	79,6
Third countries	2010	14 865,04	104,3	2010	14 865,04	137,8
	2011	26 236,09	176,5	2011	20 144,51	124,2
	2012	28 944,17	110,3	2012	18 735,33	93,0
	2013 [I–IX]	15 358,16	64,6	2013 [I–IX]	14 673,73	110,7

Taking into account the above analysis, it can be concluded that the formation of the CU and SES made an impact on economic collaboration between Belarus and the member states. During the first two years after the formation of the CU (2010–2011) some activation of the Belarus foreign and reciprocal trade was observed. The most profound effects are displayed in the Belarus reciprocal trade: the export increase to Russia and Kazakhstan. Additionally the liberalization of the trade relations within the CU affected the export of Belarus to the third countries favorably. However, this was mainly caused by the trade increase of mineral products. In the subsequent period the Belarus foreign and reciprocal trade dynamics slowed down significantly.

Reference:

1. Dragneva R, Wolczuk K. Russia, the Eurasian Customs Union and the EU: Cooperation, Stagnation or Rivalry?. – Chatham House Briefing Paper, Russia and Eurasia Programme, REP BP 2012/01, 2012, [online] www.chathamhouse.org, (access: 11.10.2013).
2. Лихачев А. Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана: история, современный этап и перспективы развития/Российский внешнеэкономический вестник, 2010, № 6, с. 4–23.
3. Eurasian integration project: effects and issues of implementation. (Research report)/Editor Glinkina S. – Moscow.: RAS Institute of Economy, 2013.

¹ Source: statistical data of the Eurasian Economic Commission. (http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/trade/Pages/default.aspx).

4. Libman A., Ushkalova D. Foreign Trade Effects of the Customs Union between Belarus, Kazakhstan, and Russia/Central Asia Economic Paper, 2013, no. 8, pp. 1–6, [online] <http://centralasiaprogram.org/central-asia-economic-paper-no-8-may-2013>, (access: 11.10.2013).
5. Statistical data of the Eurasian Economic Commission, [online] http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/trade/Pages/default.aspx, (access: 11.10.2013).

*Kovalenko Tetiana Yurevna, Dnipropetrovsk
Regional Institute of Public Administration,
National Academy of Public Administration,
the Office of the President of Ukraine, competitor
for Doctor of Sciences' Degree, Department of Public
Administration and Local Government
E-mail: sanatdet1@rambler.ru*

Stages of medical-resort field forming and development during soviet period

*Коваленко Татьяна Юрьевна, Днепрпетровский
региональный институт государственного управления
Национальной академии государственного управления
при Президенте Украины, соискатель,
кафедра государственного управления и местного самоуправления
E-mail: sanatdet1@rambler.ru*

Этапы формирования и развития санаторно-курортной сферы в советский период

Развитие системы санаторно-курортного обеспечения в Украине имеет вполне объективный характер, ведь по данным государственной службы статистики среди жителей Украины ежегодно нуждаются в укреплении и восстановлении здоровья около полу-миллиона взрослых и около 300 тыс. детей¹. Однако, мощности действующих санаториев, подведомственных Министерству здравоохранения Украины (МЗУ), способны удовлетворить потребность в восстановительном лечении детей не более, чем на 30%.

¹ Бабов К. Д., Гриняева Л. Я., Дмитриева Г. А., Кубинина Л. В. По вопросу коечного фонда санаторно-курортных заведений Украины // Медицинская реабилитация, курортология, физиотерапия. 2012. № 2. С. 64–65.

Необходимо отметить, что сфера санаторно-курортного обеспечения представляет собой многоуровневый и полисубъектный управленческий комплекс, в котором функции прямого и опосредованного управления возлагаются на органы государственной власти и органы местного самоуправления, отдельные министерства и ведомства, службы, предприятия, частные и общественные организации, фонды и др. Их роль и значение в санаторно-курортном обеспечении населения характеризуются существенными различиями и трансформацией управленческих функций, что вызывает определенный исследовательский интерес и служит основанием для проведения более глубокого научного анализа.

В период реализации масштабных задач медицинской реформы, которая осуществляется в Украине с 2010 года, особо актуализируется задача научного обоснования государственно-управленческой деятельности по реформированию системы санаторно-курортного обеспечения детей. Так как до настоящего времени эта сфера не получила статус приоритетного направления проводимой медицинской реформы¹.

Анализ научных исследований на заданную тему показывает, что вопросы государственного регулирования в сфере санаторно-курортного обеспечения детей становятся все более актуальными. Прежде всего, это объясняется тем, что в Украине, согласно отчету Минздрава Украины, в 2012 году из общего количества пролеченных больных 120515 человек, детский контингент составляет 95 572 человека². Важность исследования проблем государственного управления в сфере санаторно-курортного обеспечения, особенно в условиях перехода к рыночным отношениям хозяйствования в этой сфере, отмечалась в научных публикациях А. И. Амоши, Л. А. Голика, П. В. Гудзя, Ю. В. Деркача, В. В. Ежова, А. А. Любичева, В. К. Мамутова, М. И. Мацолы, Я. Ф. Радыша, И. В. Рожковой, О. В. Соловьевой, А. С. Шапталы и др. Более того, существование проблемы усовершенствования государственного регулирования в сфере санаторно-курортного обеспечения детей особо актуализируется в период реализации медицинской реформы³, в нормативном поле которой не сформулированы принципы государственного регулирования будущих организационных изменений в этой сфере. Цель проводимой реформы, в т. ч. и реформы в сфере санаторно-курортного обеспечения — улуч-

¹ Постановление Совета Министров Украинской ССР от 14 ноября 1985 № 404 «О мерах по улучшению санаторно-курортной помощи детям в республике». ИПС ВРУ «Законодательство». URL: <http://www.zakon.rada.gov.ua> (12.12.2013).

² Отчет Министерства здравоохранения Украины. Санаторно-курортное обеспечение. 2012. ИПС ВРУ «Законодательство». URL: <http://www.moz.gov.ua> (12.12.2013).

³ Закон Украины от 7 июля 2011 № 3612 «О порядке проведения реформирования системы здравоохранения в Винницкой, Днепропетровской, Донецкой областях и городе Киеве». ИПС ВРУ «Законодательство». URL: <http://www.rada.gov.ua> (12.12.2013).

шение здоровья населения, обеспечение равного и справедливого доступа всех граждан к медицинским услугам надлежащего качества¹.

Одно из приоритетных направлений проводимой в Украине медицинской реформы — совершенствование системы профилактики заболеваний, которое включает создание в городах, районах государственных и коммунальных предприятий, а именно некоммерческих оздоровительных учреждений для предоставления населению, в том числе и детям, услуг оздоровительного характера по фиксированным ценам². То есть речь идет о создании новой модели государственного управления в сфере санаторно-курортного обеспечения детей, проект которой еще находится в разработке. Поэтому цель настоящей работы предусматривает, прежде всего, исследование государственной политики Украины в сфере санаторно-курортного обеспечения детей в Украине в исторической ретроспективе для изучения ключевых моментов предыдущих реформ.

В СССР активное строительство детских учреждений санаторно-курортного типа и освоение курортов на системной основе началось после революции 1917 года. Ведь правительством царской России вопросам как медицинского обслуживания детей работающих вообще, так и вопросам их оздоровления, практически не уделялось никакого внимания. На территории России в начале XX в. смертность детей до пяти лет составляла от 50% до 76% от общей смертности населения.

С целью развития санаторно-курортного дела правительством СССР были приняты специальные декреты «О лечебных местностях общегосударственного значения» (1919) и «Об использовании Крыма для лечения работников» (1920), согласно которым все лечебные местности, а также крымские дачи помещиков перешли в государственную собственность, получив первоначально статус домов отдыха.

Уже в 1920 году в СССР был открыт первый советский детский санаторий. Впоследствии начали работу детские санатории в г. Киев (1921) и в других городах Украины. Это был первый этап формирования государственной системы санаторно-курортного обеспечения детей. В 1922 году было принято Постановление Совета Народных Комиссаров о бесплатном лечении детей на курортах общегосударственного значения. Началось строительство первого в мире детского курорта в г. Евпатория.

¹ Программа экономических реформ Украины на 2010 - 2014 годы «Богатое общество, конкурентоспособная экономика, эффективное государство». ИПС ВРУ «Законодательство». URL: <http://www.president.gov.ua> (12.12.2013).

² Постановление Кабинета Министров Украины от 17 февраля 2010 года № 208 «Некоторые вопросы совершенствования системы здравоохранения». ИПС ВРУ «Законодательство». URL: <http://www.zakon.rada.gov.ua> (12.12.2013).

Уже в 30-е годы начали функционировать детские санатории для больных ревматизмом, туберкулезом, полиомиелитом и заболеваниями желудочно-кишечного тракта. Значительно расширилась сеть санаториев в Крыму, Одессе, Киеве. Начали открываться новые санатории в Славянске, Бердянске, Скадовске. Это этап активного развития сферы санаторно-курортного обеспечения детей, который ознаменовался формированием специализированной сети детских санаториев в Украине.

В советское время наряду с интенсивным развитием курортной сети была проведена полная реорганизация санаторного дела. Так, впервые в мировой медицинской практике в детских санаториях наряду с лечением было организовано обучение детей и подростков по школьной программе. Это свидетельствует о том, что система санаторно-курортного обеспечения выполняла не только функцию лечебно-профилактического назначения, но и воспитательно-педагогическую, а также образовательную. Иными словами, этот этап ознаменовался введением межотраслевого управления, а именно функции государственного управления в этой сфере координировались двумя субъектами — министерством здравоохранения и народного образования.

Послевоенное восстановление детских санаториев на Украине практически было завершено уже к 1947 году.

В 60-х годах XX в. было принято специальное Постановление Совета Министров УССР «О передаче профсоюзам санаториев и домов отдыха Министерства здравоохранения СССР». Этим документом правительство республики не только утвердило Порядок передачи части детских санаториев другому субъекту управления, но и закрепило в правовом поле легитимность неправительственных организаций выступать субъектом управления в сфере санаторно-курортного обеспечения населения. Таким образом, монополия государства по контролю над этой сферой была разрушена, и управление санаторно-курортными объектами на центральном уровне осуществляло уже два субъекта: по линии государства — министерство здравоохранения УССР, по линии общественного сектора — профессиональные союзы.

В СССР вопросы усовершенствования санаторно-курортной помощи детям, улучшения качества обслуживания, повышения эффективности лечения провозглашалось одной из главных государственных задач в сфере здравоохранения. Уже в то время в детских санаториях, которые функционировали на территории Украинской ССР, одновременно могли находиться более 75 тысяч детей¹. В современных условиях санаторно-курортное лечение в Украине ежегодно получают около 95 тысяч детей (см. отчет МЗ Украины). Приведенные данные подтверж-

¹ Лобода М. В. Детские санатории Украины. К., 1987.

дают историческую преемственность в реализации государственной политики СССР и независимой Украины в сфере санаторно-курортного обеспечения детей, а также сохранность и даже прирост масштабов получателей санаторно-курортных услуг.

Необходимо отметить, что в послевоенный период в ряде постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения советского народа» (1977), «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта» (1981), «О мерах по дальнейшему улучшению санаторно-курортного лечения и отдыха в сети профсоюзных здравниц» (1982) особое внимание уделялось улучшению охраны здоровья детей и женщин, расширению сети детских курортов, санаториев и домов отдыха для родителей с детьми.

Вместе с тем, правительство Украинской республики обращало внимание профильного министерства, облисполкомов, Киевского и Севастопольского горисполкомов на имеющиеся недостатки в организационно-функциональном обеспечении действенного влияния центральных органов власти и органов местного самоуправления на процессы развития санаторно-курортной сферы. Также, указывалось на необходимости улучшения воспитания и содержания детей в учреждениях санаторного типа¹. В этот период, правительство УССР утвердило Правила медицинского отбора и направления больных (взрослых, подростков и детей) на санаторно-курортное и амбулаторно-курортное лечение². Так, в санатории, подведомственные МЗ Украины и расположены вне курортной зоны, имели право принимать детей с 1 до 14 лет. Детские санатории, расположенные на курортах, принимали детей с 5 лет до 14 лет. В санаторные учреждения профсоюзов Украины направлялись дети с 4 до 14 включительно, а в санаторные учреждения Министерства образования Украины — с 7 до 14 лет. Это объяснялось тем, что основной миссией учреждений системы министерства здравоохранения было восстановительное лечение (долечивание после стационарного этапа острого заболевания или профилактическое лечение в период ремиссии основного хронического заболевания). Поэтому в штатном расписании этих учреждений были предусмотрены ставки медицинского персонала как общего профиля, так и медперсонала специализированного профиля (врачи-специалисты). В то же время, миссия санаторно-курортных учреждений в системе профсоюзного дви-

¹ Постановление Совета Министров Украинской ССР от 14 ноября 1985 № 404 «О мерах по улучшению санаторно-курортной помощи детям в республике». ИПС ВРУ «Законодательство». URL://<http://www.zakon.rada.gov.ua> (12.12.2013).

² Постановление Совета Министров Украинской ССР от 16.05.1983 № 580 «Об утверждении Правил медицинского отбора и направления больных (взрослых, подростков и детей) на санаторно-курортное и амбулаторно-курортное лечение. ИПС ВРУ «Законодательство». URL://<http://www.zakon.rada.gov.ua> (12.12.2013).

жения предполагала, в основном, предоставление санаторно-курортных услуг в сфере отдыха и общего оздоровления. Поэтому в штатном расписании преобладал медицинский персонал общего профиля.

В конце 80-х годов на территории Украинской ССР функционировали детские учреждения для лечения и отдыха многоотраслевого подчинения: детские санатории Министерства здравоохранения УССР (республиканские и местные (областные, городские)); детские санатории профсоюзов (для лечения детей, подростков, родителей с детьми); пансионаты отдыха для родителей с детьми; пионерские лагеря (обычные или санаторного типа) Министерства образования УССР; специализированные школы- интернаты санаторного типа.

Таким образом, в результате проведенного исследования исторических особенностей становления и развития сферы санаторно-курортного обеспечения детей в Украине было установлено, что развитие этой сферы имеет конкретно исторический характер и сопряженность с политической и социально-экономической обстановкой. Кроме того, расширение сети санаторно-курортных учреждений и установление их специализации напрямую зависело от формирующихся потребностей населения в услугах лечения, оздоровления и отдыха. Украина, имея большой спектр природных лечебных факторов, традиционно была лидером среди бывших советских республик по применению различных организационно-правовых форм социального обеспечения детского населения.

Исторический контекст изучения данной проблемы позволил установить этапность становления и системного развития государственной политики Украины в сфере санаторно-курортного обеспечения детей в советский период истории (*этап формирования санаторно-курортного дела; этап активного строительства и развития; этап разрушения в годы войны и послевоенного восстановления; этап устойчивого функционирования, развития и реформирования*). Кроме того, сфера санаторно-курортного обеспечения с момента ее формирования органами советской власти в начале XX века утвердилась как отдельное независимое звено социальной политики советского государства, регулирование которой осуществлялось на основе межотраслевого подхода по линии здравоохранения, образования и профсоюзного движения.

Список литературы:

1. Лобода М. В. Детские санатории Украины. К., 1987.
2. Постановление Кабинета Министров Украины от 17 февраля 2010 года № 208 «Некоторые вопросы совершенствования системы здравоохранения». ИПС ВРУ «Законодательство». URL: <http://www.zakon.rada.gov.ua> (12.12.2013).
3. Постановление Совета Министров Украинской ССР от 16.05.1983 № 580 «Об утверждении Правил медицинского отбора и направления больных

- (взрослых, подростков и детей) на санаторно-курортное и амбулаторно-курортное лечение. ИПС ВРУ «Законодательство». URL://http://www.zakon.rada.gov.ua (12.12.2013).
4. Постановление Совета Министров Украинской ССР от 14 ноября 1985 № 404 «О мерах по улучшению санаторно-курортной помощи детям в республике». ИПС ВРУ «Законодательство». URL://http://www.zakon.rada.gov.ua (12.12.2013).
 5. Указ Президента Украины от 6 декабря 2005 № 1694 «О неотложных мерах по реформированию системы здравоохранения населения». ИПС ВРУ «Законодательство». URL://http://www.zakon.rada.gov.ua (12.12.2013).
 6. Закон Украины от 7 июля 2011 № 3612 «О порядке проведения реформирования системы здравоохранения в Винницкой, Днепропетровской, Донецкой областях и городе Киеве». ИПС ВРУ «Законодательство». URL: http://www.rada.gov.ua (12.12.2013).
 7. Бабов К. Д., Грияева Л. Я., Дмитриева Г. А., Кубинина Л. В. По вопросу коечного фонда санаторно-курортных заведений Украины // Медицинская реабилитация, курортология, физиотерапия. 2012. № 2. С. 64–65.
 8. Программа экономических реформ Украины на 2010–2014 годы «Богатое общество, конкурентоспособная экономика, эффективное государство». ИПС ВРУ «Законодательство». URL: http://www.president.gov.ua (12.12.2013).
 9. Отчет Министерства здравоохранения Украины. Санаторно-курортное обеспечение. 2012. ИПС ВРУ «Законодательство». URL://http://www.moz.gov.ua (12.12.2013).

*Lohvynenko Olha Mykolaivna, National Academy of Sciences of Ukraine,
postgraduate student, Institute of World History
E-mail: olyasuper@mail.ru*

European Way, Mykolaiv Manner (Political Aspect)

Despite the fact that Ukraine initialed the text of the agreement with the Association, in November 2013 the Cabinet of Ministers of Ukraine issued an order to suspend the preparation of the Agreement¹. However, the president of Ukraine more than once emphasized that alternative to European integration for Ukraine does

¹ Розпорядження Кабінету Міністрів України № 905-р про «Питання укладання Угоди про асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським Співтовариством з атомної енергії і їх державами-членами, з іншої сторони» [Електронний ресурс]. – 2013. – 21 листопада. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/905-2013-%D1%80>

not exist and the suspension of negotiations is temporary. The EU representatives for its part, claimed that the doors for Ukraine are still open. Anyway, the association Agreement between the EU and Ukraine is the last legal step before full integration of Ukraine into the EU.

But Ukraine's entry to the EU precedes the long way of internal reforms to be implemented on comprehensive basis in all regions of the country. Thus, the question arises whether the Mykolaiv region is ready to take the European road of development and whether any steps have been already done? To find answers to these questions, we should begin with the region's "geopolitics", which is of great importance for both Ukraine and Europe in general. First of all, it should be mentioned, that Mykolaiv region belongs to the Black Sea basin territory, and Mykolaiv is an important port city of the area. It was confirmed by Mykolaiv's participation in non-governmental International Black Sea Club (IBSC) organization, which goal is consolidation of multilateral cooperation between the Black Sea basin countries. Along with other Ukrainian port-cities the organization includes black sea cities of Russia, Bulgaria, Romania, Greece, Turkey and Italy as a representative of the Mediterranean Basin as well¹. Being a member of this organization is very important for Mykolaiv, because the region is gradually renewing its economic capacities and its vessel building and repairing city status. It should be noted, that the city is not only the member of this organization, but also is one of its founders. The former mayor of Mykolaiv V. Chaika was an elected club president at the summit meeting in Taganrog in 2002. Mykolaiv considers its participation in the Club firstly as the opportunity of joining the general European Black Sea region security policy. Italy, Bulgaria and Greece are the representatives of the Club in this policy. Mykolaiv attempts to take active part in the sphere of European security development. Common Ukrainian-polish "Kozackiy Step" (Cossacks steppe) military exercises that took place in Mykolaiv region near Shiroky Lan should be mentioned among recent projects in this field². Mykolaiv is famous for its well-prepared troopers and paratroopers, who practice the mission of the prearranged peacekeeping operation with their polish colleagues. It should be mentioned, that the EU members are not the only states which Mykolaiv extensively cooperates with in the security branch. The Ukrainian-American "Sea-Breeze" military exercises take place annually in Mykolaiv and Odessa regions as a part of peacekeeping operations' trainings³. Although Ukraine nowadays is a non-aligned state which extensively declares its ambitions to join the EU and the European security system (it should be mentioned, that so far European security system itself has been operating in frames

¹ Міжнародний Чорноморський Клуб (МЧК). – Режим доступу: http://www.gorsovnet.mk.ua/foreign_affairs/black_sea-club.ua

² Братья по оружию?//Николаевский бизнес. – Режим доступу: http://nikbiznes.blogspot.com/2011_09_01_archive.html

³ Sea-Breeze прошёл на высшем уровне. – Режим доступу: <http://seabreeze.org.ua/?p=1578>

of NATO organization). Therefore, the Mykolaiv participation in military exercises under the aegis of the United Nations is bringing Ukraine closer to the European security standards. To answer the question of Mykolaiv regions' correspondence with the EU local government standards, its principles should be compared with ones of the leading European states. Comparing local governments of Ukraine and Poland is efficient firstly because both countries are neighbors and can be characterized as post-soviet according to some political features. Last but not least, Poland is a big lobbyist of Ukrainian interests in the EU. Authors of the survey also choose these two countries since Poland may be an example of successful local government reforms and outline the EU standards' approach in this issue. So, the representatives of the Ukrainian local government visited Poznan of the Polish Republic to participate in the seminar concerning "local government reforms" on 18–19 of October 2011¹. Ukrainian delegation included representatives from Mykolaiv region as well. One of the requirements to enter the EU is the administrative reform and local government reform, therefore the successful experience of Poland is studied at all levels and almost in all regions of Ukraine. Talking about the local government in Mykolaiv region is concerned, it includes the following elements: territorial community; rural councils, settlement councils, city council; village chiefs, settlement heads, mayor; executive bodies of rural, settlement and city councils; district councils and regional councils, representing common interests of rural, settlements and cities territorial communities; community associations².

As for Poland, since September 1, 1999 the already reformed local government system has been operating in the state. The significant difference of local government from the Ukrainian one is, that only a part of local and regional assignments are implemented by the government which is a direct subject to the Council of Ministers, the Prime Minister or individual ministers. The main number of non-national administrative tasks is performed by the territorial government represented by local authorities that are subjects to local or regional community, which represents its interests. Since January 1, 1999 Poland has a three-stage structure of the territorial government: gmina-powiat-voivodship. Distinctive feature is that Polish territorial government does not have hierarchical structure. Gmina, powiat, and voivodship are independent from each other and together are subject to supervision exclusively by the state administration, regional audit chambers within the limits of law. Other strong point of the Polish reform is the consolidation of the territorial units. Introducing large self-governance "voivodship" units to the administrative system aimed to establish strong regions to compete with other states' regions after Poland's entry to the European Union. Po-

¹ Місцеве самоврядування: польський досвід. – Режим доступу: <http://www.trrada.te.ua/402>

² Місцеве самоврядування в Україні. – Режим доступу: <http://www.auc.org.ua/page/mistseve-samovryaduvannya-v-ukraini>

land has 16 voivodships while Ukraine has 24 regions, two cities with special status (Kiev and Sevastopol) and the Autonomous Republic of Crimea. Other figures to compare: Poland has 370 powiat-level entities and 2479 gminas, each gmina unites about 10–12 villages¹. Ukraine has 492 districts, 11549 rural and settlement councils, which in fact makes their effective activities impossible². The main difference is that local government in Poland is financially independent today, as the majority of taxes which are collected on the territory of gmina or powiat, remain there. Interest of Europe in reforming the local government of Mykolaiv region is acknowledged by different EU projects. So, the project on local community groups' establishment in Bashtanka that took part in the European commission contest was appreciated as one of the best and given a grant in 2004. The grant was given by the British delegation, which not only gave advices on establishing local communities, but also showed their interest in our experience of forming associations of multistory buildings owners. An example of the close cooperation between Mykolaiv region and the EU may as well be the "Ukraine-the EU: investments, partnership and cooperation" conference that took place in Mykolaiv region in February 2011³. The issue of investing in Mykolaiv region in the sphere of reconstruction and modernization of roads was raised on the conference. The issue of building the solid waste disposal and recycling plant was on the agenda as well. But the cooperation between Mykolaiv region and Europe should not be concerned only from the point of view of assistance in local government reforming. Mykolaiv takes an active part in the "Prozora Ukraina" global project proposed by Poland in 2007⁴. This project aims to establish the real local government by introducing the new legislation for Ukraine in general. The conference held in Valencia on October 15–16 was visited by delegates from Mykolaiv region as well. They were not only taking part in discussions on the projects, but also were considering the opportunities for practical implementation of "Prozora Ukraina" project principles, and were proposing specific steps to be made in this field. So, the conference specified the following principles of the "good" local government: fair elections, responsibility, efficiency, openness and transparency, supremacy of Law, ethical conduct, competence, innovations and openness to changes, stability and orientation toward long term objectives, competent financial management, human rights, cultural diversity and social prosperity, accountability, financial independence⁵.

¹ Місцеве самоврядування: польський досвід. – Режим доступу: <http://www.trrada.te.ua/402>

² Місцеве самоврядування в Україні. – Режим доступу: <http://www.auc.org.ua/page/mistseve-samovryaduvannya-v-ukraini>

³ Європа зацікавилася Баштанкою//Рідне Прибужжя. – 2004. – 14 квітня. – С. 2.

⁴ Прозора Україна. Методика впровадження завдань. – Черкаси – 2008. – С. 23.

⁵ Там же. – С. 30.

One of the tasks of “Prozora Ukraina” was to establish electronic government to simplify document management between Ukrainian regions, and between Ukraine and Europe later. So on March 1, 2010 the ministry of Ukraine issued the directive: “the issue on pilot project implementation introducing the electronic governance technologies”¹. Only three regions were chosen to begin elaborating this point and trying to bring the project to life in test mode. Among the chosen regions were Odessa region, Dnipropetrovsk region and Mykolaiv region. Thus, Mykolaiv presented the “Electronne misto” (Electric city) project at the section meeting on e-governance which was held in the end of March 2010. The launching of project’s test version Mykolaiv started in 2012. But it should be noted, that Mykolaiv also tries to consider the experience of local government reforms of non-EU states as well as ones that have already joined it. First of all, we are referring to Norway. So, mayors from 11 cities of Mykolaiv and Odessa regions visited Norway in February 2011². The visit was carried out in a joint project of the Association of Cities of Ukraine and the Norwegian Association of local authorities. Norway was visited by mayors of Voznesensk, Pervomaisk, Pivdenoukrayinsk, Nova Odessa, Bashtanka, as well as by representatives of the Petro Mohyla Black Sea state institute.

Also Mykolaiv is an investment-attractive region in the south of Ukraine thanks to high industrial, scientific and technical potential, advantageous geographical location, developed transport infrastructure, high education level of population, high-qualified labor force, natural resources and accessibility to markets of the CIS states, Europe, Asia and Africa.

Nonetheless, insufficient investing remains the main problem of the region. For the time being, the region does not take part in testing on terms of “Global competitiveness index”, being held by the fund “Effective governance” in association with the World economic forum for several years. But it should be mentioned that in September 2010 Mykolaiv was visited on advisory basis by the delegation of the Executive Board of the European Bank for reconstruction and development, with representatives from 15 European states³. The visit aimed to study the investment climate condition of the region, and acquaint the city and regional government with current and potential investment projects of the EBRD. It gives hope to develop the further strategy of cooperation between the Bank and Ukraine and the region itself in implementing investment projects.

¹ Электронное управление в Николаеве: миф, реальность или необходимость. – Режим доступа: <http://novosti-n.mk.ua/news/read/?id=21855>

² Козлов С. Норвежское самоуправление – пример для многих/С. Козлов//Вечерний Николаев. – 2011. – 17 февраля. – С. 4.

³ В Украину едет совет директоров ЕБРР. – 2010. – 17 сентября. – Режим доступа: <http://news.liga.net/news/economics/491216-v-ukrainu-edet-sovet-direktorov-ebrr.htm>

Analysts notice that the experience of the investments attraction leader in East Europe — Czech Republic — may be useful for Mykolaiv region. Czech cities have extensively used the method of selling lands with prepared infrastructure to strategic investors, sometimes even with houses built for new enterprises' staff. Wherein one of the conditions for investors was the connection of their activities with the local economy¹. Mykolaiv could have used this experience long ago. But dozens of large supermarkets are built on the land plots, located in the most attractive areas of the region. The city and the region practically have no profit — trade networks pay taxes for locations where they are registered, and budget of Mykolaiv gets crumbs of profits tax. But Mykolaiv extensively cooperates not only with European states. For the last 10 years Mykolaiv succeeded in receiving not only European, but also international recognition. The number of Mykolaiv twin towns is eloquent: Batumi (Georgia, since 1995), Trieste (Italy, since 1996), Bursa (Turkey, since 2001), Tiraspol (Pridnestrovia, since 2004), Moscow (Russia, since 2005), Borjomi (Georgia, since 2006), Lyon (France, since 2006), Mogilev (Belarus, since 2009), Dezhou (PRC since 2009) etc².

At the end of research we would like to say, that Mykolaiv region is not only grain production and transport infrastructure. It is a region with large ship-building plants, as well as enterprises-monopolists which is producing 100% of Ukrainian alumina and gas turbines, and the nuclear station located in its territory produces 10% of the Ukrainian electric energy. Nevertheless, Mykolaiv is not yet able to be compared with European cities. First of all, because of the legislation of Ukraine not being reformed and adopted enough to the EU requirements. But, Mykolaiv region extensively develops relationships with the EU member states and makes certain steps on the way to introducing the new effective domestic policy reforms.

*Sorokin Alexandr Grigorevich, Volgograd State University,
post-graduate student, the chair of political science
E-mail: A. G. Sorokin@yandex.ru*

Institutionalization of political parties: the theoretical aspect

¹ Чехия – лидер по привлечению инвестиций в недвижимость. – Режим доступа: <http://www.ecgroup-cz.com/modules.php?name=News&file=article&sid=604>

² У Николаева – уже 10 городов-побратимов (список и немного истории). – Режим доступа: <http://www.zadira.mk.ua/news/3663>

*Сорокин Александр Григорьевич,
Волгоградский государственный университет,
аспирант, кафедра политологии
E-mail: A. G. Sorokin@yandex.ru*

Институализация политических партий: теоретический аспект

Политические партии в современных демократических государствах представляют собой главный механизм взаимодействия гражданского общества и государства. Совершенствование существующих партий и появление новых требует значительного внимания как со стороны политических деятелей, так и со стороны научных исследователей. Поиск эффективных путей развития таких политических институтов, способствующих демократизации любого государства, обуславливает актуальность данного исследования.

Неотъемлемой частью изучения политических партий как института, является раскрытие понятийного аппарата, основных признаков и механизмов партийного генезиса. Понятие «политический институт» достаточно подробно описано в зарубежной и отечественной литературе. Еще М. Дюркгейм определял институт как «идеальные образования в виде обычаев и верований, которые способны материализоваться в практической деятельности социальных организаций различных времен и народов»¹. М. Дюверже рассматривал политические институты как «модели человеческих отношений, с которых копируются конкретные отношения, приобретая, таким образом, характер стабильных, устойчивых и сплоченных. Они отличаются от отношений, возникающих вне рамок институциональных моделей; последние случайны, эфемерны, шатки»². Следует учесть, что политологи в большинстве своих исследований изучают политические институты либо, как государственные учреждения, либо как организации на которые распространяются нормативные полномочия государства, то есть имеющие легальное основание. С. И. Морозов выделяет основные признаки политического института: «четкое распределение функций, прав и обязанностей участников институализированного взаимодействия», «рационально обоснованный, жесткий и обязывающий характер социальной регуляции», «наличие политических организаций, в рамках которых организуется деятельность того или иного института, осуществляется управление, контроль над его деятельностью», «наличие общепризнанной символики, на основании которой происходит политическая идентификация индивида с данным политическим институтом или

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991.

² Duverger M. Sociologie politique. – Paris: PUF, 1970.

организацией и легитимация последних»¹. Учитывая основные подходы изучения «политического института» и обозначив его основные признаки, определим данное понятие как *легальную стабильную модель человеческих отношений, имеющих четкую организационную структуру, стремящуюся к успешному политическому функционированию*. Являясь отдельными фрагментами, политические институты составляют основу политической системы страны. По степени их развития можно судить об уровне цивилизованности общества.

Рассматривая генезис политической партии, приобретающей форму политического института необходимо раскрыть понятие «институализация». В различных научных публикациях дается множество определений данному понятию. В. Меркель считает, что институализация — это «процесс образования набора правил, задающих контекст человеческого сосуществования и взаимодействия»². В. А. Ачкасов рассматривает её как «процесс образования, развития и усвоения индивидами, различными социальными общностями необходимых норм и ролей, ценностей и эталонов политического поведения, способов контроля за их поведением, а также результат процесса, в рамках которого политическое действие начинает регулироваться и приобретать стабильные черты политической структуры»³. Еще одно определение, вызывающее научный интерес в рамках данного исследования, было предложено профессором Калифорнийского университета Ф. Селзником. Под институализацией он понимает то, что «постоянно (в течение всего времени) происходит с организацией, отражая собственную индивидуальную (определенную) историю организации, людей, которые в ней участвовали, группы, которые она воплощает, и корпоративные интересы, которые они создают, а также способ, которым она адаптируется к окружению»⁴. Соглашаясь с такой точкой зрения, можно сделать вывод, что процесс политической институализации, не ограничивается приобретением её объектом формальных признаков политического института, а продолжается на всем пути его дальнейшей функциональной деятельности.

Широкое освящение в зарубежной и отечественной литературе получил вопрос институализации политической партий. Одним из первых, среди западных исследователей, рассматривал понятие «институализация», применительно к по-

¹ Морозов С. И. Модернизация российского государства как политического института в условиях глобализации / Дис. канд. полит. наук. Краснодар, 2006.

² Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. – 2002. – № 2.

³ Ачкасов В. А., Грызлов Б. В. Институты западной представительной демократии в сравнительной перспективе. – СПб.: ИВЭСЭП, 2006.

⁴ Selznick Ph. Foundations of the Theory of Organization // American Sociological Review. – 1948. – № 13 (1).

литическим партиям, американский социолог и политолог С. Хантингтон. Он характеризовал институализацию политических партий, как «процесс, посредством которого заканчивается формирование партий, которые приобретают ценность и стабильность»¹. В работах отечественных исследователей прослеживается уклон в сторону изучения правовой институализации партий. Так А. В. Курочкин определяет её как «процесс трансформации общественных форм ассоциаций граждан (не оформленных в соответствии с требованиями действующего законодательства), объединенных общей целью, в политико-правовой институт путем вовлечения их в сферу регулирования правом комплекса отношений, связанных с образованием, организацией и деятельностью партий»². В. Б. Евдокимов указывает: «институализация политических партий — это регламентация их порядка образования и деятельности в качестве особого правового института»³. Безусловно, правая составляющая играет значительную роль в институализации политических партий. Нормативная основа деятельности партий является «катализатором процессов более четкого организационного оформления политических партий»⁴, а также регулирует право существования политических партий. Примером тому служит появление в России десятков новых партий после изменений в 2012 г. Федерального закона «О политических партиях». Однако правовая сторона не является единственным показателем институализации партий, а выступает лишь одним из внешних факторов, влияющих на данный процесс. Понятие «институализация политических партий» имеет более широкое значение, и включает в себя как приобретение партиями признаков политического института, так и его дальнейшее развитие. Помимо законодательной регламентации к внешним факторам также можно отнести: политическую обстановку в стране, наличие политической ниши (для конкретной партии) в виде востребованности в обществе, наличие (отсутствии) политических партий-конкурентов со схожими целями и предлагаемыми методами их достижения. Некоторые исследователи выделяют также временной фактор. С. Хантингтон пишет: «политические институты складываются не за один день», и «политическое развитие есть в этом смысле медленный процесс, особенно по сравнению с намного более динамичным процессом экономического раз-

¹ Huntington S. Political Development and Political Decay//World Politics. – 1965. – Vol. 17. – № 3.

² Курочкин А. В. Институционализация политических партий в условиях современной российской государственности (политико – правовое исследование). – Казань: Центр инновационных технологий, 2006.

³ Евдокимов В. Б. Партии в политической системе буржуазного общества. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990.

⁴ Даниленко В. Н. Политические партии и буржуазное государство. – М.: Юрид. лит., 1984.

вития»¹. К внутренним факторам отнесем: организационную структуру, наличие адекватных лидеров, сопоставимую общественным запросам программу, наличие региональных представительств, общественных приемных. Таким образом, одним из основных направлений институализации партий является укоренение и упрощение их в обществе, а также повышение их межпартийной конкурентоспособности. Учитывая вышеизложенное, определим институализацию политических партий как *процесс приобретения партиями признаков политического института, обладающего правовой основой, регулятивными механизмами, стабильной организационной структурой, и способного к динамическому развитию.*

Политическая партия является одним из основных политических институтов. Представляя собой общественную организацию людей, в демократических странах, партия выступает главным механизмом взаимодействия общества и государства. Являясь обособленными частями фрагментированного политического спектра, партии выражают интересы определенной части общества. Соответственно чем разнообразнее и влиятельнее будут партии, тем больше будет охвачен круг интересов стратифицированного социума. Таким образом, непрерывный процесс институализации политических партий способствует развитию гражданского общества и совершенствованию политической системы страны в целом.

*Tretyakova Tatiana Evgenievna, Tomsk State University,
Lecturer, the Faculty of Philosophy, Department of Political Science
E-mail: Tretyakova.69@mail.ru*

Specificity of Political chronotope

*Третьякова Татьяна Евгеньевна,
Томский государственный университет,
Старший преподаватель кафедры политологии,
философский факультет
E-mail: Tretyakova.69@mail.ru*

Специфика политического хронотопа

Основой анализа политического хронотопа является теория русского философа и теоретика культуры Михаила Михайловича Бахтина: «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть хронотопом (что значит в дословном

¹ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. - М.: Прогресс-Традиция, 2004.

переводе — «время-пространство»)»¹. Данная позиция приобретает особую значимость в контексте политического анализа, поскольку постулирует органичное единство времени и пространства человеческой деятельности как особый контекст восприятия окружающего мира. Несмотря на то, что М. М. Бахтин анализирует хронотоп как формально-содержательную категорию литературы, мы считаем возможным использовать данное понятие для анализа политики и политического. «... Нам важно выражение в нём неразрывности пространства и времени (время как четвёртое измерение пространства). Хронотоп мы понимаем как формально-содержательную категорию литературы (мы не касаемся здесь хронотопа в других сферах культуры)»².

Хронотоп — есть выражение пространственно-временных характеристик единого целого, в роли которого может выступать роман, идеология, политика и т. д. Пересечение и тесная связь пространственных и временных рядов позволяет более полно представить картину различных сфер социальной жизни и создаёт удобную методологическую базу для анализа. «В... хронотопе имеет место слияние пространственно-временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится... зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп»³. Пространство и время рассматриваются как формы действительности. Человек осваивает окружающий его мир, используя особую матрицу восприятия, проявлением которой является хронотоп. «Всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов»⁴. Природа пространства в политическом хронотопе раскрывается через утверждение её принципиальной иерархичности и относительной неизменности. Об иерархичности свидетельствует сакральный статус центрального места политического пространства-времени. Разделение на сакральное (место власти) и профанное в политике имеет особое значение. Сакрализация статуса объекта происходит по мере продвижения от периферии к той точке пространства, которая считается его центром.

В соответствии с этой логикой, пространство членится на серию всё более сужающихся «концентрических окружностей», в пределах каждой из них все объекты обладают равной степенью сакральности. Центр же всего сакрально-

¹ Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике// Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 234.

² Там же. С. 235.

³ Там же. С. 401.

⁴ Там же. С. 406.

го пространства отмечается некоторой ценностью (или её изображением). Эта ценность становится тем источником, который во многих отношениях определяет структуру всего политического хронотопа в целом. Центр — как точка пространства с максимальным сакральным статусом — обычно рассматривается как конец мыслимой «мировой оси», т. е. абсолютный верх. Сама же эта ось является шкалой ценностей объектов, размещённых в политическом пространстве. Вертикальная ось пространства наиболее чётко высвечивает иерархическую структуру объектов. Любые изменения в политическом хронотопе обусловлены позицией центрального места. Центр устанавливает рамки, правила взаимодействия участников политики, которые соответствуют представлениям об адекватности и порядке. «Это процесс затвердевания новых границ между смыслами, явлениями и вещами мира, внесение в мир момента устойчивости (стабилизация новой иерархии), увековечивания (канонизации); это — процесс осерьёзнения мира (его образов, мыслей о нём, его оценок), внесение в него моментов угрозы, утрашения, страха. Но этот процесс затвердевания и осерьёзнения образов мира совершается только в официальных сферах, но эта официализованная культура — островок, окружённый океаном неофициального»¹. Центр — место воспроизведения ритуала творения, когда всё более сакрализующееся время исчезает и сливается с трёхмерным пространством.

Пространство определяется через совокупность путей, способных находиться в нём. Пространство высвобождает место для сакральных объектов, открывая через них свою высшую сущность, наделяя эту сущность жизнью, бытием, смыслом. Вещи не только конституируют пространство через задание его границ, отделяющих пространство от не-пространства, но и организуют его структурно, придавая ему значимость и значение (семантическое обживание пространства). «... Значение человек, его поступок, его слово и его жест приобретают только тогда, когда он находится в одном из этих мест. За всяким реальным бытовым местом должно просвечивать его топографическое место, чтобы оно могло стать ареной существенного... события, оно должно быть вписано в топографическое пространство, должно быть соотнесено с координатами мира»². Природа политического времени в хронотопе определяется также через индивидуальные особенности восприятия. Психическая обусловленность времени приводит к определённой вариантности его восприятия, при которой адресат (читатель) может приписать времени ряд функций, не предусмотренных отправителем (автором).

¹ Бахтин М. М. О Флобере//Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 137.

² Бахтин М. М. Дополнения и изменения к Рабле//Там же. С. 81.

Политический хронотоп — не пространственно-временная локализация, а особый способ бытия времени в пространстве и пространства во времени. Специфика этого бытия в политике определяется принципиальной иерархичностью и сокральным статусом центрального места. Каждый сегмент политики формирует индивидуальные комбинации агентов, их взаимодействий, ценностей и ориентаций. Мир политического организуется вокруг «оси», которая определяет правила политического взаимодействия и статус участников политики.

М. М. Бахтин утверждал, что политический хронотоп лишён динамики. Это статичное пространство-время, где взаимодействие происходит согласно перманентно присущим правилам игры. Пространство политического диалога может существовать лишь в модальности долженствования. Иерархичная структура политического хронотопа определяет монологический стиль общения между властью и теми, кто отчуждён от власти. Политическая коммуникация может быть интерпретирована как обмен символами господства-подчинения, что подвергает сомнению её диалоговый характер. Это сущностное качество политического хронотопа — следствие особой организации политического пространства-времени. Оппозиция «друг-враг», которая в контексте данной статьи трактуется как следствие архетипической схемы «свой-чужой», задаёт жёсткие рамки взаимодействия в ходе политического процесса.

Особенность подобных бинарных оппозиций заключается в том, что они не только активно транслируются, закрыты для модификации, но и не допускают критического восприятия. Это исконные типы восприятия действительности, первоначальные модели, которые имеют статус образцов, фундированных культурой. Логика политического хронотопа определяет жесткую грань между сферами «своё» — «чужое». «Своё» — исконное, «Я», собственный подход, родной язык, религия, истоки, семья, родное, хорошее. «Своё» — это традиционное, семейное, близкое. «Чужое» — это то, чего не знаешь, не понимаешь, новое, другое, опасное, пугающее.

По мере того, как меняется наше представление о времени и пространстве, происходит стирание национальных особенностей и языков. Это предполагает проникновение в чужую культуру. Язык и образование могут способствовать переводу «чужого» в «своё», но на каких условиях? Межкультурная коммуникация может привести к открытию, приближению «чужого». В то же время может возникать и новый взгляд на «свое», тождественное, «единое», «единодушное». Такой подход становится возможным в результате формирования так называемой «вторичной языковой личности». Как правило, подобные явления воспринимаются участниками политического процесса как угроза суверенитету. И вызывают негативную реакцию общественности (антиглобалистские тенденции в современной политике, автономизм, сепаратизм, регионализм, ирредентизм и т. д.)

Отечественная история знает немало примеров реализации подобных проектов. Так, с конца 1930-х годов языки народов Советского Союза были переведены на русский алфавит. Эта акция принципиально изменила диспозицию «свой-чужой» в этно-лингвистическом и политико-культурном пространстве политического хронотопа. С одной стороны, представители родственных языков, проживавших по обе стороны государственной границы, были разделены при помощи новых маркеров. С другой стороны, это позволило инициировать процессы гомогенизации населения советской империи на основе самого крупного этноса и его языковой основы. Эти процессы не захватили только те этносы, которые сохранили национальные системы письма или латиницу. Те же народы, которые стали объектом культурно-языковой русификации, испытали на собственном опыте и другие формы угнетения, свойственные подобной системе государственного устройства (империя)¹.

Политический хронотоп — сфера, где каждый человек мыслит, действует и самоопределяется через языковую среду. Отсутствие элементарных знаний о языке политики и навыков его использования оставляет человека за гранью общественной и политической жизни. Начальные процессы политической социализации сопряжены с постижением языковой культуры данного общества. Политический язык является модусом естественного языка. Политическим языком мы будем считать язык, взятый в качестве производства либо воспроизводства политических отношений. Язык не отражает политическую действительность, он создаёт специфическую реальность, поэтому природа языка политики принудительная и искусственная.

Прежде всего, необходимо указать на системный характер политического языка. Единство политического хронотопа диалектично и образуется благодаря конкурирующим позициям участников политики. Поэтому политический язык дан нам как система различий и как совокупность правил, то есть как система кодов. Эта система позволяет выстраивать оппозицию «свой» — «чужой». А также служит механизмом политической «инициации», так как усвоение кодов является условием политической коммуникации.

Как модус естественного языка, политический язык вторичен и коннотативен. Он включён в обыденный язык также, как политическое бытие — в — мире включено в бытие-в-мире. Денотат указывает на предметное значение слова. Коннотация — это вторичная информация, которая придаёт дополнительные эмоциональные и оценочные оттенки, сопутствующие денотату. Многие синонимы совпадают по денотату: деградация и вырождение (опорной когнитивной схемой является движение назад, ухудшаться, приходиться в упадок), но разли-

¹ Алпатов В. М. 150 языков и политика 1917–1997. Социоллингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 1997, - 191 с.

чаются коннотациями (деградация — снижение по иерархическим уровням, вырождение — движение к гибели). Часто политический язык использует уже готовые знаки, лишая их денотата. Эффект политизации базовых, политически нейтральных концептов — обычная практика политической мобилизации и манипуляции общественным сознанием. «Утверждение часто значит то же, что и обратное утверждение, поскольку произнесённые слова обладают определённым мифологическим полем, знак которого не зависит от синтаксической связи между словами»¹. Иногда первичное значение может сохраняться и существовать наравне со вторичным. В этом случае каждый знак, который используется таким образом, становится «символическим отцом». Политический язык опосредует систему политических отношений и одновременно сам является системой политических отношений. Собственно, убедиться в существовании политического языка можно, только рассматривая его в качестве целостной и относительно автономной системы отношений. В этом случае мы стараемся выйти за пределы политического языка, рассматривая его в качестве предмета и при этом оставаясь в рамках естественного языка. Учитывая это постоянное бытие-в-языке и перманентную коннотативность, можно говорить о вероятной ангажированности или политизированности любого научного дискурса о языке политики.

В качестве системы политических отношений политический язык предшествует индивидуальной политической речи или политическому высказыванию. Политическая речь или высказывание трактуется как проявление индивидуальной воли, акт свободной актуализации предписанных политическим языком правил. Мы присоединяемся к мнению Й. Доминика, который утверждает, что логика политического языка ориентирует агентов политической речи на мастерское владение ситуацией, а не выстраивание системы доказательств и аргументации. Если политический язык определять как способ бытия-в-мире политики, то речь — это конкретное осуществление практик этого бытия. Таким образом, политическая речь — одна из практик присутствия в мире политического².

Политическая речь опосредует все другие его практики, которые становятся доступными для понимания, наличными в рамках лингвистического горизонта. Мы можем говорить о лингвистическом горизонте, как о политическом, так как через него все практики открываются в качестве политических действий, в основе которых лежит бытие политических отношений. Политический язык не имеет референта, отсылая лишь к референции. Как правило, референция устанавливается в результате применения конвенциональных языковых правил. Язык политики явля-

¹ Паперный В. Культура Два. М., 2006. С. 230.

² Dominick J. R. The Dynamics of Mass Communication/Joseph R. Dominick. 5 ed. The McGraw-Hill Companies, Inc., 1996. P. 56.

ется перформативным языком. Как перформативное, политическое высказывание, политический язык не описывает ситуацию, существующую вне и до языка, а всегда только порождает и изменяет ситуацию. Каждое политическое высказывание создаёт определённый контекст, но этот контекст не переживает сам акт высказывания¹.

Перформативный речевой акт никогда не воспроизводится, не может быть повторён, а всегда только исполняется, импровизируется. Он уникален, единичен и, в строгом смысле, не является знаком, который предполагает неограниченную повторяемость. С другой стороны, в концепции Ф. де Соссюра знак рассматривается как психоакустический образ, предполагающий единство образа звукового ряда (означающее) и образа вещи (означаемое). Поскольку референт не включён в сферу знака, перформативные акты всё-таки являются знаковыми. Отношение «означаемое — означающее» у Ф. де Соссюра, хоть и произвольно, но однозначно и постоянно. В перформативном речевом акте как раз это отношения является уникальным и невозпроизводимым. Суть в том, что политическая речь формирует собственный контекст и в нём же реализуется. Традиционным является следующее представление: контекст порождает высказывание, и высказывание объясняется исходя из контекста. Контекст рассматривается как нечто постоянное и неизменное. К нему можно вернуться, воссоздать его. Контекст гарантирует аутентичность предмета, так как является доксой — общезначимым и здравым смыслом.

Контекст политической речи можно воссоздать на основе самой этой речи, но не наоборот. Акты политических высказываний, которые являются именем, никогда не обозначают свой собственный смысл, не указывают на контекст, который, в данном случае, функционирует как код для выявления смысла. Смысл имени может быть обозначен только другим именем, о чём также свидетельствуют парадоксы сигнификации Ж. Делёза (парадокс нейтральности, парадокс стерильного раздвоения, абсурда и регресса). Проблема разрешима, поскольку существует множество контекстов, которые более постоянны, например, — общекультурный, общеисторический контексты, где время присутствует как протяженность, но не как мгновение. Противостояние двух структур темпоральности в политическом языке и речи разрешается в ситуации одновременности. Одновременность политической речи — необходимое и достаточное условие адекватности. Таким образом, политический контекст будет действителен настолько, насколько он будет адекватен. Адекватность, в данном случае, может трактоваться достаточно широко. Так, крайним значением будет значение абсурда.

Отсутствие однозначной связи символ — референция, означающее — означаемое, которое имеет место в перформативном высказывании, прадоксальным

¹ Fodor J. A Theory of Content and Other Essays (Cambridge Mass.: The MIT Press, 1992). P. 119.

образом создаёт возможность внеконтекстуального повтора. Политическое высказывание функционирует как означающее без означаемого. Поэтому политический язык риторичен, ведь риторика предполагает возможность внеконтекстуального повтора. Риторическая ориентация, возможность применения в разных контекстах лишает политическое высказывание индивидуальности, ситуационной фиксированное, самождественности, идентичности. Идеальная повторяемость делает знак пустым словом. Поэтому политическая речь — пустая, и сама способствует выработке смысла.

Section 6. Psychology

*Gorokhov Aleksey Yurevich, The Herzen State
Pedagogical University of Russia, Head of Department
of organizational psychology
E-mail: nilus1@rambler.ru*

The main aspects of job satisfaction sellers nonfood products with different levels of professional success

*Горохов Алексей Юрьевич, Российский педагогический
университет им. А. И. Герцена, доцент кафедры
организационной психологии, психолого-педагогический факультет
E-mail: nilus1@rambler.ru*

Основные аспекты удовлетворённости трудом у продавцов непродовольственных товаров с разным уровнем профессиональной успешности

Над исследованием мотивации, успешности профессиональной деятельности и удовлетворенностью трудом работали следующие авторы: Ю. В. Макаров, Никифоров Г. С., А. А. Грачёв, А. Ю. Горохов, И. А. Тихомирова и др.

Практическая значимость работы состоит в том, что подобранный методический комплекс и результаты практического исследования могут быть полезны в деятельности психолога в сфере психологии труда при изучении профессиональной деятельности и личностных особенностей работников торговли.

В качестве объекта выступили продавцы непродовольственных товаров, в количестве сорока человек.

Предмет исследования удовлетворенность трудом.

Задачей нашего исследования является определение конкретных аспектов удовлетворённости трудом у представителей продавцов с разным уровнем профессиональной успешности. Какие условия труда продавцов, являются наиболее важными.

Результаты, полученные с помощью анкеты, показали следующее:

Таблица 1. – Удовлетворённость различными условиями труда

Основные условия:	Низкая профессиональная успешность	Высокая профессиональная успешность
Содержание труда.	67	71
Престиж, полезность данной деятельности.	57	59
Экономические условия.	52	68
Взаимоотношения с людьми.	55	72
Внешние условия, не связанные с данной деятельностью.	56	45
Влияние, управление.	32	35
Карьера, повышение.	41	38
Независимость.	47	65
Обстоятельства.	34	29

На первом месте, у продавцов с большей степенью профессиональной успешности, расположился блок — взаимоотношения с людьми.

Практически у всех продавцов непродовольственных товаров из данной группы высоко развит коллективизм.

Удовлетворённость взаимоотношениями говорит нам о том, что в целом между продавцами сложились позитивные, благоприятные взаимоотношения и психологический климат в данном коллективе благоприятный.

Следующим блоком, где у сотрудников данной группы нами была обнаружена высокая удовлетворённость деятельностью, является блок — содержание труда: Многие продавцы ценят разные компоненты содержания труда в данной организации. Они спокойно относятся к тому, что на работе приходится мириться с многими неудобствами, например, подолгу стоять, или с неприятным поведением некоторых покупателей и так далее.

Третьим по значимости, для продавцов с высокой степенью профессиональной успешности выступил блок — Экономические условия труда.

Вероятно, что в ситуации экономического кризиса стабильный доход вызывает большее удовлетворение у продавцов, чем другие показатели удовлетворённости.

Возможно, что высокой удовлетворённости по данной переменной способствует и то, что они имеют сдельную оплату труда, а при высоких объёмах продаж заработная плата становится выше.

Оценивая следующий по убыванию удовлетворённости блок– Независимость, видно, что для продавцов данной группы независимость является доста-

точно важным условием удовлетворённости деятельностью. Возможно, что это связано с тем, что сама работа продавца предполагает высокую степень независимости, поэтому, те люди, которые выбирают данную профессию, характеризуются по данной переменной высокими значениями.

Скорее всего, работники оценивают независимость, как возможность самостоятельно выбирать объём, график работы и так далее.

Далее следует блок — престиж, полезность данной деятельности. Для продавцов данной группы достижение социального признания и уважения и возможность чувствовать свою полезность (общественную полезность труда) характеризуется средним уровнем удовлетворённости.

Следовательно, продавцы из группы с высокой степенью профессиональной эффективности считают, что их работа в некоторой степени престижна и полезна.

Далее, с гораздо меньшей степенью удовлетворённости, располагается блок внешние условия не связанные с данной деятельностью. По этой шкале удовлетворённость продавцы оценили только на 45 баллов.

Для представителей нашей группы является важным привычка работать на данном предприятии, нежелание искать что-то “новое”, а также месторасположение работы и расстояние от работы до дома.

Наименьшее количество баллов у представителей данной группы заняли такие блоки, как — карьера и повышение, — влияние и управление, и обстоятельства.

Поскольку представители данной выборки являются продавцами, возможность высокого карьерного продвижения они для себя не видят. Вероятно, за тот срок работы, который они провели в данном предприятии, примеров высокого карьерного роста у них в коллективах не наблюдалось.

Сюда же входит и возможность влияния, которая, судя по полученным результатам, у продавцов непродовольственных товаров из данной группы совсем не высокая.

Тоже самое, мы можем сказать и про блок — обстоятельства работы, по которому обнаружилась минимальная удовлетворённость.

В ходе проведения оценки удовлетворённости трудом продавцов с меньшей степенью профессиональной успешности, выявлены следующие результаты.

Для данных продавцов, на первом месте по степени удовлетворённости стоит блок — содержание труда.

Судя по всему, продавцов непродовольственных товаров, устраивает различные аспекты содержания труда. А именно: работа с людьми, распорядок дня предприятия, сменный график работы и т. д.

Следующим, по степени уменьшения удовлетворённости, идёт блок— престиж, полезность данной деятельности.

Для данной группы продавцов, престиж и полезность является важным условием деятельности, им не столь значимо достижение социального признания и уважения, сколько возможность чувствовать свою полезность для других.

Следующим, чуть менее важным условием удовлетворенности для лиц с меньшей степенью успешности является блок с названием — внешние условия не связанные с данной деятельностью (56 баллов), в которых перечисляются такие факторы как: месторасположение работы (расстояние до предприятия) и возможность совмещать работу с учёбой или другой работой.

В первом случае продавцы заинтересованы в том, чтобы работа находилась недалеко от дома, или хотя бы не испытывать сложности с транспортом.

Практически такая же удовлетворенность обнаружена по следующей переменной (55 баллов) — взаимоотношения с людьми.

По сравнению с предыдущей группой у данных продавцов не такая степень удовлетворенности взаимоотношениями в коллективе.

Возможно, что такая удовлетворённость системой взаимоотношений связана с возможностью взаимодействовать с другими продавцами в процессе работы.

Следующим, в порядке убывания, расположился блок — экономические условия труда. По нему продавцы набрали 52 балла.

По сравнению с представителями вышеописанной группы, продавцы, оказались гораздо и достоверно менее удовлетворены экономическими условиями труда. Вероятно, это связано с меньшей оплатой труда из-за меньшего объема продаж.

Следующим по степени уменьшения удовлетворённости, у представителей нашей первой группы, выступает блок — независимость.

По этой характеристике удовлетворённости у нас получились небольшие расхождения у представителей наших групп испытуемых.

Вероятно, экономический кризис, который по оценкам экспертов наиболее тяжело отразился на покупательской способности населения, привёл к тому, что люди, работающие в системе непродовольственной торговли, стали чувствовать себя наименее защищёнными от последствий кризиса.

Ещё ниже удовлетворённость у представителей группы продавцов наблюдается по следующим переменным: перспектива карьерного роста, блок — обстоятельства.

Вероятно, многие сотрудники попали в данную организацию в силу стечения различных обстоятельств.

У некоторых продавцов, в силу своих личных характеристик, сложилась привычка работать в данной отрасли, и у них, как правило, нет желания искать что-то “новое”.

Далее по убыванию идёт блок — влияние и управление. Специфика работы в коммерческом учреждении, состоит в том, что представители обеих наших исследуемых групп не испытывают возможности серьёзно влиять на работу учреждения.

По данным этого исследования обнаружены достоверные различия по следующим шкалам:

Взаимоотношения с людьми 5%, где Т-критерий Стьюдента составил 11,786

Экономические условия: 5%, где Т-критерий Стьюдента составил 8,254

Независимость: 5%, где Т-критерий Стьюдента составил 7,423

По остальным шкалам, достоверно значимых различий не обнаружено.

Из результатов степени оценки удовлетворенности различными аспектами труда, мы можем сделать вывод:

Продавцы с меньшей профессиональной успешностью меньше удовлетворены системой взаимоотношений между людьми. Вероятно, меньший объем продаж приводит к недовольству, и как следствие, ухудшению отношений с коллегами и покупателями.

Продавцы с высокой степенью профессиональной успешности гораздо больше удовлетворены экономическими условиями труда и испытывают большую удовлетворенность переменной независимостью, чем продавцы с меньшей степенью проф. успешности.

Можем предположить, что низкая оценка профессиональных умений со стороны руководства и коллег приводит к уменьшению базовых показателей удовлетворенности трудом.

Список литературы:

1. Горохов А. Ю. Мотивы профессиональной деятельности депутатов муниципального образования и сотрудников администрации муниципалитета // Современная психология: теория и практика: материалы XI международной научно-практической конференции, г. Москва, 30 декабря 2013 г. / Науч.-инф. издат. центр «Институт стратегических исследований». – Москва: Изд-во «Спецкнига», 2013. – С. 26–29.
2. Горохов А. Ю., Тихомирова И. А. Основные мотивы профессиональной деятельности помощников депутатов законодательного собрания Санкт-Петербурга / Общество, наука и инновации: сборник статей Международной научно-практической конференции. 29–30 ноября 2013 г.: в 4 ч. Ч. 4 / отв. ред. А. А. Сукиасян. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – С. 81–84.
3. Грачев А. А. Жизненные ориентации как детерминанты жизнедеятельности // Психологические проблемы самореализации личности. – СПб, 1999. – С. 26–36.
4. Макаров Ю. В. Горохов А. Ю. «Мотивационно-смысловые характеристики личности депутата, готового к тренинговым инновациям» Сборник материалов конференции “Science, Technology and Higher Education”. IV “Science, Technology and Higher Education” January 30, 2014 CANADA
5. Психология менеджмента: Учебник для вузов / Под ред. Г. С. Никифорова. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Питер, 2004. – 639с.

*Isaenko Nadezhda Alekseevna, Higher School of Economics,
MA student, the Faculty of Psychology
E-mail: whole.psyche@gmail.com*

Psychological predictors of attitude to homosexuality

*Исаенко Надежда Алексеевна,
Государственный университет — Высшая школа экономики,
студент (магистр), факультет психологии
E-mail: whole.psyche@gmail.com*

Психологические факторы отношения к гомосексуальности

Несмотря на то, что во многих зарубежных странах на уровне общественного мнения, политики и законодательства происходят изменения в сторону принятия, все же мужчины и женщины с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией подвергаются широкой стигматизации. В современной России происходит обратный процесс: этнические предрассудки имеют большую силу в обществе, а сексуальные предрассудки и ценности традиционной семьи — отражаются в законодательстве. С целью изучения психологических факторов и ценностных оснований отношения к гомосексуальности в РФ, а так же возможных путей снижения напряжения в отношениях гетеросексуалов и сексуальных меньшинств, автор осуществляет обзор данных зарубежных эмпирических исследований сексуальных предрассудков, т. е. итернализированной гетеросексуалами культурной стигмы, выраженной в форме негативного отношения к сексуальным меньшинствам, однополому влечению и поведению. После освещения концептуальных оснований разделения понятий «гомофобия» и «сексуальные предрассудки», обсуждаются связи сексуальных предрассудков с полом и другими переменными, и рассматриваются положения о том, как культурные институты создают социальный контекст, в котором выражение предрассудка может удовлетворять важные психологические потребности. Такие потребности включают: ощущение безопасности и принятие социумом, особенно у личностей с зависящей от оценок окружающих самооценкой (contingent self-esteem), подтверждение ценностей, центральных для представления о собственной личности, избегание тревоги и других негативных эмоций, связанных с расширением ценностных убеждений или угрозой самооценке. В завершении перечисляются факторы, которые могут мотивировать гетеросексуалов к снижению собственных сексуальных предрассудков, включающие межгрупповой контакт, а так же предлагаются актуальные направления для эмпирических исследований сексуальных предрассудков как в России, так и в мире.

Вопросами о природе сексуальной ориентации первым в России начал заниматься И. С. Кон, одной из целей которого было просвещение молодых людей, родителей и воспитателей, а также широкой общественности в данной теме¹. Рассматривая психологическую природу предрассудка вообще, И. С. Кон заметил, что восприятие даже простейшего объекта — не изолированный акт, а часть процесса. Оно зависит прежде всего от той системы, в которой предмет рассматривается, а также от предшествующего опыта, интересов и практических целей субъекта², а так же убеждений, ценностей и аффективной реакции. В США в 1972 году психолог Джордж Вайнберг ввел понятие «гомофобия», которым он определял «страх находиться в непосредственной близости с гомосексуалами, а в случае самих гомосексуалов — ненависть к себе»³. Отвергая преобладающее мнение о том, что гомосексуальность является индивидуальной патологией и проблемой социума, Вайнберг таким образом совершил перелом в фокусе общественного внимания на «необоснованный дистресс» американцев по отношению к гомосексуальности. Однако, термин «гомофобия» существенно ограничивает возможности научного исследования: он подразумевает, что такое отношение основано на иррациональных страхах и является индивидуальной патологией, нежели проявлением культурной стигмы⁴. Эмпирические данные не отражают того же уровня страха, какой регистрируется при фобии⁵, в то время как преобладают эмоции злости и отвращения⁶. Фобии считаются иррациональными ввиду того, что страх является необоснованным, так как объективно объект страха не угрожает человеку. В свою очередь, хотя представители сексуальных меньшинств не угрожают гетеросексуалам, нельзя назвать суждения последних иррациональными, чаще всего они имеют ценностные, моральные основания, высоко-рациональные и зачастую коммуницируются таким образом, что не подвержены контраргументации. В незавершенном качественном анализе автор заметил, что активисты гетеросексуалы в РФ выражают свои убеждения аперсонально, что предотвращает возможность персонального диалога.

¹ Кон И. С. Любовь небесного цвета. // Сексология. Персональный сайт И. С. Кона. URL: <http://sexology.narod.ru/book11.html>

² Кон И. С. Психология предрассудка. // «Новый мир». 1966, № 9. URL: <http://evartist.narod.ru/text9/15.htm>

³ Weinberg G. 1972. Society and the Healthy Homosexual. New York: St. Martin's

⁴ Herek GM. 2004. Beyond «homophobia»: thinking about sexual stigma and prejudice in the twenty-first century. Sexuality Research and Social Policy 1(2):6–24

⁵ Shields SA, Harriman RE. 1984. Fear of male homosexuality: cardiac responses of low and high homonegative males. Journal of Homosexuality. 10(1–2):53–67

⁶ Giner-Sorolla R, Bosson JK, Caswell TA, Hettinger VE. 2012. Emotions in sexual morality: testing the separate elicitors of anger and disgust. Cognition and Emotion: Reviews of Current Research. 26:1208–22

Сексуальные меньшинства и гетеросексуалы могут испытывать негативное отношение по отношению друг к другу и оба этих типа отношений могут быть названы сексуальным предубеждением. Однако, они различны, так как представления гетеросексуалов в данном контексте основаны на культурной стигматизации, что вызвано и усиливает межгрупповые различия в статусе, приводит к дискриминации, гонению и насилию. Сексуальные предубеждения геев, лесбиянок и бисексуалов не коренятся в культурной стигматизации и, таким образом, не имеют обесценивающих последствий.

В то время как сексуальные предубеждения имеют схожие характеристики с другими формами предрассудков: они имеют схожие демографические, психологические, социальные корреляты¹, а также негативно коррелируют с межгрупповым контактом² — они отличаются тем, что принимаются во многих слоях общества, и тем, что сексуальная ориентация часто скрывается. Последнее предполагает возможность того, что любой человек может потенциально быть воспринят как представитель сексуального меньшинства, а так же, что гетеросексуалы часто вступают во взаимоотношения с не-гетеросексуалами не подозревая об их сексуальной ориентации.

Культурные институты, мировоззрение и стереотипы, в том числе относящиеся к религии³ и гендеру, создают социальный контекст, в котором выражение предрассудка может удовлетворять важные психологические потребности, такие как: безопасность и принятие социумом, подтверждение ценностей, центральных для представления о собственной личности, избегание тревоги и других негативных эмоций, связанных с угрозой самооценке.

В исследованиях психологических предпосылок негативного и агрессивного отношения к гомосексуальности многие ученые опирались на психоаналитическую парадигму, в соответствии с которой неадекватное подавление гомосексуального влечения может выражаться в виде психологических защит: проекции, отрицания, регрессии, вытеснения, реактивного образования, рационализация, замещения — и агрессивное поведение и неприятие гомосексуальности является последствием. Несмотря на популярность, психодинамическое объяснение сексуальных предубеждений не получило широкого эмпирического обоснования, возможно ввиду трудностей связанных с измерением бессознательного феномена. Не вдаваясь в данной статье в подробности, отмечу что их проводили Adams et

¹ Кон И. С. Психология предрассудка. // «Новый мир». 1966, № 9. URL: <http://evartist.narod.ru/text9/15.htm>

² Pettigrew TF, Tropp LR. 2006. A meta-analytic test of intergroup contact theory. *Journal of Personality and Social Psychology*. 90:751–83

³ Автор намеренно опускает исследования сексуальных предубеждений и религии в данной статье.

al. в 1996¹, подтвердившие предположение о большей сексуальной возбудимости при просмотре видео с гомосексуальным контекстом у сильно-предубежденных испытуемых по сравнению с менее предубежденными, и Mahaffey et al. d 2005² и 2011³, измеряя стартовую реакцию моргания сильно-предубежденных гетеросексуальных мужчин при просмотре обнаженных и полу-обнаженных мужских пар, сделали вывод о том, что такая реакция свидетельствует о негативной эмоциональной реакции, нежели о бессознательном позитивном ответе.

Последние исследования были проведены в 2012 году Weinstein et al⁴. с использованием сложной методологии и с участием испытуемых студенток преимущественно женского пола с гетеросексуальной ориентацией. Ученые сделали вывод о том, что испытуемые, воспринимавшие своих родителей как не поддерживающих их автономию обнаруживают более высокий уровень скрываемого однополого влечения и сексуального предубеждения, чем студентки, которые в самоотчете описали свои отношения с родителями как поддерживающие их автономию. Таким образом исследователи характеризовали сексуальную предубежденность вышеуказанной группы как психологическую защиту.

Выборка в вышеупомянутых исследованиях, за исключением работ Weinstein et al., включает только гетеросексуальных мужчин, что отражает гендерную разницу в отношении к представителям сексуальных меньшинств. Гетеросексуальные мужчины склонны к выражению более высокого уровня сексуальных предубеждений, чем гетеросексуальные женщины⁵, особенно в отношении представителей сексуальных меньшинств мужского пола⁶. Однако этот паттерн может частично отражать неуверенность или амбивалентность, которую гетеросексуальные мужчины имеют в отношении своей сексуальной ориентации⁷. Такие появления

¹ Adams HE, Wright LW Jr, Lohr BA. 1996. Is homophobia associated with homosexual arousal? *Journal of Abnormal Psychology*. 105:440–45

² Mahaffey AL, Bryan A, Hutchison KE. 2005. Using startle eye blink to measure the affective component of antigay bias. *Basic and Applied Social Psychology*. 27:37–45

³ Mahaffey AL, Bryan AD, Ito TA, Hutchison KE. 2011. In search of the defensive function of sexual prejudice: exploring antigay bias through shorter and longer lead startle eye blink. *Journal of Applied Social Psychology*. 41:27–44

⁴ Weinstein, Netta; Ryan, William S.; DeHaan, Cody R.; Przybylski, Andrew K.; Legate, Nicole; Ryan, Richard M. 2012. Parental autonomy support and discrepancies between implicit and explicit sexual identities: Dynamics of self-acceptance and defense. *Journal of Personality and Social Psychology*. 102(4):815–832.

⁵ Ahrold TK, Meston CM. 2010. Ethnic differences in sexual attitudes of US college students: gender, acculturation, and religiosity factors. *Archives of Sexual Behavior* 39:190–202

⁶ Herek GM. 2002. Gender gaps in public opinion about lesbians and gay men. *Public Opinion Quarterly* 66:40–66

⁷ Franklin K. 2000. Antigay behaviors among young adults: prevalence, patterns and motivators in a noncriminal population. *Journal of Interpersonal Violence* 15:339–62; Glick P, Gangl C, Gibb S,

широко распространены, так как выражение сексуального предрассудка позволяет мужчинам демонстрировать — как другим, так и себе — свою способность отвечать культурным ожиданиям в отношении маскулинности¹.

Гетеросексуалы склонны к более позитивному отношению к сексуальным меньшинствам в том случае, когда их предрассудки уже не являются функцией, удовлетворяющей психологические потребности. Одним из наиболее эффективных катализаторов подобного изменения являются близкие отношения с другом, представителем сексуального меньшинства, родственником или коллегой, особенно в том случае, если отношения включают возможность открытой дискуссии об опыте последних².

Итак, несмотря на обширное и глубокое изучение проблемы отношения к гомосексуальности и сексуальных предрассудков как в психологии, так и в социологии, существует много неосвещенных эмпирическими исследованиями аспектов и теорий. Автору данной статьи интересно изучить корреляцию разных типов самооценки с активным или пассивным проявлением неприятия сексуальных меньшинств, а так же их экзистенциальной исполненности в парадигме экзистенциального анализа. Мы изучим, какие предпосылки четырех фундаментальных мотиваций являются наименее осуществленными, каковы показатели самоотчуждения, какие глубинные духовные основания затронуты у тех, кто не может увидеть человеческое в представителях сексуальных меньшинств и не может принять их, как членов общества в России. Изучим разнообразие мотивов лежащих в основе сексуальных предрассудков и их источники в предрасположенности, социальном контексте, индивидуальном восприятии культурных смыслов и ценностей, связанных с сексуальной ориентацией и относящимся к ней феноменам в современной России, что включает патриотизм и «идеологическое противостояние Западу». В дальнейших планах стоит изучение процессов и факторов снижения или исчезновения предрассудков, построение модели динамики отношений от Я — Чужой к Я — Другой, а так же эффективности методов интервенций экзистенциального анализа и фасилитации конфликта и медиации в парадигме процессуальной психологии, (например, вопросов на самопознание, феноменологическое слушание, мировой работы, работы с ролью-призраком и др.)

Clumpner S, Weinberg E. 2007. Defensive reactions to masculinity threat: more negative affect toward effeminate (but not masculine) gay men. *Sex Roles* 57:55–59

¹ Kimmel MS. 1997. Masculinity as homophobia: Fear, shame and silence in the construction of gender identity. In *Toward a New Psychology of Gender*, ed. MM Gergen, SN Davis, pp. 223–42. New York: Routledge; Bosson JK, Vandello JA. 2011. Precarious manhood and its links to action and aggression. *Current Directions in Psychological Science* 20:82–86

² Herek GM. 2009. Sexual stigma and sexual prejudice in the United States: a conceptual framework. In *Contemporary Perspectives on Lesbian, Gay and Bisexual Identities: The 54th Nebraska Symposium on Motivation*, ed. DA Hope, pp. 65–111. New York: Springer

с целью создания контекста для открытого диалога, персонального отношения и понимания между крайне-предубежденными и непредубежденными гетеросексуалами, и гомосексуалами.

Более того, исследователям возможно будет интересно изучить какие психологические потребности могут восполняться через сексуальные предубеждения, кроме уже описанных. Проблема «внутренней гомофобии» так же мало изучена в России. Исследование процессов принятия себя как гомосексуала, а так же каминг-аута может способствовать улучшению оказания психологической помощи, а так же способов снижения сексуальных предрассудков у гетеросексуалов. Малоизученным остается поле сексуальной предубежденности и само-стигматизации среди подростков. Важной целью психологических исследований может стать изучение способов предотвращения агрессии и стимуляции диалога и уважения среди молодежи.

В контексте российских и мировых реалий еще одним предметом исследования является процесс становления гетеросексуалов активистами или защитниками интересов представителей меньшинств в социальной среде, законодательной и политической, в кругу близких и знакомых, и как такое поведение отражается на восприятии их друзьями и родными. Изучение гендерных паттернов данного феномена потенциально станет отдельным исследованием, так как предположительно женщины берут на себя эту роль чаще, чем мужчины, и могут оказывать влияние на гетеросексуальных мужчин, представляя ценности и нормы, которые оппонируют или препятствуют формированию сексуальных предубеждений.

Для научного сообщества может представлять большой интерес проведение кросс-культурных и междисциплинарных исследований в данной области.

Список литературы:

1. Кон И. С. Любовь небесного цвета. // Сексология. Персональный сайт И. С. Кона. URL: <http://sexology.narod.ru/book11.html>
2. Кон И. С. Психология предрассудка. // «Новый мир». 1966, № 9. URL: <http://evartist.narod.ru/text9/15.htm>
3. Adams HE, Wright LW Jr, Lohr BA. 1996. Is homophobia associated with homosexual arousal? *Journal of Abnormal Psychology*. 105:440–45
4. Ahrold TK, Meston CM. 2010. Ethnic differences in sexual attitudes of US college students: gender, acculturation, and religiosity factors. *Archives of Sexual Behavior* 39:190–202.
5. Bosson JK, Vandello JA. 2011. Precarious manhood and its links to action and aggression. *Current Directions in Psychological Science* 20:82–86.
6. Giner-Sorolla R, Bosson JK, Caswell TA, Hettinger VE. 2012. Emotions in sexual morality: testing the separate elicitors of anger and disgust. *Cognition and Emotion: Reviews of Current Research*. 26:1208–22.

7. Glick P, Gangl C, Gibb S, Klumpner S, Weinberg E. 2007. Defensive reactions to masculinity threat: more negative affect toward effeminate (but not masculine) gay men. *Sex Roles* 57:55–59.
8. Franklin K. 2000. Antigay behaviors among young adults: prevalence, patterns and motivators in a noncriminal population. *Journal of Interpersonal Violence* 15:339–62.
9. Herek GM. 2002. Gender gaps in public opinion about lesbians and gay men. *Public Opinion Quarterly* 66:40–66.
10. Herek GM. 2004. Beyond «homophobia»: thinking about sexual stigma and prejudice in the twenty-first century. *Sexuality Research and Social Policy* 1 (2):6–24.
11. Herek GM. 2009. Sexual stigma and sexual prejudice in the United States: a conceptual framework. In *Contemporary Perspectives on Lesbian, Gay and Bisexual Identities: The 54th Nebraska Symposium on Motivation*, ed. DA Hope, pp. 65–111. New York: Springer
12. Kimmel MS. 1997. Masculinity as homophobia: Fear, shame and silence in the construction of gender identity. In *Toward a New Psychology of Gender*, ed. MM Gergen, SN Davis, pp. 223–42. New York: Routledge
13. Mahaffey AL, Bryan A, Hutchison KE. 2005. Using startle eye blink to measure the affective component of antigay bias. *Basic and Applied Social Psychology*. 27:37–45.
14. Mahaffey AL, Bryan AD, Ito TA, Hutchison KE. 2011. In search of the defensive function of sexual prejudice: exploring antigay bias through shorter and longer lead startle eye blink. *Journal of Applied Social Psychology*. 41:27–44.
15. Pettigrew TF, Tropp LR. 2006. A meta-analytic test of intergroup contact theory. *Journal of Personality and Social Psychology*. 90:751–83.
16. Shields SA, Harriman RE. 1984. Fear of male homosexuality: cardiac responses of low and high homonegative males. *Journal of Homosexuality*. 10 (1–2):53–67.
17. Weinberg G. 1972. *Society and the Healthy Homosexual*. New York: St. Martin's
18. Weinstein, Netta; Ryan, William S.; DeHaan, Cody R.; Przybylski, Andrew K.; Legate, Nicole; Ryan, Richard M. 2012. Parental autonomy support and discrepancies between implicit and explicit sexual identities: Dynamics of self-acceptance and defense. *Journal of Personality and Social Psychology*. 102 (4):815–832.

*Klypa Olga Victorovna,
Northeastern State University, Magadan, Russia,
Dean of the Faculty of Education
E-mail: ovk61@mail.ru*

Methods of study of the genesis psychological thought during Russian medieval period

*Клыпа Ольга Викторовна,
Северо-Восточный государственный университет,
Магадан, Россия, декан педагогического факультета
E-mail: ovk61@mail.ru*

Методы исследования генезиса психологической мысли в период русского средневековья

Без понимания начального этапа развития психологической мысли не может быть целостного понимания истории отечественной психологии. Понимание сущности русской средневековой психологической мысли дает возможность определить самобытность отечественной психологии. Русская психологическая мысль детерминирована типом культуры, историческими и социальными процессами. Исследование генезиса русской психологической мысли открывает новые возможности осмысления и реконструкции истории отечественной психологии. Однако изучение генезиса психологической мысли в русский средневековый период еще не было предметом специального исследования.

Специфика объекта истории психологии — психологическое познание в его исторической ретроспективе — определяет необходимость использования адекватного исследовательского инструментария. Адекватность метода исследуемому объекту есть важнейший онтологический аспект методологии научного познания, условие обеспечения его эффективности.

В качестве фундамента историко-психологического исследования выступает диалектическая методология, лежащая в основе конструирования системы общенаучных методов исследования: абстрагирования, идеализации, восхождение от абстрактного к конкретному, аналитико-синтетического метода в различных его вариантах (структурно-генетического анализа и синтеза, дедукции и индукции).

Проблема метода историко-психологического исследования в российской науке рассматривается в работах М. Г. Ярошевского (метод категориального анализа), Б. Г. Ананьева (метод сравнительно-исторического исследования), Н. А. Логиновой (историко-биографический метод), Н. А. Даниличевой, А. В. Климовой

(метод интервью), А. Н. Славской (метод интерпретации), Ю. Н. Олейника (метод проблемологического анализа), Е. А. Климова, О. Г. Носковой, В. А. Кольцовой, Л. В. Спицной, А. Д. Барской, И. Р. Федоровой (метод психолого-исторической реконструкции прошлого).

Исследователи отмечают степень многократной сложности решения историко-психологических задач. Указывают на то, что в силу специфики своего предмета, история психологии, как правило, ограничивается феноменологическим, описательным способом исследования, использует качественный анализ и интерпретацию, что в свою очередь вызывает определенные проблемы, связанные с доказательностью и обоснованностью выводов.

В. А. Кольцова отмечает, что история психологии остается областью знания, в которой субъективный взгляд исследователя слабо ограничен какими-либо методически-процессуальными требованиями и нормами. В силу этого, объективность и достоверность историко-психологического анализа обусловлены, в первую очередь, субъективно-личностными факторами: уровнем профессиональной компетентности ученого, его интуитивными способностями, научной добросовестностью, ответственностью и непредвзятостью¹.

Целостное описание совокупности методов историко-психологического исследования представлено в докторской диссертации В. А. Кольцовой (2004) и в монографии «История психологии: Проблемы методологии» (2008). Ею предложена системы методов истории психологии²:

- 1) философско-гносеологические методы (диалектико-материалистический и метафизический);
- 2) общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, системно-структурный и комплексный методы, описательные и количественные методы; методы восхождения от абстрактного к конкретному, абстрагирование, моделирование и т. д.);
- 3) специально-научные методы (методы гуманитарных и естественных наук);
- 4) конкретно-предметные методы, ориентированные на исследование в определенной области знания.

На сегодняшний день в истории психологии используются следующие конкретно-предметные, апробированные в исследованиях, методы: категориальный анализ; сравнительно-историческое изучение; историко-биографический метод; метод интервью; метод интерпретации и понимания; метод

¹ Кольцова В. А. История психологии: Проблемы методологии. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

² Там же, с. 334.

реконструкции прошлого; семантический анализ; изучение творческой деятельности; историко-генетический; историко-типологический; метод единства исторического и логического; метод аналогии; метод моделирования; метод «вчувствования» в исследуемую реальность; метод «обоснованной теории»; методы построения периодизации историко-научного процесса; методы источниковедческих исследований; метод культурологического исследования.

При работе с базовыми психологическими категориями Г. В. Ожиганова предлагает компаративный метод, который рассматривает соотношение современных научных категорий с тем пониманием, которое было характерно для современной системы знания. Автор объясняет специфику метода следующим образом: «Особенность нашего подхода в использовании этого метода заключается в том, что важно «отойти» от наукоцентрических позиций, т. е. не смотреть на сохранившиеся системы древних ученых с вершины эволюционной лестницы познания, а попытаться осмыслить их непреходящую, общечеловеческую значимость»¹.

В последние годы в истории психологии наблюдается тенденция использования количественных методов исследования (контент-анализ, метод наукометрического исследования). Исследователи обращают внимание на то, что в условиях возрастающей интеграции разных наук расширяется взаимодействие истории психологии со смежными и родственными областями знания — историей, источниковедением, культурологией, социологией, лингвистикой, языкознанием, в результате чего, в область истории психологии входят новые методы: источниковедческий и культурологический анализ, наукометрические процедуры, сравнительный метод языкознания, тестологические и литературоведческие методы, социологические методы сбора и анализа данных. Все это способствует трансформации истории психологии с описательной области знания в объяснительную.

Целостный анализ в историко-психологическом исследовании должен реализоваться посредством использования комплексной методологии.

Для исследования проблемы генезиса русской психологической мысли мы используем метод комплексного историко-психологического анализа источников. В рамках этого подхода материал осмысливается с конкретно-исторической и компаративной (сравнительно-исторической) точек зрения.

Так, в основу изучения разработки проблемы генезиса психологической мысли в средневековый период нами взят *метод психолого-исторической рекон-*

¹ Ожиганова Г. В. Подходы и методы исследования в истории психологии // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 4. «Методологические проблемы историко-психологического исследования». М., 2002. С 185–202.

струкции в том его варианте, который оформился в историко-психологической литературе.

В качестве основополагающего научно-организационного метода при планировании и проведении исследования нами определен *метод системного анализа*, требующий полной и всесторонней реконструкции психологической мысли рассматриваемого периода. На этапе разработки теоретической модели системный анализ проявляется в рассмотрении различных подходов, относящихся к изучаемой проблеме, и выборе тех из них, которые наиболее соответствуют поставленной задаче. Системный анализ также предполагает рассмотрение исследуемого знания в контексте, с одной стороны, особенностей русского средневекового периода, с другой, с позиций современной психологической науки.

Метод источниковедческого анализа выступает в качестве основы при выявлении и обработке материалов историко-психологического исследования.

Использование в нашем исследовании *исторического метода* обусловлено необходимостью воссоздания «живой истории» анализируемого времени в ее многообразии проявлений — закономерных и случайных, важных и второстепенных¹. С этой точки зрения, предметом изучения в работе выступает психологическая мысль, отраженная в разных сферах общественного сознания (мифологии, религии, искусстве).

Логический метод позволяет обеспечить теоретическое осмысление и обобщение полученного материала, раскрыть логику развития проблемы в контексте современных представлений.

Сравнительный метод используется на всех этапах проведения историко-научного исследования, он позволяет сравнивать процесс понимания и способ изучения обозначенной проблемы.

Для раскрытия персоналистического аспекта исследуемой проблемы нами используется метод *биографического исследования*, направленный на выявление биографий, личностных характеристик и воззрений исторических субъектов (Кирик Новгородец, Дионисия Ареопагида; Максим Грек, Нил Сорский, Юрий Крижанич; братья Лихуды, Даниил Заточник; Феофан Грек, Андрей Рублев; Жития святых, Иосиф Волоцкий, Симеон Полоцкий и др.).

В древнерусской культуре традиционный для психологии круг проблем формулировался древнерусскими мыслителями не на языке науки, а на языке художественных образов, например, иконописи и религиозных понятий. Такая своеобразная форма являлась превращенным способом существования

¹ Кольцова В. А. Методолого-теоретические основы историко-психологического исследования. М., 2004.

психологической мысли русского средневековья. Поэтому в исследовании используется *герменевтический метод*, позволяющий интерпретировать используемые в исследовании тексты: сказания, сказки, былины, исторические песни, пословицы, поговорки, ритуальные обряды, поверия, обычаи, суеверия, народные праздники; литература проповедческого, морально-назидательного характера.

Таким образом, только при условии комплексного подхода в использовании исследовательских методов можно получить полное и детальное представление о генезисе русской психологической мысли в период русского средневековья.

Список литературы:

1. Клыпа О. В. К вопросу о разработке проблемы изучения зарождения и развития психологической мысли в древнерусский период//European Social Science Journal. М., 2012, № 10 (2). С. 352–364
2. Кольцова В. А. История психологии: Проблемы методологии. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
3. Кольцова В. А. Методолого-теоретические основы историко-психологического исследования. М., 2004.
4. Ожиганова Г. В. Подходы и методы исследования в истории психологии//Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 4. «Методологические проблемы историко-психологического исследования». М., 2002. С.185–202.

*Sorokina Tatiana Mihailovna,
professor of psychology and pedagogy
of preschool and primary education FGBOU VPO
“Nizhny Novgorod State Pedagogical University. Kozma Minin”
E-mail: tatyana.sorockina2012@yandex.ru*

*Reshetova Ekaterina Evgenievna,
deputy director for methodological affairs
of GBOU DOD“Centre of Children’s Aesthetic Education
of Nizhny Novgorod Region”, Nizhny Novgorod
E-mail: metodist@deti-nn.ru*

**Professional pedagogical activity in the
system of additional education**

*Сорокина Татьяна Михайловна, профессор кафедры
психологии и педагогики дошкольного и начального образования
ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический
университет им. Козьмы Минина»*

E-mail: tatyana.sorockina2012@yandex.ru

*Решетова Екатерина Евгеньевна, заместитель директора
по методической работе ГБОУ ДОД*

*«Центр эстетического воспитания детей
Нижегородской области», Нижний Новгород*

E-mail: metodist@deti-nn.ru

Профессиональная педагогическая деятельность в системе дополнительного образования

Система дополнительного образования как особое пространство социально- и культурологического образования, воспитания и развития учащихся неоднократно становилась предметом исследования в современной психологической и педагогической науке. Работы современных исследователей¹ данного вопроса убедительно доказали, что учреждения дополнительного образования имеют высокий потенциал в развитии и становлении личности ребенка.

Важной чертой системы дополнительного образования мы считаем то, что, в отличие от общеобразовательных учреждений, дополнительное образование «... вооружает не суммой знаний учебных предметов, а целостной культурой, понимаемой как культура жизненного (личностного, профессионального) самоопределения, как способ целостного освоения мира»².

¹ См., например: Библер В. С. Школа диалога культур: введение в программу//Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. – М.: Наука, 1994. – 239 с.; Горский В. А., Журкина А. Я., Ляшко Л. Ю., Усанов В. В. Система дополнительного образования детей: Концепция лаборатории проблем дополнительного образования детей Института общего среднего образования Российской академии образования// Дополнительное образование. – 2000. № 1. – С. 3–10.; Зубов Д. В. Субъектность как психолого-педагогическое условие развития интеллектуального потенциала педагога дополнительного образования: диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.07 Тамбов, 2009.- 137 с.; Коваль М. Б. Педагогика внешкольного учреждения. – Оренбург: Оренбургск. пед. ин-т, 1992. - 62 с.; Лотош Л. С. Особенности эмоционально-личностной сферы учителей в системе дополнительного образования школьников: диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.07 Ярославль, 2006.; Семенов В. Д. Социальная педагогика: история и современность. - Екатеринбург, 1995.- 126 с.; Серякова С. Б. Формирование психолого-педагогической компетентности педагога дополнительного образования: диссертация ... доктора педагогических наук: 13.00.08 Москва, 2006.

² Горский В. А., Журкина А. Я., Ляшко Л. Ю., Усанов В. В. Система дополнительного образования

На сегодняшний день под образованностью человека подразумеваются не только специальные знания, но и разностороннее развитие его личности, способность уверенно ориентироваться в отечественной и мировой культуре, в сложившемся социокультурном пространстве. Важной способностью личности считается также гибкость социальной адаптации, способность к самообразованию, саморазвитию, умение самостоятельно выбирать жизненный путь.

Система дополнительного образования в современном мире представляет собой вариативную систему, которая обеспечивает широкую возможность выбора как различных образовательных программ, не входящих в базовое образование, так и собственно образовательных учреждений.

Интересным нам представляется тот факт, что в новейшей истории России именно система дополнительного образования, которой ранее, как правило, в процессе обучения и воспитания отводилась вспомогательная функция, «... оказалась инновационной сферой воплощения гуманистических идей в учебно-воспитательный процесс»¹.

В первой Федеральной программе развития образования было подчеркнуто, что «... важнейшей проблемой сейчас является восстановление единства систем обучения и воспитания, которое должно соответствовать современному российскому и мировому уровню науки и культуры»².

Необходимо отметить, что система дополнительного образования — это не просто придаток к системе общего и профессионального образования, это особая образовательная, воспитательная, развивающая сфера с приоритетом всестороннего становления личности школьника.

Дополнительное образование — это «... целенаправленный процесс воспитания и обучения посредством реализации дополнительных образовательных программ, дополнительных образовательных услуг и иной информационно-образовательной деятельности за пределами основных образовательных программ в интересах человека, общества, государства»³. Отметим, что под дополнительным образованием мы понимаем такой тип образования, который объединяет обучение, воспитание, развитие учащегося в единый процесс с целью развития творческого потенциала ребенка, его

детей: Концепция лаборатории проблем дополнительного образования детей Института общего среднего образования Российской академии образования // Дополнительное образование. – 2000. № 1. – С. 3–10.

¹ Сластенин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. Педагогика Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. В. А. Сластенина. - М.: Издательский центр «Академия», 2002. - 576 с. С. 132.

² Федеральный закон Российской Федерации «Об утверждении Федеральной программы развития образования» от 10 апреля 2000 г. N 51-ФЗ в ред. Федерального закона от 26.06.2007 N 118-ФЗ.

³ Сластенин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. Педагогика Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. В. А. Сластенина. - М.: Издательский центр «Академия», 2002. - 576 с. С. 132.

познавательных интересов, самореализации личности и ее социализации на основе свободного выбора ребенком различных видов деятельности.

Сущность современного дополнительного образования раскрывают следующие положения:

- дополнительное образование детей не является академическим, то есть ориентированным в отборе содержания на основы наук;
- одной из сущностных характеристик дополнительного образования является взаимодействие полипрофессиональных и поливозрастных общностей;
- диалоговый характер взаимоотношений между педагогами и воспитанниками в учреждениях дополнительного образования позволяет осуществлять индивидуальную педагогическую помощь детям по широкому кругу проблем;
- дополнительное образование — наиболее открытая, гуманитарная и демократичная часть всего непрерывного образования, а потому тяготеет к построению и расширению открытого информационного образовательного пространства в условиях расширенного функционирования открытого образования;
- дополнительное образование призвано предоставлять возможность свободно не только выбирать дело своей жизни, но и принимать на себя ответственность за сделанный выбор, т. е. изначально персонифицировано.

По своему содержанию дополнительное образование детей является всеохватывающим. В окружающей нас действительности, будь то живая или неживая природа, система общественных отношений или сфера сознания, не существует областей, которые не могли бы стать предметом дополнительного образования. Именно поэтому оно в состоянии удовлетворять самые разнообразные интересы личности.

Как содержание дополнительного образования, так и организационные формы деятельности в этой системе опираются на принципы развития «... социально-активной, образованной, культурной, нравственно и физически здоровой личности в изменяющихся условиях общественной жизни»¹.

Важной задачей учреждения дополнительного образования является развитие мотивации личности ребенка к познанию и творчеству, обеспечение необходимых условий для индивидуального развития, профессионального самоопределения, творческого труда детей, адаптация их к жизни в обществе, формирование общей культуры ребенка². Поддержка и развитие творческого

¹ Библер В. С. Школа диалога культур: введение в программу//Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. – М.: Наука, 1994. – 239 с. С. 174.

² От внешкольной работы – к дополнительному образованию детей : сборник нормативных и методических материалов для дополнительного образования детей/Под ред. А. К. Бруднова. - М. : Владос, 2000.- 544 с. С. 304.

потенциала учащихся является значимой задачей для педагогов дополнительного образования потому, что не все дети обладают способностями к академическому учению. В этом случае овладение другими сферами деятельности, которые включены в систему дополнительного образования, способствует повышению как культурного уровня таких школьников, так и результатов их образования в целом.

Можно выделить особую цивилизационно-культурную задачу системы дополнительного образования, которая в целом близка к тем задачам, которые ставит перед собой и общеобразовательная школа: обеспечение такого качества работы с учащимися, чтобы познание стало важной ценностью в их жизни.

В методологическом плане дополнительное образование можно назвать особым образовательным пространством, в котором осуществляется специальная деятельность по образованию, воспитанию и развитию ребенка, формированию у него новых жизненных умений и способностей¹.

А. Г. Асмолов выделяет пять функций дополнительного образования: культуурообразующую, личностнопорождающую, профориентационную, психотерапевтическую и информационную².

В качестве одного из приоритетов XXI века рассматривает развитие системы дополнительного образования А. В. Мудрик: он называет дополнительное образование сферой «... удовлетворения потребностей, реализации и формирования интересов современного человека на протяжении всей его жизни, начиная со старшего дошкольного возраста»³.

Учреждения дополнительного образования представляют собой целостную разноразрядную воспитательно-образовательную систему, для которой характерны:

- динамичность воспитательного и образовательного процессов;
- стимулирование творческой активности ребенка, развитие его способностей к самостоятельному решению возникающих проблем и постоянному саморазвитию;

¹ Горский В. А., Журкина А. Я., Ляшко Л. Ю., Усанов В. В. Система дополнительного образования детей: Концепция лаборатории проблем дополнительного образования детей Института общего среднего образования Российской академии образования // Дополнительное образование. – 2000. № 1. – С. 3–10. С. 4.

² Асмолов А. Г. Дополнительное образование как зона ближайшего развития образования в России: от традиционной педагогики к педагогике развития // Внешкольник, 1997. № 9. – С. 6–8. С. 7.

³ Мудрик А. В. Развитие дополнительного образования как один из приоритетов XXI века // Европа и современная Россия. Интегративная функция педагогической науки в едином образовательном пространстве: Материалы Третьей международной конференции, 3–9-мая 2005 г., Калининград-Варшава. – М.: МАНПО, 2005. – С. 119–121. С. 119.

— преимущество содержания различных видов деятельности с учетом развития личности и развития всего многообразия форм ее жизнедеятельности¹.

М. Б. Коваль выделяет в деятельности учреждений дополнительного образования следующие специфические характеристики:

- добровольность и массовость участия детей во внешкольной работе;
- дифференциация учащихся по интересам и направленности на определенный вид деятельности;
- возможность корректировать программы занятий с учетом индивидуальных интересов, способностей и уровня подготовленности ребенка;
- общедоступный, массовый, самостоятельный характер деятельности детей, имеющий практические и личностно значимые для каждого воспитанника задачи;
- разнообразие сфер общения, возможность неформального общения преподавателя с детьми;
- творческая и доброжелательная атмосфера, возможность для ребенка изменения своего статуса в коллективе сверстников².

Дополнительное образование, в отличие от базового, по справедливому замечанию В. А. Горского, вооружает не суммой знаний учебных предметов, а целостной культурой, понимаемой как культура жизненного (личностного, профессионального) самоопределения, как способ целостного освоения мира³.

При этом, в отличие от общего образования, дополнительное образование не имеет фиксированных сроков завершения; его можно начать на любом возрастном этапе и, в принципе, в любое время учебного года, последовательно переходя от одной ступени к другой. Его результатом может стать хобби на всю жизнь, и даже определение будущей профессии.

*Sakhno Svetlana Vitalievna, Priazovsky State Technical University,
senior lecturer in sociology and social work
E-mail: zev182@mail.ru*

The role of creativity in the development of reflection of women prisoners

¹ Лотош Л. С. Особенности эмоционально-личностной сферы учителей в системе дополнительного образования школьников: диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.07 Ярославль, 2006. С. 39

² Коваль М. Б. Педагогика внешкольного учреждения. – Оренбург: Оренбургск. пед. ин-т, 1992. – 62 с. С. 16.

³ Горский В. А. Послесловие к юбилею внешкольного образования // Дополнительное образование. – 2003. №9 – С. 4–16. С. 11.

*Сахно Светлана Витальевна,
Приазовский государственный технический университет,
старший преподаватель кафедры социологии и социальной работы
E-mail: zev182@mail.ru*

Роль творчества в развитии рефлексии осужденных женщин

Актуальность. История изучения рефлексии в психологии, отображает неоспоримую значимость этой поистине уникальной способности человека для развития своей личности и понимания своей сути. Несомненно, можно сказать с уверенностью, что, несмотря на вклад всех исследователей, проблема рефлексии продолжает оставаться одним из феноменов человеческой психики, который будет предоставлять огромное поле научной деятельности и поиска в самосознании, в процессе разрешения внутренних конфликтов, в самосовершенствовании, ментальной работе над собственной личностью.

Особо актуальным вопросом является процесс самоосмысления, самосознания и переоценка жизненных смыслов и «ошибок» в местах лишения свободы. В своей статье мы касаемся именно женской половины общества, потому, что женщина является хранительницей домашнего очага и несет на себе бремя бытовых вопросов и воспитания детей. В условиях исправительных учреждений исполнения наказаний, где женщины лишены многих привычных в повседневной жизни вещей, очень важна рефлексивная позиция, в которой человеку будет понятно, почему он находится «по ту сторону свободы» и какие жизненные ошибки привели к этому. Огромную роль в развитии рефлексии в условиях депривации свободы играет творчество в различных его проявлениях.

Цель статьи: определить роль творчества и творческих реализаций в развитии рефлексии осужденных женщин в местах лишения свободы.

Задачи:

- проанализировать понятие рефлексии в психологической литературе;
- выявить к каким видам творчества склонны осужденные за различные виды преступлений;
- определить эмпирически уровень рефлексии осужденных женщин до и после проведения творческих мероприятий.

В отечественной психологии существует большое разнообразие подходов не только к изучению рефлексии, но и к пониманию ее роли в обеспечении поведения и деятельности, в развитии и становлении личности. Изучение проблемы рефлексии ведет свою историю с теоретических работ Л. С. Выготского, Л. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и других ученых, рассматривавших рефлексиию как

в качестве одного из объяснительных принципов организации психики человека, и, прежде всего его высшей формы — самосознания.

А. Н. Леонтьев в рамках деятельностного подхода рассматривал рефлексию как внутреннюю работу личности по решению задач на смысл. С. А. Рубинштейн подчеркивал, что с процессом рефлексии связано ценностно-смысловое определение жизни.¹

Большинство авторов рассматривают личностную рефлексию как психологический механизм изменения индивидуального сознания. Россохин А. В. рассматривает рефлексию как смысловой центр внутренней реальности человека и всей его жизнедеятельности.

Рефлексивно-гуманистическая психология — это новое направление (Е. П. Варламова, С. Ю. Степанов), в котором изучается процесс творчества (творческое самоопределение, саморазвитие). Рефлексивная практика рассматривает метод работы с феноменами высших творческих проявлений человека.

Рассматриваются и современные взгляды на проблему рефлексии (С. Д. Максименко, Н. Ю. Максимова, Г. А. Балл, М. И. Борышевский, К. О. Абульханова-Славская, В. С. Швырев, И. О. Котик, А. В. Карпов, Питлюк — Смерчинская О. Д., Чернышева А. В. Россохин А. В.)².

Личностная рефлексия способствует адекватной самореализации субъекта в жизнедеятельности через познание собственного внутреннего мира как особого рода потребностно-эмоционально-информационной субстанции, которая выступает, по мнению В. Д. Шадрикова, в качестве центральной детерминанты самореализации.

Рефлексия способствует расширению сферы осознанного субъектом внутреннего мира, структурными компонентами которого выступают мотивация, воля, эмоции, чувства. С помощью личностной рефлексии человек осознает свои духовные способности, с помощью которых осуществляется осмысление собственной роли и назначения в жизни³.

Очень важным является тот факт, что для осужденных женщин «путь к себе» через самопознание, личностную рефлексию, осознание своей «женской» роли становится реальным путем к исправлению и возвращению в общество позитивно настроенной и социально — ориентированной на счастливую будущую жизнь.

¹ Антонян Ю. М., Голубев В. П., Кудряков Ю. Н., Бовин В. Г. Некоторые отличительные психологические черты личности преступника // Личность преступника и предупреждение преступлений. — М., 1987. — С. 13–21.

² Зарецкий В. К., Семенов И. Н., Степанов С. Ю. Рефлексивно-личностный аспект формирования решения творческих задач // Вопросы психологии. — 1980. — № 5. — С. 112–117.

³ Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. — 424 с.

На первом этапе нашего исследования, базой для которого послужила Приазовская исправительная колония № 107 г. Мариуполя с общими условиями режима содержания, согласно поставленных задач был определен уровень рефлексии осужденных женщин по методике А. В. Карпова. Было протестировано 126 осужденных женщин: каких мы разделили на две группы, в каждой из которых насчитывается по 63 человека. Тестирование проводилось в свободное время осужденных путем зачитывания им вопросов методики, на которые предоставлялись ответы на бланках в индивидуальном порядке в привычных для них условиях: комнате психоэмоциональной разгрузки, комнатах воспитательной работы отделений ресоциализации, классах школы.

Нами были обнаружены различия в уровнях рефлексии среди осужденных общей выборки. Проведенное исследование показало, что и в контрольной и экспериментальной группе наблюдается преимущественно низкий уровень рефлексии 54%, средний составляет 43%, высокий 3%. После проведенных психокоррекционных, творческих и методических приемов уровень рефлексии в экспериментальной группе значительно повысился: низкий уровень снизился с 54% на 29% и составил 26%, средний повысился на 17% и составил 60%, высокий уровень повысился на 9% и составил 14%.

В ходе исследования в контрольной группе с осужденными не проводились мероприятия по развитию и повышению уровня рефлексии. В начале эксперимента по методике А. В. Карпова в контрольной группе было выявлено: низкий уровень преобладает у 59%, средний уровень – 33%, высокий 4% от общего количества в группе. На заключительном этапе высокий уровень рефлексии снизился на 1%, средний уровень повысился на 4%, низкий уменьшился на 3%.

Общий уровень повышения рефлексии в экспериментальной группе составил 42%, в контрольной на 6%, что объясняется эффективностью проводимых мероприятий по развитию и повышению рефлексии, а именно: индивидуальных психокоррекционных бесед, творческих заданий, психотренинга. На втором этапе исследования с осужденными экспериментальной группы проводились психокоррекционные, творческие и методические приемы развития и повышения уровня рефлексии. Со всеми осужденными были проведены индивидуальные беседы с целью определения творческих способностей осужденных, для дальнейшей их реализации. Среди них выделились осужденные, которые поют, танцуют, пишут стихи, сценарии, занимаются акробатикой, занимаются моделированием и пошивом одежды, вышивкой крестиком и плетением изделий из бисера. Оказались и такие женщины, у которых не было выраженных творческих способностей. Было решено организовать конкурс «красоты» с целью осознания осужденными своей женственности. Мы предположили, что через осознание себя как женщины, матери, красавицы — уровень рефлексии тоже повысится. В индивидуальных бе-

седах было выявлено, с чем себя ассоциирует осужденная (я — елка, я — цветок, я — туалетная бумага, я — диск компьютерный, я — река, я — стекло, я-точка, и т. д.) и такое же платье должна изготовить и надеть каждая женщина, которая будет принимать участие в конкурсе красоты. Осужденной из экспериментальной группы был составлен сценарий конкурса, определено его название «Зимняя роза». Проводился конкурс в помещении столовой, поскольку концертного зала колония не имеет. Все действия были согласованы с администрацией колонии. Мероприятие проведено отделом социально — воспитательной и психологической службы. В 15 номерах принимали участие практически все женщины из экспериментальной выборки. 10 участниц — красавиц продемонстрировали свои платья, изготовленные из того материала, с которым они себя ассоциировали, прошли три этапа конкурса, в результате чего была определена победительница.

В период после проведенного конкурса с осужденными проводились экспресс — беседы, интервью с целью определения эмоционального состояния, отреагирования событий, в которых были отмечены положительные изменения, повышение настроения, подчеркивания своей женственности, красоты («я вспомнила, что я — женщина»).

На заключительном этапе был проведен констатирующий эксперимент — повторная психодиагностика по выше указанным методикам, где мы получили следующие результаты: уровень рефлексии значительно повысился в экспериментальной группе (на 42%), в контрольной на 4%, в экспериментальной группе: чувство вины усилилось, произошли позитивные личностные изменения, улучшилось самоотношение к себе и окружающим, уровень физической, косвенной и вербальной агрессии снизился.

Кроме того, эти осужденные стали на путь исправления, о чем свидетельствует уменьшение процента взысканий и повышение процента поощрений. Одна осужденная вышла замуж непосредственно в колонии (в специально оборудованных комнатах длительных свиданий с родственниками), у 6 из них налажены социально — полезные связи с родственниками и детьми, 6% освобождены условно-досрочно по окончании исследования.

Исследование выявило следующие особенности: у респондентов второй группы, в отличие от респондентов первой группы уровень рефлексии остался преимущественно низкий 59%, уровень косвенной, вербальной агрессии повысился, чувство вины не повысилось — 68% вину не признали, личностные изменения отрицательные — количество взысканий на 15% выше, чем в 1 группе, в 8 случаях утрачены социально — полезные связи (бросил муж, отказались дети), состояние здоровья ухудшилось у 32% осужденных.

Установлено, что женщины, осужденные за совершение преступлений связанных с угрозой для здоровья и жизни людей (нанесение тяжких телесных по-

вреждений, убийства) охотнее всего занимаются вышивкой крестиком по ткани. Осужденные за совершение краж — плетением из бисера; за преступления связанные с употреблением и распространением наркотических веществ, их аналогов и прекурсоров изобразительными видами искусства — рисованием, живописью.

Таким образом, можем сделать следующие выводы: реализация творческих способностей в различных проявлениях влияет на повышение уровня личностной рефлексии осужденных женщин, при этом у них: увеличивается интерес к своей индивидуальности, повышается осознанность собственной мотивационной, эмоционально — волевой и когнитивной сфер, в свою очередь определяет становление самопринятия, аутосимпатии, самоуважения, положительного интегрального самоотношения. Данные черты отражаются в стремлении к взаимодействию с другими людьми, доверии к окружающим, усиливается потребность в реализации своего потенциала.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что выявленные особенности рефлексии осужденных женщин целесообразно учитывать в процессе разработки научно-методических рекомендаций по совершенствованию процесса перевоспитания и исправления осужденных в учреждениях исполнения наказаний и построении программы психологического сопровождения развития рефлексивных способностей, направленной на ресоциализацию и реадaptацию.

Продолжение исследования может заключаться в конструировании программы «сквозного» развития личностной рефлексии с первого до последнего дня отбывания наказания.

Список литературы:

1. Антонян Ю. М., Голубев В. П., Кудряков Ю. Н., Бовин В. Г. Некоторые отличительные психологические черты личности преступника//Личность преступника и предупреждение преступлений. – М., 1987. – С. 13–21.
2. Зарецкий В. К., Семенов И. Н., Степанов С. Ю. Рефлексивно-личностный аспект формирования решения творческих задач//Вопросы психологии.- 1980. — № 5. — С. 112–117.
3. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 424 с.

*Simonova Evgeniya Gennadievna,
Ural State Pedagogical University,
postgraduate student, the Faculty of Psychology
E-mail: danilka2709@mail.ru*

The role of coping strategies in overcoming psychological barriers of the professional development of a teacher

*Симонова Евгения Геннадьевна,
Уральский государственный педагогический университет,
аспирант, психологический факультет
E-mail: danilka2709@mail.ru*

Роль копинг-стратегий в преодолении психологических барьеров профессионального развития педагога

Актуальность применения стратегий совладающего поведения для преодоления психологических барьеров профессионального развития педагога в современных условиях обусловлена инновационными процессами, происходящими в российском образовании, предъявляющими новые требования к траектории профессионального развития учителя.

Природа психологического барьера, по мнению Б. Д. Парыгина, заключается в психическом настрое личности как состоянии её сознания, а также в устойчивых установках «от фиксированных на ее недостатках до чрезмерно сфокусированных на достижениях», препятствующих самореализации¹.

Н. А. Подымов определяет две модальности психологических барьеров: положительную и отрицательную, связанные с «индивидуальным стилем профессиональной деятельности, способами эмоционального реагирования на изменение жизненных и профессиональных обстоятельств и трудностей» и выделяет факторы, способствующие возникновению психологических барьеров в профессиональной деятельности педагога: «качественные изменения способов выполнения деятельности, неудовлетворенность своим социальным и профессионально-образовательным статусом, социально-экономические условия жизнедеятельности учителя, возрастные психологические изменения личности, недостаточное осознание уровня компетентности и профессионализма, рассола-

¹ Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. – СПб.: ИГУП, 1999.

сование отношений в педагогическом сообществе, изменение профессиональной ситуации развития»¹.

Важную роль в преодолении психологических барьеров, кризисных ситуаций, конфликтов, стрессов играет психологическая защита личности, способствующая предотвращению дезорганизации поведения, снижению эмоциональной напряженности. Впервые термин «защита» был введен в конце XIX века З. Фрейдом. В исследованиях А. Фрейд рассмотрены действия механизмов защиты, функциями которых является предохранение: от тревоги, обусловленной угрозами; тревоги, обусловленной ростом инстинктивного напряжения; реальной опасности².

Ф. В. Бассин, Р. М. Грановская, Б. В. Зейгарник, В. К. Мягер, А. А. Налчаджян, Е. Т. Соколова рассматривают психологическую защиту как естественный, повседневно работающий механизм человеческого сознания. Согласно Ф. В. Басину, устранение чрезмерного эмоционального напряжения и предотвращение дезорганизации поведения в процессе перестройки системы установок с целью понижения субъективной значимости травмирующего фактора, является основным в психологической защите³.

Р. Плутчик, устанавливая отношения между психологической защитой и личностью, выделяет защитные механизмы, характеризующиеся противоположностью в зависимости от эмоций, лежащих в их основе: подавление — замещение, реактивное образование — компенсация, интеллектуализация — регрессия, отрицание — проекция⁴.

Вместе с тем, механизмы психологической защиты являются малоосознаваемыми, автоматическими, вынужденными процессами, возникающими в ситуациях неудовлетворения потребностей, действуют без учета долговременной перспективы. Предотвращая осознание личностью различного рода негативных эмоций и переживаний, способствуя сохранению психологической стабильности при отрицании и искажении реальности, «защиты» могут привести к накоплению негативной энергии и усилению психологического дискомфорта.

Наиболее эффективным способом преодоления психологических барьеров являются копинг-стратегии (coping — совладание), определяемые в исследова-

¹ Подымов Н. А. Психологические барьеры в профессиональной деятельности учителя: Дис. д-ра психол. наук. – М.: 1999.

² Клубова Е. Б. Методы медицинской психологии в диагностике психологических защитных механизмов/Е. Б. Клубова//Теория и практика медицинской психологии и психотерапии: сб. науч. трудов/Отв. Ред. М. М. Кабанов. – СПб.: НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 1994.

³ Романова Е. С., Гребенников Л. Р. Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. – Мытищи.: Талант, 1996.

⁴ Е. В. Лапкина Психологическая защита и совладание: защитная система личности. – Ярославль.: Ярославский педагогический вестник, 2011

ниях Лазаруса (Lazarus R. S.), как стратегии действий человека в условиях приспособления к различного рода угрозам, способствующие эффективному выходу из проблемной ситуации¹.

В отличие от психологической защиты, совладающее поведение является в большинстве случаев осознанным, понимается как индивидуальный способ взаимодействия с проблемой, обеспечивает максимальную адаптацию человека к трудной ситуации.

А. Маслоу рассматривает понятие копинг-поведение, противопоставляя его экспрессивному поведению, как способность личности уходить от стресса, адаптироваться при любых жизненных обстоятельствах.

Исследованию проблемы психологического совладания и поведения человека в трудных стрессовых ситуациях посвящены работы отечественных ученых: В. А. Бодрова, Т. Л. Крюковой, И. М. Никольской и других.

По мнению А. Л. Свеницкого совладание «понимается как личностное свойство, стиль или диспозиция, описание ситуативно специфических стратегий, а также как процесс». Характеризуя стресс как результат взаимодействия личности и окружающей среды, автор предлагает под совладанием понимать «психические усилия и поведение, направленные на уменьшение и преодоление внутренних или внешних требований, создаваемых стрессогенным взаимодействием, или на толерантность по отношению к ним»².

В основанной на работах Лазаруса и Фолькмана (Lazarus R., Folcman S.) теории копинг-поведения, выделены базисные копинг-стратегии:

- разрешение проблем (определение проблемы и поиск альтернативного решения);
- поиск социальной поддержки (общение, обсуждение, доверительные отношения);
- избегание (внутриличностные конфликты, преобладание в поведении мотивации избегания неудач над мотивацией достижения успеха);
- базисные копинг-ресурсы (Я-концепция, локус контроля, эмпатия, аффилиация и когнитивные ресурсы).

Я-концепция, как копинг-ресурс, помогает личности уверенно контролировать ситуацию. Локус контроля позволяет адекватно оценить ситуацию и выбрать копинг-стратегию в зависимости от требований среды, определить объем и вид социальной поддержки. Эмпатия, как копинг-ресурс, способствует принятию чужой точки зрения, созданию множества вариантов альтернативного решения проблемы. Аффилиация позволяет ориентироваться в межличностных контактах, регулирует,

¹ Психотерапевтическая энциклопедия/Отв. Ред. Карвасарский Б. Д. – СПб.: Питер, 2002.

² Свеницкий А. Л. Краткий психологический словарь. – М.: Проспект, 2009.

в процессе построения эффективных взаимоотношений, дружескую, информационную, материальную поддержку. Когнитивные ресурсы способствуют адекватной оценке проблемы и определению наличных ресурсов для преодоления¹.

При исследовании механизмов совладания применяются: опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазарус (R. Lazarus) и С. Фолкман (S. Folkman) предназначенный для определения способов (копинг механизмов, копинг стратегий) преодоления трудностей в различных сферах, опросник «Способы преодоления критических ситуаций» (Heim E.), психодиагностическая методика «Индикатор стратегий преодоления стресса» (Amirhan J. H.), адаптированная В. М. Ялтонским, являющаяся самооценочным опросником, позволяющим определить базисные копинг-стратегии и их выраженность.

При способности личности самостоятельно справиться с проблемой, целесообразно использовать методы медитации, релаксации, тренинг самоутверждения. По мнению Р. Лазаруса, если причину проблемы устранить невозможно, необходимо отказаться от её разрешения (Lazarus R. S. «benefits denial» — «польза от отказа»)².

Опыт работы в образовательных учреждениях показал, что, в условиях модернизации российского образования, предъявление новых требований к деятельности и личности педагога способствует возникновению стрессовых ситуаций, сопровождающихся такими эмоциями как страх, удрученность, гнев. Содействовать достижению равновесия и устранению побочных негативных воздействий помогут механизмы совладающего поведения. Для этого необходимо в образовательном учреждении провести целенаправленный анализ ситуации и спланировать деятельность по выработке стратегии разрешения проблем с учетом объективных условий и имеющихся ресурсов.

С целью определения способов (копинг стратегий) преодоления трудностей можно использовать опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана. Данный опросник позволяет определить стили поведения педагогов и эффективность использования стратегий совладающего поведения индивидуально для каждого.

Для формирования желаемого поведения и преодоления стресса на следующем этапе деятельности необходимо выполнить ряд условий:

- определить исходное положение и конечные цели;
- определить источник стресса (вне или внутри личности);
- проанализировать проблему и реакцию на неё на уровне поведения (пассивность, избегание, активность), когниций (самокоммуникаций), эмоций;

¹ Психотерапевтическая энциклопедия / Отв. Ред. Карвасарский Б. Д. – СПб.: Питер, 2002.

² Там же.

— определить средства и пути решения проблемы.

Способствуют адекватному восприятию изменений, происходящих в окружающей действительности, регулируют поведение педагогов в стрессовых ситуациях следующие методы:

— релаксация (способность расслабиться и психологически повлиять на мышечный тонус);

— саморегуляция (управление эмоциями, действиями, поведением, познавательными процессами при рациональном распределении своих сил в течение дня и всего учебного года)

— тренинг самоутверждения;

— библиотерапия (коммуникативное воздействие книги);

— активные методы обучения (тренинги, деловые игры и т. д.).

Таким образом, копинг-стратегии помогают личности в условиях изменяющихся требований окружающей среды адекватно оценивать и контролировать ситуацию, использовать различные варианты альтернативного решения возникающих проблем, выстраивать эффективные взаимоотношения с окружающими, использовать когнитивные ресурсы для преодоления проблем.

*Soltanbekova Burliyat Abdullabekovna,
Daghestan State Pedagogical University,
Faculty of Pedagogy and Psychology, senior lecturer
E-mail: arafeoso@mail.ru*

The use of metaphor in working with adolescents

*Солтанбекова Бурлият Абдуллабековна,
Дагестанский государственный педагогический университет,
факультет педагогики и психологии, старший преподаватель
E-mail: arafeoso@mail.ru*

Использование метафоры в работе с подростками

Метафора является уникальным методом, востребованным в различных отраслях практической психологии: приходягностике, консультировании, психокоррекции и психотерапии. Являясь, по сути, проективным методом, метафора позволяет исследовать глубинные пласты человеческой психики: неосознаваемые потребности, импульсы, влечения, конфликты.

В лингвистическом смысле метафора (от греч. *metaphora* — перенос) — это употребление слова, обозначающего какой-нибудь предмет (явление, дей-

стве, признак), для образного названия другого объекта, сходного с первым. Это как бы «смещенное», переносное название предмета. В метафоре всегда проявляется совмещение и взаимодействие различных обозначаемых предметов, поэтому она многопланова.

Метафора как лингвистический или литературный прием уже давно привлекает внимание психологов и психиатров. Но лишь в середине 70-х гг. 20-го века данный метод становится объектом самостоятельного научного исследования. В многоплановости и многофункциональности метафоры ученые увидели новый способ изложения и объяснения фактов, явлений и событий психической жизни человека. Метафора рассматривалась в рамках психоаналитического (З. Фрейд), психодинамического (К. Юнг, Э. Берн) подходов, использовалась в эриксоновской терапии и позитивной психотерапии Н. Пезешкиана. Метафора в контексте психологии и психиатрии приобрела новое содержание и значение.

Словарь аналитической психологии определяет метафору как «... изучение одного путем обращения к образу другого...»¹. Эриксон М. понимает под метафорой средство, позволяющее вносить в сознание множество новых значений. По мнению автора, слова и фразы могут иметь два плана: явный и скрытый. На явном плане метафора представляет собой послание, удерживающее внимание на сознательном уровне. Наиболее важен второй (скрытый) смысл, который связан с проблемами индивида и процессами осознания. Второй смысл позволяет добраться до психических уровней, доступ к которым у сознания закрыт². Говоря образно, второй уровень метафоры — это окно в бессознательное.

Исследователи выявили роль метафоры в межличностной коммуникации, раскрыли ее коррекционные и психотерапевтические возможности. Метафорическим было определено общение, в процессе которого используются сравнения, истории, притчи, легенды, аллегории, сказки, мифы.

Уникальность метафоры в том, что она не имеет возрастных границ. Метафора используется как в работе со взрослыми, так и в работе с детьми. Однако возможности метафоры при взаимодействии с детьми и подростками изучены меньше. Поэтому данная возрастная категория представляет для психологов особый интерес. И здесь вполне закономерны вопросы, связанные с возрастной спецификой использования метода.

Для эффективного применения метафоры как средства коррекционного и психотерапевтического воздействия на подростка, необходимы следующие условия:

¹ Зеленский В. В. Толковый словарь по аналитической психологии (с английскими и немецкими эквивалентами)/В. В. Зеленский. – СПб.: Б&К, 2000. – С. 130.

² См.: Годэн Ж. Новый гипноз: глоссарий, принципы и метод. Введение в эриксоновскую гипнотерапию/Перев. с франц. С. К. Чернетского. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. – 298 с.

1. Соответствие содержания метафоры возрастным особенностям подростков. Язык метафоры, несмотря на свою зашифрованность, должен быть прост, понятен, не перегружен излишней символикой.

2. Ситуационное сходство метафоры с реальными проблемами детей. Метафорическая ситуация должна приближаться к личному опыту подростка, встречаться в его модели мира.

3. Соответствие метафоры индивидуально-типологическим особенностям подростков. Восприимчивость к метафоре определяется психотипом личности. Наиболее чувствительны к методу эмоционально-лабильные, сензитивные, истероидные подростки.

4. Избирательность в выборе метафор. Они должны быть интересны подростку, соответствовать его мировосприятию. Одних подростков увлекают фантастические сюжеты, других — истории. Главное, чтобы содержание метафоры не вызывало отторжения или каких-либо иных негативных чувств, например, безразличия, стыда или страха.

5. Высокий уровень развития образного мышления, способность подростка к разнообразным ассоциациям. Доминирующий абстрактно-логический тип мышления может иногда являться препятствием для выбора метафоры в качестве основного психокоррекционного инструмента.

К особенностям метафоры как средства коррекционного воздействия на подростка относят:

1. Неопределенность материала, позволяющая подростку выбирать те значения, которые ему предпочтительны на данный момент. Подросток не любит морализирования, навязывания мнений, поэтому неоднозначность материала оставляет за ним право самостоятельного толкования проблемы. Отсутствие ограничений дает ему свободу самовыражения.

2. Безопасность. Она обеспечивается отсутствием прямых вопросов и ответов, прямого обсуждения проблемы, что ослабляет защитные реакции подростка. Спроецированная на поучительную историю или восточную притчу, проблема становится более доступна для анализа.

3. Эмоциональное воздействие образа, которое может оказаться сильнее слова. Чем ярче образ, тем сильнее его влияние на собеседника. К. Юнг полагает, что образ теряет смысл, если в нем отсутствует эмоциональная составляющая. Автор считает, что эмоционально насыщенный образ наполняется психической энергией, динамизмом и обретает глубокий подтекст¹.

Метафора широко применяется в рамках позитивной психотерапии. Пезешкиан Н. использует метафору в психотерапевтических сеансах при работе с ро-

¹ См.: Миллс Дж., Кроули Р. Терапевтические метафоры для детей и внутреннего ребенка / Пер. с англ. Т. К. Кругловой. – М.: Независимая фирма «Класс», 2000. – 144 с.

дителями и детьми. Основная цель метафоры — дать новое видение проблемы, раскрыть внутренний потенциал индивида, способствовать личностному росту. При этом, по мнению автора, человек должен осознать не только свои возможности, но и ограничения, что позволит ему реально оценить ситуацию и найти наиболее оптимальные способы решения проблемы¹.

Гинзбург М. Р. в своей работе с трудными подростками использовал эпистолярную метафору. Особенность данной ее формы заключается в том, что она учитывает все сложности переходного возраста: стремление к автономии, пробуждающуюся рефлексивность, внутренние конфликты и переживания. В качестве специфической метафоры, ориентированной на задачи подросткового возраста, автором используется «История желудка». Эта развернутая эпистолярная метафора предьявляется как «тест на память». Подростки слушают, а затем близко к тексту излагают содержание метафоры. Эпистолярная метафора выявляет проблемы, переживания, характерные для подросткового возраста. По мнению Гинзбурга М. Р., любая метафора — это метафора изменения. Типичными примерами метафоры изменения являются описания роста дерева, превращения гусеницы в бабочку, онтогенетического развития ребенка². Метафора предполагает расширение границ сознания, активизацию внутренних ресурсов, переход в новое качество.

Метафорические формы и средства, используемые в работе с детьми и подростками, могут быть разнообразны: рисунки детей, тематические картинки, игрушки-трансформеры, метафорические (ассоциативные) карты, сказочные или фантастические истории, изложенные письменно. Метафора может быть как вербальной, так и невербальной, показанной символически, жестами.

Возможности метафоры при работе с подростками описаны И. В. Вачковым³, О. В. Хухлаевой⁴ и др.:

1. Структурирование внутреннего мира подростка, рефлексия поведения, осознание и осмысление подростком своих проблем.
2. Способность выявлять яркие, непривычные и неожиданные связи между предметами и явлениями.
3. Актуализация и отреагирование чувств и переживаний, катарсис.
4. Перенос акцентов с остроты переживания в реальности на способы действия.

¹ Красюк Г. Центр гармонизации и вдохновения. Архив событий (семинар Навида Пезешкиана в Киеве «Позитивная психотерапия в работе с детьми, молодежью и подростками»): [Электронный ресурс]. Киев, 2011. URL: <http://inspiris.com.ua/archiv-sobytij/>. (Дата обращения: 3.03.2014).

² Гинзбург М. Р. Использование метафоры изменения при работе со старшими подростками // Психологическая наука и образование. – 1997. – № 1. – С. 66–75.

³ Вачков И. В. Метафорический тренинг. – М.: «Ось-89», 2006. – 144 с.

⁴ Хухлаева О. В. Метавоздействие: новый метод индивидуальной коррекционной работы с подростками / О. В. Хухлаева, А. С. Кривцова // Школьный психолог. – 2010. – № 12. – С. 35–39.

5. Вживание в разнообразные роли как способ расширения границ поведения и приобретения новых социальных качеств.

6. Развитие воображения, интуиции и мышления.

7. Проявление активности и внутренней уверенности в себе.

8. Заинтересованность подростка в изменениях и желание изучать свой внутренний мир.

9. Обогащение отношений с миром за счет эстетической составляющей.

Вместе с тем применение данного метода неизбежно ставит вопрос о допустимых границах обращения к метафорическому стилю изложения, о продуманном использовании метафорического языка. Смысл одних и тех же слов и образов может интерпретироваться по-разному. Многозначность метафоры порождает опасную ситуацию: от свободы выражения легко перейти к чрезмерной вольности в толковании, которая может увести участников психокоррекционного процесса далеко от изначально заданной цели. Психологу следует постоянно контролировать процесс диалога. А для этого необходимо поддерживать обратную связь с подростком и выявлять соответствие его понимания метафоры расшифровке, которой придерживается психолог. Взаимодействуя с подростком, важно определиться со значениями тех или иных понятий и образов. Только таким путем может быть обеспечено положительное решение поставленных психологом задач.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что метафора является ценным психодиагностическим и психокоррекционным инструментом, позволяющим эффективно работать с широким спектром личностных и поведенческих проблем. Практические психологи должны направить свои усилия на поиск новых форм метафорического общения, соответствующих особенностям детей и подростков.

Список литературы:

1. Вачков И. В. Метафорический тренинг. – 2-е изд. – М.: «Ось-89», 2006. – 144 с.
2. Гинзбург М. Р. Использование метафоры изменения при работе со старшими подростками // Психологическая наука и образование. – 1997. – № 1. – С. 66–75.
3. Годэн Ж. Новый гипноз: глоссарий, принципы и метод. Введение в эриксоновскую гипнотерапию / Перев. с франц. С. К. Чернетского. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. – 298 с.
4. Зеленский В. В. Толковый словарь по аналитической психологии (с английскими и немецкими эквивалентами) / В. В. Зеленский. – СПб.: Б&К, 2000. – 324 с.
5. Красюк Г. Центр гармонизации и вдохновения. Архив событий (семинар Навида Пезешкиана в Киеве «Позитивная психотерапия в работе с детьми, молодежью и подростками»): [Электронный ресурс]. Киев, 2011. URL: <http://inspiris.com.ua/archiv-sobytij/>. (Дата обращения: 3.03.2014).

6. Миллс Дж., Кроули Р. Терапевтические метафоры для детей и внутреннего ребенка/Пер. с англ. Т.К. Кругловой. – М.: Независимая фирма «Класс», 2000. – 144 с.
7. Хухлаева О. В. Метавоздействие: новый метод индивидуальной коррекционной работы с подростками/О. В. Хухлаева, А. С. Кривцова//ШКОЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ. – 2010. – № 12. – С. 35–39.

*Stepanova Yuliya Sergeevna,
Rostov State Medical University, assistant of the Department
of Medical Psychology and Psychotherapy the Faculty
of Qualification Increase & Professional Retraining of Specialists
E-mail: stepys@bk.ru*

*Hachikian Tatyana Nikolaevna,
Rostov State Economic University (RINH),
assistant of the Department of Crisis and Corporate Governance
the Faculty of Management and Entrepreneurship
E-mail: hatani@mail.ru*

Psychological readiness for innovative activity in the structure of entrepreneurial potential

One of the priorities of modern Russia in the context of risk-oriented environment of the XXI century is the continuous development of new innovative and high-tech products and technologies. This trend has contributed to the emergence of the strategy «Innovative Russia — 2020». The core of this state program «innovative people» — people focused on creation and implementation of innovations in all spheres of public life. That is why the strategy priorities include the following: the task of changing people, the task of improving responsiveness to innovation, the task of extending the class of innovative entrepreneurs, the task of creating an atmosphere of tolerance for risk. All this list imposes serious demands to the formation and implementation of such a multidimensional phenomenon as «entrepreneurial potential». However, despite the significant interest to the entrepreneurial potential not all aspects of its content as a socio-economic categories are duly reflected in the currently available studies.

In general terms, the potential is defined as a set of tools, supplies, sources that are available, which can be mobilized, can be powered to achieve the stated purpose, to solve a problem in a certain area.

G. B. Kleiner believed that potential is a complex of resources and capabilities that determine the future activity performance under various scenarios of environmental con-

ditions¹. If we apply this definition directly to the person, the potential can be described as a set of available properties acquired by a person in the process of its formation and causing its possibility and capability to a specific functioning and development.

Entrepreneurial potential is a complex structural system of different degree of actualization mental qualities which necessary for objective achievement in the development of their own business and for establishing civilized relations with society and for subjective satisfaction with successes and results of self-realization².

Entrepreneurial potential of the individual in the context of production is understood as an activity to create economic innovation, the form of implementation of role function, the final product of economic creativity, etc. From the XVIII century R. Cantillon and other economists (J. H. von Thunen, H. K. von Mangoldt and F. Knight) isolated risky ability from a number of elements of entrepreneurial potential. J. A. Schumpeter as basic entrepreneur's abilities considered creativity and innovativeness. L. H. von Mises, F. A. von Hayek and I. Kirzner focused on such individual psychological characteristics of the entrepreneur as management skills, independence in the selection and decision-making, the ability to respond to changing economic and social situation. These studies were the basis for the analysis of entrepreneurial potential as multicomponent category.

Potential (with respect to the subject of activity) reflects part of the resource (as a possibility) and individual readiness to realize these possibilities, that is entrepreneurial potential first accumulates a resource section (possibilities), and secondly that could be called «innovative tone» (by V. E. Klotchko, O. M. Krasnoryadtseva, 2010³). Innovative tone represents a certain readiness which characterizes the stability of the transformation capacity (as a reserve) in potency (as an act).

In fact, this is a transition of opportunity from «virtual» existence of this level of potency (in the form of emotional complexes and attitudes) to level of active innovative actions (as the implementation of innovative and proactive act). Thus, the entrepreneurial potential can be defined as the aggregate of individual psychological qualities of the person, and the presence of its available resources to achieve business success. This suggests that the potential of the individual is a complex structure the components of which are closely interrelated⁴.

¹ Business strategy [Text]: Analytical Reference/Ed. G. B. Kleiner. – Moscow: CONSECO, 2007. – 520 p.

² Handbook of Practical Psychology. Psychodiagnostics [Text]/Ed. S. T. Posokhova. – Moscow: AST, St. Petersburg.: Sova, 2006. – 671 p.

³ Klochko, V.E. Features of the operationalization of the concept of “innovation potential of the individual” [Text]/V.E. Klochko, O.M. Krasnoryadtseva//Bulletin of the Tomsk State University. – 2010. – № 339. – P. 151–154.

⁴ Definition given by the authors.

Entrepreneurial potential (hereinafter — EP) has characteristics determined by the nature of entrepreneurship and characteristics of a particular economic system. Development of entrepreneurial potential should be considered as a purposeful transformation of potential's factors from its initial state to the desired in long-term. We propose the following approach to the consideration of the entrepreneurial potential. For the successful implementation of business is necessary to ensure the transformation of the existing resource part (possibility) of potential and “innovative tone” (readiness) in a condition which ensures the implementation of assigned (or claimed) entrepreneurial goals. This is achieved when each of potential's components (p_i) corresponds to the certain result.

According to our approach entrepreneurial potential structurally represented by the following basic components: professional & personal, innovative, material & technical, financial.

That is the entrepreneurial potential can be described as follows:

$$EP = \{p_{\text{prof. \& person.}} \cup p_{\text{mat. \& tech.}} \cup p_{\text{fin.}} \cup p_{\text{innov.}} \cup \dots \cup p_i\}^1,$$

where $p_{\text{prof. \& person.}}$, $p_{\text{innov.}}$, $p_{\text{mat. \& tech.}}$, $p_{\text{fin.}}$ — accordingly professional and personal, innovative, material and technical, financial components of EP; p_i — a component of EP, which, in turn, is characterized by a set of indicators of available resources.

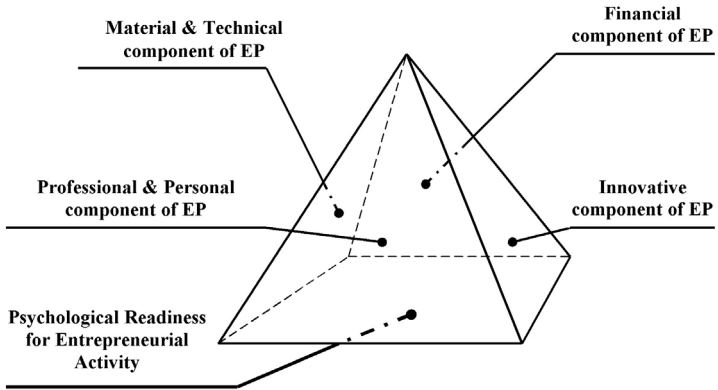
The last two components (material & technical and financial) are the independent variables in relation to the personality of the entrepreneur, but professional & personal and innovative components caused by the influence of individual entrepreneur's characteristics and his ways to respond to the current socio-economic conditions.

For professional & personal EP's component we understand the functional set of personal characteristics, providing constructive overcoming difficulties in establishing or developing the self-employment. Innovative component of EP is the ability of the so-called «proto-entrepreneur» or existing entrepreneurs to generate new forms of behavior and entrepreneurship using the opportunities afforded him through the implementation of innovative projects or innovative techniques for the production of products and services.

A detailed study of these components has opened the prospect of the search features of their interaction. The result of this aspect of the study was the selection of so-called psychological readiness for entrepreneurial activity in the structure of entrepreneurial potential.

For the convenience of reviewing and analyzing the multidimensional phenomenon of entrepreneurial potential can be represented as a structure in the form of a quadrangular pyramid, at the base of the pyramid lies psychological readiness for entrepreneurial activity, and the lateral edges — selected components of entrepreneurial potential (Picture 1).

¹ Compiled by authors.

Picture 1. Three-dimensional model of Entrepreneurial potential¹

The process of entrepreneurial activity is always risky. Consequently, stakeholder — in the case of transition from thinking («virtual») level of business ideas to the level of active and successful innovative and proactive act of its implementation — should have an established Psychological Readiness for Risks of Innovative Activity (hereinafter — PRRIA).

According to our author’s position psychological readiness for risks of innovative entrepreneurial activity is a function of synergistic effect of professional & personal component and innovative component of EP, i. e.:

$$PRRIA = f \{ p_{\text{prof. \& person.}} \cup p_{\text{innov.}} \}^2$$

From the perspective of socio-psychological approach PRRIA postulated by us as a kind of integrative subjective personal construct arising at the junction of readiness for innovation and readiness to take risks, ensuring the success of the professional activity of the personality.

Thus, as a working definition PRRIA we accept the following: Psychological Readiness for Risks of Innovative Activity — is a constitutive basis of entrepreneurial potential of the individual, which is an integral education, increased as a result of cumulative effects of its internal structural elements — the individual’s psychological readiness for risks and the readiness for innovative activity.

In turn, the psychological readiness for risks and psychological readiness for innovative activity are autonomous entities. They do not contradict each other and have integrative influence on PRRIA. Imbalance in their relations could eventually lead to deformation of entrepreneurial potential and implementation of the process of entrepreneurship.

¹ Compiled by authors.

² Compiled by authors.

In turn, the level and quality of PRRIA's development will determine the success of the formation of a new type of «innovative man» in the face of uncertainty, constantly changing and increasingly complex social reality of Russia.

According to the proposed three-dimensional model of entrepreneurial potential is extremely relevant and popular aspect of development of specialized professional programs for innovative entrepreneurs formation.

In our opinion, such programs should be focused primarily on contingent future entrepreneurs to the formation of high-quality and professional-directed development of entrepreneurial potential which predetermines the success of the innovative context of Russia «2020».

Reference:

1. Klochko, V.E. Features of the operationalization of the concept of «innovation potential of the individual» [Text]/V.E. Klochko, O. M. Krasnoryadtseva//Bulletin of the Tomsk State University. – 2010. – № 339. – P. 151–154.
2. Handbook of Practical Psychology. Psychodiagnostics [Text]/Ed. S. T. Posokhova. – Moscow: AST, St. Petersburg.: Sova, 2006. – 671 p.
3. Business strategy [Text]: Analytical Reference/Ed. G. B. Kleiner. – Moscow: CONSECO, 2007. – 520 p.

*Shipova Larisa Valentinovna, FGBOU VPO «Saratov state university of a name of N. G. Chernyshevsky»,
department chair, faculty of psychology and pedagogical and vocational education
E-mail: Larisashi @yandex.ru*

Research of the contents and forms of aggression of teenagers

*Шипова Лариса Валентиновна, ФГБОУ ВПО «Саратовский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»,
зав. кафедрой, факультет психолого-педагогического и специального
образования
E-mail: Larisashi @yandex.ru*

Исследование содержания и форм агрессии подростков

Одной из отличительных особенностей поведения подростков являются агрессивные проявления, которые носят ярко выраженный характер и характере

ризируются своеобразными чертами и многообразием форм, что подтверждается в работах В.В. Знакова (1990), А. А. Р. Зоуир (1999), П. А. Ковалева (1996), Э. И. Кондраковой (2000), Р. М. Масагутова (1998), Ю. Б. Можгинского (1999), В. В. Ольшанской (2000), Семенюк (1998), И. А. Фурманова (1996) и др.

Проявления агрессивности школьников на разных стадиях подросткового возраста (от 10 до 15 лет) были изучены Л. М. Семенюк¹. В работе Л. М. Семенюк рассматривались следующие формы агрессии подростков: физическая, косвенная, вербальная агрессия и негативизм. Результаты проведенного исследования показали, что у детей 10–11-летнего возраста преобладает физическая агрессия и менее всего выражена агрессия косвенная, наряду с этим подростков 12–13-летнего возраста наиболее выраженным является негативизм, отмечается прирост физической, а также вербальной агрессии. В 14–15-летнем возрасте на первый план выходит вербальная агрессия, а физическая и косвенная агрессия, уровень негативизма повышаются незначительно. Следует отметить, что на всем протяжении подросткового возраста наблюдается четко выраженная динамика всех форм агрессии от младшего к старшему подростковому возрасту. Вместе с тем, если у 10–11-летних преобладают физические формы агрессии, то по мере взросления у 14–15-летних на первый план выходят ее вербальные формы.

Исследование агрессии подростков как фактора социальной адаптации было проведено Е. В. Ольшанской². Результаты исследования позволили выделить автору две группы подростков с разными видами агрессии. У подростков первой группы наряду с повышенными показателями индекса агрессии оказались заметно превышены нормативы и по индексу враждебности. У другой группы подростков повышенный индекс агрессии сочетался с очень умеренными показателями враждебности, укладывающимися в норму. Первый вид агрессии, сочетающийся с выраженной враждебностью, интерпретирован автором как внутренне достаточно глубоко мотивированная, обобщенно-«деструктивная» агрессия. Второй вид агрессии, не сопровождающийся подъемом враждебности, был интерпретирован как мотивированный уже не глубинными, эмоционально-личностными, а ситуационными факторами, и квалифицирован автором как агрессия «конструктивная» — инструментальная, личностно не слишком окрашенная, выступающая в качестве своеобразного «инструмента» достижения цели.

Наиболее «агрессивный» период в подростковом возрасте, в котором проявляются агрессивные качества, пишет И. Э. Кондракова³, совпадает с 12–13

¹ Семенюк Л. М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции. - М., 1998.

² Ольшанская Е. В. Подростковая агрессия как фактор социальной адаптации: Дис. ... канд. психол. наук. - М., 2000.

³ Кондракова И. Э. Предупреждение и педагогическая коррекция агрессивного поведения

–летним возрастом, который падает на наиболее несформированный период взросления. При этом с взрослением изменяются и формы проявления агрессии, от мягких (косвенных) к жестким (физическим).

Исследования большинства психологов, изучавших проблему агрессивности, свидетельствуют о том, что агрессивное поведение гораздо чаще встречается у мальчиков, чем у девочек. П. А. Ковалев¹, отмечает, что внутри подросткового возраста, как у мальчиков, так и у девочек, существуют возрастные периоды с более высоким и более низким уровнем проявления агрессивного поведения. Так было установлено, что для мальчиков характерными являются два пика проявления агрессии: наибольший уровень проявления агрессии отмечается в 11 и в 13 лет.

В работе Л. М. Семенюк² выявлены значительные различия в проявлении агрессии между мальчиками и девочками подросткового возраста. Было установлено, что физическая агрессия проявляется у 60–70% мальчиков и лишь у 30–56% девочек. В то же время у мальчиков с возрастом происходит некоторое снижение физической агрессии, тогда как у девочек, напротив, рост. Вербальная агрессия отмечается у 62–82% мальчиков и 38–60% девочек. При этом в 12–13 лет у мальчиков имеет место снижение уровня вербальной агрессии, а у девочек отмечается тенденция ее увеличения. Негативизм значительно выше у мальчиков (62–82%), чем у девочек (36–60%). При спаде косвенной агрессии у мальчиков (от 10 до 15 лет) идет возрастание ее у девочек. Наибольшей агрессивностью отличаются 10–11-летние мальчики, у которых преобладают физическая агрессия — 70%, при негативизме в 68% и вербальной агрессии в 62%. Однако к 14–15 годам у мальчиков на первый план выходят вербальные формы агрессии и негативизм. При этом физическая агрессия снижается до 61%, косвенная составляет лишь 39%. В отличие от мальчиков у девочек с возрастом существенно увеличивается физическая агрессия; резко возрастает косвенная и вербальная агрессия, вместе с тем с 13 к 14–15 годам снижается негативизм.

Сравнение степени выраженности различных форм агрессии у мальчиков и девочек подросткового возраста в исследовании А. А. Р. Зоуир³ показало, что у мальчиков наиболее выражена склонность к прямой физической агрессии и прямой вербальной агрессии, а у девочек — к прямой вербальной и косвенной вербальной. Таким образом, для мальчиков наиболее характерно выражение ее в прямой, откры-

подростков в школе: Дис. ... канд. пед. наук. - СПб., 2000.

¹ Ковалев П. А. Возрастно-половые особенности отражения в сознании собственной агрессивности и агрессивного поведения: Дис. ... канд. психол. наук. - СПб., 1996.

² Семенюк Л. М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции. - М., 1998.

³ Зоуир А. А. Р. Кросс-культурное изучение агрессивного поведения у подростков России и Йемена: Дис. ... канд. психол. наук. - СПб., 1999.

той форме и непосредственно с конфликтующим. Для девочек же характерно предпочтение именно вербальной агрессии в любых ее формах прямой или косвенной, хотя косвенная форма оказывается все-таки более выраженной.

При рассмотрении степени выраженности агрессивных реакций у мальчиков и девочек среднего школьного возраста в работе Т. В. Слотиной¹ обнаружилось, что основным отличием агрессивных проявлений девочек и мальчиков среднего школьного возраста, являются обида и чувство вины, в большей степени характерные для девочек. Этот факт вполне соответствует данным И. А. Фурманова² о том, что для мальчиков-подростков свойственно направление агрессии «наружу», а для девочек «вовнутрь». Кроме того, было установлено, что в группе неагрессивных учащихся показатель уровня физической агрессии мальчиков статистически значимо выше девочек. Следовательно, неагрессивные мальчики склонны проявлять свою агрессивность в виде физической агрессии чаще, чем девочки.

Самая распространенная форма агрессивного поведения у подростков, как показывает исследование О. В. Глуздовой³, — вербальная агрессия. Для вербальной агрессии подростков наиболее характерны обвинения, критика, унижающие собеседника; использование оскорблений и проклятий, использование ненормативной лексики, которые отмечаются не менее чем у 48,5% подростков. С возрастом у подростков увеличивается степень выраженности вербальной агрессии. У подростков 11–12 лет средний и низкий уровни проявления агрессии встречаются у каждого третьего, к 13–15 годам почти половина подростков (49%) показывает высокий уровень вербальной агрессии. При этом с возрастом у подростков возрастают более доминантные проявления вербальной агрессии, с помощью которых подросток воздействует на окружающих: обвинения, критика, унижающие собеседника, угрозы, запугивание. Как для мальчиков (82,8%), так и для девочек (79,6%) характерно проявление выраженной вербальной агрессии. При этом для мальчиков характерны прямые, активные проявления вербальной агрессии, а девочек — экспрессивные (повышение голоса, переход на крик) и косвенные (ябедничество и спленичанье) проявления агрессии.

Не менее важным в психологии агрессивного поведения является разделение агрессии подростков на патологическую и непатологическую. Непатологическая форма агрессии у подростков характеризуется незначительной выраженностью расстройств поведения, отсутствием беспричинных колебаний настроения, способностью к компенсации дефекта в благоприятных условиях, мягкостью сома-

¹ Слотина Т. В. Смысловая концепция и агрессивность учащихся-подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. - СПб., 2002.

² Фурманов И. А. Детская агрессивность: психодиагностика и коррекция. - Минск, 1996.

³ Глуздова О. В. Психологические особенности вербальной агрессии в подростковом возрасте: Дис. ... канд. психол. наук. - Н. Новгород, 2002.

товегетативного компонента аффективных реакций¹. Агрессивное поведение таких подростков носит характер протеста, возникает эпизодически, не нарушает в целом их взаимоотношений с окружающими и является следствием недостаточной сформированности социально-психологических свойств личности, неверных установок поведения, слабости правосознания, искажений в содержании ценностных ориентаций.

Патологическая агрессия связана с качественными изменениями составляющих насильственного поведения, обусловленных болезненными изменениями психической деятельности и выраженной динамикой. Признаками патологической агрессии являются следующие: агрессивное поведение с изменениями в эмоциональной сфере и возникновение аффективно злобных реакций, агрессивное поведение с наличием сверхценных идей мести, ненависти, обиды; садистическая агрессия, для которой характерны нарушения влечений, проявляющиеся в возникновении положительных эмоций при причинении физической боли и нравственных страданий человеку².

На основе содержания и структуры агрессии И. А. Фурманов³ разделил агрессивных подростков на четыре категории.

1. Дети, склонные к проявлению физической агрессии. Для таких детей характерны активность, целеустремленность, смелость, решительность, склонность к риску, бесцеремонность, авантюризм. Их экстравертированность подкрепляется лидерскими качествами, но при этом отмечаются садистские наклонности, низкий самоконтроль, отсутствие социализации влечений, потребность в острых переживаниях, импульсивность поведения.

2. Дети, склонные к проявлению вербальной агрессии. Данной группе детей свойственны выраженная психическая неуравновешенность, депрессивность, повышенная чувствительность к оценкам и действиям, к их личности, неумение и нежелание скрывать свои чувства и мысли, постоянный внутренний конфликт, напряженность и импульсивность.

3. Дети, склонные к проявлению косвенной агрессии, для которых характерны чрезмерная импульсивность, слабый самоконтроль, недостаточная социализация влечений и низкая осознанность собственных действий, негативизм.

4. Дети, склонные к проявлениям негативизма, отличаются проявлениями «мимозоподобности», ранимости, впечатлительности. Основными их чертами являются эгоизм, завышенная самооценка, консерватизм.

¹ Лебединская К. С., Райская М. М., Грибанова Г. В. Подростки с нарушениями в аффективной сфере: Клинико-психологическая характеристика «трудных» подростков. - М., 1988.

² Стаценко А. Н. Механизмы развития, профилактики и лечения агрессивных форм нарушения поведения у подростков // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова, 1989.

³ Фурманов И. А. Детская агрессивность: психодиагностика и коррекция. - Минск, 1996.

Л. М. Семенюк¹ выделила 4 группы агрессивных подростков на основе учета определенного типа поведения и направленности их личности. Для первой группы подростков характерен устойчивый комплекс аномальных, аморальных, примитивных потребностей, деформация ценностей и отношений. Типичными для данной группы являются проявления эгоизма, равнодушия к переживаниям других, неуживчивости, отсутствие. Они отличаются эгоцентризмом, циничностью, озлобленностью, грубостью, вспыльчивостью, дерзостью, драчливостью. Их поведение характеризуется преобладанием физической агрессии. Ко второй группе относятся подростки с деформированными потребностями, ценностями, для которых свойственны обостренный индивидуализм, желание занять привилегированное положение за счет притеснения слабых, младших. Они характеризуются импульсивностью, быстрой сменой настроения, лживостью, раздражительностью. У этих детей извращены представления о мужестве, товариществе, им доставляет удовольствие чужая боль. Стремление к применению физической силы проявляется у них ситуативно и лишь против тех, кто слабее. Третью группу подростков характеризует конфликт между деформированными и позитивными потребностями, ценностями, отношениями. Они отличаются односторонностью интересов, приспособленчеством, притворством, лживостью, Эти дети не стремятся к достижениям, успеху, апатичны, для них характерны косвенная и вербальная агрессия. Для четвертой группы подростков свойственны деформированные потребности, но, в тоже время, отсутствие определенных интересов и весьма ограниченный круг общения. Для этих детей типичны безволие, мнительность, заискивание перед более сильными товарищами, трусливость и мстительность. В их поведении преобладают вербальная агрессия и негативизм.

Таким образом, как показывают исследования, содержание и формы агрессивного поведения подростков значительно варьируют в зависимости от возраста, пола, особенностей личности школьника, наличия нарушений психического развития. Изучение содержания, форм и типологии агрессивного поведения подростков позволяет не только правильно квалифицировать характер агрессии школьника, но и определять индивидуальные меры предупреждения и коррекции деструктивных форм такого поведения.

¹ Семенюк Л. М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции. - М., 1998.

Section 7. Regional studies and socio- economic geography

*Arnaut Stanislav Nikolaevich,
National Research University Higher School of Economics,
Saint Petersburg Master, Faculty of Economics
E-mail: arnaut.stas@gmail.com*

*Tuyanina Ksenia Gennadevna,
National Research University Higher School of Economics,
Saint Petersburg Master, Faculty of Economics
E-mail: kseniya.tuyanina@gmail.com*

Research of ways to reduce traffic congestion in Russian Federation

*Арнаут Станислав Николаевич,
Национальный Исследовательский Университет
Высшая Школа Экономики, г. Санкт-Петербург
Магистр, факультет Экономики
E-mail: arnaut.stas@gmail.com*

*Туянина Ксения Геннадьевна,
Национальный Исследовательский Университет
Высшая Школа Экономики, г. Санкт-Петербург
Магистр, факультет Экономики
E-mail: kseniya.tuyanina@gmail.com*

Исследование путей уменьшения загруженности дорог автотранспортом в Российской Федерации

Транспортная система является одной из крупнейших общественных достояний Российской Федерации. Она представлена всеми необходимыми видами наземного, воздушного и водного транспорта.

Среди них особо стоит отметить Транспортно-Дорожный Комплекс (ТДК) поскольку именно он представляет собой важнейший инструмент, необходимый для нормального функционирования жизнедеятельности городов России. Но, к сожалению, показатели роста уровня развития ТДК Российской Федерации ниже, чем показатели роста автомобилизации населения.

Данное различие является причиной увеличения интенсивности движения на автодорожной сети и, как следствие, скорому её разрушению.

Но пробки, затрудненное передвижение — это далеко не все транспортные проблемы городов. Общественный транспорт не в состоянии покрыть все потребности горожан. В дневное время — это давки в «редких» автобусах, в ночное же время общественный транспорт отсутствует, ввиду отсутствия стабильного спроса.

Вышеперечисленные проблемы можно решать различными способами, но статистика показывает, что в основном, они малоэффективны.

Пассажирский автотранспорт

Согласно недавним интернет-опросам, из 505 проголосовавших человек лишь малая часть довольна работой общественного транспорта:

- ~ 5% всех опрошенных довольны работой общественного транспорта.
- ~ 4.5% не пользуются услугами общественного транспорта.
- ~ 20% недовольны состоянием автопарка.
- ~ 21% недовольны поведением водителей и кондукторов.
- ~ 19.5% недовольны нехваткой автобусов.
- ~ 30% считают неудобным график движения маршрутов автобусов.

Стоит добавить, что и сами работники социального транспорта недовольны его состоянием на сегодняшний день.

Почти 50% опрошенных указывают на малое количество автобусов, как следствие, их нехватку и редкий график движения. Данная проблема решается запуском дополнительного коммерческого транспорта, который в свою очередь игнорирует различные льготы наших граждан.

Как же можно решить сложившуюся ситуацию на дорогах и с социальным транспортом?

Автомобилисты

Мы намерены найти способ урегулировать данный вопрос, не полагаясь на общественный транспорт. Это возможно благодаря автомобилистам.

В 2011 году вышел закон о запрете водителям подбирать попутчиков. Он запрещает автомобилистам заниматься незаконной коммерческой деятельностью связанной с провозом пассажиров. Нарушителю грозит существенный штраф, который навсегда отобьет у него желание подвозить кого-либо. Комментарии к данному закону таковы, что сейчас на дорогах существует большое количество

машин, находящихся в аварийном состоянии и не прошедших технический осмотр, а порой даже списанных на утилизацию. Именно эти машины чаще всего используются в качестве нелегального такси. С данным аргументом не поспоришь, действительно безопасность участников дорожного движения должна быть превыше всего.

Несмотря на это, мы считаем, что данный закон несовершенен и к нему должны быть приняты соответствующие поправки. Деятельность автомобилистов, которые решили взять с собой попутчика необходимо не только не запрещать, но и поощрять.

В связи с вышеуказанной информацией о недостаточном уровне городского социального транспорта, можно сделать вывод, что его тоже трудно назвать безопасным: проезд стоя и отсутствие ремней безопасности только придают вес данному заявлению. Личный автомобиль является лучшей альтернативой — они оборудованы всеми необходимыми инструментами для комфортной и безопасной поездки.

По данным Российской Госавтоинспекции с 2004 года транспортный парк России вырос почти в 1,5 раза. 1 января 2013 г. в России насчитывается 50,5 млн. автомобилей, причем большая их часть, это легковые авто. И их число постоянно растет.

Согласно последним исследованиям, в каждом автомобиле, в среднем, едет 1,5 человека: в будние дни эта цифра составляет 1,34 человека, в выходные — 1,66. Причем среднесуточная составляющая этой цифры изменяется в течение дня — утром она меньше, к вечеру вырастает.

Взглянув на эти данные можно сказать, что количество автомобилей является достаточным для покрытия потребностей населения.

Решение проблем загруженности автодорог

Мы предлагаем уменьшить загруженность автодорог, заполнив имеющиеся свободные места в автомобилях попутными пассажирами. В некоторых странах уже пытаются подобным образом бороться с проблемой перегруженности дорог. Для этого введено правило, что в автомобиле должно ехать больше одного человека. Нарушение карается большими штрафами, что вызывает небезосновательное недовольство со стороны граждан.

Мы предлагаем не вводить столь строгих ограничений, предварительно не создав необходимых условий для удобного поиска попутчиков. Причем создать подобный сервис наиболее эффективно при поддержке государства. Данные, полученные от нашего сервиса, смогут поспособствовать развитию региональной экономики и снабдить ученых актуальными и более точными данными, что окажет благоприятное воздействие на развитие городов и науки.

Мы считаем, что автомобилистам, проявившим интерес к подобной возможности и имеющим безаварийный стаж вождения, необходимо выдавать разрешение на бесплатный подвоз попутчиков. И более того, поощрять в виде снижения

налогов на автомобиль или другими льготами. Это позволит снизить количество таксистов без лицензии.

Именно поэтому было решено организовать динамичный и насыщенный сервис, развивающийся на основе совместного опыта Госавтоинспекции и Научных исследовательских центров региональной экономики, для определения оптимальных вариантов использования попутного транспорта.

В некоторых странах уже предпринимались попытки решить проблему поиска попутчиков для водителей, совершающих как регулярные, так и разовые поездки в пределах города и между городами. Данные решения представляют собой «доску объявлений», на которой автовладельцы выкладывают свой обычный маршрут, предлагая попутчикам присоединиться к поездке. Однако, подобные сервисы недостаточно эффективны.

На данный момент стремительно развивается рынок информационных технологий. Одно из таких направлений — сервисы типа ГИС (геоинформационные системы), различные навигационные сервисы. Одни сервисы предоставляют необходимые возможности для автомобилей (навигация по маршруту, мониторинг пробок) и объединяют их, другие для пешеходов: карты, просмотр улиц, информация об общественном транспорте.

Но ни один из них не объединяет и автомобилистов, и пешеходов.

Прежде всего, необходимо создать интернет-сервис, выполняющий эту функцию. Он будет являться инструментом, связывающим автоводителей и пешеходов, посредством синхронизации их маршрутов. Он призван помочь людям, не имеющим автомобиль, и дать им возможность быстро добраться до нужного пункта.

Приведем пример данного взаимодействия. Автомобилист едет на работу из дома. В большинстве случаев он едет один, но у него в машине в среднем еще 3 свободных места, которые не используются. Наш сервис поможет заполнить их. Сервис отмечает в базе данных точки отправления и прибытия автомобилиста, и ищет пешехода, чье местоположение и необходимый пункт прибытия пролегают по маршруту автомобилиста (или же незначительно от него отличается).

Данный сервис — это приложение для смартфонов, распространяемое во внутренних on-line магазинах, внутри самой операционной системы, доступное для скачивания любым пользователям. По умолчанию, любой пользователь смартфона может установить данное приложение и зарегистрироваться в качестве попутчика, но чтобы получить статус автомобилиста, ему потребуется обратиться в службу Госавтоинспекции для получения соответствующего разрешения.

Для этого необходимо создать на базе Госавтоинспекции отдел, обрабатывающий заявки автовладельцев, для принятия участия в данном проекте.

Мы предлагаем несколько примерных вариантов поощрения таких автомобилистов. Первый — возможность получить дополнительные льготы от государства

на налог на свой автотранспорт. Второй — пассажир может частично покрыть автомобилисту затраты на бензин. И третий — можно ввести передачу «виртуальных» жетонов за проезд, которые затем автовладелец сможет на что-нибудь обменять. Для выбора конечных вариантов необходимы дальнейшие исследования.

Заключение

Использование попутного транспорта становится всё более популярным способом передвижения во многих странах мира. Особенно хорошо данная тенденция прослеживается в странах Европы и США. И это несмотря на то, что в этих странах практически каждая семья имеет свой автомобиль, а иногда даже несколько.

Этот парадокс можно объяснить, в первую очередь, финансовой выгодой. К тому же люди постепенно подходят к осознанию того, что жизненно необходимо сохранение безопасности окружающей среды. Благодаря этому делаются первые шаги к минимизации собственного отрицательного влияния на окружающую среду.

Поэтому мы предлагаем объединить пешеходов и автомобилистов, предоставив водителям возможность подвозить попутных пассажиров, а пешеходам — возможность наиболее быстрого и безопасного передвижения. Данный проект предполагает создание современного мобильного сервиса, объединяющего совместный опыт Госавтоинспекции и Институтов региональной экономики, направленного на улучшение качества жизни населения, экологической обстановки и состояния ТДК.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 21.04.2011 № 69, Статья 11.14.1. Нарушение правил перевозок пассажиров и багажа легковым такси.
2. Шумской А. Сколько человек едет в автомобиле, 2013 г.

*Bezbedova Lubov Grigorievna, Kuban State University of Technology,
Senior Lecturer, Department of Information Systems and Programming
E-mail: bezbedova@yandex.ru*

*Klyuchko Vladimir Ignatievich, Kuban State University of Technology,
Professor, Department of Information systems and Programming*

Analysis of Road Traffic the example of the Krasnodar Territory

*Безбедова Любовь Григорьевна,
Кубанский Государственный технологический университет,
старший преподаватель кафедры информационных систем
и программирования*

E-mail: bezbedova@yandex.ru

*Ключко Владимир Игнатьевич,
Кубанский Государственный технологический университет,
профессор кафедры информационных систем и программирования*

Анализ работы автомобильного транспорта на примере Краснодарского края

Краснодарский край — это самым южным регионом России. Он расположен на крайнем юго-западе страны. Площадь региона составляет 75,5 тыс. кв. км. В его состав входят западная часть Большого Кавказа и Кубано-Приазовская низменность. На северо-востоке наш край граничит с Ростовской областью, на востоке — со Ставропольским краем, на юге — с Абхазией, на западе (через Керченский пролив) — с Автономной Республикой Крым, входящей в состав Украины. С северо-запада и юго-запада территория Краснодарского края омывается Азовским и Чёрным морями.

Край характеризуется индустриально-аграрно-рекреационным типом развития. Основу региональных производительных сил составляют промышленный, строительный, топливно-энергетический комплексы, область информационных и коммуникационных технологий, а также агропромышленный, транспортный, курортно-рекреационный и туристский комплексы. В социально-экономическом развитии приоритеты принадлежат агропромышленному, транспортному, санаторно-курортному и туристскому комплексам. Они определяют особый статус Краснодарского края в экономике страны.

Краснодарский край входит в Южный федеральный округ Российской Федерации (ЮФО), в состав которого также входят республика Адыгея, республика Калмыкия, Астраханская, Волгоградская и Ростовская области, и занимает в нем ключевое положение, определяя экономический потенциал и направления развития ЮФО.

В составе ЮФО край сохраняет устойчивые темпы роста экономики на протяжении последних пяти лет на уровне 106–110% в год.

По уровню диверсификации промышленного сектора, рассчитанного на основе коэффициента концентрации Герфинделя и данных об объеме отгруженной продукции собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, Краснодарский край, согласно таблицы 1, занимает четвертое место среди субъектов ЮФО уступая Ростовской, Волгоградской и Астраханской областям.

Таблица 1

Наименование субъекта ЮФО	Коэффициент
Республика Адыгея	0,78
Республика Калмыкия	0,68
Краснодарский край	0,79
Астраханская область	0,84
Волгоградская область	0,85
Ростовская область	0,87

Основной вклад в валовой региональный продукт (ВРП) Краснодарского края только в 2009 году внесли «Транспорт и связь», «Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий», доля которых составила, соответственно, 17,4%, 16,9%. Далее следуют такие виды экономической деятельности, как «Строительство» — 13,8%, «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» — 12,7%, «Обрабатывающие производства» — 10,2.

Структура валового регионального продукта в разрезе субъектов ЮФО в % представлена по основным видам деятельности в таблице 2.

Таблица 2

Виды деятельности	Российская Федерация	Республика Адыгея	Республика Калмыкия	Краснодарский край	Астраханская область	Волгоградская область	Ростовская область
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	4,9	16,5	31,0	12,7	9,1	12,2	11,8
Обрабатывающие производства	16,7	13,9	3,4	10,2	14,7	23,1	18,1
Строительство	6,7	10,1	6,9	13,8	14,7	5,0	10,1
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	18,4	20,6	8,2	16,9	10,2	14,4	17,7
Гостиницы и рестораны	1,1	1,0	0,6	2,8	1,6	0,8	1,3
Транспорт и связь	10,4	4,3	6,2	17,4	13,5	10,9	10,4
Операции с недвижимым имуществом, аренды и предоставление услуг	11,8	5,7	5,4	6,9	9,6	8,1	8,0
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	4,2	6,2	7,2	5,3	6,1	5,1	4,7

Таким образом, край имеет лучшие по сравнению с другими регионами округа основные показатели развития, более диверсифицированную и современную экономику с высокой долей малого предпринимательства. Здесь самый высокий в округе уровень валового регионального продукта на душу населения, собственных доходов бюджета, инвестиций в основной капитал.

От уровня развития отраслей, являющихся потенциальными грузоотправителями и грузополучателями, зависит деятельность транспорта, осуществляющего перевозку грузов. Преодолев негативные последствия экономического кризиса августа 1998 г. в крае начался экономический рост, который продолжился в 2000 г. По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю в 2000 г. транспортом общего пользования было перевезено 106,1 млн.тонн грузов. Объемы перевозок грузов транспортом общего пользования в Краснодарском крае приведены в таблице 3.

Таблица 3

	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Перевезено грузов транспортом общего пользования, млн. тонн	106,1	142,0	149,7	162,6	169,8	168,0	179,5	187,1	179,1
железнодорожным	19,0	27,5	30,4	34,1	32,9	30,4	36,9	40,0	38,9
автомобильным	18,9	9,3	10,1	18,0	17,9	18,0	17,8	18,0	18,2
магистральным трубопроводным	56,4	102,1	106,7	108,1	117,5	118,1	123,8	128,3	121,2
морским	10,9	1,5	1,4	1,0	0,3	0,7	0,3	-	-
внутренним водным	0,9	1,6	1,1	1,4	1,2	0,8	0,7	0,8	0,8

За последние восемь лет транспортом общего пользования было перевезено 1337,8 млн.тонн грузов. В 2012 году предприятиями транспортной отрасли перевезено 179,1 млн.тонн грузов, темп роста к 2005 году составил 168,8%. Гистограмма перевозок грузов различными видами транспорта представлена на рисунке 1.

Автомобильный грузовой транспорт наряду с другими видами транспорта, осуществляя перевозки грузов, обеспечивает базовые условия деятельности предприятий и организаций, жизнедеятельности населения края, вносит полноценный вклад в экономику Краснодарского края, участвует в торговле и производственных процессах на внутрироссийском и международном уровнях. Однако, как

показал анализ работы автомобильного транспорта за последние годы, согласно рисунка 2, снизился удельный вес автомобильного транспорта общего пользования (АТОП) в общем объеме перевозок грузов.

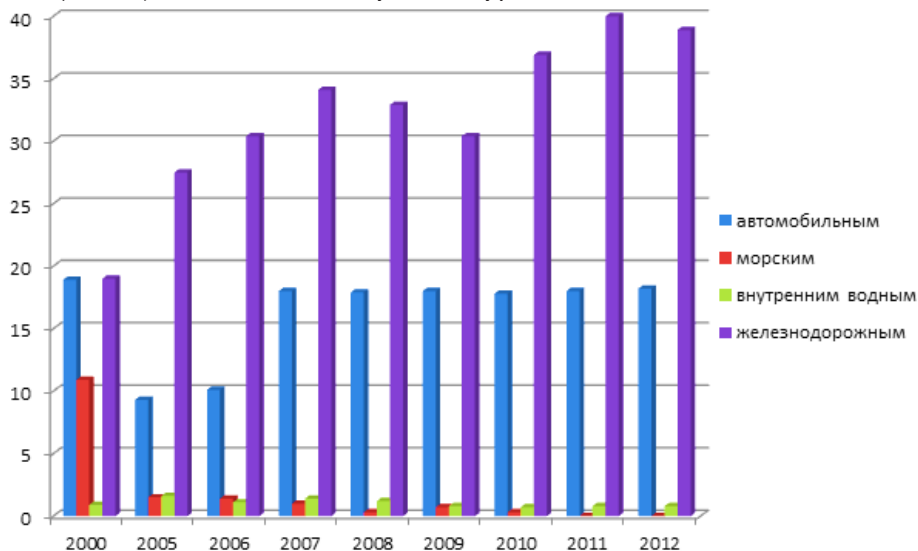

Рисунок 1 — Перевозки грузов различными видами транспорта

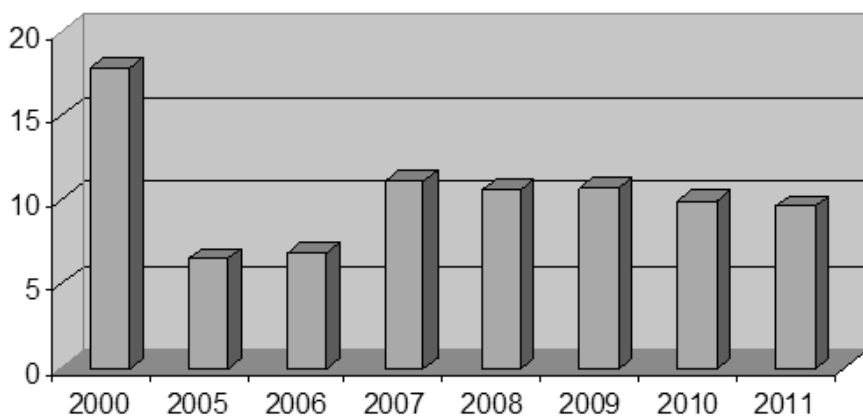

Рисунок 2 — Удельный вес АТОП в%

Рыночная экономика и современные технологии кардинально изменили не только характер спроса на услуги грузового автомобильного транспорта, условия, принципы, но и организацию его работы. Это, в свою очередь, потребовало серьезных преобразований в управлении отраслью и регулировании рынка услуг по перевозке грузов автомобильным транспортом на государственном уровне.

В Краснодарском крае структура автогрузовой отрасли претерпела значительные изменения. Произошло явное перераспределение объема грузовых перевозок, ранее выполняемых специализированными автотранспортными предприятиями, к частным перевозчикам и индивидуальным предпринимателям, доля которых увеличилась до 80%.

Анализ международных и междугородных перевозок грузов показывает, что основная их часть осуществляется иногородними и иностранными транспортно-экспедиционными компаниями. На долю местных перевозчиков на внутрироссийских линиях между Краснодарским краем и другими регионам России приходится 20–25% от общего объема грузов.

Таким образом, в настоящее время при междугородных перевозках грузов в крае сложилась следующая ситуация:

— мелкие перевозчики при отсутствии крупных краевых экспедиторов не способны обслуживать большие грузопотоки;

— произошла потеря рынка автогрузовых услуг Краснодарского края местными перевозчиками, что привело к зависимости торгово-промышленного комплекса и экономики края от иногородних и иностранных транспортно-экспедиционных компаний;

— контроль и учет деятельности перевозчиков и экспедиторов со стороны государства по-прежнему неэффективны.

Создавшееся положение свидетельствует о необходимости совершенствования системы управления перевозками грузов автомобильным транспортом, в том числе и междугородными перевозками. Авторами данной статьи были исследованы методы совершенствования организации междугородных перевозок грузов, где была сформулирована задача расчета транспортного баланса, с учетом типов транспортных средств, линий перевозок, видов грузов с применением оптимизационного подхода.

Список литературы:

1. Великанов Д. П. Выбор наиболее эффективных грузовых автомобилей для определенного вида перевозок. «Автомобильный транспорт», 1977, № 6, 14–17 с.
2. Логинов В. И. Методы оптимизации транспортных перевозок в агропромышленном комплексе в переходный период. — Краснодар: КубГАУ, 1999.
3. <http://www.krsdstat.ru/digital/region3/default.aspx>

*Hnes Ihor Petrovich,
Lviv Polytechnic National University
Candidate of Sciences (Architecture), an associate professor, dean
E-mail: ihor_hnes@mail.ru*

Multifamily housing: affordability provisions

*Гнесь Ігор Петрович,
Національний університет «Львівська політехніка»
Кандидат архітектури, доцент, декан Інституту архітектури
E-mail: ihor_hnes@mail.ru*

Багатоквартирне житло: резерви доступності

Вивченню проблем масового житлового будівництва було присвячено ряд досліджень, які проводились в 80-х роках ХХ ст., в тому числі — питання впровадження ростучих однородинних будинків, як способу відтермінування значних одноразових витрат на зведення і облаштування житла¹. Ряд публікацій стосовно доступного ростучого житла можна знайти в ЗМІ². Однак закордонні інтернетресурси як правило обмежуються лиш демонстрацією проектних рішень ростучих будинків, без теоретичного узагальнення розробок³. Відсутні теоретичні роботи, які б розглядали питання реалізації ідеї ростучого житла (або поетапного освоєння квартир) в багатоквартирних будинках. Мета дослідження — висвітлити можливий напрям формування фонду доступного житла, що передбачає поетапне освоєння квартир мешканцями протягом певного періоду після їх заселення.

Виклад основного матеріалу дослідження

На даний момент ситуація на ринку житла в Україні така, що, не зважаючи на значну потребу в покращенні житлових умов, основна маса сімей продовжують чекати кращих часів, а ті поодинокі сім'ї, які все ж накопичили кошти на житло, чи зважились на банківські позики, часто зупиняють свій вибір на 1–2-кімнатних квартирах, хоча, зважаючи на їх демографічний склад, мали би купувати 3–4-кімнатні квартири. Це явище пояснює нове поняття «бюджету покупки», яке виникло і використовується фахівцями в сфері операцій з нерухомістю, і характе-

¹ Рекомендации по проектированию перспективных типов сельского жилища для индивидуальных застройщиков. ЦНИИЭП-граждансельстрой, М., Стройиздат, 1990 г., с. 12–14

² Sweet Spot 2. <http://earthbagplans.wordpress.com/2009/05/08/sweet-spot-2-earthbag-house/>

³ «Quinta Monroy/ELEMENTAL» 31 Dec 2008. ArchDaily. Accessed 22 Dec 2013. <<http://www.archdaily.com/?p=10775>> ; <http://www.elementalchile.cl/viviendas/>; «Monterrey Housing/ELEMENTAL» 09 Mar 2010. ArchDaily. Accessed 22 Dec 2013. <<http://www.archdaily.com/?p=52202>>

ризує ті матеріальні можливості потенційного покупця житла, які він може собі дозволити, виходячи від реального рівня власних доходів і можливих преференцій з боку держави. Бюджет покупки не пов'язаний із вартістю 1 м² квартири, з її метражем і з кількістю кімнат у ній. Це вартість певної житлової одиниці в певному місці населеного пункту. Тому, не зважаючи на те, що вартість 1 м² 3–4-кімнатної квартири менша, ніж 1–2-кімнатної, їх загальна вартість перевищує купівельну спроможність потенційного споживача. Відтак сім'ї, які щойно ніби то вирішили своє житлове питання, насправді тільки зняли його гостроту, оскільки виявились заселеними по некомфортній нормі $K=N-1$, часто $K=N-2$, і навіть $K=N-3$ ¹. Тобто комфортне співвідношення $K=N$ відкладається на невизначений термін, або взагалі стає неможливим із-за необхідності здійснення обтяжливих іпотечних платежів протягом тривалого періоду. Проблему поетапного покращення житлових умов сімей могло б вирішити будівництво орендного житла, однак на сьогодні і в найближчому майбутньому реальних економічних передумов для його масштабного впровадження на ринку житла немає.

Спостереження за еволюцією однородинного житла, як сільського, так і міського, вказує на можливий підхід до зняття протиріччя між обмеженими матеріальними можливостями сім'ї на момент зведення будинку, і задоволенням цих потреб в більш пізній період її розвитку. Так, після вселення в будинок (чи в частину будинку), його облаштування, стабілізації матеріальних можливостей сім'ї часто відбувається другий етап формування будинку, в процесі якого освоюються раніше незадіяні і невикінчені приміщення, або здійснюються необхідні добудови чи надбудови. Нерідко можна спостерігати і третій формування будинку або садиби, особливо, коли діти стають дорослими і утворюють власні сім'ї. Для реалізації ідеї такого ростучого будинку в кінці 80-х років ХХ ст. навіть розроблялись спеціальні проекти.

В зарубіжній практиці наводяться приклади, коли подібні принципи ростучого будинку застосовуються при проектуванні і будівництві блокованих будинків. В Єгипті зводились багатоквартирні будинки у вигляді багатоповерхових каркасних структур, в яких можна придбати певну площу на будь-якому поверсі і самостійно або з допомогою архітектора чи дизайнера влаштувати на ній квартиру, згідно власним потребам, уподобанням.

Сучасна практика будівництва багатоквартирного житла в Україні, коли майбутнім мешканцям продаються фактично тільки просторові оболонки квартир, своєрідні напівфабрикати — стіни з санітарною побілкою, вхідними дверима, вікнами і точками підключення внутрішньоквартирних інженерних комунікацій, — також на перший погляд схожа на ідею ростучого житла. Однак різниця в тому, що протягом всього періоду доведення помешкання до необхідних кондицій кварти-

¹ К - кількість кімнат в квартирі, N - кількість членів сім'ї

ра не придатна для проживання, сім'ї залишаються в скрутних житлових умовах, часто продовжують витратити кошти на винайм квартири в приватному секторі. Виконання внутрішніх робіт з інженерного облаштування і опорядження всіх приміщень квартири, так званий «євроремонт», збільшує її вартість як мінімум на 30%. Такі додаткові фінансові витрати протягом короткого періоду не всім сім'ям «по кишені», відтак відтермінування вселення в квартиру триває місяцями, а то і роками. З урахуванням всіх цих проблем, переважна більшість сьогоднішніх покупців житла приймають рішення про придбання квартири з меншою кількістю кімнат, ніж реально потребує сім'я.

Одним із можливих виходів з даної ситуації для 30–35% потенційних покупців може стати пропозиція квартир, спеціально пристосованих до їх поетапного освоєння самими мешканцями протягом кількох років. Тобто в квартирі-напів-фабрикаті повністю викінчується тільки невелика її частина біля входу — стартовий модуль, схожий на маленьку однокімнатну квартиру — по суті своєрідна міні-квартира загальною площею біля 20 м², що складається з однієї кімнати з кухнею-нішою, передпокою і санвузла. В таку міні-квартиру відразу можна перейти жити, а решту 2–3-4 кімнати поступово викінчувати відповідно до матеріальних можливостей і потреб, почергово приєднуючи їх до стартового модуля. Подібне викінчення може здійснюватись найманими майстрами чи фірмами, або особисто мешканцями квартири у вільний від роботи час. Головними перевагами варіанту поступового освоєння квартири мешканцями вбачаються наступні моменти:

а — якщо сумувати вартість покупки квартири і вартість доведення її до стадії заселення, то запропонований варіант дозволяє покупцям квартир придбати за одні і ті ж кошти замість 1-кімнатної квартири 2-кімнатну або замість 2-кімнатної квартири 3-кімнатну і т. п., тобто «на виріст» і вже не турбуватись про зміну помешкання в майбутньому, у зв'язку із ростом сім'ї;

б — можливість відразу після здачі будинку в експлуатацію, переселитись і жити в своїй квартирі, а не чекати закінчення «євроремонту»;

в — можливість відтермінувати вкладання коштів в опорядження квартири, відтак не робити спочатку поспіхом дешеве опорядження, а через кілька років розпочинати ще один ремонт з метою більш якісного і дорогого опорядження;

г — спільна праця мешканців над облаштуванням їхньої квартири зміцнює сім'ю;

д — стає можливим максимально врахувати потреби сім'ї, які важко, інколи нереально спрогнозувати на етапі покупки квартири,

е — в сфері житла буде активовано досі не задіяний потенціал — будівельну активність населення, який дозволить суспільству раціональніше використовувати наявні матеріальні і трудові ресурси, а мешканцям — економити кошти і індивідуалізувати своє помешкання;

ж — створюються додаткові робочі місця для малого бізнесу — згідно проведеного опитування, у випадку поступового освоєння квартир до 15% сімей налаштовані самостійно виконувати опорядження та облаштування квартир, ще 30% — самостійно, але із залученням приватних майстрів для виконання особливого складних робіт, 45% — орієнтуються на приватних майстрів, решту 10% — на спеціалізовані фірми.

Техніко-економічні розрахунки засвідчили, що в середньому на першому етапі (вселення сім'ї в стартовий модуль) мешканці можуть відтермінувати вкладання коштів в квартиру: в 2-кімнатну — до 28% її загальної вартості; в 3-кімнатну — до 30%; в 4-кімнатну — до 34% її загальної вартості. З урахуванням вартості умеблювання, наповнення приміщень побутовою технікою та іншими домашніми речами ці цифри можуть суттєво зрости.

Проведене в рамках даного дослідження експериментальне проектування дозволило сформулювати ряд рекомендацій що до специфіки планувальної організації квартир, які передбачають можливість її поетапного освоєння мешканцями:

1 — стартовий модуль розмішувати безпосередньо біля вхідних дверей в квартиру;

2 — стартовий модуль має мати сумарну площу порядку 20 м², в тому числі передпокій з гардеробною шафою — 3–4 м²; гостьовий санвузол (умивальник, унітаз, душовий піддон) — 2,2–2,5 м²; житлова кімната з кухнею-нішею — 14–15 м²; літнє приміщення;

3 — найпростішим, але не єдиним, розпланувальним вирішенням стартового модуля є таке, що передбачає його трансформацію у кухню по завершенню процесів освоєння всіх приміщень квартири;

4 — серед потенційних покупців, яких приваблює варіант поетапного освоєння квартири, 20% респондентів віддають перевагу квартирі із загальною площею до 60 м²; 35% — 80–90 м²; 27% — 90–100 м²; 18% — понад 100 м²;

5 — бажано, щоб стартовий модуль був забезпечений нормативною інсоляцією;

6 — розпланування квартири має бути зручним для поетапного освоєння приміщень і їх заселення, не повинно бути проходів через вже заселені приміщення до ще не викінчених;

7 — якщо в будинку передбачені квартири з різними формами освоєння, то квартири для поетапного освоєння рекомендується розмішувати на нижніх поверхах.

Висновки

1. Впровадження квартир для поетапного освоєння мешканцями дозволяє: — зробити житло більш доступним для потенційного споживача завдяки відтермінуванню до 30% нагальних фінансових вкладень в оздоблення і облаштування квартири, можливості економії за рахунок виконання робіт самими мешканцями;

- покращити структуру квартирної фонду за рахунок збільшення частки багатокімнатних квартир;
- активувати будівельний ресурс населення.

2. Квартири для поетапного освоєння мешканцями не претендують на тотальне домінування на ринку житла, вони орієнтовані приблизно на третину потенційних споживачів і на сьогоднішній кризовий момент із забезпеченням житлом. Їх викінчення також може здійснюватись у спосіб, який практикується сьогодні.

3. Впровадження в проектно-будівельну практику квартир для поетапного освоєння мешканцями можливе вже сьогодні, на основі чинних проектних норм, оскільки стартовий модуль по суті не є квартирою, а частиною квартири, яка в кінцевому рахунку відповідатиме чинним нормам.

4. При покупці доступного житла розмір фінансової допомоги держави сім'ям має бути однаковим для всіх варіантів викінчення і облаштування квартир.

*Podhalyuzina Valentina Alexandrovna,
Moscow State Automobile and Road Technical University,
Associate Professor of <Economics of road transport>
E-mail: valya74@rambler.ru*

Analysis of relations between Russia and the EU

*Подхалюзина Валентина Александровна,
Московский автомобильно-дорожный государственный
технический университет, доцент кафедры
<Экономика автомобильного транспорта>
E-mail: valya74@rambler.ru*

Анализ взаимоотношений России и ЕС

Взаимоотношения России и ЕС постоянно развиваются. Пиком таких отношений можно назвать мировой кризис, обрушившийся на страны Евросоюза и Россию. В результате стала понятна их макроэкономическая и финансовая уязвимость и относительно низкая конкурентоспособность перед лицом новых агрессивных глобальных торгово-экономических игроков таких, как Китай. Явная угроза утраты лидирующей роли на мировой арене диктует необходимость более тесной интеграции российской и европейской экономик, выработки инструментов и механизмов эффективного взаимодействия с целью наиболее полного использования имеющихся хозяйственных, инвестиционных и научно-технических потенциалов. Необходимо отметить, что на практике сближение России и ЕС наталкивается на серьезные препятствия.

В настоящее время Европа переживает глубочайший кризис, который выразился в первую очередь в замедлении темпов роста экономики. По данным European Commission можно составить табл. 1.

Таблица 1. – Динамика изменения объемов ВВП стран ЕС,%

Страна	2004-2008*	2009	2010	2011	2012	2013
<i>Евросоюз</i>	2,3	-4,3	2,1	1,5	-0,3	0,1
Зона евро, в том числе:	2,1	-4,4	2,0	1,4	-0,6	-0,3
Бельгия	2,3	-2,8	2,4	1,8	-0,2	0,2
Германия	2,0	-5,1	4,2	3,0	0,7	0,5
Греция	3,1	-3,1	-4,9	-7,1	-6,4	-4,4
Ирландия	3,8	-3,1	-0,8	1,4	0,7	1,1
Испания	3,1	-3,7	-0,3	0,4	-1,4	-1,4
Италия	1,1	-5,5	1,8	0,4	-2,2	-1,0
Кипр	4,2	-1,9	1,3	0,5	-2,3	-3,5
Нидерланды	2,7	-3,7	1,6	1,0	-0,9	-0,6
Португалия	1,2	-2,9	1,9	-1,6	-3,2	-1,9
Франция	1,8	-3,1	1,7	1,7	0,0	0,1

*Для периода 2004-2008 гг. даны среднегодовые значения.

Анализ табл. 1 позволяет заключить, что критическим для ЕС стал 2009 год. Выход из экономического кризиса для большинства стран-членов Евросоюза оказался невероятно сложным и затруднительным. Причем в некоторых странах таких, как Греция, Испания, Италия, Кипр, Португалия и др., кризисные явления продолжают. При этом в семи странах-членах ЕС в 2013 г. прогнозируется сокращение объема ВВП, а в пяти странах и в 2014 г. увеличение экономики будет меньше 1%. Таким образом, состояние рецессии сохранится. Причинами сложившейся экономической ситуации по данным European Commission стали: снижение внутреннего спроса, уменьшение реальных доходов населения (табл. 2).

Таблица 2. – Изменение внутреннего спроса в странах ЕС,%

Страна	2004-2008*	2009	2010	2011	2012	2013
<i>I</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
<i>Евросоюз</i>	2,2	-4,3	1,6	0,6	-1,4	-0,5
Зона евро, в том числе:	2,0	-3,8	1,3	0,5	-2,1	-0,9
Бельгия	2,6	-2,3	1,7	1,8	-0,5	-0,2
Германия	1,1	-2,5	2,6	2,6	-0,4	0,7
Греция	3,3	-5,5	-7,0	-8,7	-9,7	-6,6
Ирландия	4,1	-11,2	-4,4	-3,7	-2,3	-1,1
Испания	3,7	-6,3	-0,6	-1,9	-3,8	-4,0
Италия	0,9	-4,4	2,1	-1,0	-4,9	-2,0

1	2	3	4	5	6	7
Кипр	6,5	-7,0	1,9	-2,8	-7,4	-7,8
Нидерланды	2,2	-2,8	0,2	0,5	-1,5	-1,1
Португалия	1,6	-3,3	1,8	-5,8	-7,0	-3,7
Франция	2,2	-2,6	1,6	1,7	-0,7	-0,2

*Для периода 2004-2008 гг. даны среднегодовые значения.

Однако в настоящее время остро стоит проблема не в выходе из экономического кризиса, а в существовании концепции европейской интеграции. Отсутствие согласованности в действиях органов ЕС в валютной и финансовых областях привели к ситуации, которая сложилась в Греции и на Кипре. В частности, можно выделить следующие причины:

- резкое расширение ЕС в 2004 г. (присоединение 10 стран, восточноевропейских и балтийских, а также Кипра и Мальты);
- образование зоны евро с единой валютой;
- отсутствие четко скоординированной бюджетной и налоговой политики.

Результатом сложившейся ситуации, а также наступления мирового экономического кризиса стал рост государственного долга стран ЕС, что в итоге по данным European Commission переросло в долговой кризис (табл. 3).

Таблица 3. – Государственный долг стран ЕС, % ВВП

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Зона евро, в том числе:	70,2	80,0	85,6	88,1	93,1	95,1
Бельгия	89,2	95,7	95,5	97,8	99,8	100,8
Германия	66,8	74,5	82,5	80,5	81,6	80,7
Греция	112,9	129,7	148,3	170,6	161,6	175,6
Ирландия	44,5	64,9	92,2	106,4	117,2	122,2
Испания	40,2	53,9	61,5	69,3	88,4	95,8
Италия	106,1	116,4	119,2	120,7	127,1	128,1
Кипр	48,9	58,5	61,3	71,1	86,5	93,1
Нидерланды	58,5	60,8	63,1	65,5	70,8	73,8
Португалия	71,7	83,2	93,5	108,0	120,6	123,9
Франция	68,2	79,2	82,3	86,0	90,3	93,4

Анализ табл. 3 позволяет заключить, что в 2008-2013 гг. совокупный государственный долг стран-членов ЕС по отношению к их общему ВВП вырос на 25%, а именно с 70 до 95%. Таким образом, возросшие платежи по обслуживанию задолженности увеличили нагрузку на бюджет. Необходимо отметить, что для некоторых стран такая ситуация стала практически не разрешаемой:

- долг Греции в 2013 году составил 175% ВВП;

- долг Италии, Ирландии и Португалии превысил 120%;
- долг Испании вырос с 40% в 2008 г. до 96% в 2013 г.

В результате сложившейся ситуации ЕС совместно с МВФ проводил мероприятия по разрешению сложившейся ситуации:

1. Предоставление Греции в мае 2010 года финансовой помощи в размере 110 млрд. евро и 109 млрд. евро в июле 2011 года при условии сокращения государственных расходов на 30 млрд. евро.

2. Предоставление Ирландии в ноябре 2010 года финансовой помощи в размере 67,5 млрд. евро с добавлением 17,5 млрд. евро из пенсионных фондов.

3. Предоставление Португалии финансовой помощи в размере 78 млрд. евро при условии сокращения государственных расходов.

4. Предоставление Испании финансовой помощи в июне 2012 года в размере до 100 млрд. евро, из которых на данный момент использованы около 40%.

5. Предоставление Кипру финансовой помощи в марте в размере 10 млрд. евро при условии введения дополнительного налога на держателей счетов в кипрских банках. Например, депозиты до 100 тыс. евро облагались налогом в 6,75%, свыше 100 тыс. — 9,99%.

Однако проведенные мероприятия не помогут в полной мере странам выйти из кризиса. Для разрешения сложившейся ситуации, конечно же, необходимо активизировать производственно-хозяйственную деятельность путем увеличения инвестирования, что, к сожалению, по данным European Commission не наблюдается (табл. 4)

Таблица 4. – Изменение объема валовых инвестиций в странах зоны евро, %

Страна	2004-2008*	2009	2010	2011	2012	2013
Зона евро, в том числе:	2,9	-12,7	-0,1	1,5	-4,1	-1,8
Бельгия	5,0	-8,4	-1,4	4,1	-0,3	-0,8
Германия	2,9	-11,6	5,9	6,2	-2,1	0,6
Греция	2,6	-13,7	-15,0	-19,6	-19,1	-4,9
Ирландия	4,0	-27,7	-22,7	-12,2	-2,0	-1,5
Испания	3,7	-18,0	-6,2	-5,3	-8,9	-6,6
Италия	0,9	-11,7	2,1	-1,8	-8,8	-3,0
Кипр	9,0	-9,7	-4,9	-13,1	-22,3	-23,7
Нидерланды	3,9	-12,0	-7,2	5,7	-4,7	-2,6
Португалия	0,1	-8,6	-3,1	-10,7	-14,9	-8,0
Франция	3,7	-10,6	1,2	3,5	0,0	-1,5

*Для периода 2004-2008 гг. даны среднегодовые значения.

Анализ табл. 4 позволяет сделать вывод о существенных сокращениях инвестиционной активности, что в свою очередь привело по данным European Commission к росту безработицы в странах ЕС (табл. 5).

Таблица 5. – Безработица в странах зоны евро, %

Страна	2004-2008*	2009	2010	2011	2012	2013
Зона евро, в том числе	8,4	9,6	10,1	10,2	11,4	12,2
Бельгия	7,9	7,9	8,3	7,2	7,3	7,7
Германия	9,7	7,8	7,1	5,9	5,5	5,7
Греция	9,1	9,5	12,6	17,7	24,7	27,0
Ирландия	4,9	12,0	13,9	14,7	14,8	14,6
Испания	9,6	18,0	20,1	21,7	25,0	26,9
Италия	7,1	7,8	8,4	8,4	10,6	11,6
Кипр	4,6	5,5	6,5	7,9	12,1	13,7
Нидерланды	4,3	3,7	4,5	4,4	5,3	6,3
Португалия	8,4	10,6	12,0	12,9	15,7	17,3
Франция	8,8	9,5	9,7	9,6	10,3	10,7

*Для периода 2004-2008 гг. даны среднегодовые значения.

Анализ ситуации в странах-членах Евросоюза позволяет сделать вывод, что финансово-экономический кризис отразился на всех значимых сферах общественной жизни, а также вскрыл все недостатки и ошибки, допущенные в ходе европейской интеграции.

Что же касается обстановки в России, то правительство смогло удержать экономическую ситуацию от серьезных потрясений. Однако необходимо отметить, что экономический кризис показал необходимость смены существующей модели хозяйствования. В частности, России необходимо перестать быть сырьевой периферией развитых стран. А этому способствует политика российской энергетической и сырьевой олигархии. К сожалению, правительство России не торопится принимать кардинальные изменения.

России совершенно необходимо разработать и внедрить стратегию экономического роста с учетом совершенствования и инноватизации национальной экономики. В виду отсутствия со стороны правительства соответствующих действий складывается впечатление, что оно надеется только на энергоресурсы России. В свою очередь общество просто боится каких-либо перемен по причине накопленного огромного исторического опыта.

В настоящее время в России сложилась ситуации с достаточно благоприятными условиями:

- высокие мировые цены на товары российского экспорта;
- географическая диверсификация торговых связей;

- огромный потенциал роста национального рынка;
- высококачественный интеллектуальный резерв;
- существенный приток сравнительно недорогой рабочей силы из-за рубежа и т. д.

По данным Министерства экономического развития России рассмотрим основные экономические показатели (табл. 6).

Таблица 6. – Россия: макроэкономические показатели (в% к предыдущему году)

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013
ВВП	105,2	92,2	104,5	104,3	103,4	103,0
Промышленное производство	100,6	90,7	108,2	104,7	102,6	103,2
Инвестиции	109,9	84,3	106,0	110,8	106,6	106,0
Экспорт	97,5	96,7	107,0	98,2	100,7	101,5
Импорт	111,0	66,2	127,5	119,7	105,9	106,2
Производительность труда	104,8	95,9	103,0	103,8	102,5	103,3
Инфляция	114,1	111,7	106,9	108,4	105,1	106,7
Энергоемкость ВВП	96,0	102,5	99,5	100,0	97,0	100,0

Анализ данных табл. 6 позволяет заключить о падении темпов роста экономики России, что только подтверждает необходимость изменения существующей экономической модели.

Изменение только внутренних факторов не позволит достичь желаемого успеха. Необходимо привлечение иностранных инвесторов с передовыми технологиями, что позволит увеличить производство и сбыт новой продукции на внутреннем и внешнем рынках.

Таблица 7. – Внешняя торговля России в 2012 г., млрд. долл.

Страна	Оборот	Экспорт	Импорт	Сальдо
Весь мир	837,3	524,7	312,6	+212,1
Евросоюз, в том числе:	410,3	278,0	132,3	+145,7
1. Нидерланды	82,7	76,7	6,0	+70,7
2. Германия	73,9	35,6	38,3	-2,7
3. Италия	45,8	32,4	13,4	+19,0
4. Польша	27,4	19,9	7,5	+12,4
5. Франция	24,3	10,5	13,8	-3,3
6. Великобритания	23,2	15,0	8,2	+6,8
7. Финляндия	17,0	12,0	5,0	+7,0
8. Бельгия	11,3	6,8	4,5	+2,3
9. Испания	10,6	5,7	4,9	+0,8
10. Чехия	10,5	5,2	5,3	-0,1

Важно, что кризис не повлиял на экономические взаимоотношения России и ЕС. По данным Федеральной таможенной службы России объем торговли между Россией и странами-членами ЕС стабильно возрастает. Если в 2011 г. он составлял 394,3 млрд. долл., то в 2012 г. — более 410,3 млрд. При этом, на 1% (с 48 до 49%) увеличилась доля ЕС в общем обороте внешней торговли России. В 2012 г. положительное сальдо составило 145,7 млрд. долл., или почти 69% совокупного внешнеторгового профицита РФ (табл. 7).

Таким образом, можно сделать вывод, что ЕС останется основным торговым партнером и источником прямых инвестиций, не смотря на рост товарооборота с Китаем и другими странами Азии. Что в свою очередь будет способствовать повышению конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей. Для развития отношений России и ЕС необходима интеграция, что в сочетании с уже существующим режимом Таможенного союза и Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана обеспечит создание интегрированного рынка, охватывающего всю северную часть Евразийского континента.

Список литературы:

1. European Commission. European Economic Forecast. Winter 2013. P. 112.
2. Vicente Molina Foix. Europa, el paquidermo // El País. Madrid, 16.03.2013.
3. Министерство экономического развития России // <http://www.economy.gov.ru/>
4. Федеральная таможенная служба России // <http://www.customs.ru/>

*Semkina Olga Sergeevna,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
professor of chair «State and municipal management»,
candidate of economic Sciences*

*Dobrina Leila Rovshanovna,
Financial University under the Government
of the Russian Federation student of the faculty of
«Public Administration and Municipal Management»*

*Shirokova Alena Igorevna,
Financial University under the Government of the Russian Federation»
student of the faculty of Public Administration and Municipal Management
E-mail: shirokova2306@yandex.ru*

Control system of the megalopolis

*Семкина Ольга Сергеевна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление»,
кандидат экономических наук*

*Добрина Лейла Ровшановна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Студентка 3 курса факультета «Государственное и муниципальное
управление»*

*Широкова Алёна Игоревна,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Студентка 3 курса факультета
«Государственное и муниципальное управление»
E-mail: shirokova2306@yandex.ru*

Система управления мегаполисом

Для России проблема мегаполисов имеет большое значение, хотя может показаться, что в России с её просторами говорить о мегаполисах еще рано. Однако уже сейчас очевидно, что проблема мегаполисов напрямую связано со стратегией развития России, увеличением ее конкурентоспособности в процессе глобализации¹.

Рассматривая мегаполис как сложную социально-экономическую и территориальную систему, необходимо выделить ее следующие составляющие:

- население
- географическая среда
- градообразующая база, которая удовлетворяет потребности социально-экономической системы более высокого порядка
- градообслуживающая база, отвечающая ха функционирование, сохранение и развитие города.

Москва и Санкт-Петербург являются крупнейшими научными и культурными центрами страны². Организация городского хозяйства и жизнедеятельность населения городов федерального значения определяет специфику управления данными городами, где главным проблемой на сегодняшний день является организация местного самоуправления.

¹ Бутова Т. В., Свиридова Е. С. Управление инновационным социально-экономическим развитием мегаполиса: понятие, сущность, значение // Микроэкономика. 2013. № 6. С. 77–81.

² Федякин И. В. Мегаполисы как субъекты политики: история и современное состояние // Международные отношения. 2014. № 1. С. 88–93.

Управление мегаполисом неразрывно связано с управлением развитием данной территории. Основными принципами управления развитием мегаполиса в современных условиях выступают: целостность, устойчивость, безопасность, управляемость, надежность, эффективность и ответственность.

Обеспечение целостности мегаполиса как сложной системы — важнейшая задача органов управления и предполагает: а) повышение степени целостности, переход к ее новым уровням (степеням), новым системным качествам; б) сохранение интегрированности системы, всех ее параметров развития; в) повышение функциональности системных субъектов в направлении развития функций сотрудничества, регулируемости, появления новых функций, позволяющих адекватно реагировать на вызовы времени; г) увеличение степени сопряженности, сбалансированности внутрисистемных изменений и отношений, в первую очередь целевых¹.

Реализация перечисленных принципов управления развитием столичного мегаполиса будет определять способность и возможность властвующих субъектов найти решения многочисленных сложных внутригородских проблем.

Система управления социально-экономическими процессами в мегаполисе должна формироваться как объединение возможностей двух управляющих систем, отнесенных к двум уровням власти: государственному и местному. Структуры, входящие в систему органов государственной власти, осуществляют контрольно-методические функции. Основную часть функций обеспечения жизнедеятельности, исполняемых на местах, должны осуществлять структуры, входящие в систему местного самоуправления. Только на этой организационной основе может быть реализован потенциал идеи доверия и сотрудничества.

Список литературы:

1. Бутова Т. В., Свиридова Е. С. Управление инновационным социально-экономическим развитием мегаполиса: понятие, сущность, значение // Микроэкономика. 2013. № 6. С. 77–81.
2. Федякин И. В. Мегаполисы как субъекты политики: история и современное состояние // Международные отношения. 2014. № 1. С. 88–93.
3. Бутова Т. В. Взаимодействие институтов гражданского общества с органами государственной власти // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 3. С. 119–128.
4. Усков И. В. Бюджетная программа — основа программно-целевого планирования // Вестник Финансового университета. 2013. № 2 (74). С. 33–42.

¹ Бутова Т. В. Взаимодействие институтов гражданского общества с органами государственной власти // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 3. С. 119–128.

Section 8. Sociology

*Makarova Irina Alexandrovna,
Transbaikal State University
Lecturer, Department of Sociology
E-mail: makir77@gmail.com*

Use ethnokoloristicheskogo interview the study of the value orientation in ethnic families

*Макарова Ирина Александровна,
Забайкальский государственный университет
преподаватель кафедры социологии
E-mail: makir77@gmail.com*

Использование этнокolorистического интервью при изучении ценностных ориентации в межэтнических семьях

Межэтническая семья представляет собой весьма сложное социальное образование, где сочетаются различные типы культур, традиций, языков, поведения, а в итоге у людей формируются различные ценностные ориентации. Как показывают результаты проведенного нами исследования, взаимодействие ценностных ориентаций в межнациональных семьях происходит в основном в русле толерантного отношения и взаимодополнения. На современном этапе развития общества в условиях происходящих процессов урбанизации и глобализации наблюдается определенная трансформация системы ценностных ориентаций, существенная ориентированность людей (независимо от их национальной принадлежности) на ценности индивидуального, личного порядка.

В межэтнических браках особенности этнической культуры сказываются наиболее рельефно. Люди разных национальностей неодинаково относятся к внутрисемейным проблемам. И чем более существенны межэтнические различия

в бытовой и поведенческой культуре, тем реже заключаются межнациональные браки, и наоборот, чем больше сходства, тем чаще такие браки.

Ценностные ориентации представляют собой особые психологические образования, составляющие иерархическую систему и существующие в структуре личности в качестве ее важных элементов. Они рождаются из самих предметов культуры, своеобразных экономических реалий или событий фактической жизни народа. У каждого этноса свои ценности. Помимо этого, в каждом народе есть те, кто, например, жаждет благ цивилизации и те, кто главным благом почитает свое этническое достоинство.

Ценностные ориентации — изменчивы. Более того, этнические ценности поразительно пристрастны. Как правило, собственные ценности этносом воспринимаются как желанные и «естественные», в то же время все иные, чужеродные ценности кажутся либо не значащими пустышками, либо даже безумием. Во всех этих случаях этнические ценности превращаются в устойчивое основание для оценки, чаще всего оправдания своих и осуждения намерений и действий других народов. Схожие ценностные ориентации супругов в межэтническом браке дают возможность для ее репродуктивного потенциала и большей степени адаптации к новым социальным условиям.

Устойчивость межэтнического брака определяется сходством направленности личности супругов, резистентностью супругов к конфликтным ситуациям и внешним воздействиям на межэтническую семью, стилями супружеского общения, мотивацией сохранения и укрепления межэтнической семьи, сохранением и укреплением перспективы межэтнического брачного союза, а также психологическими факторами: межэтническим взаимопониманием супругов, межэтническим происхождением общих детей, межэтническими преимуществами брака. Таким образом, чем больше у супругов общих интересов, установок на репродуктивное поведение тем устойчивее брак.

При изучении ценностных ориентаций в межэтнических семьях, мы использовали этноколористическое интервью, которое является новационным методом¹, основа которого базируется на беседе интервьюера, владеющего знаниями, и респондента. При непосредственном общении опрашиваемого с респондентом, в процессе которого интервьюер получает необходимую этноколористическую информацию в форме ответов, реализуется основной контент этноколористического интервью как метода сбора первичной этнокультурной информации, т. е. этноколористическое интервью, являясь методом сбора социологической информации, предполагает проведение беседы (по определенному плану) с респондентом, которая основана на непосредственном личном

¹ Невмержицкая Е. В. Этноколористическое интервью: учеб.-практ. пособие. М.: Граница. С. 28.

контакте интервьюера и респондента. Специфика этноколористического интервью по сравнению с другими видами опроса заключается в способе общения интервьюера и респондента.

Для проведения этноколористического интервью характерно, что его участники видят этот процесс по-разному. Опрашиваемые, как правило, воспринимают его как живую, частную и достаточно непринужденную, в силу анонимности, беседу. Для интервьюера это заранее отработанный до деталей опрос по так называемой схеме. Для стоящего за интервьюером исследователя — максимально унифицированная экспериментальная ситуация, рассчитанная на получение знаний об этноколористике и реакцию опрашиваемых.

Когда речь идет о представителе определенной этнической группы, от которого социолог хотел бы получить информацию этноколористического характера, и которого, следовательно, это касается в первую очередь, то практически нет оснований представлять этноколористическое интервью в виде беседы между знакомыми. Общение между незнакомыми людьми, анонимность, вопросы, касающиеся различных сфер, односторонний характер разговора (вопросы задает только интервьюер) требуют определенных предпосылок для предстоящего интервью, которые должны мотивировать опрашиваемых к искреннему восприятию предлагаемого теста. В этноколористическом интервью присутствует свобода от общественного принуждения, напоминающая раскованное, раскрепощенное поведение между собеседниками, которому способствует, в частности, знание интервьюером этноэтикетных правил и норм поведения определенного социума.

Для проведения исследования были сформулированы следующие вопросы:

Вступительный вопрос: У многих народов отношение к белому цвету было положительным. Белый цвет, цвет снежной зимы, цвет молока вызывал в сознании славян теплые чувства. Какие ассоциации у Вас вызывает белый цвет? (белый цвет символизирует чистоту, святость).

Дополнительные вопросы: 1. Что означает фразеологизм «белые ручки»?

2. Почему пиратский флаг изображают черным? 3. Что означает поговорка «Алый цвет мил на весь свет?» (алый цвет любви, страсти) и др.

Для преодоления языкового барьера при проведении интервью или анкетном опросе обычно используются практика устного/письменного перевода на язык респондента, двуязычные анкеты, каждый вопрос в которых представлен в двух вариантах (на русском языке и языке этноса).

Этноколористическое интервью целесообразно вести на языке, которым интервьюер и респондент владеют наиболее свободно. Вместе с тем, использование переводчиков в процессе этноколористического интервью крайне нежелательно по нескольким причинам; во-первых, его присутствие усложняет и удорожает исследование; во-вторых, переводчик — посредник в диалоге, обладающий

собственными этнопсихологическими особенностями, определенным социальным статусом, придерживающийся этнокультурных традиций и т. п., что может оказать влияние на результаты исследования. В связи с недостаточным исследованием этноколористических предпочтений различных социумов, поиск вопросов для качественного проведения этноколористического интервью может стать проблемой. В данном случае возможны неизбежные недостатки, связанные с описанными особенностями интервью: интервьюер опрашивает по определенной схеме, не учитывает этнокультурных особенностей респондента, аккумулирует опрашиваемых как единую социальную общность, преобразует их ответы в единую форму, которая искажает и обесценивает полученные данные и т. д. Следует помнить, что этноколористическое интервью не дает ответов на вопросы, которые не были заданы, а во время проведения интервью недопустима коррекция или усовершенствование вопросов, то есть накопление интервьюером опыта должно происходить до начала сбора данных, а не в процессе их получения¹.

Среди факторов, от которых в немалой мере зависит достоверность ответов респондентов, важную роль играет память опрашиваемых. Представим, например, типичные вопросы из интервью, которые потребовали от респондентов обращения к памяти: «В языке ритуалов желтый цвет выражает инициации, праздники, обряды, церемонии. Например, в Китае праздник Земли отмечали в желтых одеждах. Почему желтый символизирует Поднебесную империю — непосредственно Китай²?». «Назовите, пожалуйста, негативные значения желтого цвета», «Согласны ли Вы с утверждением, что желтый цвет, желтизна — признак, наделяемый в народной культуре преимущественно негативной оценкой. Для какой этнической культуры это типично?». Известно также, что респонденты с более высоким уровнем образования многие факты запоминают лучше, чем интервьюируемые с более низким уровнем образования. Кроме того, известно, что образование выступает как один из факторов межэтнического сближения, в межэтнические браки вступают чаще всего более образованные³.

Таким образом, анализируя данные, по которым люди в межэтнической семье составляют представление друг о друге, можно сформировать следующий список основных сфер интересов: уклад семьи, увлечения, образование, профессия, от-

¹ Nevmerzhtskaya E. V. Role of ethnocoloristics as the novational discipline in realization of the specialist human training concept: сб. науч. тр. по мат. межд. науч.-практ. конф. Т. 6. Одесса: Черноморье, 2010. С. 63.

² Кириллова Е. А. Традиция как ресурс национально-культурной идентичности на примере Китайской Народной Республики. // Вестник МГТУ Станкин. 2012 № 2. С. 38.

³ Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтнические браки: состояние, динамика, проблемные ситуации. Новосибирск, - Издательство СО РАН, 1997. С. 21.

дых, общение с животными, жилище, гуманизм и стремление его проявлять, вера, здоровье, материальное благополучие.

На их основе можно выделить основные ценности, которые могут быть характерны для типичной семьи: любовь как форма реализации своих духовных потребностей; забота о близких; возможность быть объектом заботы, поддержки; дети; продолжение рода; здоровье; интересное совместное времяпрепровождение; сексуальная удовлетворенность; совместное ведение хозяйства как вариант комфорта, обустройство жилища; отдых физический, психологический; финансовая поддержка и др. Перечисленные ценности и стремление ориентироваться на них отражают образ жизни человека, представляя различные сферы жизнедеятельности: духовную, интеллектуальную, материальную, витальную. Семья в своем развитии проходит определенные стадии, составляющие вместе жизненный цикл. Смена стадий основана на возрастных изменениях (прохождение через возрастные кризисы), а также рождении детей, внуков. Чем больше семейный стаж супругов, тем больше взаимных и совместных интересов, тем крепче семья.

*Nevaeva Dinara Alievna, Altai State University,
post-graduate student, the Faculty of Sociology
E-mail: dinaranevaeva@mail.ru*

Population ageing: implications for society (based on results of the community study¹)

*Неваева Динара Алиевна,
Алтайский государственный университет, аспирант
E-mail: dinaranevaeva@mail.ru*

Старение населения: последствия для общества (по материалам социологического исследования)

В современном обществе все больше осознается значение демографических изменений для развития социально-экономической сферы. Вопросы старения населения в мире сегодня занимают одну из приоритетных позиций в повестке

¹ «Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по государственному контракту по государственному контракту № 14.В37.21.0270 «Демографическая безопасность приграничных регионов современной России: проблемы старения и миграции» (2012–2013 гг.)»

дня развитых стран. Данная работа посвящена тем критериям и условиям, которые влияют на процессы старения населения; а также тем последствиям, которые возникают в условиях новой геронтологической реальности. Основанием для выделения критериев и анализа последствий в данной работе будут служить позиции демографов; организаций, которые занимаются данной проблематикой; анализ статистических данных, а также результаты социологического исследования. В опросе приняли участие лица в возрасте 15–75 лет, проживающие на территории трех регионов России, различающихся по социально-экономическому статусу (Алтайский край, Забайкальский край, республика Бурятия, $n = 1\,800$ чел.), в интервью — 60 экспертов (представители органов законодательной, исполнительной власти, органов местного самоуправления, представители общественных организаций, научной и педагогической общественности регионов).

В последние десятилетия наблюдается увеличение числа пожилых лиц в структуре населения и их доли в общей численности. Процесс демографического старения населения практически во всех странах мира является серьезным явлением, имеющим глубокие как социальные, так и политические, культурные, экономические последствия¹.

Однако перед тем, как делать выводы о старении населения, необходимо понять, где находится граница пожилого возраста, и при какой доле населения с этой границей мы можем делать выводы о его старении в конкретном регионе или стране в целом. Ряд классификаций пожилого возраста приведено в монографии Э. Роскета². Ученые и практики к пожилым относят население в возрасте 60 или 65 лет и старше. Как правило, нижние границы пожилого возраста соответствуют пенсионному возрасту, который принят в данной стране. При этом история установления пенсионного возраста демонстрирует нам, что при его определении в основу, как правило, брался исход борьбы государства, профсоюзов и работодателей (а не физиологические или демографические критерии). В России к пожилым людям относятся мужчины старше 60 лет и женщины от 55 лет. Согласно международной классификации, к группе пожилого населения относят лиц в возрасте 60 или 65 лет и старше.

Отметим, что, прежде всего процесс старения населения имеет демографические истоки. Демографический переход обусловлен изменением соотношения численности возрастных групп в населении субъекта³. В большинстве экономически развитых стран демографический переход близок к завершению. Сегодня он

¹ Модели конструирования новой геронтологической реальности и адаптивные стратегии населения России/под общей редакцией С. Г. Максимовой. Барнаул, Азбука, 2013.

² Россет Э. Процесс старения населения. - М., 1968.

³ Иванов С. Ф. Демографический переход//Народонаселение. Энциклопедический словарь. - М.: БСЭ, 1994

характеризуется низкой рождаемостью и увеличением продолжительности жизни. По итогам проведенного социологического исследования, население опрошенных регионов отмечает процесс старения в субъекте. Кроме того, 37% от числа опрошенных отмечают, что проблема старения является одной из основных проблем; 42% — признают ее наличие и актуальность, 12% — считают проблему старения населения одной из самой острой в их регионе. Следовательно, 91% от числа опрошенных признают наличие проблемы старения населения и необходимость принятия мер по нивелированию возможных негативных последствий данного процесса. Данные, полученные в опросе, об актуальности старения населения, и о наличии такого процесса подтверждается общемировыми тенденциями и критериями.

Э. Россет для оценки степени демографической старости разработал шкалу, которая состоит из четырех типов (группа в демографическом смысле молодых; в преддверии старения; группа стареющих обществ; демографически старых). Нужно отметить, что основной критерий для распределения общества по типам является доля пожилых лиц (от 60 лет и старше). Таким образом, упрощенная модель Россета, построенная на одном критерии, объясняется тем, что доля лиц пожилого возраста рассматривается как мера старости региона (страны), то введение иных критериев только усложнит данную классификацию. Демографы ООН также различают население по типам в зависимости от процентного количества лиц пожилого возраста в общей численности населения:

- 1) молодое население (менее 4% лиц в возрасте старше 65 лет);
- 2) зрелое население (4–7% лиц в возрасте 65 лет и старше);
- 3) старое население (свыше 7% лиц в возрасте старше 65 лет).

Согласно данным, полученным при последних двух всероссийских переписях населения, процент пожилых лиц возрос. К 2015 году прогнозируется увеличение пожилого населения до 20% от общей численности (на данный момент 17–18%). Эти данные, безусловно, уже сейчас требуют от ученых изучения данного процесса, а от практиков — принятия мер по вовлечению пожилого населения в жизнедеятельность общества, использования их потенциала и создание условий для сохранения здоровья и продолжения ими активной трудовой и социальной деятельности после наступления пенсионного возраста. Конечно, демографический переход в России начался позднее, чем в Западной Европе, и значения показателей старения для России были и остаются меньшими, чем для этих стран, но наблюдается их сближение.

Согласно данным проведенного исследования, программы экономического, социального развития признаны недостаточно эффективными. Населению в регионах в нашем исследовании предлагалось оценить результативность социальной политики, ориентированной на пожилых лиц, по десятибалльной шкале. Оценили ее как среднюю (присвоив 5 баллов) 22%, а 16% и 14% присвоили соответствен-

но более низкие оценки: 4 и 3 балла; 12% населения оценили эффективность политики в отношении пожилых лиц на 6 баллов. Отметим, что 60% от числа опрошенных отметили неэффективность социальной политики для пожилого населения. При этом экспертами отмечается, что программы для пожилых на рынке труда, в образовании и здравоохранении на сегодня должны представлять особый интерес для органов государственного управления. Большой акцент экспертами делается на органах местного самоуправления, которые, по их мнению, должны изучать ситуацию в конкретном районе и принимать соответствующие меры.

Для описания будущей динамики показателей старения населения России можно использовать расчеты Отдела экономики и социальных вопросов секретариата ООН — World Population Prospects: The 2004 Revision¹. Эти расчеты обновляются каждые два года и проводятся для всех стран мира. Таким образом, процесс старения имеет свои детерминанты. С одной стороны, он затрагивает отдельного человека, семью и население страны в целом. С другой стороны, одновременно, он влияет на все стороны жизни общества, затрагивая те вопросы, которые требуют своей корректировки или изменения в зависимости от демографической структуры общества (организация здравоохранения, функционирования рынка труда и возможности получения образования или переквалификации; вопросы этики и политики, и ряд других).

В проведенном исследовании, 59% населения от числа опрошенных считают, что главным долгом перед пожилыми людьми является всесторонняя поддержка (и моральная, и материальная), 27% считают, что необходимо обеспечить спокойную старость, без проблем; 16% — создать сеть услуг для пожилого населения. Эксперты отмечают, что за последние пять лет в крае реализовано ряд программ по обучению компьютерной грамотности лиц пожилого возраста, проведены месячники пожилого человека. И эксперты, и население сходятся в том, что большое значение на положительное решение вопросов пожилых людей — создание возможности их занятости при наличии здоровья и желания сохранять рабочее место. Безусловно, старение населения оказывает влияние на размеры и структуру рабочей силы. Увеличение удельного веса пенсионеров сказалось на том, что экономически активная часть населения стала несколько старше. Следовательно, пожилых людей сегодня нужно рассматривать как группу, роль которой в экономической и общественной жизни страны увеличивается. Акцентирование внимания органов местного самоуправления на этом вопросе, согласно данным исследования, позволит минимизировать негативные последствия процесса старения населения².

¹ World Population Prospects: The 2004 Revision. – UN, 2005. – <http://esa.un.org/unpp>

² Лорио М. Взаимоотношения поколений в стареющем обществе // Современные проблемы старения населения в мире: тенденции, перспективы, взаимоотношения между поколениями / Под ред. к. э. н. Г. Ш. Бахметовой и к. э. н. А. В. Иванковой – М.: МАКС Пресс, 2004.

От числа опрошенных 54% населения уделяет внимание совершенствованию системы социального обеспечения. Организация ухода за стариками, помощь им в приобретении продуктов и других бытовых вопросах считается необходимым для улучшения качества жизни пожилого населения. Кроме того, 45% уделяют внимание вопросам здоровья пожилых лиц, возможности их медицинского обслуживания. Естественно, с увеличением удельного веса пожилого населения становится необходимым расширение сети медицинских геронтологических учреждений, качественная перестройка системы здравоохранения, привлечение дополнительных средств.

Важным пунктом в вопросе минимизации негативных последствий процессов старения населения — вопросы воспитания и уважительного отношения к старшему поколению. От числа опрошенных 32% населения отметили, что наше отношение к пожилым сейчас видят дети, и в будущем мы получим то, что отдаем. Любое общество предполагает наличие нескольких поколений, при этом стареющее общество подразумевает «мультипоколенное» взаимодействие, где одновременно объединены гораздо больше поколений¹. Возможность избежать конфликтов в дальнейшем между поколениями — это уже сейчас формировать позитивный образ старого человека, наполненный уважительным отношением и созданием условий для полноценной жизни. Социальная политика должна избегать таких решений, которые ведут к разобщенности общества, изоляции, эксклюзии и сегрегации пожилых.

Таким образом, отметим, что старение населения имеет многочисленные последствия. Происходит изменение уровня и структуры потребления, осознается необходимость корректировки трудового процесса, доступности транспорта и реорганизации системы здравоохранения. Невысокая рождаемость влияет на то, что семьи растут «вертикально», где больше дедушек (бабушек) и меньше детей. Стимулирование рождаемости является также необходимой мерой для восстановления баланса. При этом с точки зрения мирового сообщества старение населения не ставит перед человечеством неразрешимых задач. Исследователи придерживаются такого же мнения. Этот процесс протекает эволюционно, а его последствия проявляются постепенно и предсказуемо. Следовательно, они могут и должны учитываться для решения всех возникающих вопросов. В послании Федеральному Собранию Российской Федерации 10 мая 2006 г. Президент уделил основное внимание вопросам демографической политике. После этого послания много обсуждалось по поводу тех мер, которые были предложены для увеличения рождаемости, однако заключительные слова в этом документе были следующие: «занимаясь проблемой

¹ Современные проблемы старения населения в мире: тенденции, перспективы, взаимоотношения между поколениями/Под ред. к. э.н. Г. Ш. Бахметовой и к. э.н. А. В. Иванковой – М.: МАКС Пресс, 2004.

повышения рождаемости, ... мы не вправе забывать и о старших поколениях. Это люди, всю свою жизнь отдавшие стране, работавшие на страну, а если нужно было, встававшие на ее защиту. Мы должны сделать все, чтобы обеспечить им достойную жизнь». Необходимо изменять положение пожилых людей в современном социуме. Сегодня обеспечение комфортной и полноценной жизни пожилого населения выступает одним из основных критериев финансового и социального благополучия страны. Успешное использование знаний и интеллектуального потенциала пожилых, создание благоприятных условий для их труда и быта, стимулирование активной вовлеченности пожилых лиц в сферы жизнедеятельности общества в условиях старения общества становятся актуальными направлениями для работы органов управления и самих граждан с целью преодоления всех возможных негативных последствий этого процесса.

Список литературы:

1. Денисенко М. Тихая революция//Отечественные записки. – № 3 (24). – 2005. – С. 27–49.
2. Доклад о состоянии и тенденциях демографического развития Российской Федерации (региональный аспект) – М.: «Права человека», 2002
3. Иванов С. Ф. Демографический переход//Народонаселение. Энциклопедический словарь. – М.: БСЭ, 1994.
4. Лорио М. Взаимоотношения поколений в стареющем обществе//Современные проблемы старения населения в мире: тенденции, перспективы, взаимоотношения между поколениями/Под ред. к. э.н. Г. Ш. Бахметовой и к. э.н. Л. В. Иванковой – М.: МАКС Пресс, 2004. – С. 34–47.
5. Модели конструирования новой геронтологической реальности и адаптивные стратегии населения России/под общей редакцией С. Г. Максимовой. Барнаул, Азбука, 2013 г. 495 с.
6. Россет Э. Процесс старения населения. – М., 1968.
7. Современные проблемы старения населения в мире: тенденции, перспективы, взаимоотношения между поколениями/Под ред. к. э.н. Г. Ш. Бахметовой и к. э.н. Л. В. Иванковой – М.: МАКС Пресс, 2004. – 229 с.
8. Espenshade T. J., Campbell G. The stable equivalent population, age composition, and Fisher's reproductive value function//Demography. – 1977. – 14. P. 77–86.
9. World Population Prospects: The 2004 Revision. – UN, 2005. – <http://esa.un.org/unpp>

Section 9. Philology and linguistics

*Bulatova Alsu Magsumovna,
Kasaner Föderale Universität,
Aspirantin, Institut für Philologie und Kunst
E-mail: ksu1056@mail.ru*

Adjektivmetapher als Repräsentationsmittel des Konzepts „Angst“ in der deutschen Sprache (auf Grund der deutschsprachigen Textkorpora)

Inhaltsangabe: Dieser Artikel ist dem emotionalen Konzept „Angst“ im Deutschen gewidmet. Als Realisationsmittel des Konzepts dienen vor allem Metapher. Im dargestellten Artikel legen wir besonderen Wert auf Adjektivmetapher und ihre stilistische und semantische Besonderheiten.

Schlüsselwörter: Konzept, Emotion „Angst“, Metapher, Textkorpus.

Um eine bestimmte Wirkung auf den Leser zu erreichen, verwenden viele Autoren eine expressive Sprache-Funktion. Gemäß Konzept der expressiven Sprache wird die Funktion als „Ausdruck des wirklichen Beurteilung und vermittelten Emotionen“¹ beschrieben. In anderen Worten, bedeutet die Sprache nach Sicht der Situation als ein Mittel zur Stärkung und emotionalen Ausdruck. Wichtiges Ausdrucksmittel der expressiven Akt der stilistische Figuren. Stilistische Zahlen werden verwendet, um den Kontrast, Klarheit und Auswertung zu identifizieren.

Das Thema unserer Forschung ist die emotionale Konzept «Angst». Angst ist eine der stärksten und lebendigen Emotionen, die die Menschen erleben. Um es zu implementieren, wird die Verwendung verschiedener Mittel der Substitution verwendet, unter denen eine Metapher steht. In diesem Papier wird ein besonderes Augenmerk der adjektiven Metaphern als Mittel der Darstellung des Konzepts «Angst » in deutscher Sprache.

¹ Hönigsberger, Astrid. Die Metapher in der gesprochenen Sprache: analysierte franzoesische Corpora. – Bonn: Romanistischer Verl., 1994. – S. 336.

Wir haben eines der größten deutschsprachigen Textkorpus analysiert, nämlich DWDS korpus. Es umfasst mehr als 2,5 Milliarden der Token, die durch den Hauptkörper repräsentiert werden, und es wird von Immobiliendaten aus deutschen Zeitungen und Zeitschriften, nämlich Berliner Zeitung, Bild, Süddeutsche Zeitung, Tagesspiegel, Welt, Zeit¹, u. s. w. Kontinuierliche Stichprobenverfahren wählten und untersuchten wir mehr als 380 Beispiele für Ausdrücke der Angst. Eines der Mittel der Repräsentation der Angst waren Adjektiv Metaphern, um den Form der Attribut zu neigen.

Attributive Adjektive können auch aus verschiedenen Perspektiven betrachtet werden, als auch vom Standpunkt der Wortschatz und Semantikposition.

1. Grafik — und Textpakete sind oft Ausdruck, der aus der Token «Angst», sowie eine Funktion der Attribut, die einen Zustand der Angst, zum Beispiel furchtbar (schrecklich), Ungeheuerlich (monströsen), Schrecklichkeit (schrecklich), Fürchterlichkeit (schrecklich) u s. w. beschreibt. In der Kombination mit einem Token «Angst» werden die Daten der Adjektiven der höchsten Manifestation einer der mächtigsten Emotionen.

Pat hat schreckliche Angst (schreckliche Angst) VOR Schlangen.

... Im Volke gibt es eine herrschende furchtbare Angst (schreckliche Angst) vor den Pilzen.

Eine ungeheuerliche Angst (monströse Angst), die SIE NOCH NIE erlebt hatte.

WENN ... Auch Verschiedene der Diskussionsredner und Rednerinnen sterben in ihrem Lande gerade VOR dieser letzteren heillosen Angst (schreckliche, schreckliche Angst).

Er hatte mit einemmal fürchterlicher Angst (schreckliche, schreckliche Angst) davor.

2. Adjektive sind in unterschiedlichem Grad der Vergleich herangezogen: Positiv (Positive), Vergleich (Komparative) und Superlativ (Superlative). Superlative Adjektive haben maximale Verstärkung, die Auswirkungen dieser Emotion einsetzen.

Und ... es erschreckte sich hinterrücks, um die größere Angst (mehr Angst) zu versetzen — Adjektiv in der Vergleichsabschluss (Komparativ)

In höchster Angst (Angst am höchsten) streckte er den Kopf und Arme nach den Waden der Mutter schreiend aus dem Wagen — Superlative (Superlativ).

3. Begleitung der «Angst», semantischer Inhalt und Form der attributiven Adjektiv sind sehr vielfältig. Diese Adjektive geben verschiedene Schattierungen von Emotionen der Angst, die die folgenden Besonderheiten erwerben:

— Angst wirkt sich auf den internen mentalen Zustand: neurotisch (neurotischen), psychotisch (psychotische), bedrückend (schwer, belastend), Inner (intern). Darunter steht eine Verdrahtung von neurotischer Angst (neurotische Angst).

¹ <http://www.dwds.de/>.

... geht diese unbewußt vor sich, so sprechen wir *von neurotischer Angst* (*neurotische Angst*)

... und ihre eigene, *innere Angst*, den Geliebten über kurz oder lang zu verlieren

Zu den Vorgängen sind die ungezählte Herzen mit *bedrückender Angst* (*schwere, belastende Angst*) und mit Trauer erfüllen.

Zu den Vorgängen, sterben ungezählte Herzen mit *bedrückender Angst* (*schwere, belastende Angst*) und mit Trauer erfüllen sind.

— Angst ist eine pathetische, nutzlose, wertlose, sinnlose Emotion: erbärmlich (*elend, unglücklich*), unnötig (*nutzlos*), sinnlos (*sinnlos*), jämmerlich (*unbedeutend*).

Wissend, dass er für uns einsteht, dürften wir nicht *die erbärmliche Angst* haben

... damit nur Karl keine *unnötige Angst* habe

sie trotz aller innerlichen Gegenwehr bei jeder Heimkehr, sind solchen grundlosen Anfällen von der unsinnigen und *lächerlichen Angst*

— Angst ist eine verständliche, wahrscheinlich ganz normale, gemeinsame Emotion: *gewiß* (*unverzichtbar definiert*), verbreitet (*häufig*), verständlich (*verständlich*).

Frauen etwa misstraut, *eine gewisse Angst* vor ihrem Verrat empfindet

... emotional sehr *verständliche Angst* vor der stetig wachsenden technischen Komplizierung

... in der allgemein *verbreiteten Angst* vor der Hegemonie Lübecks

— Angst kann plötzlich und unerwartet sein: Jahe (*plötzliche*), Plötzlich (*Überraschung*).

Die Jahe Angst (*plötzliche Angst*) vor dem Besitz und Eigentum äußerte sich darunter:

Da das Geräusch ist immer Näher und Nähe raffte er *in plötzlicher Angst* die Effekten mit beiden Armen zusammen ...

— Angst zeigt das Ausmaß, Umfang und Tiefe der Emotionen erlebt: laut (*laut*), leise (*eise*), voll (*voll*), groß (*groß*).

Der ... voller Angst und Entsetzen schrie er ...

Er schaute nach den hellen Augen des Mädchens, die *in großer Angst* (*er* zitterten ...

... und der andere *vor lauter Angst* runde Schultern kriegt, wie sie langsam von ganz außen nach innen ...

— Angst wirkt wie eine versteckte, implizite oder direkte, unmittelbaren Emotionen: heimliche (*geheim, verdeckt*), direkt (*direkt, sofort*), flüchtig (*schnell, flüchtig*).

Direkte Angst (*direkte, unmittelbare Emotion*) in der Empfehlung: Ihre Arbeit hat SIE nicht.

Angst ist auch eine heimliche (*versteckte*), direkte, unklare Emotion und Entsetzen: *heimlich, direkt, flüchtig*.

Direkte Angst (*direkte Reaktion*) um ihren Job hat sie nicht

*... eine heimliche Angst und Entsetzen ob diesem sinnbetäubenden Lärm ...
Flüchtiges Angstgefühl überflog sie nur in der ersten Sekunde.*

So, um die Gefühle der Angst zum Ausdruck zu bringen, werden am häufigsten Metaphern und metaphorische Ausdrücke verwendet. Ein Weg, um emotionalen Zustand zu vermitteln, sind adjektivische Metapher, die sich in der Regel des Attributivforms widerspiegelt. Adjektiv der Metaphern unterscheiden sich in ihrer Struktur und Inhalt.

Referenz:

1. Hönigsberger, Astrid. Die Metapher in der gesprochenen Sprache: Analyse der französischen Korporation. — Bonn: Romanistischer Verl, 1994.. — S. 336.
2. <http://www.dwds.de/>

*Gulidova Ekaterina Nikolaevna,
Lomonosov Moscow State University,
postgraduate student, the Faculty of Philology
E-mail: ekaterina_gulidova@mail.ru*

Teaching adverbs of place in the course of Russian for French-speaking students

*Гулидова Екатерина Николаевна,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, аспирант, филологический факультет
E-mail: ekaterina_gulidova@mail.ru*

К вопросу о преподавании локативных наречий в курсе русского языка для франкоговорящих учащихся

Данное исследование выполнено в рамках функционального подхода к представлению языковых явлений. Функциональный аспект преподавания русского языка как иностранного (РКИ) предполагает такое описание языковых фактов, которое отражает учёт выявленных и проанализированных закономерностей их употребления в речи. Исходным моментом в таком представлении являются речевые ошибки учащихся¹. Учёт «отрицательного языкового материала» (Л. В. Щер-

¹ Слесарева И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики: учебное пособие. – М.: «Русский язык», 1990. С. 120.

ба) в процессе обучения РКИ позволяет спрогнозировать трудности усвоения студентами системы русского языка, предотвратить появление ошибок в речи инофонов, способствует методически эффективному отбору и представлению русской лексики в иноязычной аудитории. Другим важнейшим методическим положением является учёт родного языка учащихся, влияние которого постоянно ощущается в ошибках¹.

В данной работе мы рассматриваем русские локативные наречия в лингводидактическом аспекте, т. е. с точки зрения их преподавания во французской аудитории. Выбор объекта исследования обусловлен недостаточной изученностью грамматического класса наречий, особенно в прикладном аспекте, а также актуальностью данной группы адвербиальных лексем для усвоения инофонами уже на начальном этапе обучения.

На основе анализа «отрицательного языкового материала» мы выделили следующие основные типы ошибок употребления локативных наречий в речи франкоговорящих учащихся (вопрос о классификации ошибок в речи инофонов рассматривался в работах Г. И. Рожковой, З. М. Цветковой, И. П. Слесаревой, В. Г. Костомарова, О. Д. Митрофановой, С. Ф. Шатилова, М. Б. Успенского, Л. В. Московкина, С. А. Хаврониной, О. А. Крыловой и др.):

1) лексико-семантические: (1) *У друга в Альпах есть большой дом, и нас было 14 друзей. Мы вместе катались на лыжах, гуляли. *И мы отметили Новый год здесь* (вместо: **Там** мы отмечали и Новый год); (2) **Он выстрелил в воздух, **наверх*** (вместо: **Он выстрелил в воздух, **вверх***); (3) **Нельзя **здесь*** (вместо: ***Сюда** нельзя **входить***); (4) ****Где** она сходила?* (вместо: ***Куда** она сходила?*); (5) **Я был **домой*** (вместо: *Я был **дома***);

2) словообразовательные: (6) **Он пришёл **издалеко*** (вместо: *Он пришёл **издалека***); (7) ****Из-куда** ты?* (вместо: ***Откуда** ты?*);

3) грамматические (употребление локативных наречий в составе предлогов): (8) **Я сидел **далеко из** сцены* (вместо: *Я сидел **далеко от** сцены*); (9) **Я сидел **близко из** экрана* (вместо: *Я сидел **близко к** экрану*); (10) **Мы сидели **близко от** сцены* (вместо: *Мы сидели **близко к** сцене*);

4) стилистические: (11) **В **деревнях** есть электричество, отопление, газ **повсюду*** (вместо: *В **деревнях** **езде** есть электричество, отопление, газ; **езде** — нейтр., **повсюду** — разг. /прост.*);

Лексико-семантические ошибки являются самыми частотными и регулярными в речи франкоговорящих учащихся. В предложении (1) употребляется лексема *там*, а не *здесь*, так как речь идёт о месте, «далёком» от говорящего, по-

¹ Рожкова Г. И., Рассудова О. П., Лариохина Н. М. Методика преподавания русского языка иностранцам/Под ред. С. Г. Бархударова. – М., 1967. С. 207.

рядок слов определяет коммуникативная структура высказывания. В примере (2) семантически близкие наречия *вверх* и *наверх* не полностью синонимичны: первое указывает на вертикальное движение в воздух, ввысь без каких-либо ограничений, тогда как второе предполагает конечный «пункт назначения» при таком движении в форме какой-нибудь (обычно горизонтальной) поверхности: *Люди весело бросали шапки **вверх**; Дети побежали по лестнице **наверх**, в свою комнату.*

Семантическое различие лексем *там/туда, наверху/наверх* и т. п. состоит в том, что первые члены пар описывают местоположение (в широком смысле) объекта и в этом смысле передают статическую ситуацию (собственно локатив), отвечая на вопрос *где?*, а вторые характеризуются направлением движения и задают динамическую ситуацию (директив-финиш), отвечая на вопрос *куда?* Важно также подчеркнуть, что данное семантическое различие находит отражение в сочетаемостных свойствах лексем: с глаголами движения и глаголами, имеющими сему 'направление перемещения' (*ставить, смотреть* и т. п.), употребляются наречия второго типа (*сюда, туда, налево, вниз* и др.). Во французском языке оба значения передаются одной лексемой, что провоцирует ошибки типа (3), (4), (5). Наконец, при изучении наречий места в дополнение к описанной оппозиции позже вводятся наречия, обозначающие директив-старт, и отвечающие на вопрос *откуда?*, которые тоже вызывают трудности у франкофонов (ср.: **Это далеко от здесь?* вместо: *Это далеко отсюда?*). Далее следует обобщение всех трёх типов наречий с последующим лексическим «расширением» по принципу концен-тризма (вводятся новые лексемы).

Словообразовательные ошибки (6), (7) требуют пояснения модели образования лексем с определённым морфемным наполнением. Частотны также грамматические ошибки на употребление составных предлогов с локативными наречиями в качестве строевых элементов (8), (9), (10). Причиной ошибок является влияние родного языка учащихся, в котором отсутствует противопоставление *из/от*, что выражается в попытке буквального перевода, затруднённого проблемой выбора лексемы, ср.: *loin de* (букв. 'далеко из/от'), *près de* (букв. 'близко из/от'), а также незнание грамматической сочетаемости русских лексем, что ведёт к интерференции («отрицательному переносу»).

Кроме того, в методике преподавания РКИ традиционно различают коммуникативно значимые (препятствующие правильному пониманию сказанного) и коммуникативно незначимые (не затрудняющие понимание смысла) ошибки. К первой группе можно отнести, в частности, примеры (1), (3), (4); ко второй — (6), (8), (9) и др.

Заметим, что выделенные типы ошибок характерны для разных уровней владения РКИ:

1) начальный уровень: ошибки на употребление наречий типа *здесь/сюда* (но процент ошибок невелик, т. к. эти наречия вводятся с соответствующим объяснением разницы в значениях);

2) уровень, переходный от начального к среднему (базовый этап): лексико-семантические ошибки типа *здесь/сюда* (частотность выше, чем у начинающих, поскольку внимание направлено на передачу смысла, ослабевает «бдительность» в выборе единицы) + *здесь/там*;

3) средний и продвинутый уровни: словообразовательные, грамматические, стилистические ошибки, ошибки на наречия типа *здесь/сюда*, но уже на другие лексемы (*вдали/вдаль* и т. п.).

Итак, обучение локативным наречиям франкофонов представляется более эффективным при отборе и презентации материала с учётом трудностей, выявляемых при анализе ошибок, с учётом особенностей родного языка и уровня учащихся.

Список литературы:

1. Слесарева И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики: учебное пособие. – М.: «Русский язык», 1990.
2. Рожкова Г. И., Рассудова О. П., Лариохина Н. М. Методика преподавания русского языка иностранцам/Под ред. С. Г. Бархударова. – М., 1967.

*Ivanova-Fry Tatiana Fyodorovna,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
E-mail: tatianafry@yahoo.com*

Serbian folklore songs in translations of D. P. Oznobishin

*Иванова-Фрай Татьяна Федоровна,
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: tatianafry@yahoo.com*

Сербские народные песни в переводах Д. П. Ознобишина

В начале XIX века русские писатели начали испытывать все возрастающий интерес к истории и культуре других народов. Д. П. Ознобишин (1804–1877), поэт, переводчик, собиратель фольклора, находившийся в центре историко-культурных процессов, происходивших в стране, также был захвачен интересом к фольклору других народов. В круг его творческих интересов входил славянский, западноев-

ропейский фольклор. В нашей работе мы подробнее остановимся на переводах Ознобишиным сербского фольклора.

Славянская фольклористика развивалась в тесной взаимосвязи с русской наукой о фольклоре. Славянские ученые прислушивались и пристально следили за тем, что делалось в России. В свою очередь интерес в русской фольклористике к народной поэзии славян наблюдается уже в XVIII веке в трудах В. К. Третьяковского, М. В. Ломоносова.¹ Писатели XVIII века многократно обращались к славянской мифологии. Уже в самые первые годы XIX века в «Дружеском литературном обществе» возник вопрос о необходимости обращения к славянским источникам и широким славянским изучением, это было необходимо для развития русской исторической и филологической науки. Как следствие, А. С. Кайсаров и А. И. Тургенев осуществили в 1804 году путешествие по славянским странам. А благодаря стремлению А. С. Шишкова к установлению связей со славянскими филологами, ознакомлению русских читателей с деятельностью Ганки, славянская тема прочно вошла в русскую науку и художественное творчество писателей той поры.

Несомненно, огромный резонанс получила в России деятельность Вука Стефановича Караджича, сборники которого пользовались большой популярностью и которые отмечались «как образец и пример для наших изучений»¹. Вук Стефанович Караджич (1787–1864) трудился в первые десятилетия XIX века в Сербии. Он был центральной фигурой славянского фольклоризма и сумел привлечь своими изданиями внимание всей Европы к славянскому фольклору.

Вук Караджич был выходцем из народа: в детстве пастух, затем прислужник в монастырской школе, позже писарь у воеводы. Всю жизнь он находился в тисках нужды, при этом не переставал пробовать себя в различных профессиях, занимая должности секретаря правительственного совета, таможенного чиновника, судейского чиновника. Однако, несмотря на крайне трудные финансовые обстоятельства, он все свои средства употреблял на издание трудов по языку и фольклору. По словам М. К. Азадовского, на примере Караджича «особенно отчетливо вскрывается, как самостоятельно, вне каких-либо западных воздействий развивается национальное фольклорное движение в славянских странах»². С 1814 года Вук Караджич всецело посвящает себя делу собирания народных песен, и в 1814–1815 годах выходят два его сборника сербских народных песен «Мала простонародња славено-сербска пэснарица», где он использовал еще практику собирателей XVIII века, позволяя себе править, хотя и очень осторожно, текст песен и их язык.

¹ Азадовский М. К. История русской фольклористики/М. К. Азадовский. – М. : Учпед гиз, 1958. – С. 316.

² Там же. – С. 299.

Однако уже в последующих сборниках и, особенно в основном его четырехтомном труде «Народные сербские песни», выходявшем с 1823 по 1833 год, он выработал строгие филологические принципы и подходил к народной песне как ученый-собирающий.

Первый том, содержащий обширное предисловие составителя, представляет исследование о происхождении сербских песен. Предисловие же к четвертому тому является, по мнению Азадовского, «важнейшим памятником общеевропейской фольклористики», поскольку именно в нем Вук Караджич изложил свои воззрения на задачи и методы собирания и издания, принципы редактирования песен.

Основную массу собрания народных песен Вука Караджича составляют исторические, юнацкие песни, близкие нашим былинам. Они имели огромное политическое значение, так как появились в эпоху напряженной борьбы сербов за свое национальное освобождение и приковали внимание всей Европы. Ими увлекались французские романтики, о них писал Гете, а в России их переводили многие писатели и поэты, в число которых входил и Д. П. Ознобишин.

В круг интересов Вука Караджича входили и другие виды сербского фольклора. В 1821 году он издал маленький сборник народных сказок, который позже разросся в обширный том, вышедший в 1853 году, а в 1836 году увидел свет сборник пословиц. Вуку Караджичу удалось охватить в своей деятельности почти весь сербский фольклор.

Вук Караджич был связан и с русскими учеными и с русскими общественными деятелями. Посетив Россию в 1819 году, он познакомился с Карамзиным, Жуковским и другими писателями и стремился найти здесь поддержку в своей борьбе за народный язык против реакционных деятелей Сербии. По всей вероятности, это ему удалось, поскольку второй том «Песен» он посвятил Румянцеву, а четвертый — русскому посланнику в Вене Татищеву. Ю. Смирнов, отмечая чрезвычайную значимость поездки в Россию для Вука Караджича, указывает и на тот факт, что в России он «разжег интерес к Сербии, к языку и народному творчеству сербов... и этот интерес преобразовывался в научные исследования и в поэтические переводы сербских народных песен»¹. Действительно, его записи вызывали живой отклик и обсуждение на страницах журналов того времени. Так, например, о сербских песнях Вука были помещены рецензии в «Вестнике Европы» за 1820 год, № 14; за 1826 год, № 13; несомненный интерес представляет и перевод отрывка из статьи Вука Караджича о сербском народе «Описание сербского народа», помещенный в журнале за 1827 год в номерах 14–18. О сербских песнях Вука были рецензии в «Сыне отечества» (1824), «Московском телеграфе» (1827), «Московском вестнике» (1830).

¹ Смирнов Ю. Вук Караджич и его фольклорное собрание // Ю. Смирнов // Сербские народные песни и сказки из собрания Вука Стефановича Караджича. – М. : Худ. литература, 1987. – С. 13.

На страницах журналов звучали также призывы издателей к литераторам заняться изучением и переводами сербского фольклора. К примеру, Н. Полевой в рецензии на альманах Дельвига «Северные цветы на 1825 год» пишет, что «на сербские и других славянских народов песни давно надлежало бы обратить внимание»¹. В другой статье Н. Полевой уже «желает», «чтобы кто-нибудь из наших литераторов занялся полным переводом сербских песен»².

Одним из первых поэтическими переводами сербских песен занялся А. Х. Востоков, поместив три песни («Братья Якшичи», «Смерть любовников», «Свадебный поезд») в альманахе Дельвига «Северные цветы» на 1825 год. Переводы Востокова тут же нашли положительный отклик на страницах журналов. Так, Полевой Н. А. назвал их «приобретением российской словесности»³.

Повышенный интерес к славянской народной поэзии испытывал и А. С. Пушкин. Во время пребывания в Кишиневе он записал несколько славянских народных песен и преданий. Эти ранние интересы Пушкина завершились переводом «Песен западных славян» (1832–1835), в состав которого вошли несколько песен из сборника Вука Караджича.

Наряду с А. С. Пушкиным и А. Х. Востоковым увлечение народной поэзии сербов проявил Д. П. Ознобишин. Десять поэтических переводов сербских песен: «Смильяна», «Потеря времени», «Праведная клятва», «Девушка у городских ворот», «Завет», «Друг и недруг», «Пряха и царь», «Сербская девица», «Сердитый конь», «Могилы на берегу Моравы» — были опубликованы исследователем русско-сербских литературных и фольклорных связей В. К. Петуховым⁴. Последние две песни, а также песня «Девушка и рыбка» вошли в состав двухтомника произведений Ознобишина, изданного в 2001 году.

Песня «Сердитый конь» начинается с диалога юноши и девушки, это традиционный прием лирических песен, здесь он носит шуточный характер:

Цель юноши — обратить внимание девушки на красоту, удал, стать свою и своего коня. Также как и в русских лирических песнях, здесь девушка в шуточно-иронической форме отклоняет ухаживания юноши. Более того, она оказывается умнее его, мудрее его, превосходит его в нравственном отношении, понимая на что «досадует» конь юноши:

¹ Полевой Н. Северные цветы на 1825 год, собранные бароном Дельвигом /Н. Полевой// Московский телеграф. – 1825. – Ч. 1. – № 4. – С. 335.

² Полевой Н. Народные сербские песни. Собрал и издал Вук Стефанович Караджич/ Н. Полевой// Московский телеграф. – 1827. – Ч. 13. – № 1. – С. 145.

³ Полевой Н. Северные цветы на 1825 год, собранные бароном Дельвигом /Н. Полевой// Московский телеграф. – 1825. – Ч. 1. – № 4. – С. 335.

⁴ Петухов, В. К. Ознобишин Д. П. как переводчик сербских народных песен/В. К. Петухов// Зарубежные славяне и русская культура. – Л. : Наука, 1978. – С. 50–55.

Что любишь ты двух девушек
Аливеру и Тодору;
Сынок рожден Аливерой,
Роняет слезы Тодора¹.

При переводе Ознобишин сохраняет национальный сербский колорит, который раскрывается через имена собственные: Аливера, Тодора, через описания реалий сербской действительности: «копытами по мрамору», тогда как в русском фольклоре — была бы «мать сыра земля». Сам же одушевленный образ коня сродни русской традиции, где конь занимает важное место.

Поэтический перевод Ознобишина другой сербской песни «Смильяна» примечателен тем, что возникает параллель с троицкими народными календарными обрядами, бытовавшими в России. В троицын день девушки делали себе венки из березок и гадали, бросая их в воду: потонувший веночек означал смерть девушки или разлуку, плывущий — счастье в любви. Гаданье сопровождалось песнями. В сербской песне, переведенной Ознобишиным, также присутствует обряд завивания веночков:

У ручья брала цветы Смильяна,
Набрала за грудь, полны рукавочки,
И свила из них зеленых три веночка;
Свив венки, одним себя венчает,
А другим дарит свою подругу,
Третий в волны опускает по течению...²

Корень *милъ*, суффикс *ян* в имени девушки подчеркивают доброту, мягкость характера, создают благозвучие и вызывают симпатию и любование. Девушка не эгоистична, даже в желании себе любви, семейного счастья, она не забывает о своей подруге:

О, плыви, плыви, зеленый мой веночек!
Доплыви скорей к Георгиеву дому,
И спроси тогда у матери Георга:
Если матушка женить Георга хочешь,
Не жени его на молодой вдовице,
Жени лучше на красавице-девице³.

При переложении песни Ознобишин использует лексические повторы («плыви»; «жени»), уменьшительно-ласкательные суффиксы («веночки», «рукавочки»), которые придают тексту изобразительность, подлинно народную напевность.

¹ Петухов, В. К. Ознобишин Д. П. как переводчик сербских народных песен/В. К. Петухов// Зарубежные славяне и русская культура. – Л. : Наука, 1978. – С. 51.

² Там же, с. 51.

³ Петухов В. К. Ознобишин Д. П. как переводчик сербских народных песен/В. К. Петухов// Зарубежные славяне и русская культура. – Л. : Наука, 1978. – С. 51.

В определении «зеленый», помимо того, что это традиционный эпитет, лежит глубокий лексический смысл, подчеркивающий юность, девичество, надежды, мечты.

Примечательно, что существует еще один перевод этой сербской народной песни Ю. Вронского. В этом переводе сохраняется содержание, основные композиционные элементы, но, думается, что в художественном отношении перевод Ознобишина более совершенен. Приведем последние строки перевода Вронского:

Ты плыви-ка, зелен мой веночек,
Доплыви-ка до усадьбы Джурджа,
Да спроси там Джурждеву матушку:
Хочешь ли ты, мать, женить сыночка?
Не жени, мать, его на вдовице,
А жени, мать, на девице красной¹.

В переводе Ознобишина больше напевности, которая создается более тщательным подбором рифм, использованием общефольклорных изобразительных средств. Думается, что Вронский стремится дать перевод песни, а Ознобишин, включая в перевод русские фольклорные стилистические элементы, создает на ее основе свое поэтическое произведение, максимально приближает его к русскому читателю.

Географическо-климатическая специфика Сербии отразилась в песне «Потеря времени»: на юге весна начиналась раньше, чем в России, была продолжительнее, сербскому крестьянину не было острой необходимости спешить с весенними работами, у него оставалось время и на забавы. Но сходство этой песни с русскими народными песнями бесспорно. Оно обусловлено общеславянской фольклорной основой стихотворения, которая проявилась в поэтике: рефрен, обращение, психологический параллелизм. Примечательна и композиция стихотворения, здесь используется прием ступенчатого сужения образов.

Стихотворение «Могила на берегу Моравы» представляет своего рода синтез народно-исторических песен, баллад, сказки, который определил условное деление песни на три части. Первая часть — вступление к этому стихотворению — навеяно поэтикой исторических песен, что подчеркивается устойчивыми словосочетаниями, где используются традиционные эпитеты «кони воронье», «речи удалые», «битва кровавая». Фольклорно-этнографический колорит создает и топонимическое название («Как на берегу Моравы»). В третьей части ощущаются сказочные мотивы, в частности, в изображении девицы, которая в «коротенькой кабанице, в серебряной опояске» стережет павлинов, гуляющих на могиле мальчика. Интересны образы павлинов, возможно, восходящие к сказочной Жар-птице, являющейся своеобразным проводником из мира живых в мир мертвых.

¹ Смирнов Ю. Вук Караджич и его фольклорное собрание/Ю. Смирнов//Сербские народные песни и сказки из собрания Вука Стефановича Караджича. – М.: Худ. литература, 1987. – С. 112–113.

Таким образом, мы видим, что творческая задача Ознобишина — создание переводов сербских песен максимально приближенных к русскому читателю. Ознобишин воссоздает в своих переводах реалии сербской действительности, которые проявились в именах героев, названий рек, географическо-климатических условий. Однако, будучи талантливым поэтом, он естественным образом приносил в народную поэзию сербов авторское начало, отражающее мировоззрение русского человека. Он вносил в национальные сербские песни мотивы русского фольклора. Причиной, на наш взгляд, этих «вкраплений», является общеславянская основа русского и сербского фольклора.

Список литературы:

1. Азадовский М. К. История русской фольклористики/М. К. Азадовский. – М.: Учпедгиз, 1958. – 479 с.
2. Петухов В. К. Ознобишин Д. П. как переводчик сербских народных песен/В. К. Петухов//Зарубежные славяне и русская культура. – Л.: Наука, 1978. – С. 50–55.
3. Полевой Н. Народные сербские песни. Собрал и издал Вук Стефанович Караджич/Н. Полевой//Московский телеграф. – 1827. – Ч. 13. – № 1. – С. 137–150.
4. Полевой Н. Северные цветы на 1825 год, собранные бароном Дельвигом/Н. Полевой//Московский телеграф. – 1825. – Ч. 1. – № 4. – С. 329–338.
5. Смирнов Ю. Вук Караджич и его фольклорное собрание/Ю. Смирнов//Сербские народные песни и сказки из собрания Вука Стефановича Караджича. – М.: Худ. литература, 1987. – С. 112–113.

*Kardanova Asiyat Karalbievna, Kabardino-Balkar State University,
senior lecturer, Institute of Philology,
E-mail: asyata@yandex.ru*

Units of research in intercultural communication

*Карданова Асият Каральбиевна,
Кабардино-Балкарский государственный университет,
Старший преподаватель, Институт филологии,
E-mail: asyata@yandex.ru*

Единицы исследования в межкультурной коммуникации

Возрастающий интерес к вопросам межкультурной коммуникации ставит перед исследователями ряд не только практических, но и, в силу сравнительно

недавнего выделения межкультурной коммуникации в самостоятельную учебную дисциплину, теоретических задач, одной, и, пожалуй, ведущей из которых является определение ее исследовательской единицы.

В поисках соответствующей единицы многие ученые совершенно логично, отталкиваясь от самого термина “межкультурная коммуникация”, исходят из понятий “культура” и “коммуникация”.

Так, по мнению Э. Оксаара и В. П. Фурмановой, в качестве такой единицы может выступать так называемая “культурема”. Однако, по признанию самой Фурмановой и по мнению ряда других исследователей, “она является абстрактной единицей, которая не может отражать взаимодействия в межкультурной коммуникации”¹. Более того, данный подход в описании Оксаара является несколько “бихевиористичным”, так как истолковывается культурема преимущественно поведенчески, что создает трудности при дифференциации понятий “деятельность” и “поведение”.

Кроме того, исключительно поведенческие прескрипции относятся к динамическому процессу и не охватывают такие статичные культурные ценности. Таким же “монизмом” и “бихевиоризмом”, по разделяемому нами мнению П. Н. Донца, является и термины “культурный символ” и “культурный стандарт”; первый — по причине культурной универсальности, “в связи с чем эта категория плохо подходит для контрастивно-культурологических исследований”, второй — ввиду чрезмерной категоричности термина “стандарт”.²

Указанные выше несоответствия, однако, не могут быть применимы к предложенному Т. В. Евсюковой термину “лингвокультурема”, основная характеристика которой заключается в “многократной рефлексии в рамках данной лингвокультурной области по поводу ее нозматического содержания, что имеет своим следствием применение герменевтико-интерпретационного метода”³. Обращение к нозмам как сущностям, способным формировать смыслы как системы позволяет достичь более строгого и детального описания единиц различного уровня абстракции.

Тем не менее сама автор определяет лингвокультурему как единицу *словаря* культуры, что не подразумевает использование рассматриваемого термина при исследовании непосредственно явлений *коммуникации*.

Что же касается второго подхода к определению единицы исследования МКК, исходящего из понятия “коммуникация”, то здесь мы можем наблюдать

¹ Фурманова В. П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам. - Саранск, 1993.

² Донец П. Н. Об исследовательской единице межкультурной коммуникации // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. - Воронеж, 2003. № 2.

³ Евсюкова Т. В. Лингвокультурологическая концепция словаря культуры. - Нальчик, 2002.

достаточно широкий ряд терминов, определяющихся, по-видимому, задачами исследования и дисциплинами, изучающими различные аспекты МКК.

Так, среди прочих, в качестве исследовательских единиц, создающих затруднения в МКК, были предложены лакуны, реалии, безэквивалентная и фоновая лексика, этномаркированная лексика, ксенизмы, специалии, а также представленные на основе последних П. Н. Донцом “специфические смыслы”.

Термин “ксенизм” не представляется приемлемым уже по причине явной негативной коннотации, содержащейся в этом слове, которое имеет в своем составе, кроме категории “чужого”, и прагматический компонент “отталкивающее, внушающее страх”. К тому же данный термин использовался в основном для обозначения трансференций из других языков и диалектов, еще не утративших своей чуждости, а также в отношении ошибочных конструкций в речи на иностранном языке.

В основе термина “лакуна” лежит не столь “чужеродный” образ “пробела”, “дыры”, “скважины”. Ю. А. Сорокин и Ю. В. Марковина, опираясь на схожие англоязычные термины “holes in patterns” или “gaps” выделяют более 40 типов лакун, трактуют их как своего рода всевозможные межкультурные межъязыковые и межтекстовые расхождения, проявляющиеся в МКК и при межкультурном сопоставлении¹. Однако при таком походе “парадоксальным образом наличествующее, бытующее остается в тени, что на практическом уровне анализа — в связи с естественной инверсией противоречий, — может быть, не очень бросается в глаза, но сразу же обнаруживается при попытках теоретического обоснования”². Для устранения этого пробела в дополнение к лакуне предлагается термин “специалия”, которая мыслится как категория максимально высокого уровня обобщения, охватывающая все виды специфики культуры, языка, а также речи и текстов на данном языке. Однако “специалия” сама по себе не может претендовать на статус рабочей исследовательской единицы МКК — для этого ее содержание слишком расплывчато и гетерогенно, и, соответственно, схема изучения МКК “лакуна + специалия” также не может считаться окончательной.

Наибольшего внимания, на наш взгляд, заслуживает в данном случае предложенная П. Н. Донцом концепция “специфических смыслов”, которые он подразделяет на лингвоспецифические, дискурсивно-специфические, текстуально-специфические и культурно-специфические.

Категория смысла представляется ему наиболее соответствующей всем требованиям, предъявляемым к исследовательской единице МКК — является одной

¹ Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Опыт систематизации лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на понимание текста. // Текст как явление культуры. - Новосибирск: Наука, 1989.

² Донец П. Н. Об исследовательской единице межкультурной коммуникации // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. - Воронеж, 2003. № 2.

из фундаментальных философских категорий, которая легко поддается специализации и конкретизации, позволяет перейти к категории значения и охватить таким образом как неязыковые, так и языковые аспекты МКК, и, в отличие от реалий, позволяет анализировать абстрактные и обобщенные понятия¹.

При несомненной логичности и тщательности выведенной схемы, она, на наш взгляд, является несколько громоздкой и применимой прежде всего в области когнитивной лингвистики, где термин “смысл” можно вполне заменить более привычным и изученным термином “концепт”. К тому же мы полагаем, что первостепенного внимания при изучении МКК требует прежде всего явление “коммуникации”, в то время как понятие “культурного” играет в самом термине роль определителя, а не определяемого.

В таком случае нам следует оперировать категориями коммуникации, или представленными И. А. Стерниным “коммуникативными категориями”. Под *коммуникативными категориями* он понимает “самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления”.²

Использование термина “коммуникативная категория” дает нам ряд преимуществ. Во-первых, его использование предполагает также обращение к понятиям “коммуникативное сознание” и “коммуникативное поведение”, в том числе и национальное, что выводит изучение МКК на более глубокий психологический и, самое главное, практический уровень. Во-вторых, обращение к коммуникативному аспекту как нельзя лучше передает идею так называемого “диалога культур”. И, наконец, сам термин “категория” можно использовать в качестве единицы МКК и при смещении акцентов исследования: так как категории, как и “смыслы” П. Н. Донцова, относятся к фундаментальным философским понятиям, легко поддаются специализации и конкретизации, позволяют перейти к категории значения и охватить таким образом как неязыковые, так и языковые аспекты МКК, а также позволяют анализировать абстрактные и обобщенные понятия.

И поскольку процесс межкультурной коммуникации будет неполным и даже поверхностным, если не обратиться к анализу склада мышления нации, к национальным, этническим особенностям мировосприятия и мирооценки, нам представляется необходимым учитывать этнокультурную детерминированность коммуникативных категорий. Даже учитывая тот факт, что на более поздних этапах исторического бытования этноса внешние условия могут измениться, могут исчезнуть многие причины, породившие специфику национального характера, невозможно отрицать, что сами черты его и особенности национального менталитета все равно продолжают воспроизводиться в каждом последующем поколении.

¹ Донец П. Н. Об исследовательской единице межкультурной коммуникации // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. - Воронеж, 2003. № 2.

² Стернин И. А. О русском коммуникативном сознании // Человек в информационном мире. Сб. науч. тр. – Ярославль, 2003.

Список литературы:

1. Донец П. Н. Об исследовательской единице межкультурной коммуникации // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – Воронеж, 2003. № 2.
2. Евсюкова Т. В. Лингвокультурологическая концепция словаря культуры. – Нальчик, 2002. – 304 стр.
3. Карасик В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности. – М.: Инион РАН, 2000.
4. Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Опыт систематизации лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на понимание текста. // Текст как явление культуры. – Новосибирск: Наука, 1989.
5. Стернин И. А. О русском коммуникативном сознании // Человек в информационном мире. Сб. науч. тр. – Ярославль, 2003.
6. Фурманова В. П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам. – Саранск, 1993.

*Kozhanov Alexandr Alexandrovich,
Bryansk State Academician I. G. Petrovsky University,
postgraduate student
E-mail: kozhanov32@yandex.ru*

**Law and Politics: linguistic basis of the views
of Alexander and Wilhelm von Humboldt**

*Кожанов Александр Александрович,
Брянский государственный университет
им. И. Г. Петровского, аспирант
E-mail: kozhanov32@yandex.ru*

**Право и политика: лингвистическая основа взглядов
Александра и Вильгельма фон Гумбольдтов**

Политика и право — это актуальные, востребованные темы международного уровня, являющиеся неотъемлемой частью человеческих взаимоотношений в различных сферах жизнедеятельности и отражающие прошлое и настоящее любого государства.

Существенный вклад в улучшение отношений и по реализации перспективных нововведений в правовых и политических, а также связанных с ними вопросах внесли братья Вильгельм и Александр Гумбольдт, которые, по словам их биографов, являются символами фундаментального, универсального научного познания.

Вильгельм был родоначальником теоретического языкознания, либеральным мыслителем, государственным деятелем, реформатором системы образования. Его брат Александр известен как основоположник географии растительности, физик, метеоролог, минеролог, зоолог, путешественник, изучающий историю, языки и политическое состояние посещаемых стран.

Называемый «последним героем великой литературной эпохи» Александр «был гуманистом в духе идеалов Парижа 1789 года, поборником идеи соблюдения прав человека, противником всякой реакции, убежденным демократом и выдающимся пионером научного прогресса»¹.

«Научные дискуссии, споры, обмен идеями с немецкими и иностранными учеными углубляли его знания, расширяли кругозор, обращали внимание на новые факты и открытия»². «Как всякий великий ученый, Александр не только подводил итоги прошлому, но и заглядывал в будущее»³. В этом отношении очень интересны мысли, разбросанные в разных трудах исследователя. Постепенно к нему приходила международная известность. Наблюдения, опыты, постановка научных вопросов вытекали один из другого, дополняя друг друга, и находя свое отражение в публикациях и переписке с братом.

В своем письме к Карлу Густаву фон Бринкману 18 марта 1793 года Вильгельм писал о своем брате: «Изучение природы физической надо связать с изучением наук моральных, то есть гуманитарных, и, именно таким способом познавая вселенную, внести в нее подлинную гармонию...»⁴.

В 1793 году, будучи избранным в Эрлангене членом императорской Академии естествоиспытателей, на его долю выпадают время от времени небольшие поручения дипломатического характера, правда, «исполнял он их без особого энтузиазма, рассматривая их не как знак отличия, а как докучную повинность и «отрыв от дела»⁵.

Поставив своей задачей ученую деятельность, воздерживаясь от активной политической деятельности, он, не устранился от вопросов политики и права. Связи с лицами высшей администрации, среди которых его брат уже начинал играть видную роль, близость ко двору, к наследному принцу, лично знавшему

¹ Скурла Г. Александр Гумбольдт: [Естествоиспытатель и путешественник]/пер. с нем. Г. Шевченко. - М., 1985. - С. 232.

² Там же. - С. 52.

³ Яншин А. Л. Идеи Александра Гумбольдта о связи земных и космических процессов и их развитие в трудах отечественных ученых XX в. // Вопросы истории естествознания и техники. - 1984. - № 4. - С. 54 - 57.

⁴ Скурла Г. Александр Гумбольдт: [Естествоиспытатель и путешественник]/пер. с нем. Г. Шевченко. - М., 1985. - С. 54.

⁵ Там же. - С. 59.

и ценившему обоим Гумбольдтов, — заставляло его принимать участие в делах государства.

Роль, которую приходилось играть в этих случаях Александру, была обыкновенно ролью посредника в затруднительных обстоятельствах. «Обходительный, любезный, остроумный красноречивый, удивительно легко и быстро сходящийся с самыми разнообразными людьми, Гумбольдт как нельзя более годился для подобной роли, хотя и не прошел дипломатической школы»¹.

В отличие же от своего брата Вильгельм активно проявлял свои дипломатические способности и принимал участие в проекте создания единого немецкого государства, который был представлен в дальнейшем Венском конгрессу.

Будучи известным путешественником, политиком и гордостью немецкого народа Александр не раз выступал на различных конференциях, собраниях, приемах с целью распространения научных знаний и передовых идей.

Взывая к мыслительной деятельности, невообразимой без языка представляющего по мнению Вильгельма часть фундаментальных свойств человека, Александр отмечает в жизни людей роль филологии, представляющей собой с современной точки зрения, совокупность наук, изучающих культуру народа, выраженную в языке.

А побуждая на своем примере к созданию работ гармонирующих с современным состоянием человеческих знаний, ученый предрасполагает духовную деятельность и культуру каждого человека к прохождению через анализ письменных форм коммуникации, которые в современные дни в массовом обыденном сознании, и традиционных научных представлениях ассоциируются с понятием «текст».

Таким образом, братья Гумбольдт акцентировали внимание на проблеме общения и культурного взаимодействия людей для блага общества в различных сферах жизнедеятельности: политических, правовых, естественнонаучных, духовных. Тут необходимо вспомнить слова Вильгельма: «При словно бы вегетативном существовании человека на просторах земли беспомощность одиночки толкает его к взаимодействию с себе подобными, и требует ради возможных коллективных начинаний взаимопонимания посредством языка. Духовное развитие, даже при крайней сосредоточенности и замкнутости характера, возможно только благодаря языку»². Таким образом, в дополнение к словам Александра Вильгельм раскрывает тему деятельности языка, как главной человеческой души, лежащей в основе всех других видов человеческой деятельности.

¹ Колумб. Ливингстон. Стэнли. А. Гумбольдт. Пржевальский: : биограф. повествования/[Сост., общ. ред. Н. Ф. Болдырева]. - Челябинск, 2000.

² Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию/В. фон. Гумбольдт; пер. с нем.; Под ред. Г. В. Рамишвили. - М., 2000. – С. 63–64.

Развивая вопрос о языках, следует отметить, что язык неотделим от человеческого общества, он, обеспечивая общение людей и отражая исторический опыт поколений, «служит средством, при помощи которого начинается духовное формирование отдельного человека»¹.

«Я много занимался также языками Южной Америки и убедился насколько не прав был Ла Кондамин, утверждавший, что они бедны и невыразительны», — писал А. Гумбольдт, — «возьмем, к примеру, язык карибов: в нем есть и богатство, и очарование, и сила, и нежность... Сейчас я налегаю на языки инков; на нем говорят в обществе Кито, Лиме (и других местах), он весьма гибок и богат изысканными оборотами...»².

Исследуя структуру языка, выявляя его роль в жизни отдельного человека и в целом общества в котором пребывал выдающийся ученый и путешественник, Александр способствовал раскрытию первостепенных задач лингвистики. «Изучить и описать языки мира, познать законы, управляющие развитием языка»³. Он путешествовал по разным странам, ставил перед собой различные цели. Так после поездки в Мексику он писал: «Мой теперешний визит сюда я стремился использовать не только в естественнонаучных целях, но и чтобы составить себе точное представление о политическом своеобразии страны»⁴. Данные строки вошли в будущем в предисловие пятитомного труда «О политическом состоянии королевства Испания».

«Слово «политический» в контексте этой работы Александра следует понимать не в современном его смысле, а в исконном и более широком, в каком оно пришло из греческого языка («политика» — как учение о государстве); оно подразумевает здесь некую сумму практических знаний о государственном устройстве и одновременно развернутое страноведческое описание...»⁵. Изыскания его вследствие этого были весьма разнообразны.

Александр уделяет немалое внимание оптимизации и конструированию коммуникативной деятельности общества. А написанные труды посвященные открытиям и исследованиям ученого свидетельствуют о развитии и совершенствовании письма, а также закреплении письменной коммуникации вследствие

¹ Шайкевич А. Я. Введение в лингвистику: Учеб. пособие для студ. филол и лингв. фак. высш. учеб. заведений. — М.: Издат. центр «Академия», 2005. — С. 5.

² Скурла Г. Александр Гумбольдт: [Естествоиспытатель и путешественник]/пер. с нем. Г. Шевченко. — М., 1985. — С. 130.

³ Шайкевич А. Я. Введение в лингвистику: Учеб. пособие. для студ. филол и лингв. фак. высш. учеб. заведений. — М., 2005. — С. 5.

⁴ Скурла Г. Александр Гумбольдт: [Естествоиспытатель и путешественник]/пер. с нем. Г. Шевченко. — М., 1985. — С. 133.

⁵ Там же. — С. 134.

осознанной необходимости социального развертывания и совершенствования форм и способов словесной деятельности, как неотъемлемого и значительного средства сохранения и передачи опыта.

Несмотря на то, что «в языковедении, т. е. науке о языке, письменная форма речи однозначно признается вторичной формой коммуникации»¹ ученые не могут игнорировать исключительную роль письма в истории и культуре человеческого сообщества. «К тому же они отмечают постоянно растущую роль письменного языка в современной жизни. При этом обращает на себя внимание такое парадоксальное явление: письмо и письменная коммуникация, играя важную роль во всех сферах повседневной жизни нашего общества, приобретают центральное значение для всех научных дисциплин в силу своей способности непосредственно передавать, хранить и накапливать научную информацию.»² Что подтверждается многочисленными трудами и всемирно известным произведением «Космос» мысль о котором у Александра родилась еще в 1796 году.

В 1812 году в письме А. Ренненкампу Александр писал, что кроме публикаций своих работ, он занят подготовительными исследованиями для экспедиции в Азию: «Я не знаю ни слова по-русски, но я стану русским, как стал испанцем; все, что я предпринимаю, я выполняю с увлечением. Это путешествие позволит разрешить сразу несколько великих задач», среди которых: «произвести исследования по истории народов и языков для расширения многоязычного словаря, начатого по не вполне научному плану, поскольку из него исключены грамматические аналогии»³.

В письме 1829 года к Е. Ф. Канкрину А. Гумбольдт при обсуждении поездки в Россию и выборе сопровождающего экипажа отмечает: «Я предпочитаю русских, потому что очень хочу серьезно заняться языком вашей страны, без которого остаешься чуждым жизни народа»⁴.

Широкий круг интересов Александра, его многочисленные встречи с русскими людьми отражены в мемуарной литературе и отдельных воспоминаниях ученых и общественных деятелей России. О нем и встречах с ним писали И. М. Симонов, Н. И. Кокшаров, Г. П. Гельмерсен, Н. Мельгунов, В. М. Лапшин, Н. Греч, П. П. Семенов-Тянь-Шанский и др.

«Александр Гумбольдт ревниво относился к переводам своих работ на иностранные языки, иногда был крайне резок по отношению к переводчикам, в то же

¹ Филиппов К. А. Лингвистика текста. – СПб., 2003. – С. 72.

² Там же.

³ Гумбольдт А. Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России/Отв. ред. Д. И. Щербakov. – М., 1962. – С. 31–32.

⁴ Там же. – С. 62.

время сожалел о том, что некоторые его работы не переводились на русский язык»¹.

Возвращаясь к вопросу языка стоит отметить что во вступительном размышлении о различной степени наслаждения природой и об ученом исследовании законов вселенной, А. Гумбольдт находит *мысли и язык* издревле во внутреннем взаимном соотношении. «Если язык придает изложению прелесть и ясность, если его врожденной гибкостью и органическим строением он будет благоприятствовать нашему предприятию — ярко обозначить цельность созерцания природы, то вместе с этим он разольет, почти незаметно, свое оживляющее дыхание на самое обилие мыслей»². Согласно Александру « Оттого слово есть более, нежели знак и форма; его таинственное влияние открывается наисильнейшим образом там, где оно выливается из свободного народного смысла, из родной своей почвы.»³.

«Что наука и политика неразрывно связаны, Александру фон Гумбольдту стало ясно давно, и он везде, где только мог, сражался с политической индифферентностью немецких интеллектуалов. В беседе с молодым историком Фридрихом Альтхаусом назвал прямо-таки специфически немецкой задачу «сплавить воедино оба эти элемента культуру и политику, без ущерба для каждого из них, вместо того чтобы, как прежде пренебрегать политикой в пользу потребностей общей культуры»⁴.

Встретившись в 1804 году с президентом США Томасом Джефферсоном, чьи либеральные идеи и статьи он хорошо знал, Александр отметил, что «демократические институты молодого американского государства и его быстрое экономическое развитие, безусловно, произвели благоприятное впечатление, однако он осудил убожество духовной жизни страны, повсеместный недостаток интереса к культурным ценностям, а также бросающееся в глаза неумное стремление к наживе. Но прежде всего и суровее всего — сохранявшееся в стране рабство, которое считал несовместимым ни с духом конституции, ни с соображениями политического и правового здравого смысла.

«Основной темой его статьи «Опыт о политическом положении на Кубе», написанной на французском языке, — было, по его собственным словам, историческое развитие работорговли и ее тогдашнее состояние, а также вопросы использования труда рабов в испанских владениях и на юге США»⁵.

¹ Есаков В. А. Александр Гумбольдт в России. – М., 1960. – С. 99.

² Ширяева А. Александр фон Гумбольдт «Человек - гражданин Вселенной»//Высшее образование в России. - 2000. - № 5. - С. 119.

³ Там же.

⁴ Скурла Г. Александр Гумбольдт: [Естествоиспытатель и путешественник]/пер. с нем. Г. Шевченко.. – М., 1985. – С. 222.

⁵ Там же. – С. 143.

Он углубленно изучил социально-политическое и политико-экономическое положение населения Антильских островов.

«Покидая Америку, — писал А. Гумбольдт, — я исполнен такого же отвращения к рабству, какое я испытывал и в Европе ... »¹.

«В 1856 году в Америке вышел на английском языке «Опыт политического состояния острова «Куба», в котором отсутствовала седьмая глава, где речь шла именно о рабстве. Гумбольдт счел своим долгом опубликовать в 1856 году свой протест по этому поводу в журнале «Всеобщее землевладение». «Этой части моих публикаций, — заявил он, — я придаю гораздо большее значение, чем скрупулезным астрономическим измерениям координат, магнитометрическим опытам и статистическим выкладкам»².

Также утверждая единство человеческого рода Александр выступал против неприемлемого тезиса о высших и низших расах. По его словам есть более образованные, облагороженные духовной культурой, но не более благородные народы. «Быть свободным — их общее предназначение; в грубые эпохи человечества эта свобода является достоянием частного индивида, в условиях же развитой государственности и развитых политических институтов он становится достоянием всеобщим»³.

Мысли Александра о родстве рас, основывающихся на сравнительных наблюдениях над различными народами, и в особенности над племенами Америки и Азии, явились впоследствии основой научной теории о расах.

Александр Гумбольдт делал целенаправленные шаги к важнейшему в социальном отношении свершению своей жизни: достичь понимания народными массами того величайшего значения, которое имеет использование результатов научных исследований, в том числе правовых и политических, для прогресса человечества.

Его брат Вильгельм также выделялся своим свободомыслием. Он являлся видным политическим и государственным деятелем. Много сделал для основания Берлинского университета, выступал за объединение Германии. «В 1817 был членом Государственного совета, членом комиссии по выработке проекта 1-й конституции. Будучи министром внутренних дел Пруссии и одним из виднейших просветителей немецкого классического гуманизма он пытался проводить внутренне буржуазно либеральные реформы»⁴.

¹ Скурла Г. Александр Гумбольдт: [Естествоиспытатель и путешественник]/пер. с нем. Г. Шевченко. — М., 1985. — С. 143.

² Там же. — С. 144.

³ Там же. — С. 145.

⁴ Жовтун Д. Т. Гумбольдт Вильгельм// Политическая энциклопедия : в 2-х т. Т. 1: А-М/Нац. обществ.-науч. фонд. - М., 1999. - С. 307.

Его прения были интригой для всех. Он поражал трудолюбием и был неутомим: принимал участие во всех значительных переговорах, деятельно участвовал в редактировании актов конгресса.

Вильгельм выдвигал гипотезу, согласно которой государственный союз (или государство) изначально был общественным союзом. Автора волновало определение цели государства и рассмотрение спектра политических проблем сквозь призму потребностей индивидуума. Конституционная проблема волновала Вильгельма больше в контексте достижения единства.

В. Гумбольдт обращал также внимание на отдельные акты о Конституции Германского союза, как, например, «О свободе печати».

Он выступал против введения единого избирательного закона, мотивируя это слишком большими различиями и своеобразием отдельных провинций Пруссии, а также тем, что верхняя палата общепрусского сословного собрания должна состоять из представителей аристократии и не являться выборной.

В. Гумбольдт связывал свои политические идеи с идеалом гуманности, с нравственной индивидуальностью, поэтому государство, в его представлении, было не только результатом борьбы всех против всех, но и средством для просвещения человека.

Таким образом, В. Гумбольдт стал одним из первых ученых-гуманитариев, искавших ответ на волнующие мир вопросы на стыке наук: политико-правовые идеи он связывал с антропологией, с историей, с лингвистикой.

Политологическое и лингвистическое наследие Вильгельма фон Гумбольдта предвосхитило многое в национальной идентичности немецкого общества задолго до того, как последнее обрело зримое воплощение в чертах своеобразия германского государства. Изучение этого наследия может оказаться существенно важным для конкретной постановки вообще проблемы своеобразия политического текста с точки зрения лингвистических традиций европейских исследователей, а значит, и актуализирующейся на рубеже XXI века проблемы сохранения европейской идентичности в целом.

Таким образом, с точки зрения современной лингвистики можно сказать, что Вильгельм фон Гумбольдт, создавая свои труды и затрагивая в них актуальные политические проблемы, а также обращаясь к массовой аудитории, занимался политическим текстом.

После смерти брата, поддерживаемый страстью исследовать, Александр занялся наряду с «Космосом» изданием литературного наследия Вильгельма.

Он подготовил публикацию сонетов, ряда лингвистических работ Вильгельма фон Гумбольдта о языке кави — древнем, включающем в себя значительную часть лексики санскрита, ныне литературном языке острова Ява, и, наконец, первое его собрание сочинений.

Таким образом, в рядах славных имен прошлых столетий имена Александра и Вильгельма фон Гумбольдт пользуется обширной славой. Им принадлежат блестящие открытия в различных отраслях наук.

Вильгельм, борясь за светлое будущее, являясь опорой и поддержкой Александру, как в жизни так и в науке, неустанно повторял:

«*Menschen, nicht Sklaven eines bestimmten Berufes oder Marionetten einer bestimmten Konfession, sondern volle, ganze, freie Menschen* (Люди не рабы определенной профессии или марионетки предписанного вероисповедания, но абсолютно, всецело свободные люди)»¹.

Александр, будучи лично знаком почти со всеми выдающимися людьми конца XVIII века и первой половины XIX столетия, «ни разу не употребил своего влияния во зло ближнему, но сотни раз пользовался им для поддержки нуждающихся, для защиты гонимых, для поощрения и развития науки»².

Обладея «обширными и разносторонними сведениями в истории, политике, юридических науках, в естествознании, классической литературе, владея несколькими языками»³, Вильгельм и Александр фон Гумбольдты, с необыкновенным запасом учености и трудолюбия изучили источники сведений о существующих странах с неизведанными землями, отдельно лежащими от материков древнего света, народами с неповторимым колоритом и разнообразием духовной жизни.

Их труд — целая история воззрений на нашу планету. Они указали в нем, как господствовавшие в разное время идеи отражались в работах и стремлениях ученых. Проследив данные рассеянные в путешествиях, преданиях и даже сагах, пройдя лабиринт исследований, со своими «глубокими лингвистическими и литературными сведениями и резкой критикой фактов», вносили «всегда свет, озарявший тьму в которой бродили их предшественники»⁴.

Список литературы:

1. Гумбольдт А. Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России/А. Гумбольдт; Отв. ред. Д. И. Щербаков. — М., 1962. — 223 с.

¹ Bildung zur schönen Menschlichkeit : Wilhelm von Humboldts Bildungsideal//Deutsch. — 2005 — № 12. — S. 20–27.

² Энгельгардт М. А. А. Гумбольдт. Его жизнь, путешествия и научная деятельность : биограф. очерк : с портр. Гумбольдта, гравированным в Лейпциге Геданом. - СПб., 1900. - С. 7.

³ Энгельгардт М. Гумбольдт (Александр - Фридрих - Генрих фон Humboldt) // Энциклопедический словарь. — Репр. воспр. изд. Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон 1890 г. /Под ред. проф. И. Е. Андреевского. — М., 1991. - Т. 18. - С. 888.

⁴ Скребицкий А. И. Александр фон Гумбольдт в России и последние его труды/А. И. Скребицкий//Вестник Европы. — 1871. - Т. 4, кн. 7. — С. 41.

2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию/В. фон. Гумбольдт; пер. с нем.; Под ред. Г. В. Рамишвили. – М., 2000. – 400 с.
3. Есаков В. А. Александр Гумбольдт в России. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 110 с.: ил.
4. Жовтун Д. Т. Гумбольдт Вильгельм//Политическая энциклопедия: в 2-х т. Т. 1: А-М/Нац. обществ.-науч. фонд. – М.: Мысль, 1999. – С. 307–308.
5. Колумб. Ливингстон. Стэнли. А. Гумбольдт. Пржевальский: биограф. повествования/[Сост., общ. ред. Н. Ф. Болдырева]. – Челябинск, 2000. – 413 с.: портр., карт. – (Жизнь замечательных людей).
6. Скребицкий А. И. Александр фон Гумбольдт в России и последние его труды//Вестник Европы. – 1871. – Т. 4, кн. 7. – С. 5–57.
7. Скурла Г. Александр Гумбольдт: [Естествоиспытатель и путешественник]/пер. с нем. Г. Шевченко. – М., 1985. – 239 с.: ил. – (Жизнь замечательных людей).
8. Филиппов К. А. Лингвистика текста: курс лекций. – СПб., 2003. – 333 с.
9. Чесноков В. С. Российский академик Александр Гумбольдт//Вестник Российской академии наук. – 2002. – Т. 72, № 7. – С. 638–645.
10. Шайкевич А. Я. Введение в лингвистику: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 400 с.
11. Ширяева А. Александр фон Гумбольдт «Человек – гражданин Вселенной»//Высшее образование в России. – 2000. – № 5. – С. 115–119.
12. Энгельгардт М. А. А. Гумбольдт. Его жизнь, путешествия и научная деятельность: биограф. очерк: с портр. Гумбольдта, гравированным в Лейпциге Геданом. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1900. – 78 с.: портр. – (Жизнь замечательных людей).
13. Энгельгардт М. Гумбольдт (Александр – Фридрих – Генрих фон Humboldt)//Энциклопедический словарь. – Репр. воспр. изд. Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон 1890 г. /под ред. проф. И. Е. Андреевского. – М., 1991. – Т. 18. – С. 888–893.
14. Яншин А. Л. Идеи Александра Гумбольдта о связи земных и космических процессов и их развитие в трудах отечественных ученых XX в.//Вопросы истории естествознания и техники. – 1984. – № 4. – С. 54–57.
15. Bildung zur schönen Menschlichkeit: Wilhelm von Humboldts Bildungsideal//Deutsch. – 2005. – N 12. – S.20–27.
16. Der Literatur-Brockhaus: in acht Bänden/hrsg. von Werner Habicht, Wolf-Dieter Lange und der Brockhaus-Redaktion. – Grundlegend überarb. und erw. Taschenbuchausg. – Mannheim [u. a.]: BI-Taschenbuchverlag, 1995. – Bd.4. Gry – Kle. – 416 S.
17. Klencke H. Alexander von Humboldt: ein biographisches Denkmal: mit dem Porträt Alexander von Humboldts und einer Karte des Drinoco Stomes. – Leipzig: Spamer, 1851. – 252 S.

*Kucheruk Liliya Vladimirovna,
Oles Honchar Dnipropetrovsk national university,
Postgraduate student
E-mail: lkucheruk@mail.ru*

Essential characteristics of a corpus, and main stages of corpus compilation on the example of the Corpus of Legal English

Linguists have always needed sources of evidence for theories about the nature, elements, structure, and functions of language, and as a basis for stating what is possible in a language. At various times, such evidence has come from intuition or introspection, from experimentation or elicitation, and from descriptions based on observations of occurrences in spoken or written texts. In the case of corpus-based research, the evidence is derived directly from texts.

The definition that is most generally accepted, and that tends to most fully represent the notion of a corpus, provides the corpus with the following distinctive characteristics: machine-readable form, balance, representativeness, finite size, and sampling.

Machine-readable form is the simplest of all the required characteristics of a corpus. Corpora that are machine-readable possess several advantages over the original written texts or speeches. They may be searched and manipulated in a way in which no other formats may be. With the help of modern software, it takes only several minutes to look through a huge number of different texts, to find, for example, the most frequent usage of a word or expression. Besides, the machine-readable form permits the storage of enormous quantities of texts on a small medium, and to receive direct access to the information whenever it is necessary.

The next essential characteristic of a well-designed corpus is its representativeness. As has already been mentioned, a corpus is not a mere collection of texts. The main purpose of a corpus is to represent a language or a part of a language. Leech (1991) has suggested that “a corpus is ‘representative’ in the sense that findings based on an analysis of it can be generalized to the language as a whole or a specified part of it”¹. Therefore, the representativeness of a corpus greatly depends on the purposes for which this or that corpus was compiled. The representativeness of the corpus, in its turn, predetermines the kinds of tasks that the researcher is about to fulfill, and the results of the research. For example, a corpus composed primarily of news reportage would not give any results concerning variation in English. And research based on a corpus containing a single type of conversation — such as a conversation between teenagers — cannot give full information about conversation in general.

¹ Kennedy, G. (1998). *An Introduction to Corpus Linguistics*. London/New York: Longman. P. 62.

Another important characteristic of a corpus is the balance between its different sections. Most modern reference corpora are badly balanced because they do not have enough spoken language in them. The optimal proportions of spoken language range from 50% — the neutral option — to 90%, following the view that most people are exposed to much more speech than writing. Another factor that affects balance is the degree of specialization of the text, because a specialized text in a general corpus can give the impression of imbalance.

The problem of balance arises also in corpora that are designed to represent not the language as a whole, but one specific domain, genre, topic, or subject field. This problem can be totally avoided only when we speak about corpora that consist of all texts published during an historical period, the complete works of an author, or any other total population of text. Thus, balance in a specialized corpus can be achieved not only by having equal amounts of text from different sources, spoken or written English, but also by including in it the totality of published texts.

The next important characteristic of a corpus to be discussed is its size. When speaking about size, it is necessary to take into account not only the total number of words (tokens) and different words (types) in a corpus, but also to decide on how many categories the corpus should contain, how many samples the corpus should consist of in each category, and how many words there should be in each sample. Sinclair¹ suggests that 10–20 million words might constitute “a useful small general corpus”, but “will not be adequate for a reliable description of the language as a whole”. It was noted that corpora of finite size were, by their nature, insufficient because any corpus is such a small “sample of a language in use that there can be little finality in the statistics”².

In general, the lengthier the corpus is, the better. However, it is possible to count the required size of a corpus more precisely by using statistical formulas that take into account the frequency with which linguistic constructions are likely to occur in text samples, and calculate how large the corpus will have to be to study the distribution of the constructions. Biber³ carried out such a study on 481 text samples that occurred in twenty-three different genres of speech and writing. He found that reliable information could be obtained on frequently occurring linguistic items such as nouns in as few as 59.8 text samples. On the other hand, infrequently occurring grammatical constructions, such as conditional clauses, required a much larger number of text samples (1,190) for valid information to be obtained. Biber concludes that the “most conservative approach” would be to base the ultimate size of a corpus on “the most

¹ Sinclair, John (1991). *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford: Oxford University Press, p.8.

² *Ibid.* p.9.

³ Biber, Douglas (1993). “Representativeness in Corpus Design”. *Literary and Linguistic Computing*, 8 (4): p.248–252.

widely varying feature”¹: those linguistic constructions that require the largest sample size for reliable studies to be carried out. A corpus of 1,190 samples would therefore be 2,380,000 words in length (if text samples were 2,000 words in length, the standard length in many corpora).

As for the specialized corpus, Person² argues that 1 million words will be enough to carry out a research project in a specialized domain.

Related to the general question about overall corpus size, is the question about the size of the individual samples extracted from texts that make up the corpus.

As most corpora contain relatively short segments of text, they tend to contain text fragments rather than complete texts. Very often, such parts of the text as introduction, conclusion, and the like tend to be omitted by the corpus compilers, regardless of the fact that they may contain some important data for the qualitative analyses of linguistic features. Ideally, it would be desirable to include complete texts in corpora. Since grammatical constructions are routinely studied, it is most natural to study these constructions within the context of a complete text, rather than only part of that text. Also the examination of whole texts might be necessary for the studying of different discourse characteristics, widely represented in introductory and concluding sections, as it is possible that the removal of these parts of documents could distort the overall picture of the language represented in the corpora.

A corpus-based analysis starts with the selection of the operating corpus. If there is no suitable corpus available for the research objectives, or if the area of research is a narrow technical domain, it is necessary to compile a specialized corpus, which will include the samples of the language required for reliable and illustrative results. The specialized corpus, which henceforward will be referred to as the COLE (Corpus of Legal English), has been carefully designed to represent the written usage of the legal language.

“Legal language” refers not only to the language in which legal prescriptions or legal norms are couched, but also to:

(...) the interrogation of plaintiffs and defendants, the testimony of witnesses, the pleadings by attorneys, or the instructions from a judge to a jury ... the interactions between police and suspects, conversations between lawyers and their clients, law enforcement’s use of surreptitious recordings, and such unlawful speech acts as offering a bribe, or issuing a threat, or making a defamatory statement³.

Thus, legal language is the language used in every sphere of life connected with the use of law.

¹ Biber, Douglas (1993). “Representativeness in Corpus Design”. *Literary and Linguistic Computing*, 8 (4): 243–257.

² Pearson, Jennifer (1998). *Terms in Context*. Amsterdam: John Benjamins Publishing. p.56.

³ Schane, Sanford (2006). *Language and the Law: With a Foreword by Roger W. Shuy* (Continuum International Publishing Group). P.3.

In *Legal Language* (1999) professor of law Peter Tiersma, thoroughly explains why legal language is so often difficult for non-lawyers to understand. He defines both the syntactical and lexical features of legal language. He points out that sentences in legal language tend to be longer than in other styles, and also have more insertions, which make them more complex. Sometimes, whole statutes are stated in only one sentence, as in a California law against insuring lotteries, which can easily be broken into some smaller parts, easier to comprehend, without any loss in content. Lawyers also often use wordy and redundant phraseology and ponderous phrases (such as *at slow speed* or *subsequent to*) where a single word would suffice (*slowly*; *after*). Yet, legal language may also achieve a remarkable degree of compactness. Conjoining words like *by*, *and*, or *or* are also very common in legal language. One reason for such lists of words is to be as comprehensive as possible. They can also add emphasis.

Among the lexical characteristics of legal language, he points out legal archaisms (e. g. the words like *herewith*, *thereunder*, and *whereto*, which are supposed to be more precise than ordinary language), formal or ritualistic words and phrases used to emphasize that a proceeding is separate from ordinary life, and some specialized terms, characteristic of the legal language¹.

Thus, legal language is characterized by such peculiarities as, on the one hand, unusual sentence structure, and, on the other hand, specialized vocabulary. These two fundamental elements, lexicon and grammar, are the essential parts of every human language.

Before the texts to be included in the corpus are collected, annotated, and analyzed, it is important to plan the construction of the corpus carefully: what size it will be, what types of texts will be included in it, and what samples will be chosen to comprise the corpus. The decisions concerning the composition of the corpus are generally determined by the planned uses of the corpus. Any selection must be made on the grounds of some form of criteria, and the first major step in corpus building is the determination of the criteria on which the texts that form the corpus will be selected. The samples of language collected for the compilation of COLE represent original communication acts, and have been chosen according to the following selective criteria: time, medium, mode, origin, topic variety, and size.

Time: the time criterion refers to the date of publication of texts, used to compile a corpus, i. e. to a period of time that a corpus covers. In terms of time, there exist synchronic and diachronic corpora. A synchronic corpus is a corpus for which all of the texts have been collected from roughly the same time period, allowing a representation of language use at a particular point in time. A diachronic corpus is a corpus that has been built in order to be representative of a language or language variety over

¹ Tiersma, Peter M. (1991). *Legal Language*. Chicago: University Of Chicago Press.

a particular period of time, which may cover different periods of time, and which is aimed to study language changes and development.

According to Pearson¹, a specialized corpus compiled for the analyses of terminology of a particular subject area should include samples of texts from the last 10 years. The texts for the COLE corpus were thus taken from an American law journal (*Duke Law Journal*), spanning the years 2005 to 2009. As this corpus is a synchronic corpus, it was agreed that it should contain texts from roughly the same period.

Medium: the medium of a text indicates the kind of publication in which it occurs. The classification used is quite broad. The COLE corpus includes articles, essays, lectures, interviews, notes, book reviews, comments about the articles, and case studies.

The texts are authentic samples of written language, which have been produced as real communication acts among people. In the COLE corpus, whole texts were included, for this allows the presentation of highly representative parts of the texts, like introductions, conclusions, abstracts, which hold particular linguistic features.

Origin: as far as geographic origin is concerned, the Legal English Corpus includes samples from American English, as American publications and web pages are broadly distributed, and dominant in this field. The texts may thus be viewed as representative of the kind of Legal English used in common law. The text samples for the COLE Corpus were taken from the *Duke Law Journal*, which is published by Duke University School of Law monthly eight times a year, and which is a frequently cited law review. The *Journal* publishes general-interest articles, essays, and notes in every branch of law.

Topic variety. The COLE covers some 32 subject areas. The subject areas of constitutional rights, the judicial system, and administrative law occupy the most essential part of all the publications. This can be explained by the fact that the Constitution of the US, and the rights proclaimed in it, form the basis of the American legal system. Administrative rules and regulations, issued both by federal and state governmental departments and administrative agencies, make up a great part of American law. The judicial branch plays a crucial role in deciding if an action or a law is in conformity with the Constitution. Thus, these three subject areas altogether occupy approximately 40% of all the publications selected for inclusion in the corpus. Other subject areas are evenly distributed, and occupy from 0,5% to 6% of the corpus. This argues in favor of the balance and representativeness of the COLE corpus.

Size: the Corpus of Legal English contains 1,694,856 words. Although the design of the corpus was intended to include a balanced treatment of topics, the final size and internal thematic composition were conditioned by different factors. It was difficult to get balanced figures because of the heterogeneous nature of the domain of law itself, and the multiplicity of its constituent branches.

¹ Pearson, Jennifer (1998). *Terms in Context*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, p. 57.

To sum up, the Corpus of Legal English presents a sample of 1,694,856 words of academic and professional written English, extracted from a wide range of published sources (articles, notes, essays, comments, interviews, lectures etc.), originating in native parts of the world and covering 32 subject areas. It may accordingly be viewed as a reliable source of empirical data for future analysis.

Reference:

1. Biber, Douglas (1993). "Representativeness in Corpus Design". *Literary and Linguistic Computing*, 8 (4): 243–257.
2. Kennedy, G. (1998). *An Introduction to Corpus Linguistics*. London/New York: Longman.
3. Pearson, Jennifer (1998). *Terms in Context*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
4. Sinclair, John (1991). *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford: Oxford University Press.
5. Schane, Sanford (2006). *Language and the Law: With a Foreword by Roger W. Shuy* (Continuum International Publishing Group)
6. Tiersma, Peter M. (1991). *Legal Language*. Chicago: University Of Chicago Press.

*Melkadze Nanuli Samsonovna,
Akaki Tsereteli State University,
department of Slavonic studies, lecturer
melkadzenana@yandex.com*

Reflexikation or dereflexikation (the phenomenon of "back formation" in Russian)

*Мелкадзе Нанули Самсоновна,
Кутаисский государственный университет имени Акакия Церетели,
департамент славистики, преподаватель
melkadzenana@yandex.com*

Рефлективация или дерефлективация (явление «обратного словообразования» в современном русском языке)

В современном русском языке в коррелятивных глагольных парах: *удивиться* — *удивить*, *беспокоиться* — *беспокоить* («глаголы, выражающие изменения во внутреннем состоянии субъекта»), *остановиться* — *остановить*, *катать-*

ся — *катать* («внешние, физические изменения и изменения в состоянии и положении субъекта, его перемещения в пространстве»)¹ наблюдается формально-смысловая несоотнесенность². Вторые члены глагольных пар содержат элемент каузации³, а само значение их можно толковать посредством ссылки на возвратный глагол: *удивить* «каузировать удивиться», *остановить* «каузировать остановиться». По форме возвратный глагол сложнее невозвратного, по смыслу — наоборот: возвратный глагол включается в значение соответствующего невозвратного.

Впервые на глагольные пары, где «производящие основы могут иметь каузативное значение», обратил внимание Г. Ульянов: «Сопоставляя по значениям такие глагольные формы, как *beriu: byreti, krecziu: kreteti* и т. п., мы находим в них такого рода отношения: глаголы в форме действительного залога обозначают, что субъект производит то состояние, которое обозначается производными основами тех же глаголов в форме среднего залога»⁴. «Причинно-следственные отношения» находит в них И. П. Мучник. Он сопоставляет глагольные пары *вешать — висеть, гноить — гнить* с глагольными парами, обозначающими психическое состояние, типа *сердить — сердиться*⁵. Пауль проводит сопоставление также с глаголами перемещения: *fallen* «*падать*» — *fallen* «*валить*», *hangen* «*висеть*» — *hängen* «*вешать*» и *sich regen* «*двигаться*» — *regen* «*двигать*», *sich freuen* «*радоваться*» — *freuen* «*радовать*», *sich verwundern* «*удивляться*» — *verwundern* «*удивлять*»⁶.

Однако никто из названных исследователей не обратил внимания на формально-смысловую несоотнесенность в глагольных парах на -ся и без -ся.

Впервые это явление было описано И. А. Мельчуком и определено как «обратное словообразование». Он не просто обнаружил сходство в соотносительных глагольных парах *катать — кататься*, с одной стороны, и *пить — пить*,

¹ По классификации В. В. Виноградова, это глаголы с обще- и средневозвратным значением. «Русский язык», 1947, с. 631–632.

² «Наиболее естественной» для современного русского языка считается ситуация, «когда с прибавлением формы происходит одновременно и прибавление значения», т. е. производящей считается наиболее простая в формальном отношении основа. Русская грамматика, М., 1980, т. 1, с. 134.

³ Увеличение числа актантов на одну единицу в сравнении с исходным глаголом. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. - М., 1988, с. 273. «Глагол в каузативном значении обозначает/с/делать так, чтобы кто-что-л. совершал/о/действие, названное мотивирующим глаголом». РГ, указ. соч., с. 397.

⁴ Ульянов Г. К. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке. Ч. 1. Варшава, 1891, с. 50.

⁵ Мучник И. П. О залогах русского глагола. «Учёные записки Моск. гос. пед. ин-та», 1938, вып. 2, с. 107–172.

⁶ Пауль Г. Принципы истории языка. - М., 1960, с. 336–337.

кормить — *есть*, *ставить* — *стоять*, *смешить* — *смеяться*, с другой стороны, но и сделал соответствующий вывод: «с точки зрения смысла *катать* сложнее, чем *кататься*, и должно считаться производным»¹.

Таким образом, на материале современного русского языка И. А. Мельчук установил смысловую первичность глаголов на –ся и производность соответствующих каузативов, т. е. формально-смысловое несоответствие.

Суть данного явления можно объяснить только при диахроническом подходе. Данные исследований последних лет доказывают:

1. Изначальная оппозиция глаголов — оппозиция глаголов действия глаголам состояния, т. е. оппозиция по признаку активность/инактивность²; категория же глагольной переходности³ — новое явление в сравнении с возвратностью⁴.

2. Аффикс *ся* в древнерусском языке чрезвычайно полисемичен. Его объектное значение — одно из частных. Это значение реализуется лишь в отсубъектных глаголах⁵. Традиционная точка зрения об образовании возвратных глаголов от соответствующих невозвратных (Ф. И. Буслаев, Н. П. Некрасов, В. А. Богородицкий, С. Д. Никифоров, Л. П. Якубинский, Н. С. Зарицкий и др.) верна только в отношении этих глаголов.

В рассматриваемых нами глаголах — отобъектных⁶ — аффикс *ся* всего лишь маркер рецессивности (устраняет объект и изменяет субъект действия)⁷. Он изначально принадлежит глаголу, несмотря на дистантное положение⁸.

Учитывая вышесказанное, можно объяснить и тот факт, что основное значение — психическое, эмоциональное состояние (общевозвратное значение) или физическое состояние (средневозвратное значение) — выражается глаголами на –ся, а соотносительные каузативы, соответственно, являются деривативами.

¹ Мельчук И. А. К понятию словообразования. // Изв. АН СССР. Серия лит и яз., 1967, т. XXVI, вып. 4, с. 353.

² Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и ист.-типологический анализ праязыка и протокультуры. Кн. 1–2, Тб., 1984

³ Каузативность – одна из частных грамматических категорий переходности. Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990, с. 160 - 161.

⁴ Кузнецова М. В. История формирования возвратных глаголов (на материале памятников древнеславянской письменности): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1984, с. 16; Крысько В. Б. Возвратные глаголы в древнерусском языке. // Славянская филология. Имя и глагол в исторической перспективе., т. 558. - Рига, 1991, с. 125.

⁵ Субъект действия тождествен субъекту невозвратной конструкции. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. - М., 1962., с. 79 - 80.

⁶ Там же.

⁷ Уменьшение числа актантов исходного нерефлекси́ва на единицу либо понижение ранга объектного актанта. Теньер, указ. соч., 186.

⁸ Только во второй половине XVI века нормой языка стала агглютинация *ся* к глаголу.

Таким образом, если с точки зрения современного русского языка мы имеем в рассматриваемых глаголах «обратное словообразование», то при диахроническом подходе наблюдаем формально-смысловую соотносительность: каузативный невозвратный глагол и по форме и по смыслу является производным от соответствующего глагола на –ся.

Определенное И. А. Мельчуком явление «обратного словообразования» лишь подтверждает диахроническую первичность обще- и средневозвратных глаголов.

Процесс развития каузативных значений у глаголов, имеющих непереходное значение и употребляющихся в медиальной форме, происходил и в истории других индоевропейских языков. Образование активных форм от депонентных глаголов наблюдается в истории древнегреческого языка. Так, если у Гомера глаголы *αγαλλομαι* «красоваться, гордиться», *ατιζομαι* «быть изумлённым, поражённым»; *μαινομαι* «безумствовать» употребляются только в медиальной форме, то в более поздних текстах у Феокрита, Пиндара, Эврипида засвидетельствованы каузативные формы от этих глаголов: *αγαλλω* «украшать, прославлять», *ατιζω* «поражать, изумлять», *μαινω* «приводить в гнев, в безумие»¹. Подобное явление отмечается и в истории романских языков. Латинские отложительные глаголы в старофранцузском языке приобретают каузативное значение.

Положение о первичности рассматриваемых глаголов подтверждается фактами древнеславянских источников. В памятниках письменности XI–XIII вв. зафиксированы несоотносительные глаголы: бѣсится, дутися, зыбаться, трястися, шататися, ширитися и др.²

Таким образом, если в современном русском языке в рассматриваемых глагольных парах отсутствует формально-смысловая соотносительность, т. е. каузатив является производящим по форме и производным по смыслу от соответствующих обще- и средневозвратных глаголов, то при диахроническом подходе каузатив произведен по форме и по смыслу.

Список литературы:

1. По классификации В. В. Виноградова, это глаголы с обще- и средневозвратным значением. «Русский язык», 1947, с. 631–632.
2. «Наиболее естественной» для современного русского языка считается ситуация, «когда с прибавлением формы происходит одновременно и прибавление значения», т. е. производящей считается наиболее простая в формальном отношении основа. Русская грамматика, М., 1980, т. 1, с. 134.

¹ Никифоров С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй пол. XVII века. - М., 1952, с. 16.

² Перельмутер И. А. Общеславянский и греческий глагол. - М., 1977, с. 121.

3. Увеличение числа актантов на одну единицу в сравнении с исходным глаголом. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М., 1988, с. 273. «Глагол в каузативном значении обозначает/с/делать так, чтобы кто-что-л. совершал/о/действие, названное мотивирующим глаголом». РГ, указ. соч., с. 397.
4. Ульянов Г. К. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке. Ч. 1. Варшава, 1891, с. 50.
5. Мучник И. П. О залогах русского глагола. «Учёные записки Моск. гос. пед. ин-та», 1938, вып. 2, с. 107–172.
6. Пауль Г. Принципы истории языка. – М., 1960, с. 336–337.
7. Мельчук И. А. К понятию словообразования. // Изв. АН СССР. Серия лит и яз., 1967, т. XXVI, вып. 4, с. 353.
8. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и ист.-типологический анализ праязыка и протокультуры. Кн. 1–2, Тб., 1984.
9. Каузативность – одна из частных грамматических категорий переходности. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990, с. 160–161
10. Кузнецова М. В. История формирования возвратных глаголов (на материале памятников древнеславянской письменности): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1984, с. 16.
11. Крысько В. Б. Возвратные глаголы в древнерусском языке. // Славянская филология. Имя и глагол в исторической перспективе, т. 558. – Рига, 1991, с. 125.
12. Субъект действия тождествен субъекту невозвратной конструкции. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. – М., 1962., с. 79–80.
13. Субъект действия тождествен объекту неререфлексивной конструкции. Там же.
14. Уменьшение числа актантов исходного неререфлекси́ва на единицу либо понижение ранга объектного актанта. Теньер, указ. соч., 186.
15. Только во второй половине XVI века нормой языка стала агглютинация ся к глаголу.
16. Никифоров С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй пол. XVI века. – М., 1952, с. 16.
17. Перельмутер И. А. Общеиндоевропейский и греческий глагол. – М., 1977, с. 121.
18. Кузнецова М. В. История формирования возвратных глаголов (на материале памятников древнеславянской письменности): Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1984, с. 187.

*Sanyarova Nailya Smadyarovna, Almaty University of Power
Engineering and Telecommunication,
candidate of pedagogical sciences, associate professor
snailya@list.ru*

Patterns of sentences with isolation

*Саньярова Найля Смадьаровна,
Алматинский университет энергетики и связи,
кандидат педагогических наук, доцент
snailya@list.ru*

Модели предложений с обособлением

В курсе современного русского языка проблема обособления считается одной из трудных, но в то же время она остается весьма привлекательной, так как обособленные синтаксические конструкции в отличие от необособленных наделены большими выразительными возможностями, которые проявляются на всех языковых уровнях, порождая альтернативные концепции. Однако возможности коммуникативно-прагматического уровня неизмеримо больше, именно они позволяют обособленным определениям реализовать в высказывании такую информацию, которая для коммуникантов не остается незамеченной в силу того, что нередко передаваемое ими сообщение становится информативно значимым на фоне всего предложения.

Наше исследование посвящено моделям предложений с обособлением. Отметим, что традиционное описание моделей обособленных определений обусловлено, прежде всего, местоположением определений относительно определяемого слова. Для обособленных определений закономерно их расположение после определяемого слова, что и является сущностью обособления. Такие обособленные определения называют постпозитивными. Реже обособленные определения находятся перед определяемым словом, наделенные, как и постпозитивные, различными обстоятельственными оттенками, хотя в отдельных случаях их может и не быть. Обособление препозитивных определений происходит в соответствии с коммуникативным заданием, формальным выражением которого является полупредикативная функция. Такие обособленные определения называют препозитивными. Сравнительно редко встречается употребление интерпозитивных обособленных определений, наделенных двусторонней связью, что выражается в их смысловой и синтаксической отнесенности к предыдущей части предложения, где находится определяемое слово, или к последующей, где также имеется определяемое слово. Такие обособленные определения называют интерпозитив-

ными. Они не рассматриваются в вузовской литературе, отсутствуют в сборниках упражнений по современному русскому языку. Однако в последнее время интерпозитивные определения, наряду с другими синтаксическими конструкциями, стали предметом исследования отдельных ученых¹.

При описании наших моделей предложений с обособлением мы ориентировались, главным образом, на их позиции соответственно синтаксической структуре предложения в целом. Ключевыми в описании моделей обособленных одиночных определений стали термины «препозиционные», «интерпозиционные» и «постпозиционные», которые даются в лингвистических словарях в качестве тождественных терминам «препозитивные», «интерпозитивные» и «постпозитивные». Полагаем, что предпочтительнее употребление терминов «препозиционный», «интерпозиционный» и «постпозиционный», поскольку в словоформах типа «препозитивный» бóльший семантический вес приобретает корневая сема, связанная в сознании со значением «позитивный», что делает толкование термина неоднозначным, в то время как «постпозиционный» подчеркивает непосредственную словообразовательную связь с производящей основой существительного «позиция», чем подчеркивается именно структурно-синтаксическая позиция словоформы.

1. Модель «препозиционные обособленные одиночные определения»

Среди моделей препозиционных обособленных одиночных определений в соответствии с их синтаксической позицией в предложении можно выделить две подгруппы: а) расположенные в абсолютном начале предложения (перед определяемым словом) и б) расположенные в начале предложения после определяемого слова, которое в свою очередь находится в абсолютном начале предложения. Каждая модель обладает своей спецификой.

а) Модель «препозиционные обособленные определения, находящиеся в абсолютном начале предложения». Например: «Бледный, он ходил большими шагами из зала через прихожую в кабинет и обратно» (В. Вересаев); «Бедный, он сам держался в воде ненамного лучше» (Ю. Трифонов); «Грустные, мы заканчивали туристскую поездку» (А. Рыбаков).

Определяемые слова данной подгруппы могут выражаться только местоимениями: «Одинокий, он безмолвно пил горькую чашу, протянутую ему жизнью, не деля своей печали ни с кем (М. Ауэзов); «Грустный, я вышел во двор и обошел

¹ Гостеева С. А. О функциях знаков препинания в предложениях, содержащих компоненты с двусторонней синтаксической связью // Современная русская пунктуация. – М.: Наука, 1979. – С. 111–120.

вокруг дома» (В. Каверин); «Бледная, повернув бескровное лицо к свекру, она чутко прислушивается» (М. Ауэзов).

Анализ примеров показал, что синтаксическая функция определяемых слов в предложении — только подлежащее.

В предложениях препозиционные обособленные одиночные определения могут осложняться обстоятельственными оттенками в виду их двусторонней связи не только с определяемым словом, но и сказуемым:

— причины: «Усталая, она замолчала, оглянувшись» (М. Горький); «Бесполезный, он уныло торчал над землей и чернел от дождей, запахи его никому не были нужны» (Ю. Казаков); «Бесстрашная, она ходила из деревни в деревню, из города в город, организуя явки, устанавливая связь между партизанскими центрами» (В. Кожевников).

— уступки: «Белое, оно под низким ноябрьским солнцем казалось чуть розоватым» (А. Петухов); «Тяжелобольной, он умел найти для каждого больного дружеские слова» (В. Кетлинская).

При установлении двусторонних связей возможны ошибки. Обратим внимание на предложение «Задумчивый, сидел он на лавке, досадно сжимая губы» (В. Крапивин), в котором можно усмотреть осложнение обстоятельственным оттенком. Однако если предположить, что у героя имеется привычка в задумчивом состоянии сжимать губы, то тогда надо признать отсутствие обстоятельственного оттенка причины. Следовательно, выяснение обстоятельственных оттенков, как видим, зависит и от индивидуальных особенностей восприятия ситуации коммуникантами.

Обстоятельный причинный оттенок препозиционного обособленного определения характеризуется смыслом всего предложения, а не только близ расположенным сказуемым, например: «Жалкий, он не знал, что, выдав Тюленина, он вверг себя в пучину еще более страшных мучений...» (А. Фадеев).

Между тем препозиционные обособленные определения выступают и в присутствии им определительной функции: «Босая, она подбежала к окну и чуть приподняла край одеяла, которым окно было завешано» (А. Фадеев); «Печальная, улеглась Элиза на траву, а рано утром отправилась дальше» (Г. -Х. Андерсен); «Босая, крича, Нурбубу кинулась на улицу» (М. Ауэзов).

Препозиционные обособленные одиночные определения, расположенные в абсолютном начале предложения, немногочисленны, что подтверждается нашей картотекой, насчитывающей более 2500 текстовых единиц.

б) Модель «препозиционные обособленные определения, находящиеся в начале предложения». Напомним, что данную модель не следует отождествлять с препозитивными определениями, которые находятся перед определяемыми словами в абсолютном начале предложения, т. е. мы различаем понятия «начало предложения» и «абсолютное начало предложения».

Вторая модель встречается гораздо чаще, чем первая. Препозиционные обособленные одиночные определения находятся в начале предложения, следуя сразу же за определяемым словом, которое находится в абсолютном начале предложения, например: «Тоня, бледная, закусив губы, пристально смотрела на крысу» (Ю. Сотников); «Михаил Иванович, бледный, сидит на пне у сосны» (М. Пришвин); «Камен, довольный, захохотал, запрокинув голову» (С. Муратбеков); «Река, мускулистая, билась с морем, вздуваясь огромными буграми» (В. Кожевников).

Подчеркнем, что в предложениях этой модели определяемые слова могут выполнять функцию только подлежащего, например: «Куликов, довольный, взглянул на мастера на Соликовского» (А. Фадеев).

Способы выражения определяемых слов в препозиционных одиночных определениях разнообразны, они могут быть выражены различными частями речи, например:

— именем существительными собственными: «Лисицын, суровый, торжественно начал свой доклад» (Н. Островский); «Абай, бледный, застыл с остановившимся взором, устремленным на вершину Акшоки» (М. Ауэзов); «Славка, гордый, поехал за новым возом, а ребята саранчой набросились на траву и по охапке растаскали кучу» (Л. Фролов);

— именем существительными нарицательным: «Дыхание, тяжелое, учащалось и укорачивалось» (М. Ауэзов); «Вагон, купейный, был старый, очевидно снятый с дальней линии и переведенный на этот полупригодный маршрут» (М. Смирнова);

— местоимением: «Я, старый, говорить не умею» (Н. Островский); «Мы, остальные, тоже ничего не поняли» (С. Муратбеков);

— субстантивированным местоимением: «Тот, бледный, все еще перебирает инструменты в ящике» (Б. Житков);

— прилагательным: «Один, двухлетний, сварился в кипятке...» (М. Горький) — здесь «один» в значении прилагательного: «без других», «в отдельности от других», «в одиночестве»;

— неразложимым словосочетанием: «Часть кадровиков, беспартийных, не ожидала поезда, пешком ушла по шпалам» (Н. Островский); «Один из возчиков, рыжебородый, распряг лошаденку и, осторожно ступая, спускался с ней вниз по воде» (В. Лукашевич);

— обращением: «Хоттабыч, миленький, — взволнованно залепетал Волька, — беги скорее со мной в каюту, там ждет тебя большая радость...» (Л. Лагин).

Препозиционные обособленные одиночные определения, находящиеся после определяемого слова, также могут быть осложнены обстоятельственными оттенками:

— причины: «Нам, маленьким, надо держаться друг за друга» (К. Булычев); «Ильяс, довольный, улыбался» (М. Ауэзов);

— уступки: «Тот, бледный, все еще перебирал инструменты в ящике» (Б. Житков). В предложении «Одна из них, железная, даже висела в воздухе, как подвесной мост» (Р. Погодин) обособленное определение-прилагательное имеет уступительный оттенок, благодаря частице *даже* при глаголе *висела*.

Признание наличия или отсутствия обстоятельственных оттенков у обособленных определений, как мы уже отмечали, нередко сопряжено с субъективным восприятием содержательной стороны предложения коммуникантами. Например, в предложении «Третья, худенькая, едва попевала за ним» (В. Березин) можно усмотреть обстоятельственный оттенок причины: *едва попевала, потому что была худенькая, т. е. болезненная*. Однако быть худенькой не означает, что все худенькие — нерасторопны, медлительны, так как такое состояние может быть или физиологической особенностью, или же связано с возрастом героини, т. е. героиня была юной (в юном и молодом возрасте многие девушки выглядят худенькими). С другой стороны, героиня могла быть и немолодой, и худенькой, и вполне здоровой. Следовательно, в подобных случаях одной констатации недостаточно для однозначного понимания семантики высказывания: требуется обращение к более широкому контексту.

Встречаются немногочисленные случаи, в которых обособленные определения, выражены одиночными прилагательными в различных формах сравнения:

— сложной формой превосходной степени, образованной при помощи форманта *самый*¹: «Одна из них — самая яркая, сияющая нестерпимым синим огнем, — стояла очень далеко, в южной, зеленоватой части неба, прямо над верхней реей большого корабля» (К. Паустовский);

— аналитической формой сравнительной степени, образованной при помощи формантов *более* или *менее*, примыкающих к прилагательному²: «Фаина, более бойкая, ответила, что они действительно, можно сказать, без мужчин» (Ю. Трифонов); «Человек, менее сообразительный, чем газетный карикатурист, растерялся бы» (И. Ильф и Е. Петров).

2. Модель «интерпозиционные обособленные одиночные определения»

Данная модель является самой многочисленной, чему способствует расположение обособленных одиночных определений в середине предложения, на-

¹ Саньярова Н. С. Обособленные согласованные определения, выраженные аналитической формой превосходной степени имен прилагательных/Сб. науч. трудов российских и зарубежных исследователей «Актуальные проблемы коммуникации и культуры–15». - Москва – Пятигорск. - 337 с. – С. 5–18.

² Саньярова, Н. С. Обособленные согласованные определения, выраженные прилагательным в аналитической форме сравнительной степени // Сб. Междунар. научно-практ. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIV Кирилло-Мефодиевские Чтения». – М.: Ярославль: Ремдер, 2013. – 300 с. – С. 76–81.

пример: «Гораздо лучше нас, взрослых, он все замечал и рассказывал» (К. Паустовский); «Горе у этих троих, слабых, общее — они осиротили (М. Ауэзов); «Дома мать, грустная, собирала в дорогу сына» (Н. Островский). Во всех случаях интерпозиционные обособленные одиночные определения находятся непосредственно за определяемым словом.

Немногочислены интерпозиционные обособленные одиночные определения с дистантно расположенным определяемым словом, например: «Они вырубали все деревья и кусты в палисаднике по самое окошко комнаты бабушки Веры, где, одинокая, молча сидела Елена Николаевна» (А. Фадеев); «Копенкин обернул Пролетарскую Силу и понесся, безоружный, на врача, желая сражаться в упор» (А. Платонов); «Он заложил руки на спину и, мрачный, нервно прошелся по песчаной отмели» (А. Фролов).

Способы выражения определяемых слов не отличаются разнообразием, они могут быть выражены:

— именем существительным собственным: «Яшка судорожно шарил в карманах и в сумке в поисках хоть какой-нибудь бечевки, и, не найдя ничего, бледный, стал подкрадываться к бочагу» (Ю. Казаков); «Солнышкин выплеснул на палубу остатки краски, растер ее и, выйдя из коридора, довольный, присел на краюшек трюма» (В. Коржиков); «Павел зашел к ней в комнату и, усталый, присел на стул» (М. Горький); «А Павлик, гордый, удалился» (М. Коршун)?». Во всех случаях обособленные определения-прилагательные осложнены обстоятельством оттенком причины.

— именем существительным нарицательным: «Водяная крыса плыла к нам, наверно, очень издалека и, усталая, прислонилась к ольховой веточке» (М. Пришвин); «В темноте мать видела слабый контур ее прямой фигуры, серой, на черном фоне печи» (М. Горький); «Я красный кирпич люблю, румяный, чтоб с музыкой, со звоном» (В. Кожевников).

— местоимением: «А больше я вам, буржуинам, ничего не скажу, а самим вам, проклятым, и ввек не догадаться» (А. Гайдар); «Все пустыни твои нас, безжалостных, судят» (О. Сулейменов); «А сколько их, горемычных, осталось лежать» (С. Муратбеков); «Они группируются у трапа, поджидая героиню, некоторые, дальнзоркие, высматривают на стоянке достойный автомобиль» (А. Богданова); «И он, шестнадцатилетний, жил тогда на каникулах в этом домике один» (В. Крапивин);?

— субстантивированным местоимением: «О, этот, рубленный, был хороший человек!» (М. Горький); «А тому, белобрысому, обязательно набыю морду, обязательно» (Н. Островский);

— субстантивированным прилагательным: «Только один — молоденький, как Борис, — сидел на краю траншеи» (А. Митяев); «Он был выдумщик, этот мальчик, но мы, взрослые, очень любили его выдумки (К. Паустовский);

- субстантивированным причастием: «Присутствующие замерли и, довольные, опустили взгляды в тарелки» (В. Вересаев);
- словосочетанием: «Один из братьев Шагаевых, младший, имел виды на Камшат» (М. Ауэзов);
- неразложимым словосочетанием: «Только один из лебедей, самый младший, остался с ней; (Х. Андерсен).

Встретился единичный случай, когда при определяемом слове имелась частица *пусть*: «Пусть она, чистейшая, святая, душу нечестивеющей хранит» (О. Бергольц). Обособленное согласованное определение выражено формой простой превосходной степени имени прилагательного.

Если определяемые слова, находящиеся непосредственно перед или позади определения-прилагательного, являются в предложении подлежащими или дополнениями, то определяемые слова, расположенные в начале предложения, всегда являются подлежащими, например: «Он не сразу ответил, слез с печи, надел гимнастерку, затянул пояс и — босой — сел на лавку» (А. Толстой).

В интерпозиционных обособленных одиночных определениях отчетливо проявляется лишь обстоятельственный оттенок причины, например: «Павел зашел к ней в комнату и, усталый, присел на стул» (Н. Островский); «Он опомнился и, виноватый, медленно стал подходить» (М. Пришвин); «А так как берлоги он для себя еще не выстроил, то пришлось ему, пьяному, среди полянки спать лечь» (М. Салтыков-Щедрин); «Дома мать, грустная, собирала в дорогу сына» (М. Горький).

Иногда для усиления признака в составе интерпозиционных обособленных одиночных определений находятся усилительные частицы, которые выполняют роль интенсификатора признака¹, например:

- даже: «Она уверяла, что угадывает заметочки Лорса, даже безымянные, по стилю» (А. Мальсагов); «Но простить, сказать ласковое, приветливое слово человеку, даже виноватому, — это выше дела, выше богатства» (А. Чехов);
- пусть: «А эти опираются только на себя, на собственные силы, пусть мизерные, но их хватает на то, чтобы безропотно сносить все невзгоды, жить надеждой» (А. Рыбаков); «Но так как он не мог вмешиваться в чужое, пусть и уродливое, творчество и так как он не мог помешать жить тому, что уже живо» (А. Битов).

Модель обособленной конструкции может быть оформлена предлогом *из* и существительным в родительном падеже², например: «В расположении ча-

¹ Саньярова Н. С. Организация изучения частеречного статуса союзов и частиц в составе обособленных определений при кредитной системе обучения // Вестник КазНПУ им. Абая, 2010. - № 3 (33). - С. 19–23.

² Bukeihanova R. K., Sanyarova N. S. Ways and means of linking isolated attributes used as homogeneous adjectives // European Science and Technology: materials of the international research and practice conference, Wiesbaden, January 31st, 2012 г. / publishing office «BildungszentrumRodnik

сти Скворцова оказался один крупный военный чин, из самых главных, не помню, кто именно» (Ю. Трифонов); «Лишь несколько девочек, из самых боязливых, прибились, как к спасительному островку, к стоящему все так же неподвижно Регине Петровне» (А. Приставкин).

Весьма незначительной степенью частотности обладают интерпозиционные обособленные определения, выраженные одиночными прилагательными, выполняющими функцию уточнения, например: «У них другие, счастливые, времена, старуха» (С. Муратбеков); «Кажется, у него были маленькие, чаплинские, усики» (Ю. Нагибин); «Чтобы солнце увидела другая, новая, жизнь» (С. Муратбеков); «Добив и его вторым, смертельным, ударом, Иса снова кинулся за убегающим стадом» (М. Ауэзов).

Интерпозиционные обособленные одиночные определения могут выступать в качестве присоединительной конструкции: «Впрочем, одна вещь, и даже ценная, до недавнего времени у Матвейча была» (Ю. Нагибин).

Обособленные согласованные определения могут выражаться одиночными прилагательными, имеющими форму сложной превосходной степени, образованную при помощи форманта *самый*, например: «Их было шестеро, но одна, самая молодая, почему-то отсутствовала» (Ю. Нагибин); «Братья, не медля, одного бычка, самого жадного, назвали шакалом, другого — Оглодом, а двух телок — Халявой и Обормоткой» (А. Приставкин); «На спинах у буйволов сидит стая скворцов — самых обыкновенных, да вы их весной и летом у нас видите» (М. Зверев). Во всех случаях определяемые слова (одна, бычка, стая скворцов) согласуются в роде, числе и падеже с обособленными определениями (самая молодая, самого жадного, самых обыкновенных).

В этих предложениях «Все пятеро стояли на задних лапах, опираясь на широкие, толстые хвосты, а передними, пятипальными, притягивали к себе зеленые ветки и обгладывали с них листья» (А. К. Дойл); «Это существо передвигается на задних трехпалых конечностях, выпрямившись во весь рост, а передними, пятипальными, помогают себе при ходьбе» (А. К. Дойл) — вторые выделенные прилагательные (*пятипальные*) уточняют прилагательные *передними*, а определяемые слова (*лапами*) опущены.

3. Модель «постпозиционные обособленные одиночные определения, расположенные в абсолютном конце предложения»

Эта модель определений легко узнаваема, так как определения находятся в абсолютном конце предложения.

Подобно интерпозиционным, постпозиционные обособленные одиночные определения могут находиться непосредственно за определяемым словом:

«За ней оказалась еще одна дверь, дощатая» (В. Крапивин); «Вдруг рядом с его черной и лошадю появляется еще одна лошадь — белая» (Р. Погодин); «Я не боюсь самой себя — вчерашней» (О. Бергольц) — или же находиться дистантно от определяемого слова: «Пойду в баню! — усмехаясь проговорила хохол, и, быстро молча собравшись, ушел, угрюмый» (М. Горький); «Он сидел, привалившись к откосу кювета, мертвенно-бледный» (А. Рыбаков); «И она видела, что всего было много на земле, а народ нуждался и жил вокруг неисчислимых богатств — полуголодный» (М. Горький).

В роли определяемого слова в моделях обоих видов могут выступать:

— имя существительное собственное: «Лешка сидел все в одной позе — покорный» (Л. Краушин); «Костя сидел на песчаной косе, голый» (В. Кожевников);

— имя существительное нарицательное: «Даже ранение имел, сквозное» (Л. Кассиль); «Была у него и другая сила, тайная» (М. Ауэзов);

— местоимение: «Он откидывается к своему борту и хохочет, довольный» (Ю. Казаков); «Прости меня, ничтожного!» (А. Нурпеисов); «Он сидел дни и ночи у себя наверху, за книгами, похудев, печальный» (М. Горький);

— сравнительно редко — субстантивированное числительное: «Открыв двери в комнате, видит — за столом сидит Роман, товарищ Артем, и еще третий — незнакомый» (Н. Островский).

В постпозиционных обособленных определениях определяемые слова чаще всего являются подлежащими, реже — дополнениями, например: «А иногда он приводит с собою еще двух докторов, незнакомых» (А. Куприн); «Тогда только что впервые залили асфальтом Ленинскую улицу, день был жаркий, они шли по плавившемуся асфальту, счастливые» (А. Фадеев); «А уже светало, ей было боязно и стыдно ждать, что кто-нибудь выйдет на улицу, увидит ее, полунагую» (М. Горький).

Постпозиционные обособленные одиночные определения, находящиеся в абсолютном конце предложения, могут быть осложнены обстоятельственными оттенками:

— причины: «Обреченным взглядом Петька глянул в окно на улицу, пасмурную и неуютную» (В. Кондрашов); «Новое это дело для степняка, непривычное» (М. Ауэзов);

— уступки: «Лейтенант-артиллерист беспомощно суетится с картой у телефона, белый-белый» (Г. Бакланов);

— условия: «Если они готовятся и хотят напасть, спокойно удалитесь и в течение часа жгите костер слева от холма, подалее, небольшой» (М. Ауэзов).

Крайне редко постпозиционные обособленные определения могут выступать в присоединительной конструкции: «Волк трусил от нас рысцой, и, казалось,

небыстрой» (В. Бианки). В составе присоединительной конструкции находится модальное слово *казалось*.

Иногда обособленные определения, выраженные одиночными прилагательными, могут осложняться усилительными частицами *даже, пусть* или наречием *чутьочку*, например: «Тетушка Елиза, — сказала Ори, — извините, я уважаю традиции, даже волшебные (Р. Погодин); «Парень как парень, удивлялись они, даже интересный» (М. Смирнова); «Что у него от человека в пейзаже, пусть и от божественного?» (А. Битов); «Уезжали с надеждой, пусть самой крошечной» (А. Приставкин); «Ну, обыкновенное лицо, чутьочку даже знакомое» (В. Крапивин).

Следует отличать постпозиционные обособленные определения, выраженные одиночными прилагательными, от составных именных сказуемых, выраженных прилагательными. Например, в данном предложении конечное прилагательное выступает в роли сказуемого: «Отсюда шестая изба — родительская» А. Толстой). Ср.: «Отсюда шестая изба была (будет) родительская/ой».

Встречаются многочисленные случаи, когда постпозиционные обособленные определения выражаются одиночными прилагательными, представленными:

— аналитической формой превосходной степени, образованной при помощи форманта *самый*: «Обладая весьма примитивным чувством юмора, он радовался каждой своей шутке, даже самой грубой» (А. К. Дойл); «Но Том Кенти не жалел об этом: верноподданнический рев толпы был для него слаще всяких стихов, даже самых хороших» (А. Грин); «Выделялись люди с летовки Донгелексаз, самой дружной» (М. Ауэзов).

— аналитической формой сравнительной степени, образованной при помощи формантов *более* или *менее*, примыкающих к прилагательному: «У нас другие задачи, более современные» (В. Каверин); «Речь ее будила в сердце матери сложное чувство — ей почему-то было жалко Софью необидной дружеской жалостью и хотелось слышать от нее другие слова, более простые» (М. Горький).

Употребление в художественной речи моделей предложений с обособленными одиночными определениями в чистом виде — нежелательное явление, так как наличие одного прилагательного не всегда и не вполне удовлетворяет коммуникативно-прагматические цели высказывания. Анализ предложений с обособленными определениями показал, что обособленные определения в одиночестве находятся редко: как правило, обособленные одиночные определения находятся в предложении в определительном ряду наряду с другими видами определений¹.

¹ Саньярова Н. С. Осложнение обособленных определений сравнительными оборотами// Наука и мир. - № 1 (5) - 2014. - С. 219–220; Саньярова Н. С. Обособленный определительный ряд и его специфика//Наука и мир. - № 1 (5) - 2014. - С. 223–224.

*Trifanova Svetlana Sergeevna,
the Vologda Institute of Law and Economics,
the Russian Federal Penal Service lecturer,
the Department of Russian and Foreign Languages
E-mail: tss7-lion@yandex.ru*

Basic internal and external sources of lexical substandard replenishment: the case of New Zealand English

*Трифанова Светлана Сергеевна,
Вологодский институт права и экономики ФСИН России
преподаватель, кафедра русского и иностранных языков
E-mail: tss7-lion@yandex.ru*

О внешних и внутренних источниках пополнения лексического субстандарта (на примере новозеландского варианта английского языка)

Новозеландский вариант английского языка¹ оформился в самостоятельную национально-региональную языковую разновидность лишь в конце 19 века и сформировался в результате многочисленных межъязыковых и междialeктных контактов под влиянием исторических, социальных, демографических, этнических и других факторов. Своеобразие социолингвистической ситуации в Новой Зеландии определяется историческим взаимодействием различных ареально-региональных вариаций полицентрического английского языка и маори², где первостепенное влияние на NZE оказали BrE³ и AusE⁴. Данные предпосылки лежат в основе развития NZE, и, следовательно, его лексического субстандарта.

Настоящая статья посвящена выявлению и систематизации основных способов пополнения субстандартного лексического фонда исследуемого лингвистического ареала на материале словарей некодифицированной лексики NZE в редакции С. Дж. Бейкера, Д. Лузер, Г. Орсмана и Э. Партриджа. Анализ образования единиц новозеландского лексического просторечия⁵ показывает, что как внешние, так и внутренние источники (заимствования, словообразование, се-

¹ Далее по тексту NZE - New Zealand English – новозеландский вариант английского языка.

² Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. – М. – СПб.: ГЛОССА, КАРО, 2004. С. 82.

³ BrE – British English (британский вариант английского языка).

⁴ AusE – Australian English (австралийский вариант английского языка).

⁵ Понятия субстандарта и просторечия используются здесь как синонимы.

мантическая деривация) являются важными средствами обогащения словарного состава NZE на субстандартном уровне.

Как субстандартный компонент лексической системы NZE, лексическое просторечие¹ представляет собой исторически сложившуюся макроформу новозеландского варианта английского языка, соответствующую социолингвистической норме второго уровня и объединяющую в своем составе (не)экзистенциальные языковые образования, представленные в виде иерархии и обладающие свойствами системы. Данные лексико-фразеологические категории включают низкие коллоквиализмы, общие сленгизмы и вульгаризмы, образующие общенародное лексическое просторечие, а также социальные профессионально-корпоративные жаргонизмы и кэнтизмы (арготизмы), входящие в специальное лексическое просторечие. Компоненты обеих речевых микросистем отличаются друг от друга степенью этико-стилистической сниженности и оттенком пейоративности². К основным единицам, представляющим как стандартные, так и просторечные формы существования английского языка в Новой Зеландии, относятся стандартные и субстандартные новозеландизмы (удовлетворяющие норме второго уровня). Новозеландизмы составляют 5% от общего числа всех ЛЕ словарного фонда NZE. Данное понятие до сих пор трактуется исследователями неоднозначно. В нашем понимании новозеландизмы рассматриваются как языковые реалии или ЛЕ маорийского происхождения, используемые исключительно в пределах NZE, например: **aerial top-dressing** «опыление посевов»³; **matai**⁴ «черная сона»; **puku** «живот».

Лексический фонд языка формируется не только благодаря интралингвистическим процессам, но и при помощи лексических средств других языков⁵.

Словарный состав представляет собой наиболее подвижную и проницаемую сферу языковой системы, способную изменяться под влиянием экстралингви-

¹ В данном случае подразумевается лексический субстандарт новозеландского лингвистического ареала.

² Определение понятия «лексический субстандарт» излагается нами согласно концепции В. П. Коровушкина, являющейся основополагающей для данного исследования. О лексическом субстандарте см. подробнее: Коровушкин В. П. Английский лексический субстандарт versus русское лексическое просторечие (опыт контрастивно-социолектологического анализа): Монография. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2008. С. 48–53.

³ Hay J., Maclagan M., Gordon E. *Dialects of English: New Zealand English*. – Edinburgh University Press, Ltd., 2008. P. 67.

⁴ Здесь и далее по тексту примеры словарных статей приводятся с некоторыми не нарушающими смысла сокращениями и без ссылки на страницы, так как все словари алфавитные.

⁵ Лагоденко Д. В. Взаимодействие разносистемных языков в едином коммуникативном пространстве (на материале новозеландского варианта английского языка и языка маори): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. С. 68.

стических факторов. Так, наиболее существенный вклад в образование новозеландского лексического просторечия внесли элементы, заимствованные, прежде всего, из британского, австралийского, американского лингвистических ареалов, а также, ЛЕ маорийского происхождения, что стало возможным благодаря интенсивному взаимодействию носителей языков и диалектов:

1. **заимствования из BrE: crud** *From general English slang ...* “облако”, “туман”; **scunner, skunner** *From Scots dialect ...* «(сильная) неприязнь»;

2. **заимствования из AusE: tinny** *From Australian use ...* «пивная банка»;

3. **заимствования из AmE¹: sinker** *Originally US* «плохо пропеченный пудинг, приготовленный на пару»;

4. **заимствования из маори: tomo** *From the Maori term for “cave” ...* “подземная река”, “подземный водоток”; **kapai** *... Borrowed direct from Maori ...* “примелемый”, “подходящий”.

Словообразование как внутриязыковой процесс также представляет собой один из важнейших способов развития словаря NZE на уровне субстандарта.

В структурном отношении просторечные ЛЕ новозеландского ареала делятся на *структурно-неотмеченные* и *структурно-отмеченные*. К первым относятся слова, образованные согласно типичным морфологическим и синтаксическим моделям литературного языка². По способности образовывать новые дериваты структурно-неотмеченные единицы могут быть *производными* и *непроизводными*. Приведем примеры *непроизводных* субстандартных новозеландизмов: **plum** *Car salesmen’s ...* «потенциальный покупатель»; **swish** *(among drug users)* «распространять наркотики» (в особенности галлюциногенные).

В группу структурно-неотмеченных производных просторечных новозеландизмов входят, главным образом, аффиксальные, сложные и сложно-аффиксальные ЛЕ.

Аффиксация является характерной чертой субстандартного словообразования новозеландского лексического просторечия и включает в себя: 1) **суффиксацию**: *lympho* «воспаление лимфатических узлов»; *sparkie* «электрик»; *tussocker* «нерадивый работник»; 2) **полупрефиксацию**: *half-rinsed* «пьяный»; 3) **полусуффиксацию**: *mudflat-man* «фермер, ведущий хозяйство на низменностях»; 4) **аффиксально-комбинированное словообразование**: *overlanding* «выпас овец»; 5) **словосложение**: *Kiwi-born* «завезенный в центр Новой Зеландии»; *suicide-fish* «рыба-сабля, которая может выбрасываться на берег морозными ночами»; 6) **сложно-аффиксальное словообразование**: *curgy-muncher* (*оскорб.*) «индеец или другой представитель смешанной расы Индостана».

¹ AmE – American English (американский вариант английского языка).

² Коровушкин В. П. Основы контрастной социолектологии: Дис.... д-ра филол. наук. – Пятигорск, 2005. С. 340–341.

К структурно-отмеченным образованиям причисляются ЛЕ, построенные по так называемым периферийным нелитературным моделям или моделям литературного стандарта с привлечением просторечных средств словообразования¹.

Рассмотрим примеры соответствующих субстандартных новозеландизмов: 1) *аббревиации*, включающие: а) *инициальные сокращения*: GG (< Governor-General) «губернатор колонии»; б) *абброморфемные сокращения*: goss (< gossip) «слухи»; в) *элитсные сокращения*: donkey (< donkey-engine) «двигатель», «мотор»; 2) *интегрированные ЛЕ*, в структуре которых сохраняется порядок расположения составляющих частей: **Johnny-go-to-bed** «калифорнийский мак, золотисто-желтый цветок которого раскрывается при солнечном свете и закрывается к концу дня»; 3) *псевдономенклатуры*, для которых характерно замещение развернутого наименования буквами или цифрами: **seven, seven, twenty-eight** (также **7728**) «наказание, применяемое к заключенному за повторное совершение преступления в местах лишения свободы, включающее отбывание семидневного заключения в одиночной камере, увеличение общего срока на семь дней и двадцати восьмидневное лишение привилегий»; 4) *итеративы*, представляющие собой повтор компонентов слова или словосочетания (звуков, фрагментов слова, целого слова) в структуре производной ЛЕ, включающие: а) *аллитераты* (повтор начальных звуков в слове или словосочетании — **devil dodger** «тюремный священник»; **monkey mob** — новозеландская банда «Монгрел Моб»); б) *образования с рифмой*: *рифмованные*: **Murray Flinn** (chin) «подбородок»; **Nelly Blich** (lie) «ложь»; *рифмующиеся*: **handle the jandal** — популярное рифмованное выражение, используемое для того, чтобы убедить к.-л. справиться с к.-л. ситуацией; в) *редупликации*: **kummy kummy** «низкорослый сорт кабачка, кожура которого при созревании становится желтой, сильно ребристой и очень жесткой».

В пределах новозеландского лексического субстандарта также выделяются так называемые гибридные образования, возникшие в результате присоединения иноязычных словообразовательных элементов²: **Maoristan**³ (*шутл.*) «предполагаемая родина нарда маори, где возможно достижение самоуправления».

Средства вторичной номинации также способствуют расширению словарного состава любого языка. Ономазиологические особенности лексического просторечия новозеландского лингвистического ареала наиболее отчетливо проявляются на лексико-фразеологическом уровне. В лексическом субстандарте довольно

¹ Коровушкин В. П. Основы контрастной социолектологии: Дис... д-ра филол. наук. – Пятигорск, 2005. С. 341.

² Подробнее об этом см.: Коровушкин В. П. Английский лексический субстандарт versus русское лексическое просторечие (опыт контрастно-социолектологического анализа): Монография. Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2008. С. 138–141.

³ В переводе с урду stan означает «страна».

распространены метафорические и метонимические номинации. Так, образные наименования метафорического характера могут быть основаны на сходстве по: 1) *форме и цвету*: **light bulb** «скинхед»; 2) *функции*: **pencil** «машинка для нанесения тату». Различают также метафорические переносы наименования *по приписываемому сходству*: **dead man's head** «сливовый пудинг округлой формы, приготовленный на пару ...».

Метонимический перенос выражается в наличии в новозеландском лексическом просторечии таких видов номинаций¹, как, например, *каузальная*: **steel** «нож»; **stone** «сигарета с марихуаной»; *партитивная*: **tooth** «человек, жадно поглощающий пищу»; *антропонимическая*: **Rutherford** «стодолларовая купюра» и др.

Таким образом, формирование новозеландского лексического просторечия осуществлялось как за счет внутренних языковых ресурсов (словообразовательных средств и семантической транспозиции), так и за счет внешних источников (заимствований). Результатом проведенного исследования является приведенная нами систематизация основных способов пополнения лексического фонда NZE.

Список литературы:

1. Baker S.J. *New Zealand Slang: A Dictionary of Colloquialisms*. — Whitecombe and Tombs Ltd. 1941.
2. Deverson T. *The New Zealand Oxford Paperback*. — Oxford University Press, 2006.
3. Looser D. *Boobslang: A lexicographical study of the argot of New Zealand prison inmates, in the period 1996–2000: A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in English*. — University of Canterbury, 2001. Volume II.
4. Orsman H. *A Dictionary of Modern New Zealand Slang*. — Oxford University Press, 1999.
5. Partridge E. *A dictionary of slang and unconventional English*. — London, Melbourne and Henley: Routledge & Kegan Paul, 1984. 1440 p.
6. Partridge E. *The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English*. Ed. T. Dalzell, T. Victor. — Routledge, 2007.

¹ Подробнее об этом см.: Чиршева Г.Н. Сопоставительный анализ метонимических переносов в языке художественной прозы и публицистики: (На материале современного английского языка): Автореф. дис.... канд. филол. наук. – Л., 1986. С. 7–15.

*Shamarova Svetlana Ilyinichna,
the Ufa state university of economy and service,
Ph. D. in philology, associate Professor
shamarova@list.ru*

The microsystem of paratonyms “devil, an evil spirit” in old english

*Шамарова Светлана Ильинична,
Уфимский государственный университет экономики
и сервиса, кандидат филологических наук, доцент
shamarova@list.ru*

Микросистема паратеонимов «дьявол, злой дух» в древнеанглийском языке

Понятия “добро” и “зло” и их противоборство с давних времен были бесконечным источником споров для человечества. Дьявол (диавол) (дрегреч. *diabolos* ‘клеветник, сатана’; древр. *satan* ‘противодействующий, противник’ — главный враг Бога и человеческого рода, повелитель темных, злых сил. В Ветхом Завете о дьяволе говорится очень мало: он выступает одним из главных ангелов (согласно мифу - Денница, позднее падший с небес — С. Ш.), окружающих Яхве, и выполняет на суде Бога функцию обвинителя и желает отпадения людей от Всевышнего. В Новом Завете дьявол является открытым противником Бога, и там отсутствует детально проработанный образ дьявола. В посланиях апостола Павла с дьяволом тесно связан Антихрист, который уже действует на Земле и за его злонамеренными делами скрывается власть сатаны (2 Фес. 2:7). Средневековое христианское искусство наделяет образ сатаны антропоморфными и зооморфными чертами. В народном религиозном сознании дьявол превращается в чудовищного зверя, властвующего над адом¹.

Данная лексико-семантическая группа (микросистема) паратеонимов «дьявол, злой дух» относится к разделу демонологии. В современном религиоведении под демонологией понимается «совокупность верований в существование нечистой силы и олицетворяющих ее существ» (бесов, леших, домовых, оборотней, вампиров, экстрасенсов, волхвов, шаманов, чародеев – С. Ш.), а также «комплекс представлений о существах, составляющих низший по отношению к богам разряд религиозной мифологии — пандемониум, в который входят

¹ Новейший словарь религиоведения/О.К. Садовников, Г.В. Згурский [под ред. С.Н. Смоленского]. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. –444 с. С.156.

духи, гении, колдуны, ведьмы и т. д.»¹. «Символами, олицетворяющими “зло, греховность”, являются волк, ворон, гиена, дятел, козел, лисица, муха, паук, скорпион и др. Это-символы-синонимы, так как их лексические значения основываются на общих интегральных семах “дьявол”. Например, гиена-символ дьявола, кормящегося проклятыми людьми; дятел- символ дьявола и ересь, подрывающие веру в человеческую природу; лисица- символ дьявола, соблазителя, обман, хитрость, вероломство. Синонимами символа Сатана являются Василиск (дргреч.), Лукавый (слав.), Люцифер (лат.), Дьявол, Азазель (араб.), Велиар (древр.) (Белиар, Велиал, Белиал, Бериал, Блияль, Агриэль – С. Ш.), Веельзевул (древр.) (Вельзевул — С. Ш.), Воланд (С. Ш.), Мефистофель (С. Ш.) или являются его соратниками»², т. е. это все названия демонических мифических существ небытия, разврата и разрушения, соблазна и беззакония.

Т. Ю. Передриенко исследовала концепты “Черт” и “Дьявол” на материале паремий и афоризмов в русской и английской лингвокультурах. По ее мнению, «в русской лингвокультуре слово черт употребляется как родовое понятие для обозначения злого духа старинной дохристианской веры, а также в смысле христианского образа сатаны, дьявола, врага рода человеческого. По этой причине концепт “Черт”, а не концепт “Дьявол” является оппозицией концепту “Бог” в русской лингвокультуре. Однако восприятие «существ низшей мифологии» в русской и английской лингвокультурах не является полностью идентичным. Каждая нация объективирует в языке те признаки, которые наиболее значимы для нее. В английском языке активнее всего репрезентируется признак “искуситель”. В русском языке таких признаков два: “искуситель” и “существо, приносящее неприятности”. Синонимы имени концепта “Черт” объективируют признаки, характеризующие внешность черта, а синонимы имени концепта “Devil” указывают на признак “правитель” и признаки, касающиеся происхождения дьявола и места его обитания. Изучение концептов “Дьявол” и “Devil”, которые образуют оппозиции с концептами “Бог” и God, показало, что в русской лингвокультуре оппозиция Богу представлена не одним существом, а несколькими. Наиболее известными и значимыми существами “низшей мифологии”, которые воплощают зло и противостоят Богу, являются дьявол (иными словами он же - сатана — С. Ш.) и черт (или он же — бес — С. Ш.). Христианский дьявол (сатана) чаще встречается в церковно-литературных источниках. Бес приближается к черту на бытовом уровне употребления. С одной стороны, лексическая единица черт связана с языческими дохристианскими верованиями. С другой

¹ Новейший словарь религиоведения/О.К. Садовников, Г.В. Згурский [под ред. С.Н. Смоленского]. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. –444 с. С.124.

² Гузенко И. В. Христианская символика в русском языке: вербализация, функционирование, эволюция. Автореф. дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2009- С.15.

стороны, представления о черте определяются в основном верованиями, связанными с христианством, и в этом отношении черт сливается с евангельским сатаной (дьяволом)»¹.

В нашем понимании паратеонимы — это слова, выражающие околорелигиозные и псевдоцерковные понятия, связанные с представителями богопротивной стороны, враждебной Церкви, а также слова, выражающие языческие понятия и релевантные существа. Эта ЛСГ является весьма многочисленной так же, как и микросистема “Бог, божество” (180 лексем) в древнеанглийском лексическом корпусе, что свидетельствует о большой значимости концептов “добро” и “зло” в англосаксонской культуре и религии. В данной микросистеме всего насчитывается 110 лексем, включая их фонетические варианты, на основе метода сплошной выборки из авторитетного Древнеанглийского словаря Д. Босворта и Т. Н. Толлера. На наш взгляд, все паратеонимы можно разделить на 3 большие гетерогенные тематические группы, объединенные концептом “зло”, включая библеизмы и мифологизмы, с использованием первоисточников различной жанровой принадлежности, исходя из принципов демонологии (т. е. принадлежность к тьме и злу). Все лексемы объединены понятием “зло” и выделены на основе мифологических (например, эльфы, сирены, драконы), немифологических (т. е. существующих) (ведьмы, колдуны, бесы) и генерических (обобщенных) (например, абстрактные существительные зло, безнравственность, идолопоклонство) признаков. Многочисленные имена всех древних и современных богов есть суть дьяволы.

1 группа — моносемантические и полисемантические номинации с прямым и переносным значением “дьявол, сатана”: *gast-bona* ‘дьявол, душеубийца’; *balewa* ‘злой или безнравственный, сатана’; *vana, bona* ‘убийца, дьявол’; *tan-frea*, ‘князь зла, дьявол’; *scissa* ‘дьявол, демон, сатана, Вельзевул’; *draca*, ‘дракон, змей, дьявол’; *eald-feond, eald-find, eald-geiŋla* ‘древний враг, сатана’; *feond* ‘враг, дьявол’; *gast, gæst-geiŋla* ‘враг души, дьявол’; *hilde-deoful* ‘дьявол, демон’; *hell-sceaða* ‘враг, дьявол’; *helle-hinca* ‘хромой, дьявол, пострадавший от падения с небес’; *hell-deoful* ‘Оркус, Плутон (Аид)’; *deoful* ‘дьявол’; *Satan* ‘сатана’; *wirged* ‘проклятый, дьявол’; *wær-loga* ‘вероломный, коварный человек, чудовище, дьявол’; *synna brytta* ‘князь грехов (дьявол)’; *synna friman* ‘князь, творец грехов (дьявол)’; *ad-loma, lama* ‘калека, пострадавший от пламени (дьявол)’; *morðres brytta* ‘князь убийства (дьявол)’; *dæd- bana* ‘делатель зла, убийства’; *eald-gewinnan* ‘древний враг (дьявол)’; *fyrn-sceaða* ‘древний враг’; *leoht-berend* ‘Люцифер (надший ангел - дьявол)’; *feondulf (ulf — wulf* ‘враг-волк’) ‘враг (дьявол, негодяй’; *orc* ‘Оркус, бог inferнальной об-

¹ Передриенко Т. Ю. Концепты “Бог” и “Дьявол” в русской и английской лингвокультурах на материале паремий и афоризмов. URL: <http://www.dissercat.com/content/kontsepty-bog-i-dyavol-v-russkoi-i-angliiskoi-lingv...> (Дата обращения: 21.11.2012). С.5.

ласти (ада)'; *yfel-tyhtend* 'подстрекатель ко злу'; *wroht-bora* 'обвинитель, злой человек'; *ðeod-feond* 'древний враг (дьявол)'; *stihtend* 'распорядитель, правитель (дьявол)'; *helle-god* 'бог inferнальной области (ада) (дьявол)'; *geo-sceaft-gast* 'зловещий дух или древний дух (дьявол)'; *were-wulf* 'человек-волк, враг'; *wam-sceaða* 'делатель зла, грешник, преступник'; *ofermoda cyning* 'король гордыни' (сатана, дьявол).

II группа - паратеонимы, выражающие понятие "злой дух" и релевантные существа: *gold-weard* 'хранитель золота (дракон)'; *wuldor-geflogena* 'беглец от славы, злой дух'; *atole gastas* 'ужасные духи'; *gud-floga* 'тот, кто летит сражаться, дракон'; *ffjel* 'морское чудовище, гигант'; *ilf, elf* 'эльф'; *rusel* 'домовой'; *тепен* 'сирена'; *тере-теппен, тере-тепп* 'водная сирена'; *тере-wif* 'водная ведьма, мать Гренделя'; *eoten* 'гигант, Грендель, чудовище'; *brim-wulf* 'морская волчица, мать Гренделя'; *eorð-draca* 'земной дракон'; *land-elf* 'земной эльф'; *feld-elfen, wudu-ælfen (n), elfen (n)* 'древесная фея или нимфа'; *tunt-ælfen, berg-aelfen* 'горная фея или нимфа'; *deað-godas* 'боги смерти, духи (бесы и ангелы)'; *weargh* 'преступник (о людях), чудовище, злой дух'; *scin (n)* 'обманчивое видение, злой дух, фантом'; *niht-genga* 'существо, которое ходит ночью, домовой'; *nið-draca* 'зловный дракон'; *wudu-wasa* 'сатир, фавн'; *sear-gæst, gest* 'дух беспокойства, боязливый дух'; *heolð-cynn* 'народ, живущий в укритии, бесы в аду'; *helle-gæst, gast* 'дух из ада (бес)'; *тæра, мега* 'демон, злой дух, кошмар'; *wæg-deor* 'морской зверь'; *ðýrs* 'гигант, колдун, демон'; *wæl-cyрге, cyrige, cyrie* 'избирательница убитых'. Согласно северной мифологии Валькирии были богинями, которые выбирали убитых, чтобы их сопровождать в чертог Одина — Вальхаллу. Слово также обозначает Фурию, Горгону или богиню войны и используется в значении "ведьма или колдунья"¹.

III группа — паратеонимы с общим (генерическим) значением "зло, идол": *ælf-siden (n)* 'влияние эльфов или злых духов, кошмар'; *flige-wil* 'летающий обман, стрела, жало Сатаны'; *andsaca* 'враг, противник, изменник'; *apostata* 'вероотступник, изменник'; *antecrist, wither-crist* 'антихрист'; *balo* 'зло, злоба'; *bealo, bealu, balu* 'зло, вред, беда, безнравственность'; *тап* 'преступление, вина, безнравственность'; *weargness* 'зло'; *ge-deoful-geld* 'идолопоклонство'; *inwit-stæf* 'зло, безнравственность, злоба'; *wig-gild (wih, weoh)* 'идол'; *fiond-geld, feond-gyld* 'поклонение дьяволу, идолопоклонство'; *diofol-gild* 'идол, образ дьявола'; *yfelgeornness, yfelness, yfelwillendness* 'зло, безнравственность'; *scucc-gild* 'идол'. Общепринято считать, что дьявол есть символ зла, разрушения, смерти, ужасов, источник всех бедствий и несчастий человека. Он имеет много общего с персонажами из северной мифологии и литературы (бог огня Локи и его сын - хтоническое существо Фенрир). По мнению Р. Вулфа, «пока не существует свидетельства о том, что англосаксы знали

¹ Bosworth, J. Toller T.N. An Anglo-Saxon Dictionary. New York, 1991. - P.1153.

о Локи в какой-либо исторический период; ... в действительности согласно исследованиям Гримма, Локи в одно время широко ассоциировался с дьяволом. Кроме того, в соответствии с патристической традицией дьявол отождествляется с языческими богами в древнеанглийской поэзии. Идолы — это не просто дерево и камень, а злые и обманчивые объекты, оживляемые дьяволом. В некоторых вопросах христианская традиция о Сатане и северная традиция о Локи совпали: Локи так сильно разгневал богов своими злыми действиями, что они, взяв его в плен, посадили связанного в пещеру, подобно Сатане, который, как говорилось в Откровении (хх. 2), лежал связанным в аду до Страшного Суда»¹. Локи породил мирового волка Фенрира, которому отводилась самая злоеющая роль: он должен был проглотить всех богов. Гигантская веревка была надета на его шею, и Фенрир откусил руку бога неба и света Тюра. Подобный фрагмент отражен в древнеанглийской языческой молитве, посвященной общегерманскому богу Тиву (протогерм. *Tiwaz*, др.-англ. *Tiw*, сканд. *Tyr*), которая сохранилась в ранних поэтических «Афоризмах II»: *ðu fedest ðone wulf — ðe oðera gefærte... ðe geti wæs he, ðin hand nom wulf hwonne bande ðu wearg swa anhende os... 'Ты кормил того волка, когда другие не кормили, он был привязан, твою руку взял волк, когда ты связал преступника, поэтому ты однорукий бог' (М. 2–7)*. В поэме «Соломон и Сатурн» дьявол появляется в виде птицы, дракона и волка (соответственно, дракон из Откровения и волк из притчи). После принятия христианства дьявола сравнивают с волком: знаменитый англосаксонский богослов-проповедник Вульфстан называл дьявола *were-wulf* ('человек-волк, оборотень')². Однако случаи употребления слова *were — wulf* в древнеанглийских памятниках встречаются редко и только в его христианском осмыслении - со значением "человек — волк, враг, дьявол" в поздних прозаических произведениях. Например, в "Церковных законах короля Кнута": *ðæt se wofþreca werewulf ne slite, ne to fela abite of godcundre heorde (L. I.P.6) 'Тот свирепый (алчущий) человек — волк не разрывает на части, не слишком много (овец) из духовного стада пожирает'. В данном примере *were-wulf* употребляется в значении "дьявол, враг" духовного стада, т. е. всего христианства. В известной поэме "Христос" волка называют проклятым, сравнивая его с дьяволом: *Hafast se awyrgða wulf tostenced, deor dædscua (Cri. 255). 'Владеет проклятый волк, свергнутый (уничтоженный) зверь, который действует в темноте'. В прозаическом произведении "Храм": *Se biscop swæð to ðæt hæðuan Kasere: Ne gang ðu na on Godes hus; ðu hafast besmitene handa and ðu eart deofles wulf (Shr.58, 9). 'Этот епископ сказал тому языческому***

¹ Woolf R. E. The devil in Old English poetry//The Review of English Studies. Vol. IV, New Series, No. 13 (January 1953). —P. 1–12. P.2.

² Harper D. Wolf and Werewolf. URL: <http://www.collasius.org/LITERATUR/04-HTML/wolf-werewolf.htm>. (Дата обращения: 9.07.2011). P.1.

императору: *Не ходи ты в дом Бога (церковь); ты имеешь запачканные (грязные) руки и ты есть волк дьявола*'. Как видно из примера, языческого императора называют волком дьявола, т. е. жестоким, злым человеком. Данный метафорический перенос является буквальным отражением англосаксонского менталитета определенного исторического промежутка времени.

Нам представляется, что подобное восприятие Волка как дьявола могло возникнуть под влиянием древнескандинавской мифологии, так как почти все англосаксонские божества были заимствованы из древнескандинавского языческого пантеона богов. В поэме "Легенда о святом Гутлаке" бесы, нападая на святого, превращаются в человека и змея, в то время как в поэме "Легенда о святой Юлиане" и "Бытии" дьявол маскируется под ангела света для более изощренного искушения и соблазна. *Hæfde engles hiw gæstgeniðla, helle hæftling (Jul. 245) 'враг души, пленник ада, имел облик ангела*'. Эта способность к трансформации свойственна и мифологии, и христианской вере, хотя маскарад с ангелом света — явно христианского происхождения.

В прозаическом произведении "Храм" говорится о различных формах воплощения дьявола, его колдовстве: *ðonne glad ðæt deofol ut mid his leasunge swa swa smuc æt his eagdura (Shrn. 52, 33) 'Тогда скользнул тот дьявол (бес) с помощью обмана (колдовства) в виде дыма в его окно*'. Как видно из примера, паратеоним "дьявол" может употребляться в значении "бес": *ðæt he deofol hæfde; ac hi wæron witodlice mid deofle afylled, ða ða hi swa wodlice to ðam Hælende spræcon (Homl. 230, 11) '... что он имел дьявола (беса), но они были на самом деле наполнены бесом, тогда они так яростно говорили тому Целителю (Христу)*'. Дьявол в древнеанглийской поэзии упоминается как хромой (калека), что, вероятно, было вызвано его падением с небес. Например, в поэме "Легенда о святом Гутлаке": *Earme adloman 'бедняги-калеки (дьяволы, т. е. бесы)' (Gu. 884)*. Сатана известен как постоянный податель плохих советов (в "Бытии" Ева поддалась его искушению с запретным плодом дерева знаний), а также как носитель зла, (например, в признании дьявола Юлиане он перечисляет святой все несчастья, которые он принес, в частности, смерти в результате утопления, сжигания и распятия). *Me beswac fah wurm ðurh fægir word (Gen. 899) 'Враждебный змей (червь) обманул меня красивым словом*'. Дьявол - безнравственный, лукавый разжигатель дурных помыслов. Он искушает и соблазняет, потому что это составляет его природную сущность. В одной из проповедей Эльфрика: *Deofol is yfel-tihtend and leaswyrscend (Homl. 102, 1) 'Дьявол — подстрекатель ко злу и создатель обмана*'. Он рад любому грехопадению человека. Им движит месть за богоизбранность, предпочтение человека Богом. Например, в поэме "Христос": *ðonne wrohtbora in folc Godes forð onsended ð biterne stræl (Cri. 763) 'Тогда обвинитель (дьявол) в божий народ посылает острую стрелу*'. С божественной точки зрения дьявол - мятежник и изгнанник. Англосаксы были знакомы

с доктриной римского миссионера Августина о падении сатаны из-за гордости. В статье Р. Вулфа упоминается классификация жизни дьявола на три периода согласно мнению Папы Григория I¹. Об этом, например, говорится в одной из проповедей Эльфрика: *God ne gesceop hine na to deofle... ac he weard to deofle* (Homl. 12, 20) 'Бог не создал его дьяволом... но он стал дьяволом'. В "Бытии": 1. *Swæð ðæt se hehsta hatan sceolde Satan siddan* (Gen.344) 'сказал (Бог), что наивысший (из ангелов) должен быть назван сатаной впоследствии'. 2. *Se feond mid his geferum eallum feollon of heofnum* (Gen. 306) 'дьявол со своими аггелами (бесами) упали с небес'. Вульфстан в своих проповедях говорил о большой степени распространения власти дьявола: 1. *ðam deofle wiðstandan ðonne he his wod scinn tobrædeð* (Wulfst. 80,4) 'Тому дьяволу противостоять, когда он свои безумные духи распространяет...'. 2. *Se ðeodfeond, antecrist sylfa* (Wulfst. 83, 16) 'Древний враг (дьявол), сам антихрист'. Очень часто дьявола называют косвенно, используя перифрастические словосочетания, в основе которых лежит метафора. Например, в "Церковной истории" Беды Достопочтенного: *ðæt is sarlic ðæt swa fæger feorh sceolan agan ðystra ealdor* (Bd. 2,1) 'Это прискорбно, что такой прекрасной жизнью (душой) должен владеть старейшина (князь) тьмы'. В "Парафразе Священного Писания" Кэдмона: *Se ofermoda cyning, Satan* (Cd. 18) 'Высокомерный, надменный король, Сатана'. В поэме "Христос": *Deorc dead- scua* (Cri. 257) 'Тот, кто действует в темноте'.

Кроме того, следует отметить, что многие паратеонимы выражают значение "враг, противник". В древнегерманском обществе враг часто являлся преступником, о чем свидетельствует такое сложное слово, как *feondulf* (*feond-wulf*, т. е. 'враг-волк'). Это враг всего рода, преступник, негодяй... Враг всегда появляется ночью (*niht*), совершает темные (*deorc*) поступки. Номинация *feond on helle* (враг из преисподней) указывает на влияние христианских мировоззрений на образ Гренделя. Являясь порождением языческого сознания, в поэме он часто предстает перед слушателями как потомок Каина. Такие эпитеты, как враг рода человеческого (*feond mancunnes*), исчадие ада (*helle hæfta*), демон преисподней (*helle gast*), страж (пастух) преступлений (*fyrena hyrde*) характеризуют его как дьявола, или приспешника дьявола². Таким образом, по своему семантическому статусу паратеонимы являются моносемантическими (дьявол; злой дух; идол; зло) и полисемантическими (дьявол, враг, убийца, злой дух). Можно выделить явную взаимосвязь между дьяволом, волком и персонажами из северной мифологии (богом огня Локи и его сыном — мировым волком Фенриром).

¹ Woolf R. E. The devil in Old English poetry // The Review of English Studies. Vol. IV, New Series, No. 13 (January 1953). – P. 1–12. P.6.

² Ярцева К. В. Концептуальная оппозиция *freond - feond* (друг-враг) в древнеанглийской эпической картине мира (на материале англосаксонской поэмы "Беовульф"). Автореферат дис.... канд. филол. наук- С.-Пб., 2010. С. 16–20.

Список литературы:

1. Гузенко И. В. Христианская символика в русском языке: вербализация, функционирование, эволюция. Автореф. дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2009–28 с.
2. Новейший словарь религиоведения/О. К. Садовников, Г. В. Згурский [под ред. С. Н. Смоленского]. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. –444 с.
3. Передриенко Т. Ю. Концепты “Бог” и “Дьявол” в русской и английской лингвокультурах на материале паремий и афоризмов. URL: <http://www.dissercat.com/content/kontsepty-bog-i-dyavol-v-russkoi-i-angliiskoi-lingv...> (Дата обращения: 21.11.2012).
4. Bosworth, J. Toller T. N. An Anglo-Saxon Dictionary. New York, 1991. –1302 p.
5. Harper D. Wolf and Werewolf.- URL: <http://www.collasius.org/LITERATUR/04-HTML/wolf-werewolf.htm>. (Дата обращения: 9.07.2011).
6. Woolf R. E. The devil in Old English poetry//The Review of English Studies. Vol. IV, New Series, No. 13 (January1953). –Р. 1–12.
7. Ярцева К. В. Концептуальная оппозиция *freond - feond* (друг-враг) в древне-английской эпической картине мира (на материале англосаксонской поэмы “Беовульф”). Автореферат дис... канд. филол. наук- С.-Пб., 2010. – 25 с.
- 8.

*Etibar Saftaroqlu Inanj, The Azerbaijan National Academy of Sciences
The Institute of Linguistics, the managing worker, associate professor
E-mail: etibar-inanc@mail.ru*

**The colour term “yellow” in the
turkic and slavic languages**

It is known that colour terms are included in the most ancient layer of the lexical fund of language. Penetrating deep into stories of the lexical composition of any language, number of words, including color terms, decreases, and the polysemy increases. For example, in the languages of some tribes, even in the modern world, there are only three colour terms: black, white and red. Aristotle spoke about a three-colored rainbow: red, yellow and green. B. Berlin and P. Kay develop the following scheme of development of the main colour terms: at first names of white and black colour appear, the name of red color then accrues to them, then — green and yellow, then — blue, and then — brown¹.

¹ Берлин Б., Кей П. Основные цвета: их универсальность и видоизменения. М., «Знание», 1969, р.24.

For the most ancient person a colour-designation subject standard, certainly, first of all was the world surroundings: the Universe, all the earth, including animal and flora, the natural phenomena, subjects and so on. For example, Old Turk. colour term [gök], besides a reference meaning “sky”, from which — “blue (sky)”, in modern Turkic languages, except colour-designation “blue”, “azure”, has also meanings “green”, “greens, grass”, “gray”, “crimson”, “black”¹, in spite of the fact that at all times in the Turkic languages there was a word [ja: šyl/jašyl/ješil/... “green” which is derived from a root [jaš] “fresh, green”². According to A. Steinvall, if we summarise the scores for the *yellow, gold, golden* and *blond (e)* in BoE³, we get a figure for the yellow category which is on a par with the figures for the other elemental colour terms *green* and *blue*⁴.

For the primitive human beings fire was considered as initial rudiments and a direct source of life. It idolized (in the Caucasus — Azerbaijan, Central Asia, in Ancient Greece and Rome, in India, in the modern world — Maya tribes), built sanctuaries. It isn't casual that Russian **очар** (< Turk. — Azeri [odʒag] “fire, fire chamber”) means “dwelling”, “native ashes”, “home, family hearth”. As some researchers specify, in the process of the experience accumulation the person has steady associative chains, for example: **red > fire > hot**⁵. More exact and more logical the following sequence is represented: **sun > fire > hot ~ red ~ yellow**. Sun, fire, ashes promoted formation of concepts and designations of a heat, warmth, hence — red color and its ranges (crimson, purple, pink, yellow, etc.). In the lexical structure of the modern languages there are colour terms of a fitonymic origin, for example, *pink, orange, nut, coffee*, etc. According to S. V. Kezina's concept, the component analysis of colour terms in the different Indo-European languages shows that during the early period of their development there was a uniform subject standard of a colour term. Owing to an additive method to different colour terms, the semic chains repeat a seme set: “white” — “black” — “gray” (“ashy”, “gray-haired”, “smoky”) — “yellow” — “golden” — “blue” (“turquoise”) — “green” (“olive”) — “red” (“crimson”, “reddish-brown”, “fiery”, “scarlet”, “purple”, “lilac”, “ruddy”) — “brown” (“chestnut”, “nut”, “coffee”) — “varicoloured” — “good on any qualities” — “bad on any qualities”. This semantic range of color lexemes allows to assume that the fire (hearth) was the most ancient (primary) subject standard of a

¹ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д»). М.: Наука, 1980, p.66–67.

² Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й»). М.: Наука, 1989, p.164–165.

³ Bank of English

⁴ Steinvall A. English Colour Terms in Context. Umea Universitet, 2002, Anders Steinvall Omslag: Magnus Olofsson Tryckt av UmU Tryckerier, p.68.

⁵ Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: Ком Книга, 2005, p.81–82.

colour term. Possibly, near fair on the importance for the person it is possible to put blood¹. The statement to the told are Russ. pair word **огненно-красный** “bright-red”, **огненно-рыжий** “fiery red”, turkism in Russian **алый** “scarlet”², ascending to Old Turk. **al** “scarlet, bright red, light-red, orange”; “the brown-? (about eyes)”³, which, certainly, ascends to the Old Turk. **alāw**⁴, Azeri **alov**, Turkish **alev**, узб. [**olov**], Kaz. [**alau**], etc. – “flame, fire”.

Phono-semantic versions of the above mentioned colour terms in Slavic and German languages give the full grounds to put them in one row with homogeneous words in Turkic languages. For example, Old Turkic **sarıç** 1. yellow; 2. pale; 3. creamy (about colour of horse’s coat)⁵, Azeri **sarı**, Chuv. [**sarā**], Kum. [**sari**], Bashk. [**khary**], Uig. [**saru**], [**saryğ**], [**saryk**], Lob. [**sajyğ**], [**sajyk**], Uig. [**seriğ**], Uzb. [**sarik**], Uig. dial. [**serik**], Khak. dial. [**šaryğ**], Chuv. [**šurā**], Yak. [**ary**]. All these words designate 1. yellow, 2. dark blond, 3. ginger, chestnut, orange, 4. creame, 5. grey, 6. white, light-coloured, 7. bright colour, red, 8. beautiful, 9. ripe, red-ripe, 10. oil, butter (Yakut).

On the basis of Turkmen, khaladzh and other forms are restored the most ancient form * [**saryğ**]. Turk. [**sary**] and Mong. [**šara**] are used as an epithet of bow: Uzb. [**sarik jaj**] “the best bows”, Bur. [**šara nomon**] “heroic bow”, Kalm. [**baatrin šar saadg**] — the same. Turk. [**sary** < **saryğ**] usually compare with Mong. [**sira**] “yellow”, considering these forms protokindred or considering Mong. [**sira**] as a loan from the Turkic languages. Hung. **sárga** “yellow” goes back to the Chuvash type language⁶.

M. R. Fedotov Chuvash [**sar/sara**] with yellow values, the sun epithet, an epithet of spring, “fair-haired”, “beautiful” compares to Mongolian [**sar**] “yellow”, “red”, “yolk”, Buryat [**sara**] “yellow”, “red”, “fair-haired”, “yolk”, written Mongolian [**sira**] “yellow”, “yolk”, Kalmyk [**sar**] “yellow”, “red”, “fair-haired”⁷. He includes in this row the Chuvash options [**šura/šora**], Turkic **sarı** “yellow”, “pale” and gives parallels from Japanese [**širo**] “white”, Manchurian [**šara-/šare-**] “to turn white”, “to become white”. Russ. **сарá деньги** builds to Turkic [**sary altun**] “pure gold”. An example gives a toponym **Sarkel** — the capital of Khazar tribes on the bottom of the river Don and

¹ Кезина С. В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект): автореф. дисс. ... докт. филолог. наук. Челябинск, Гос. Педагог. Унив., 2010, p.27.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., Прогресс, 1986. Т. 1, p.73.

³ Древнетюркский словарь. Ленинград, Наука, 1969, p.31.

⁴ Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках. – Тюркологический сборник 1975. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978, p.171.

⁵ Древнетюркский словарь. Ленинград, Наука, 1969, p.488.

⁶ Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С»). М., «Восточная литература РАН, 2003, p.220.

⁷ Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 2. Чебоксары, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996, p. 15–16.

etymologises as **sar-** “white” + **-kel** (< ***käl**) “a tower, a house”¹. The Russ. toponym **Саратов** also goes back to Turk. **сапа-** “yellow” + — **тов** [> **tav** ~ **tau** ~ **тау** ~ **дау**] “mountain”. It couldn’t be ruled out that the widespread anthroponym **Sara (h)** also enters into this semantic field.

G. Clauson quotes parallels of the various phonetic variants of **sariğ** “yellow” in the Turkic languages, but he doesn’t put forward the concept concerning with the origin and area distribution of this word².

A. Toth to Sumer. **sig** “yellow” cites parallels from Hung. **sárga** “yellow” Turkic **sari** “yellow”, Hung. **sár**, Chuv. **šor**, Sumer. **sahar** “dirt, mud”³ and reconstructs Proto-Altaic ***si_ari** “earth, sand, marsh”, Proto-Turkic ***siar**, Proto-Mong. ***siraγu**, Proto-Tung. ***siru-** and derives all these forms to Sumerian **sahar** (Old Akkadian, Lagash, Early Old Babylonian, Old Babylonian) wr. **sahar** “earth, soil, dust”⁴. Compare: Arabic [**sahra**] “desert”. Certainly, concepts desert, sand, earth, dirt, mud, slush, bog, soil reflect mainly gray and yellow colors.

M. Vasmer Russ. **серый** “grey” puts in one row with Ukr. **сірий**, Old Russ., Russ.-Church Slavic **сѣрь**, Bulg. **сер**, **сѣрей** “fat, tallow», Sloven. **seř**, **séra** “gray, blond”, Old Czech **šěry**, Czech, Slovak **šerý**, Polish **szary**, Upper Lusatian **šěry**, Lower Lusatian **šery**, and in the view of Western Slavic **š** considers that it is possible to speak only about Proslavic ***xoiro-**. And the last one builds to Germ. ***haira-**, which compares with Old Icel. **hárr** “gray, gray-haired”, Anglo-Saxon **hár**, Old Upper Germ. **hēr** “worthy, majestic”, Irish **ciar** “dark”. But, at the end of the article he considers that there is no basis to speak about loan of the Slavic word from Germ. ***haira-**, contrary to A. Meye, H. Pederson, Zh.Endzelin and A. Shakhmatov⁵.

As it was stated above, the color term “yellow” in language of the primitive person ascended to the sun and fire like the word [**sary**] “yellow”, “gray”, in various phonetic covers, in the Turkic and other Altaic languages. Phono-semantic parallels exist in Arabic: [**zāhira**] “light”, “bright”, “blazing”, [**zōhrə**] “Venus”, [**zōhr**] “noon”, [**sāhār**] “morning”.

M. Vasmer to Russ. **заря/зоря** “daybreak”, “dawn” cites parallels from Ukr. **з́аря**, Old Slavic **зарга/зорга**, Bulg. **заря** “ray”, “light”, “daybreak”, Sloven **zárja**, Czech **záře** “radiance”, “shining”, “light”, Old Polish **zarza**; along with it: Ukr. **зоря** “star”, “daybreak”, Bulg. **зорá** “morning star”, “daybreak”, Serbo-Croatian **zòpa**, Sloven **zórja**,

¹ Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 2. Чебоксары, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996, p. 462–463.

² Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, at the Clarendon Press, 1972, p. 848.

³ Toth A. Etymological Dictionary of Hungarian. The Hague, Holland, Mikes International, 2007, p. 660.

⁴ www.turuz.com

⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., Прогресс, 1987. Т. 3, p. 610–611.

Czech **zoře**, Slovak **zora**, Polish **zorza**, Lower Lusatian **zořa** “glow” and considers kindred to Lithuanian **žarijá**, Old Pruss. **sari**¹ “heat”, Lusatian **žará** “daybreak”².

There are all grounds to tell that Russ. **жар** “heat”, “embers” is homogeneous with Russ. **заря/зоря** and with the corresponding parallels, but M. Vasmer doesn't express such an opinion, simply, gives parallels from the related languages: Russ., Ukr., Bulg., **жар**, Serbo-Croatian **жър**, Sloven **žâr**, Czech **žár**, Slovak **žiar** “heat”, Upper Lusatian **žarliwy** “jealous”. As an example of an ancient step of alternation brings Church Slavonic **жеравъ** «candens», and also **гореть** “to burn”, for which derives archetype ***gēr̥** indicates affinity with Greek **θερμός** “warm”, **θέρως** “summer heat, reaping”, Old Indian **haras** “heat, flame”, Old Pruss. **gorme** “heat”, Lettish **gar̥me** “warm”, Lat. **formus** “heat, warm”, Thracian ***germo-** “warm” and adds Russ. **жаркий** “heat”, **гореть** “to burn”, **угар** “waste, loss”³.

Above mentioned Germanic and Old Slavic colour terms ***xoiro-**, ***haira-**, **hárr**, **hár**, **hêr**, **ciar**, ***haira-** are homogeneous with Turkic colour terms [**khar/kara/qara/...**] “black”, [**qurmyzy**] “red”, [**kürän**] “redhaired, chestnut”, [**šora**], Mong., Kalm. [**šar**] “yellow”, Buryat [**šarā**], Old Czech **šěry**, Old Slav. **čрънь** (< ***kr-sno-**) < Russ. **чёрный** “black”, **червоный** “dark red”, **красный** “red” etc⁴. and according to the phono-semantic parameters, one can say with certainty that the colour terms “gray” in the Slavic languages are included in this row as well.

As a result of the comparative and typological analysis of color term “yellow” on the material of Turkic and Slavic languages, within this article, it is possible to draw the following conclusions:

- color terms “yellow” in Slavic and Turkic languages ascend to a nostratic archetype ***kar**, phono-semantic derivatives of which are the prototypes ***kar/*gar/*xar/*har/*šar/*čar/*sar**;

- the subject standard of the color yellow, as well as of the color red, was sun and fire which has generally positive character: “red”, “yellow”, “warm”, “hot”, “burning”;

- comparing the considered color term in different systemic languages, from phono-semantic point of view, it is observed that there is more proximity between Turkic and Slavic languages.

The present article is the second attempt of the author on this subject. But an available actual material concerning color terms in the different systemic languages is actual, and researches in this direction are proceeding.

¹ compare with Turkic [sari] “yellow”

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., Прогресс, 1986. Т. 2, р. 81.

³ Ibid, p.35.

⁴ my article named «Colour terms «black» and «red» in Slavic and Turkic Languages», concerning this concept, has been accepted for the publication in the «Gramota» magazine (Russia, Tambov)

Reference:

1. Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, at the Clarendon Press, 1972. — 1034 p.
2. Steinvall A. English Colour Terms in Context. Umea Universitet, 2002, Anders Steinvall Omslag: Magnus Olofsson Tryckt av UmU Tryckerier. — 263 p.
3. Toth A. Etymological Dictionary of Hungarian. The Hague, Holland, Mikes International, 2007. — 788 p.
4. Берлин Б., Кей П. Основные цвета: их универсальность и видоизменения. М., «Знание», 1969. — 169 с.
5. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: Ком Книга, 2005. — 216 с.
6. Древнетюркский словарь. Ленинград, Наука, 1969. — 676 с.
7. Кезина С. В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект): автореф. дисс. ... докт. филолог. наук. Челябинск, Гос. Педагог. Унив., 2010. — 51 с.
8. Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках. — Тюркологический сборник 1975. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. — С. 159–179.
9. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д»). М.: Наука, 1980. — 395 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., Прогресс, 1986. Т. 1. — 573 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., Прогресс, 1986. Т. 2. — 671 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., Прогресс, 1987. Т. 3. — 831 с.
13. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 2. Чебоксары, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. — 509 с.
14. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й»). М.: Наука, 1989. — 293 с.
15. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С»). М., «Восточная литература РАН, 2003. — 446 с.
16. www.turuz.com; 584http://users.cwnet.com/millennia/lang.htm

Section 10. Philosophy

*Bagirova Yegana Mais q., scientific associate
The Institute of Philosophy, Sociology and Law
of Azerbaijan National Academy of Sciences
E-mail: samira-019@mail.ru*

Global processes: nature, society, man

*Багирова Егана Маис г., научный сотрудник
Институт Философии, Социологии и Права
Национальной Академии Наук Азербайджана
E-mail: samira-019@mail.ru*

Глобальные процессы: природа, общество, человек

На современном этапе исторического развития происходят глубокие трансформационные процессы, определяющие новую картину мира. Технологический прорыв, информационная революция все более зримо определяют направление и качество происходящих трансформаций. Именно они выступают своего рода рычагами прогрессивного наступательного общецивилизационного прогресса. Это в умозрительной перспективе. Однако усиленная интеграция и взаимопроникновение различных структур, систем вследствие этих инноваций, глобальные тенденции могут создавать и явления неопределенности и риска как естественных составляющих социальных процессов, когда человек свободен в выборе и творческой деятельности. Именно эта возможность выбора, возможность корректировки негативных последствий глобализационных тенденций создает новые возможности для функционирования общества. Само течение и направление процессов выявляет характер протекания процессов, которые показывают себя как противоречивый, нелинейный процесс¹. «Общество риска»² сменяет прежнее индустриальное общество, в котором риски уравнивают

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. с. 7–8.

² Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс –Традиция, 2000.

всех, кто причастен к процессам. Ущемление полномочий государств, конкуренция с государственным планированием методами экономического хозяйствования, миграционные процессы, рост безработицы, рост социальной напряженности — эти и другие явления отмечаются трудностями, следующими из экономических, политических, социально-культурных, религиозных причин.

Современный этап глобализации характерен насыщенностью трансформационных процессов в различных сферах общественной конструкции. Духовно-ценностная и социокультурная сферы становятся проблемным полем, на котором решается возможность дальнейшего успешного мирового развития¹.

Глобализационный мир насыщен различными вооруженными столкновениями, негативными процессами, деструктивными элементами. И поскольку в этом мире вся система взаимоинтегрирована и взаимообусловлена, становится ясно во что может вылиться тот или иной конфликт, каким радиусом воздействия может быть охвачен и какими последствиями для всего мирового сообщества может быть соотнесен, поскольку каждый локальный конфликт имеет в перспективе глобальный характер. Новые параметры мирохозяйства, трансформация политической власти, все больший разрыв между богатыми странами и бедными, непроясненность моделей глобального гражданского общества, распространение деструктивных явлений в форме терроризма, экстремизма, организованной преступности, наличие локальных и глобальных источников влияют на ситуацию в мире, приводят к все большей необходимости налаживания сотрудничества во имя сохранения будущего мира, для формирования системы мировой безопасности.

В числе опасностей, грозящих уничтожению человечества, можно отметить современные средства массового уничтожения, которые также получают все большее распространение, угрожают безопасности мирового сообщества. Все это может привести к катастрофическим результатам, как в пределах отдельной локальной единицы, так и проецироваться на все человечество.

И если раньше опасность распространения подобных явлений была ограничена национальными границами, локальными структурами, то сейчас она и распространяется на мировом пространстве, и приобретает все более усовершенствованный механизм воздействия на органы управления, на государственные и другие образования², превратившись в рычаг воздействия не только на личность как таковую, но и на человечество в целом³, как признак, упирающийся в наличие

¹ Ф. Фукуяма. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ. 2006. с. 29.

² Лунеев В В Организованная преступность, уголовный терроризм в условиях глобализации// Социс. М.: 2002 .№ 5 с. 60.

³ Блауштейн Ю. Д., Яковлев А. М. О перспективах научной разработки проблем борьбы с преступностью./Ученые записки высших учебных заведений Латвийской ССР. Право. Т. XVI, вып. 1. Рига: 1981. с. 9

или отсутствие в социальной конструкции взаимодействия. Особо стоит отметить и такие деструктивные явления, как алкоголизация и наркотизация населения, способствующие преступному направлению социального поведения.

Мы уже отметили возрастание напряженности в современном мире, проявляющейся в наличии террористической угрозы, распространении преступности. Угроза использования ядерного оружия ставит под угрозу существование человечества как данности.

Все более пагубное вмешательство человека в природную сферу подошло к своей критической точке, разделяющей возможность существования биосферы как таковой. В основе этого явления лежат и резервные возможности природной среды, и потребительское отношение человека к природе, и что особенно важно, борьба за передел, за ресурсы, за рынки. Налицо два чреватых негативными результатами процесса. Как экологические проблемы современного мира, которые подходят до своей критической точки, антропогенная нагрузка на биосферу Земли¹, так и глубокая и масштабная поляризация по всем показателям между центром (группой лидирующих стран) и периферией (страны третьего мира). Значительное место в плане рассмотрения будущих моделей развития и разрешении возникающих глобальных проблем сыграла деятельность неправительственной общественной организации — Римского клуба, — созданной в 1968 году. И здесь более всего можно указать масштабность подхода к глобальным проблемам, перспективность, комплексность рассмотрения².

Противоречивость глобализации находит свое выражение и в культурной сфере. Глобализация предполагает унификацию как средство достижения равных показателей, как способ сосуществования духовных и культурных самобытностей. Однако межцивилизационное разнообразие сегодня наиболее актуально. Подобное рассмотрение духовно-культурной сферы дает некоторым исследователям основания признавать, что именно в социально-культурной сфере происходят наиболее значимые ценностные трансформации, нравственные отклонения и морально-этические нарушения³.

На современном этапе исторического развития новые опасности в виде ядерной войны, разрушения экологии, психологических атак, выходят из-под контроля национальных государств. Все чаще становятся востребованными культурные,

¹ Globalization and Development. UN, ECLAC, 2002, April. p.22.

² Кинг Л., Шнайдер Б. Первая глобальная революция: Доклад Римскому клубу/пер. с англ. М.: 1991. с. 10–11.

³ Маркин А. В. Социальные девиации и ценностные ориентации: особенности научного подхода к исследованию // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы третьего Российского философского конгресса. В 3 т.: т. 3. Ростов на Дону; Изд-во СКНЦ ВШ. 2002. с. 101.

психологические, личностные составляющие, а сама проблема обеспечения безопасности мирового сообщества выходит за рамки социально-политического аспекта, перемещаясь в сферу культуры.

Компьютерно-коммуникационные инновации поставили перед человечеством новые ценностные конфликты, так как обнаружилась ущербность духовного развития общества, его духовное истощение. Но самая опасная тенденция в контексте процессов информатизации — появление глобальных проблем в сфере информационной безопасности и войн, которое более всего актуализировалось в последние десятилетия.

Духовный аспект приобретает актуальность перед лицом глобальных катастроф, в нынешней ситуации, когда подвергаются воздействию нравственные устои общества, когда атрофируются многие этические нормы, которые и должны служить залогом гармоничного взаимодействия, плодотворного сотрудничества в социальной сфере ради построения модели общества с превалярованием ответственности за будущее как планеты, так и личности¹.

В мировой общественной мысли понятие культуры интерпретируется с различных позиций. Это и вмещающая в себя, с учетом междивизиационного разнообразия, социальную сферу, понятийная идентичность, это и взаимосвязь понятий, соотносимых с уровнем развития того или иного общества, это также ценностный аспект человеческой деятельности, и принятые в обществе нормы поведения². В обобщающем варианте это осмысливается как наличие такого состояния, когда явления в социальной действительности предопределяются культурной системой.

Культурные показатели и сама сфера культуры для человека особенно значима, поскольку именно в культуре человек выражает свою идентичность, формируется как личность со своими предпочтениями, интересами, запросами, своими мировоззренческими и ценностными установками. Человек, совершивший грандиозный прорыв в технологическом аспекте, затронув сущностные основы мироздания, оказывается не в состоянии удовлетворять свои личностные потребности.³

Указывая на одну из характерных черт, присущей культуре как таковой, а именно поведенческую и ценностную нагрузку, становится понятно, что в эпоху глобальных трансформаций не только в экономике, политике, но и других сферах, становится особенно значимым влияние подобных факторов на поведение и нравственность человека. Насколько возможно корректировать процесс глобализации. И вообще как проявляется воздействие на природу самого человека. И еще,

¹ Мамедов Н. М. Глобальный мир: проблема управления. Век глобализации. Исследования современных глобальных процессов. № 2 .2010. с. 38.

² Goodenough W. Culture, Language and society. Menlo park. 1981 p.62.

³ Фромм Э. Человек для самого себя//Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. с. 22–23.

что особенно важно, каким может быть результат глобализационного процесса, если предположить, что нагрузка по его осуществлению и ответственность за результат возложены в большей мере на человека. Ситуация еще более усложняется тем, что само понимание нравственности, этики, идеалов в современную эпоху меняется, и каковы будут критерии нравственности в эту эпоху и, следовательно, каков будет результат деятельности человека как структурирующей силы глобального воздействия — выглядит проблематично. То есть, как отмечают аналитики, взаимодействие человека с природой, с материальным миром прямо пропорционально его бессилию на духовном, социальном уровне.

За процессами глобализации стоит интеграционная сущность отношений, связей, формирующих новую цивилизацию. Наличие разнообразных и многоуровневых процессов в сферах экономики, политики, демографии, в правовом и других сферах, формирует и духовно-нравственную модель взаимоотношений, глобальную этику.

Список литературы:

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс –Традиция, 2000, 384 с.
2. Блувштейн Ю. Д., Яковлев А. М. О перспективах научной разработки проблем борьбы с преступностью. /Ученые записки высших учебных заведений Латвийской ССР. Право. Т. ХУІ, вып. 1. Рига: 1981.
3. Кинг Л., Шнайдер Б. Первая глобальная революция: Доклад Римскому клубу/ пер. с англ. М.: 1991.
4. Лунеев В В Организованная преступность, уголовный терроризм в условиях глобализации// Социс. М.: 2002.№ 5.
5. Маркин А. В. Социальные девиации и ценностные ориентации: особенности научного подхода к исследованию//Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы третьего Российского философского конгресса. В 3 т.: т. 3. Ростов на Дону; Изда-во СКНЦ ВШ. 2002.
6. Мамедов Н. М. Глобальный мир: проблема управления. Век глобализации. Исследования современных глобальных процессов. № 2.2010.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2000, 560 с.
8. Фромм Э. Человек для самого себя//Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993, 241 с.
9. Ф. Фукуяма. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ. 2006. 730 с.
10. Globalization and Development. UN, ECLAC, 2002, April. p.22.
11. Goodenough W. Culture, Language and society. Menlo park. 1981 p.62.

*Iskenderova Sabira Jafar q., scientific associate
The Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan
National Academy of Sciences
E-mail: samira-019@mail.ru*

Globalization phenomenon: the genesis and research approaches

*Искендерова Сабира Джафар г., научный сотрудник
Институт Философии, Социологии и Права
Национальной Академии Наук Азербайджана
E-mail: samira-019@mail.ru*

Феномен глобализации: генезис и направление исследований

В современной философской научной литературе нет настолько спорной и актуальной проблемы, чем глобализация. Однако при всем обилии научного материала, данное явление можно считать малоизученным и требующим дальнейших разработок. Разобщенность и многоаспектность исследовательских призм привели к тому, что до сих пор процессу не дана объективная оценка и не представлено исчерпывающее объяснение происходящим трансформациям. Глобализация — мировой интеграционный процесс, вовлекший в свою орбиту все страны, структуры, индивидов. Соответственно, каждый, попадающий под ее влияние, ощущает на себе ее проявление и выражает это с позиции собственного восприятия происходящего. Что мы имеем на сегодняшний день в научной литературе по глобализации? Огромную теоретическую и практическую базу исследований, включающую в себя анализ феномена различными науками с различных позиций; попытку соединить разрозненные аспекты данного процесса в единое целое. Закономерно, что многомерность глобализации как явления выводит разнообразие методик анализа ее, затрудняет создание единой теории глобализации¹.

Поскольку эволюция общества происходит посредством нескольких этапов, является следствием различных тенденций, так и глобализация явилась следствием общецивилизационного развития. Потому теоретическая база исследований включает в себя концепции, описывающие как исторические предпосылки ее появления, так и современные направления развития. Это и процесс, который служит объединению локальных образований в единую всемирную систему,

¹ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: 2001. с. 40

с большей долей взаимозависимости и взаимообусловленности¹, и мироцелостный проект², и дополнение к взаимозависимости, качественно новый ее уровень, с нарастающей транснационализацией уровней хозяйства и пр. Глобализацию обуславливают различными факторами, воздействующими и стимулирующими процесс формирования единой мировой общественной структуры³. К тому же сама по себе глобализация порой воспринимается не как определенная парадигма развития, а как сочетание различных явлений и процессов.

Однако все эти выкладки не приводят к общепризнанному утверждению данного феномена, поскольку здесь довольно ощутимо сказывается присутствие субъективной позиции по отношению к проблеме, в частности выраженности интересов политического, идеологического, экономического и культурного характера. Это определяет различие в понимании глобализации и как явления, и как понятия, и как методологии. То есть теория глобализации потенциально несет в себе противоречивость и разночтение по основополагающим мировоззренческим принципам. Это затрудняет создание адекватной самому феномену теории глобализации, которая давала бы исчерпывающие ответы на возникающие вопросы, охватила проблемное поле изучаемого явления.

Объективное наполнение глобализации — это исторически обусловленные, закономерные, разнонаправленные, многоуровневые интеграционные процессы. В качестве основных можно отметить следующие ее характеристики: 1) это объективный интеграционный процесс вовлечения всех стран, мировое сообщество в единое мировое пространство, в сверхобщество; 2) это системность, универсальность, многоаспектность проявлений глобализации на всех уровнях, во всех сферах общественной структуры. Среди характеристик отметим также масштабность проецирования и проявления, унификацию, фрагментацию; революционность, как показатель качественно нового прорывного этапа в цивилизационном развитии; прогрессивность; системный характер происходящих изменений; временную протяженность; многоуровневость; комплексность; необратимость и пр.

В политической сфере более всего она проявляется в идеях демократии, построения глобального гражданского сообщества, в акцентировании внимания на соблюдении прав человека; в экономической — доминировании философии рыночной экономики, операциях на мировых валютных рынках; в культурной — явлениях унификации и дифференциации, развитии науки, приоритете образования, секуляризации общественного сознания.

¹ Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. М.: СПАРК, 2000, с. 1

² Ильин М. В. Политические аспекты глобализации. // Труды Фонда Горбачева. М.: 2001. Т. 7. с. 140.

³ Деягин М. Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. Курс лекций. М.: Инфра.М, 2003. с. 51.

Можно отметить в этой связи попытки усмотреть в подобных взаимодействиях более передовое воздействие западного мышления. Так, например, отмечается, что благодаря американским технологиям, внедряемым посредством ТНК, в отстающих странах наблюдается экономический рост, растут экономические показатели¹.

Проблемное течение глобальных процессов может обнаруживаться в политической сфере (трансформация роли государства в современности), в культурной (массовость культуры, исчезновение и уничтожение национальной ее сущности), в экономической (кризисные тенденции, риски для мирового экономического пространства).

Противоречивость и болезненность процесса способствуют тому, что современная глобализация не может восприниматься аналитиками как позитивная и оптимальная модель мира. Разобщенность в прогнозах относительно будущей модели мирового устройства, тем не менее, не отмечает сам факт того, что западный вариант формирования глобальной общественной структуры все еще стоит в авангарде происходящих событий, определяет их.

Западные технологии, информационный прорыв, произведенный с помощью интернета, повлияли на трансформацию современного мира. И порой не самым благоприятным образом, учитывая то, что в сегодняшнем варианте глобализации преследуются и защищаются интересы определенных стран, внедряющих эти технологии.

И то, что сегодня во многих исследованиях по проблемам глобализации, нет восприятия западной модели как единственно верной модели исторического развития — следствие реакции на происходящие ныне в мире события. Проводники глобализации не учитывают многообразия исторического процесса, игнорируют социальные, цивилизационные и природные особенности государств, участвующих в мировом глобализационном процессе, что и послужило важным и основным моментом для неприятия глобализации, и как следствие двусмысленного отношения к самой теории глобализации. Современная теоретическая мысль отличается сложностью и переплетением мировоззрений, вплоть до противопоставления их друг другу. Подобный синтез является своеобразным основанием для формулирования новой альтернативной парадигмы, выработки некоей цивилизационной планетарной модели развития. Эта мировоззренческая философская альтернатива сконцентрировалась в философии альтерглобализма, философии многополярности. Противостоящий глобализму проект взял за основу как новые концепции развития, в которых либерализм отвергался как метод социальной эволюции, так и соотносился с традиционными воззрениями, вытекающими

¹ Ритцер Д. Современные социологические теории. СПб.: 2002. с. 497–506

ми из самобытности народов, населяющих планету. В этом явлении нашел свое место плюрализм подходов, взглядов и решений на противоречия и процессы, протекающие на различных уровнях и в сферах мировой общественной структуры (экономические, социальные, политические, культурологические, духовные сдвиги). Альтерглобалисты не выступают за полное отрицание глобализации как таковой, а выдвигают в качестве альтернативы иные источники развития¹, предлагают следующую программу претворения в жизнь модели «иног мира», как-то: обобществление общественных благ (сырье, интеллектуальный потенциал и др.), усматривая в качестве реализации данного пункта возможности эволюции социальных норм, «признание этих благ глобально-общественными или всеобщими»².

Как видим, практическая выраженность глобализации в отличие от ее теоретической модели выражается в противоречивой природе взаимодействия глобального и локального. И в момент, когда встает задача исследовать природу и сущность глобализации, авторы обращаются как к теоретической основе данного феномена, так и к практической ее составляющей, выраженной в многомерных процессах. Итак, с учетом отмеченных особенностей нынешнего этапа исторического развития, можно сгруппировать в определенную систему основные факторы формирования нового мира. Прошлая модель общественной системы была детерминирована технологическим прорывом и экономическими показателями. Глобализационная модель отличается распространением глобального рынка, международной специализацией и разделением труда, ролью и значением ТНК как определяющей и мировую экономику, культуру, и мировую политику силы. В современных процессах глобализации огромная роль принадлежит информационно-коммуникационным технологиям (Интернет, спутниковая и мобильная связь), и эта новая форма интеграции в рамках мирового пространства становится той модификацией, которая объединяет человечество в единую взаимосвязанную и взаимообусловленную общественную систему с новыми социальными параметрами. Человечество переживает переход от постиндустриального к информационному этапу исторического развития. И здесь качественно новое значение приобретает геополитический фактор, как возможность совместными усилиями человечества сформулировать и реализовать оптимальную общецивилизационную модель развития.

¹ Бузгалин А, Колганов А. « Противоречия глобальной гегемонии капитала (к вопросу о содержании и противоречиях так называемой «глобализации» в кн. «Альтерглобализм. Теория и практика «антиглобалистского движения». М.: УРСС, 2003. с. 9

² Бузгалин. «Альтерглобализм: к теории феномена» в кн.: «Альтерглобализм: теория и практика антиглобалистского движения». М.: УРСС, 2003. с. 57

Если отталкиваться от объективной необходимости глобальных процессов во имя объединения и развития мирового сообщества, заключаемого в основе самого понятия глобализация и в ее целях, то становится понятным, что здесь определяющим предстает идея сотрудничества для разрешения возникающих проблем со стороны всех заинтересованных сторон, для предотвращения роста противостояния. Поскольку кооперация и сотрудничество служат гарантией дальнейшего позитивного развития сфер общества в мировом масштабе, то игнорирование данного процесса каким-либо участником или участниками мирового процесса, неприятие самого факта объединения всего человечества во имя общей планетарной судьбы может послужить препятствием для реализации идеи глобального сверхобщества.

Создание гармоничного мирового порядка и глобального мирового сообщества несет в себе идею благополучного проживания для жителей планеты, который возможен лишь в результате преодоления социально-экономического, политического, культурного и правового дисбаланса, снижения современных геополитических и межкультурных противоречий. В данном аспекте важным предстает сотрудничество различных структур для разрешения возникающих проблем мирового развития.

Список литературы:

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
2. Бузгалин А, Колганов А. «Противоречия глобальной гегемонии капитала (к вопросу о содержании и противоречиях так называемой «глобализации» в кн. «Альтерглобализм. Теория и практика «антиглобалистского движения». М.: УРСС, 2003. 256 с.
3. Бузгалин. «Альтерглобализм: к теории феномена» в кн.: «Альтерглобализм: теория и практика антиглобалистского движения». М.: УРСС, 2003. 256 с.
4. Деягин М. Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. Курс лекций. М.: Инфра.М, 2003. 333 с.
5. Ильин М. В. Политические аспекты глобализации. //Труды Фонда Горбачева. М.: 2001. Т. 7.
6. Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. М.: СПАРК, 2000, 262 с.
7. Ритцер Д. Современные социологические теории. СПб.: 2002. 688 с.

*Kadiyeva Samira Abdulsamedovna,
scientific associate The Institute of Philosophy,
Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences
E-mail: samira-019@mail.ru*

The global tendencies and perspectives development

*Кадиева Самира Абдулсамедовна, научный сотрудник
Институт Философии, Социологии и Права
Национальной Академии Наук Азербайджана
E-mail: samira-019@mail.ru*

Глобальные тенденции и перспективы развития

Последние десятилетия прошлого века и начало нынешнего явились переломным рубежом в развитии мировой цивилизации. Модернизацией охвачены основные сферы жизнедеятельности общества и государства: экология, общественные отношения, межкультурное взаимодействие. Мы находимся на таком этапе исторического развития, когда особенно явственно обозначается потребность мирового сообщества к объединению, построению единого мирового экономического, политического, культурного пространства. Мировое сообщество строит свою общественную модель с учетом всех социальных трансформаций, с учетом формирования новой общецивилизационной модели развития.

Постиндустриальное общество, характерное для наиболее развитых стран мира, к концу XX века достигло определенной внутренней стабильности. К тому моменту стало проявляться доминирующее положение на мировой арене западных стран, их лидерство по многим параметрам, в соответствии с чем они стали представлять собой ту силу, которая начала формировать новую политику развития. Информатизация не в меньшей мере способствовала связыванию регионов планеты, предоставив западному миру возможность унификации всего мира по своему образцу. Указанная стратегия была скоординирована с объективными тенденциями глобализации, которые координировались глобальной политикой индустриально развитых стран.

Глобализация, определяющая весь ход современного исторического развития, не оставляет не задействованными локальные структуры. Особенно актуальным и исторически ориентированным является взаимодействие национального и глобального. С учетом глобализационных тенденций, интеграции и транснационализации этот взаимообмен особенно актуален в социокультурной сфере, поскольку сфера культуры формирует формат и характер этих взаимоотношений, является залогом конструктивных отношений при сохранении этических норм, присущим каждому локальному обществу с ориентацией перехода этого в масштаб глобального.

События последних лет, имеющие место во всех сферах мирохозяйства, становятся основой для сомнений в положительном протекании глобализационных процессов. Кризисные проявления в экономической сфере, риски, переживаемые мировым сообществом с учетом включенности всех национальных экономик в глобальную экономическую систему, приводят к тому, что ученые все более негативно характеризуют неолиберальную глобализацию. Сама идея допустимости и превосходства рыночной философии в экономических отношениях уступает место предпочтению государственного регулирования в программах национального развития. Положительному течению процессов в немалой степени будет способствовать международное сотрудничество в экономической сфере, послабление со стороны международных экономических структур развивающимся странам. Природные ресурсы сейчас находятся на своих критических отметках. Не случайно, что большое направление исследований, обвиняющих глобализацию в ее неуправляемом пагубном воздействии на природу, принадлежат экологам, которые пытаются разрешить назревшее противоречие путем ответственного подхода человечества, его экономической деятельности в отношении к окружающей среде.

Современный этап глобализации достаточно «... единодушно ассоциируется с глобализацией мировой экономики», тем самым означая, что процессы взаимоинтегрированности становятся все интенсивнее, в сфере экономической и финансовой глобализации наиболее зримо проявляя себя через растущие потоки финансовых, человеческих ресурсов, их все более тесной взаимосвязи¹. И это не случайно. Именно здесь процессы глобализации проявляют себя масштабно, глобально. И понятие глобальная экономика, транснациональное, то есть состоящее из локальных, национальных экономик, хозяйство — может служить своего рода характеристикой нынешнего ее этапа.

Экономическая взаимозависимость, процессы интеграции и интернационализации, в перспективе приводящие к общей для всего мирового сообщества единой экономической системе, предопределяют и высвечивают показатели своего влияния также и в политической, и в культурной сфере. То есть социальные отношения в большей мере становятся показателями финансовых отношений, вытекают из них.

В программах развития важное значение отводится ценностному, культурному фактору, формированию правильного гуманного подхода к природным и человеческим ресурсам.² Эта позиция более всего сейчас актуальна с учетом техногенного влияния на экологию планеты.

¹ Мехтиев Р. Азербайджан: вызовы глобализации. Баку: XXI YNE.2004. с. 13.

² Комаренко Г., Ефимов В. Экономическая глобализация: теория и практика // Экономист. 1998. № 11. с. 81.

Характеристика последствий глобализации позволяет определить роль глобализационных процессов в динамике отрицательных тенденций, катаклизмов. Сегодня недостатками глобализации могут считаться следующие:

1) В мирохозяйственной системе наблюдается неустойчивость. Мировая экономика настолько взаимоинтегрирована, что колебания в ее показателях ощущают на себе все задействованные в этом процессе страны (наглядные примеры — кризисные явления 1997–1999 годов и 2007–2010 гг.);

2) Все более углубляющаяся полярность между индустриально развитыми странами¹ и отстающими в своем развитии государствами²;

3) Миграционный фон в современной действительности позволяет констатировать рост ее масштабов, поток мигрантов, в основном, следует из отстающих регионов мира в развитые. Принимающий все больший размах и уже не поддающийся контролю со стороны национальных и наднациональных структур, этот процесс лежит в основе как деструктивных явлений, расистских, экстремистских способов выражения, так и в расширении ареала заболеваний (в последнее время участвовавшие случаи распространения различных видов вирусных заболеваний типа птичий, свиной и др. грипп);

4) Растет полярность между положением богатых и бедных слоев в самих индустриально развитых странах;

5) Растет влияние, в т. ч. политическое, ТНК, присутствует экологический кризис, поскольку природная среда страдает вследствие коммерческой деятельности или отсталой системы хозяйствования;

6) Массовая культура все более подавляет локальную, преследуя целью унифицировать ее по своему подобию. Возрастает негативное влияние массовой культуры, угрожающее культурному и цивилизационному многообразию современного мира. Нарастает экстремистская и террористическая угроза как сила, противостоящая подобному культурному доминированию. Активизируется участие различного плана организации, структуры, индивидов в мероприятиях, направленных против глобализации;

— традиционных и новых меньшинств — общин, обладающих культурным своеобразием и не полностью интегрировавшихся в доминирующую культуру стран постоянного проживания, плохо адаптирующихся к быстро меняющимся реальностям;

— социальных движений, защищающих права и интересы ущемленной части мирового сообщества вследствие происходящих в экономической сфере глобализационных процессов.

¹ Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: 1997. с. 481.

² Там же. с. 483.

— отдельных национальных правительств (не исключая и самые влиятельные, например, правительство США) и различные властные структуры, потенциально находящиеся в зоне риска из-за определенных негативных для них последствий неолиберальной глобализации¹.

И наконец, упоминание о деструктивных, неадекватно воспринимающих современную действительность силах, которые получают все большее распространение с учетом все более прогрессирующего отторжения нынешней модели глобализации от тех благих перспектив, что подразумевала собой глобализация как объективный процесс формирования благополучного общества вселенского масштаба².

Вследствие этого, «надеждам на создание единого мира не суждено сбыться, по крайней мере, в ближайшие десятилетия, а может быть и столетия». Такой пессимистический прогноз вытекает из-за все большего несоответствия современных возможностей и достижений человечества в построении единого глобального мира противоречивой природе современной действительности³.

Глобализация — двусторонний процесс, приносящая как изобилие, продуктивность, эффективность производства, так и ведущая к углублению неравенства, насильственной унификации, подрыву гражданского общества. Глобализация оказывает качественное влияние на перспективы развития, демократизации, снижая роль государства и повышая роль ТНК в регулировании глобальных процессов. Оказавшись в целом продуктивной в плане приобретения благ для индустриально развитых стран, стоящих в авангарде мирового развития, неолиберальный вариант проведения глобализации стал бедствием для развивающихся стран.

Для успешного проведения глобализации во имя блага всего человечества и для снижения негативных ее проявлений от каждой страны-участницы требуется конструктивный подход, умение кооперировать свои интересы с интересами мирового сообщества. Именно учет интересов мирового сообщества как единого социального организма, и себя как уникальной части этого организма, может стать тем подспорьем, который поможет определенной стране, а посредством ее также и всему мировому сообществу, приобрести наибольшие блага и пользу посредством глобализации.

¹ Мехтиев Р. Азербайджан: вызовы глобализации. Баку: XXI YNE.2004. с. 237–238

² Там же. с. 238

³ Иноземцев В. Л., Кузнецова Е. С. Глобальный конфликт XXI в. Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий// «Полис» («Политические исследования»). 2001. № 6. с. 131–132

Список литературы:

1. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: 1997. 608 с.
2. Иноземцев В. Л., Кузнецова Е. С. Глобальный конфликт XXI в. Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий// «Полис» («Политические исследования»). 2001. № 6.
3. Комаренко Г., Ефимов В. Экономическая глобализация: теория и практика//Экономист. 1998. № 11.
4. Мехтиев Р. Азербайджан: вызовы глобализации. Баку: XXI YNE.2004. 582 с.

*Misyurov Dmitry Alexandrovich, Moscow State University
of Geodesy and Cartography (MIIGAiK), Docent,
Department of Philosophy and Socio-Economic Sciences
E-mail: dmisyurov@gmail.com*

Modeling of social development through dialectic schemes and formulas

*Мисюрлов Дмитрий Александрович,
Московский государственный университет
геодезии и картографии (МИИГАиК),
кафедра философии и социально-экономических наук, доцент
E-mail: dmisyurov@gmail.com*

Моделирование общественного развития путем диалектических схем и формул

Для разрешения глобальных и локальных кризисов, важно обращение к диалектике — учению о развитии разрешением противоречий. Общая схема с диалектически, диалогически развивающимися элементами¹ X и Y, разрешением их противоречия выходом на новый уровень развития X' и Y':

$$\begin{array}{l} X_1 - Y_2 - \\ X'_4 - Y'_8 - \end{array}$$

Развитие идет в единстве и борьбе противоположностей, отрицанием отрицания, переходом количественных изменений в качественные, и наоборот. Удваивающиеся символические веса элементов указывают на развитость, вес нового элемента больше суммы предшествующих, что символизирует прогресс.

¹ См.: Мисюрлов Д. А. Моделирование развития с помощью диалектических формул на основе двоичного счисления. Москва, 2013. – 352 с.

В решении одного из ключевых вопросов философии, в схеме разрешение противоречия бытия и сознания при первичности бытия дает новый элемент в виде культуры как новый уровень бытия; а разрешение противоречия бытия, сознания и культуры дает философию как новый уровень развития сознания (посредством культуры):

бытие₁ — сознание₂ —
культура₄ — философия₈ —

Предлагаемый диалектический принцип сущего как осуществления₈ сущности₄ существования₂ существа₁ не останавливает развитие на субстанции, экзистенции, эссенции или имплементации:

существо₁ — существование₂ —
сущность₄ — осуществление₈ —

Диалектика бытия:

Существо (материя): пространство — время —

Характеристики: бесконечность — конечность —
непрерывность — прерывность —

Существование (движение): изменение — развитие —

Характеристики: изменение ((взаимо)связи — (взаимо)действия) —
развитие (отношения — деятельность) —

Сущность (состояние, мера): качество — количество —

Характеристики:

общее — единичное —

тождество — различие —

особенное — отдельное —

единство — борьба —

Осуществление (процесс): эволюционно-революционная смена мер.

Общественное бытие, когда общество есть диалектика экономического и социального элементов:

Экономико-социальное существо (материал): природа — человечество —

Характеристики:

природа: неорганическая (физический уровень — химический) —

органическая (органическое вещество — биосфера) —

человечество: психофизиологическая основа (физиология — психика) —

инфокоммуникационная надстройка (информация — коммуникация) —

Экономико-социальное существование (движение): экономическое развитие — социальное развитие —

Характеристики:

экономико-социальное изменение: (взаимо)связи — (взаимо)действия —

экономико-социальное развитие: отношения — деятельность —

Экономико-социальная сущность (мера): вещи — социум —

Характеристики:

Вещь (политэкономически):

необходимый продукт — прибавочный продукт —

товар — деньги —

потребительная стоимость — меновая стоимость —

рабочая сила — капитал —

Социум:

община (общее) — индивид (единичное) —

равенство (тождество) — неравенство (различие) —

группа, корпорации (особенное) — личность (отдельное) —

нация (единство) — классы (борьба) —

Экономико-социальное осуществление (процесс): эволюционно-революционная смена экономико-социальных формаций.

Смена формаций в сущности связана с приоритетами диалектики вещи и социума, которые определяют ключевые противоречия развития:

Вещь:

Первый виток:

первобытнообщинная формация: необходимый продукт — прибавочный продукт —

рабовладельческий строй: товар — деньги —

феодализм: потребительная стоимость — меновая стоимость —

капитализм: рабочая сила — капитал —

Второй виток:

социализм: необходимый продукт' — прибавочный продукт' —

современный глобализм: товар' — деньги' —

следующий строй: потребительная стоимость' — меновая стоимость' —

И т. д.

Новые политэкономические доминанты на новом витке должны отличаться от предшествующих, беря у прошлого ценное, разрешая противоречия. Например, для социализма был важен вопрос собственности (общественной и частной), противоречие разрешили новыми доминантами — монополии и конкуренции, актуальными для глобализма.

Социум:

Первый виток:

первобытнообщинная формация: община (общее) — индивид (единичное) —

рабовладельческий строй: тождество (равенство) — различие (неравенство) —

феодализм: группы, корпорации (особенное) — личность (отдельное) —

капитализм: нация (единство) — классы (борьба) —

Второй виток:

социализм: община' (общее') — индивид' (единичное') —

современный глобализм: равенство' (тождество') — неравенство' (различие') —

следующий строй: группа, корпорации' (особенное') — личность' (отдельное') —

И т. д.

Интегрированная схема **диалектики формаций**:

Первый виток:

первобытнообщинная формация (тезис) — рабовладельческий строй (анти-тезис) —

феодализм (синтез) — капитализм (антисинтез) —

Второй виток:

социализм (тезис') — современный глобализм (антитезис') —

следующий строй (синтез') — будущий строй (антисинтез') —

Новый виток:

Новая формация (тезис'') — и т. д.

Диалектическая формула с символическими весами для X и Y имеет вид с недоминантами (строчно, соответствии 0 в двоичном числе), и доминантами (прописью, соответствие 1), **выделены** скачки с уровня на уровень:

y_0x_0 (0) — y_0X_1 (1) — Y_2x_0 (2) — **Y_2X_1** (3) —
 $X'_4y_0x_0$ (4) — $X'_4y_0X_1$ (5) — $X'_4Y_2x_0$ (6) — **$X'_4Y_2X_1$** (7) —
 $Y'_8x'_0y_0x_0$ (8) — $Y'_8x'_0y_0X_1$ (9) — $Y'_8x'_0Y_2x_0$ (10) — $Y'_8x'_0Y_2X_1$ (11) —
 $Y'_8X'_4y_0x_0$ (12) — $Y'_8X'_4y_0X_1$ (13) — $Y'_8X'_4Y_2x_0$ (14) — **$Y'_8X'_4Y_2X_1$** (15)
 $-X''_{16}y'_0x'_0y_0x_0$ (16) —

И т. д.

Иногда перед композицией располагают потенциально вырастающий элемент с нулевым весом. Начальный неразвитый синтез y_0x_0 (0) с качественным отличием элементов, первичностью x , сменяется проявлением противоположностей y_0X_1 (1) — Y_2x_0 (2), при этом возрастает вес доминант и общий символический вес комбинаций. Зрелое противоречие **Y_2X_1** (3), дает преимущество одному из элементов — перевес Y_2 , однако революционное разрешение противоречия **Y_2X_1** (3) — $y'_0X'_4y_0x_0$ (4), выводит в лидеры символических весов новый элемент **X'_4** , с новым максимальным весом, и т. д. На отдельных уровнях идет эволюционная комбинаторика новых и прошлых элементов, например:

$X'_4y_0x_0$ (4) — доминанта **X'_4** . В композиции $X'_4y_0X_1$ (5) — диалектика, единство и борьба доминант нового X'_4 и прошлого X_1 . В композиции $X'_4Y_2x_0$ (6) — диалектика нового X'_4 и прошлого Y_2 . Зрелое противоречие всех элементов **$X'_4Y_2X_1$** (7), разрешается выходом на новый уровень с образованием новой доминанты: **$X'_4Y_2X_1$** (7) — $Y'_8x'_0y_0x_0$ (8), и т. д.

Внутри формаций также имеется рефлексия на предшествующие элементы. Так, при социализме рефлексивно-эволюционные шаги: постреволюционный первобытно-социалистический этап, сталинский антично-социалистический, хрущевско-брежневский феодально-социалистический, горбачевский капиталистическо-социалистический с вызревaniem зрелого противоречия, которое разрешается переходом к современному глобалистскому строю. Ныне мир и Россия, пройдя первобытно-антично-феодально-глобалистские комбинации, находятся на капиталистическо-глобалистском этапе с его мировыми кризисами и перспективой разрешения шагом к социалистическо-глобалистскому этапу с все большим планированием, социальными программами, чему противостоят консервативно-либеральные и другие апологеты глобализма. Россия в этом противостоянии воспринимается как наследница левых, восточных предпочтений против правых западных (см. политэкономические элементы слева и справа, а также левые и правые формации).

Выявленные закономерности — поле для субъектной деятельности, в том числе с «перескоками» некоторых этапов, уровней, как это произошло, например, в истории России, где, разрешая экономико-социальные противоречия капитализма и феодализма, «перескоком» была проведена первая социалистическая революция (поскольку социалистическую экономику пришлось подверстывать позднее). Имелся также «перескок» первобытных и феодальных обществ к капитализму или социализму.

Модель экономико-социального развития создается с помощью диалектических формул на основе двоичного счисления. В диалектике экономико-социального развития отрицанием отрицания меняются уровни экономического и социального развития, разрешаются незрелые и зрелые противоречия элементов экономики (э) и социальной сферы (с):

Вызревание противоречия экономики и социальной сферы:

$$c_0\varepsilon_0 - c_0\varepsilon_1 - C_2\varepsilon_0 - C_2\varepsilon_1 -$$

Разрешение противоречия $C_2\varepsilon_1$ выходом на новый уровень развития экономики:

$$c'_0\varepsilon'_4 c_0\varepsilon_0 - c'_0\varepsilon'_4 c_0\varepsilon_1 - c'_0\varepsilon'_4 C_2\varepsilon_0 - c'_0\varepsilon'_4 C_2\varepsilon_1 -$$

Разрешение противоречия $c'_0\varepsilon'_4 C_2\varepsilon_1$ выходом на новый уровень развития социальной сферы: $C'_8\varepsilon'_0 c_0\varepsilon_0$ — и т. д.

Здесь социально-экономические революционные скачки, к новому уровню развития экономики (например $C_2\varepsilon_1 - c'_0\varepsilon'_4 c_0\varepsilon_0$), а также экономико-социальные (например $c'_0\varepsilon'_4 C_2\varepsilon_1 - C'_8\varepsilon'_0 c_0\varepsilon_0$), с выходом на новый уровень социального. Также и в любом другом диалектическом развитии (бытия и сознания, техники и науки, и т. п.), имеются два типа революционных скачков: во-первых, назовем их, прямые, или базисно-надстроечные, например, технико-научные, и вторые,

соответственно, обратные, или надстроечно-базисные, например, научно-технические, что и составляет диалектический прогресс, тех же науки и техники. Диалектические схемы, формулы дают возможность сознательно моделировать развитие, уточнять диалектическую теорию.

Предлагаемая диалектика сознательного отражения:

Существо (материал): сознание (понятие — мышление) —

Существование (движение): язык (означение — идеологизация) —

Сущность (мера): знаково-идеологическая информация —

Осуществление (процесс): коммуникация, речь —

Как и в отражении света, когда предмет не только воспринимает, но отражает свет, сознательное отражение в конечном счете должно дать действие вовне (коммуникация, речь), а само отражение не просто отображает, копирует, но преобразует, развивает отраженное с помощью понятия, мышления, языка. Мера отражения — информация, которая меняется, передается в процессе речи, коммуникации. Сознание более развито, чем бытие, оно способствует развитию бытия, выходу его на новый уровень культуры.

Сознание как *Существо* (материал): понятие — мышление —

Характеристики:

понятие: чувство (ощущение — восприятие) — понимание (представление — понятие) —

мышление: рассудок (интуиция — формально-логические суждения и умозаключения) —

разум (интеллигенция — диалектическое мышление) —

Язык как *Существование* (движение): означение — идеологизация —

Характеристики:

означение: сигнал (прообраз — предназначение) — знак (обозначающее — значение) —

идеологизация: символ (образ — смысл) — идеология (идея — познание) —

Сущность (мера): знаково-идеологическая информация —

Осуществление (процесс): эволюционно-революционная смена знаково-идеологической информации.

Интуиция и интеллигенция в мышлении появляются как рефлексия соответственно рассудка и разума на первичные уровни сознания. На базе образно-смыслового символа появляется идеология, где рефлексия логоса проявляется не только в познании идей, но и предшествующих элементов языка, сознания, а также бытия. Так логос становится наиболее развитым элементом в существовании существа сознательного отражения. Ограниченность в идеологическом развитии есть ограниченность развития сознательного отражения и соответственно ограничение способности сознательного преобразования бытия.

Схему культуры также можно составить, исходя из диалектики нового и прошлых элементов: материальная культура эволюционирует, обращаясь к бытию; духовная культура — к сознанию, и к бытию (опосредованно сознанием). **Схема философии** будет включать онтологию как обращение к бытию, гносеологию с весомым элементом сознания, а также философию материальной и духовной культуры. Такой порядок можно обнаружить, создав с помощью диалектической формулы на основе двоичного счисления модель бытия (б), сознания (с), культуры (к), философии (ф):

Вызревание противоречия бытия и сознания:

$$c_0 b_0 \text{ — } c_0 B_1 \text{ — } C_2 b_0 \text{ — } C_2 B_1 \text{ —}$$

Разрешение зрелого противоречия $C_2 B_1$ революционным скачком, выходом на уровень культуры с дальнейшей комбинаторной эволюцией:

$$K_4 c_0 b_0 \text{ — } K_4 c_0 B_1 \text{ — } K_4 C_2 b_0 \text{ — } K_4 C_2 B_1 \text{ —}$$

Разрешение зрелого противоречия $K_4 C_2 B_1$ выходом на новый, философский уровень:

$$\Phi_8 k_0 c_0 b_0 \text{ — } \Phi_8 k_0 c_0 B_1 \text{ — } \Phi_8 k_0 C_2 b_0 \text{ — } \Phi_8 k_0 C_2 B_1 \text{ —}$$

$$\Phi_8 K_4 c_0 b_0 \text{ — } \Phi_8 K_4 c_0 B_1 \text{ — } \Phi_8 K_4 C_2 b_0 \text{ — } \Phi_8 K_4 C_2 B_1 \text{ —}$$

И т. д.

То, что Гегель относил к области духа («Наличествующая настоящая форма духа заключает в себе все прежние ступени... Те моменты, которые дух, по-видимому оставил позади себя, он содержит в себе, и в своей настоящей глубине»¹) в предлагаемых схемах, универсальных диалектических формулах и моделях конкретизируется в закономерных сочетаниях, композициях доминант, недоминант новых и прошлых элементов, в дискретности перехода от композиции к композиции. Эти шаги и скачки — разрешение одних противоречий с созданием новых. Так развивается ограниченный тезисно-антитезисно-синтезный метод, давая математизированную картину комбинаторного эволюционно-революционного развития с диалектической взаимосвязью всех элементов.

В духовной культуре:

Существо (культура как материал): мифологичность — рациональность –

Характеристики:

искусство (мифологичность) — нравственность (рациональность) –

религия (мифологичность') — наука (рациональность') –

Существование (движение культуры): эмпирия — теория –

Характеристики:

эмпирия (наблюдение) — гипотезы (теория) –

эксперимент (наблюдение') — выявление закономерностей (теория') –

Сущность (мера культуры): вера — знание –

¹ Гегель. Соч. М.-Л., 1935. Т. 8. С. 75

Осуществление (просвещение как процесс): эволюционно-революционная смена знаниевых комплексов.

В **философии**: этика — эстетика — формальная логика — диалектика –

Если социально-экономическое развитие дополнить право-политической (государственной) надстройкой, то с учетом бытия, сознания, культуры, философии:

экономико-социальное бытие — экономико-социальное сознание –

экономико-социальная культура — экономико-социальная философия –

право-политическое бытие — право-политическое сознание –

право-политическая культура — право-политическая философия –

Указанные компоненты могут диалектически делиться и, например, в от-деленном от права политическом сознании найдется место политическим символам и политической идеологии. Можно говорить об эволюционно-революционной смене бытийно-сознательно-культурно-философских формаций в общественном развитии.

Диалектические схемы, формулы могут использоваться для моделирования развития, алгоритмизации исследований, для создания искусственного интеллекта, тренировки системного мышления.

*Mitina Natalya Georgievna, Far Eastern Academy of Art,
docent of chair humanities disciplines
E-mail: Millkonf@yandex.ru*

Utopian project E. Zamyatin

*Митина Наталья Георгиевна,
Дальневосточная государственная академия искусств,
доцент кафедры общегуманитарных дисциплин
E-mail: Millkonf@yandex.ru*

Утопический проект Е. Замятина

Попытки реализации утопических проектов Нового времени, выявившие их абстрактный характер, заставили философов задуматься о смене ценностных ориентиров. Одним из первых перекоз в системе общечеловеческих ценностей в теории и практике марксистского учения заметил Евгений Замятин. Его роман «Мы» — это образно-чувственное предощущение возможных последствий реформ, проводимых с холодной расчетливостью и игнорированием интересов личности. Доминантой, вокруг которой строится «жизненный мир» проекта, является телесность. Это смысловое ядро антиутопии.

Центральная философская идея Замятина восходит к учению Платона о государстве общественного блага, в котором каждый отдельно взятый гражданин обязан жертвовать своим личным счастьем во имя процветания целого государства. В этом кроется возможная причина несостоятельности утопий, полагает Замятин.

Культ государства, предстающего как Божество, требующее поклонения и подчинения личности, присутствует практически во всех социальных утопиях. Замятин зафиксировал эту особенность утопических проектов, провозгласив в романе «Мы»: «Мы» — от Бога, а «Я» — от Дьявола». Утопическое государство воплотило древнюю мечту о рае, где нет желаний, жалости, любви, где есть «блаженные с оперированной фантазией» — ангелы, рабы Божьи¹. Выбор, предложенный Адаму и Еве, — свобода без счастья или счастье без свободы, — привел к фатальной исторической ошибке, от которой пострадало все человечество. Люди выбрали свободу, а потом затосковали об оковах. В середине XX века это свойство человека чутко уловил Эрих Фромм. В работе «Бегство от свободы» он размышляет о нежелании «обычного человека» быть свободным. Его устраивают условия полной или частичной потери личностной идентификации². Подобные настроения и склонности «обычного человека» обеспечили успех и длительное существование тоталитарных государств. Быть ведомыми, быть «как все», делает вывод Замятин, «обычные» люди принимают за счастье стабильности, покоя и безответственности. Поэтому и отношения между индивидами строятся в любом утопическом государстве под строгим наблюдением государственных институтов, исключающим любые проявления чувств, ведущих к разрушению созданного «рая».

Философия Замятина связана с осмыслением вопросов пола, которые приобретают у него, как и у его предшественников, космический масштаб. Однако вселенская сущность пола в его интерпретации имеет иной смысл, чем в традиционных утопиях. В отличие от многих философов он не выделяет «мужское» и «женское» в отдельные категории. Космизм пола выглядит как направленность Единого (состоящего в слиянии мужского и женского) к созиданию и разрушению. Созидание выражено в форме энергии, а разрушение — в форме энтропии. И энтропия, и энергия — это не просто физические силы, а социально значимые векторы общественного состояния. Энтропия в трактовке Замятина определяется как движение к счастливому равновесию, блаженному покою, стагнации. Застывшие формы жизни и есть причина тоталитаризма, безволия и дискриминации, утверждает Замятин. В противоположность энтропии энергия — это дви-

¹ Замятин Е. И. Мы/Е. И. Замятин//Избранные произведения: в 2 т. – Т. 2. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 86, 142.

² Фромм Э. Бегство от свободы/Э. Фромм. – Доступно из URL: <http://syndikalist.narod.ru/fromm/escape/5.HTM> (дата обращения: 09.08.05). – Гл. 5. – С. 18 из 61.

жение вперед к разрушению равновесия. Лишь новое дает жизнь и устраняет давление традиций и пережитков. Уроки марксистской диалектики весьма отчетливо сказываются на замятинском понимании исторического процесса. Перенесенные в антиутопию, они определяют ее конструкцию.

Общество без «души» — духовности, где государство взяло на себя функции Бога, и в обмен на свободу обеспечивает граждан всеобщим счастьем, убедив «нумера» в его необходимости и пытаясь реализовать данную идею в масштабах Вселенной. Бездуховное общество не дает возможности развития личности, более того, это общество в лице Единого Государства уничтожает все проявления свободы чувств и тем самым лишает своих граждан личности, формируя серую массу, готовую к подчинению и выполнению воли Благодетеля и Хранителей. Эта серая масса рабочих винтиков и представляет собой то социальное тело, на которое спроецирована утопия. Казнь и пытки воспринимаются как необходимость для достижения всеобщего счастья. Газовый колокол в Операционной — не издевательство, тут высокая цель — забота о безопасности Единого Государства¹. Эрнст Юнгер в своей концепции гештальта рабочего отмечает, что подлинная свобода заключается в принадлежности силовому полю, господство над которым осуществляет гештальт рабочего. Он подчеркивает, что поскольку свобода здесь является экзистенциальной величиной, то это означает, что «люди располагают свободой в той самой мере, в какой они ответственны перед гештальтом рабочего»². У Замятина свобода определяется принадлежностью «нумера» Единому государству и его готовностью выполнять законы Скрижали. Таким образом, мы видим декструктивное социальное тело, не способное к творческому созиданию, это послушные механизмы, выполняющие поставленную задачу и готовые уничтожить и разрушить все, что несет угрозу их всеобщему счастью.

Вопросы семьи и брака непосредственно связаны с воспроизводством человека. Следовательно, общество заинтересовано в появлении сильного и здорового потомства, с одной стороны, и должном воспитании будущего поколения, с другой. Материнская и Отцовская нормы, существующие в Едином Государстве, регулируют процесс деторождения. Замятин показывает всю чудовищность тоталитарного воспитания, корни которого уходят в утопический проект Платона, утверждавшего, что дети должны быть общими и не должны знать своих родителей. Обязанности воспитателя принимает на себя государство, регулирующее воспитательный процесс в соответствии со своими законами.

¹ Замятин Е. И. Мы/Е. И. Замятин//Избранные произведения: в 2 т. – Т. 2. – М.: Худож. лит., 1990. С. 54.

² Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт/Э. Юнгер//Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. – СПб.: Наука, 2000. – С. 213, 425.

Нет ни матери, ни отца, есть только Единое Государство, которое растит, воспитывает детей, дает им необходимое образование. Но монополия государства на воспитательный процесс исключает создание личности, оно превращается в конвейерное производство по созданию усредненных, физически крепких здоровых индивидов, готовых к общественно-полезному труду и воспроизводству потомства. Уход за подрастающим поколением, образование и иные формы воспитания вызывают у Замятина ассоциации с селекцией и такими видами занятий, как садоводство, рыбоводство и т. п. По аналогии с подобными селекционными работами он определяет государственную систему воспитания как «детоводство», целью которого является не личность, а «обычный ребенок»¹. Общественное воспитание должно выполнить задачу превращения личности в часть общего коллектива, сделать человека винтиком Единого Государства, как указывает Э. Юнгер — «отказаться от индивидуального образца и постичь себя как представителя гештальта рабочего»².

Однако Замятин не согласен с превращением женщины в некую механическую машину. Она предстает в философской трактовке Замятина как природный, родовой, чувственный аспект бытия. Он рассматривает женщину через призму телесности, взрывающей социальный рациональный порядок жизненного устройства, поддерживаемый расчетливыми утилитарными принципами, заглушающими естественное, эмоциональное бытие человека. Смутно зреющие тенденции сопротивления этому жестокому патриархатному социальному устройству прорываются в преувеличенно чувственном восприятии женского в женщине: «все женщины губы...». Она надежда мира, ее опора, ее будущее. Замятин сравнивает в лучших классических традициях мировой философии беременную женщину с землей, рождающей весной новые зеленые ростки, прорывающиеся, как и круглое тело женщины, к солнцу, свету. «Весь мир — единая необъятная женщина, и мы — в самом ее чреве, мы еще не родились, мы радостно зреем»³. Определение сущности женщины через родовую стихию связывает философию Замятина с концепцией Бердяева, отмечавшим эту особенность женской природы. Однако в отличие от бердяевской точки зрения Замятин не считает стихию рода унижительной или дискриминационной. В повести «Алатырь» он практически аннулирует концепцию женственности Мировой Души, существовавшей в русской философии. Сам Бог предстает в философии Замятина в женском образе,

¹ Замятин Е. И. Мы/Е. И. Замятин//Избранные произведения: в 2 т. – Т. 2. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 11.

² Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт/Э. Юнгер//Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. – СПб.: Наука, 2000. – С. 286.

³ Замятин Е. И. Мы/Е. И. Замятин//Избранные произведения: в 2 т. – Т. 2. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 49, 113.

а любовь становится беспредельной¹. Любовь обладает такой огромной мощью воздействия на личность, что взрывает антиутопическое государство, сметая все преграды. Замена одного образа другим выражает неприятие Замятиным концепции «символического» равенства, реально отрицающей действительные подходы к решению проблемы равенства.

Замятинская утопия — это слепок советского общества, возглавляемого вождем партии, партаппаратом и силовыми структурами. Обезличивание индивида в тоталитарном государстве, создаваемом в СССР в 30-е годы XX в., буквально пронизывало всю систему. Антиутопическое государство Замятина во многом похоже не только на марксистский проект, но и на платоновскую конструкцию. Их роднит сходство структуры государства и общества, а также сходство идеологии, основанной на приоритете холодного рассудочного «блага», то есть принципах идентифицируемых культурой с мужскими качествами. Единое Государство Замятина — это общество, где каждый индивид существует, не имея своей цели, поскольку он живет для дела, предназначенного ему этим самым государством. В идеальном государстве Платона каждому индивиду также предназначено определенное занятие, соответствующее его сословию, поскольку «человек не может быть ни двойственным, ни множественным, раз каждый делает что-то одно»². Но, в отличие от замятинского идеального общества, в платоновском государстве предполагаются братские взаимоотношения, стереотипы которых прививают всем. Братство, в которое вступают посвященные, лишает индивида гендерной идентичности, права на свое тело и сексуальность. И все же такие отношения не означают абсолютного равенства, как его видит Замятин. Заложенное таким образом в обществе социальное неравенство уже само по себе не предполагает решения данной проблемы, хотя философ и объясняет существующий порядок вещей индивидуальными различиями человека: правитель, стражник, земледелец, ремесленник. Тем самым он как бы стирает грани между «мужским» и «женским», но не решает проблему всеобщего равенства.

В Едином Государстве коллектив уничтожает личность, а индивидуальность (отличительные особенности человека) поглощается родом (одинаковостью индивидов). Человек, воспитанный в духе тоталитарной идеологии, не способен подняться до осознания целей своего существования как свободной личности. Единственное, на что он способен — бессмысленный, иррациональный бунт против системы, выражаемый в ужасающих формах.

¹ Замятин Е. И. Алатырь/Е. И. Замятин//Избранные произведения: в 2 т. – Т. 1. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 163.

² Платон. Государство/Платон//Соч.: в 3 т. – М.: Наука, 1971. – Т. 3. – Ч. 1. – Доступно из URL: <http://www.philosophy.ru/library/plato/01/0.html> (дата обращения: 3.01.05). – Кн. 3. – С. 12 из 33.

В разгуле страстей в период общественного восстания Замятин усматривает неспособность Нумеров освободиться от пут Единого Государства, «благотельных тенетов счастья». Замятин утверждает, что только за пределами Единого Государства, за Стеной, индивид ощущает себя не «слагаемым», а «единицей» среди людей, испытывает чувства, позволяющие ему ощутить себя свободным и равным Другому личностью.

В противопоставлении «МЫ» и «ОНИ» Единое Государство и «дикий мир» за Стеной проявляется дуализм социума, где рациональное «МЫ» противопоставляется Душе, чувствам — «ОНИ». Замятин пытается преодолеть этот дуализм, но безрезультатно. Антиутопия не достигает цели — всеобщего равенства. Излишняя чувствительность, предрассудки, неспособность к абстрактному мышлению — вот набор качеств, сопутствующих имиджу женщин в рационализированном сообществе Единого Государства¹. Замятин полагает подобные претензии слишком суровыми и в то же время он не может преодолеть патерналистские барьеры в собственном мировоззрении. Любовь, которую он рассматривает как форму сопротивления регламентациям власти и одновременно как единственный способ решения проблемы равенства, не спасает личности. В замятинской антиутопии проявляется характерное для философии, начиная с эпохи Нового времени противопоставление Разума и Природы, где Разум — мужчина, а Природа — женщина. По сути Замятин воспринял и повторил идеи картезианцев, подчеркивавших первенство Разума над Природой.

Замятин в своем романе показал будущее социума, конструируемого западной и русской философией со времен Платона. В попытке реализации проекта идеального государства, где все люди будут счастливы, прошли преобразования XX века, предпринятые марксистскими теоретиками. В них просматриваются и принципы эгалитаризма и коллективизма Платона, и творческое, революционное начало, увиденное в философии Платона представителями культуры начала XX века. Идеи Платона и марксизма доведены Замятиным до логического завершения в романе «Мы». Он обозначает предел рационалистического взгляда на мир и на человека — рационально организованное счастье. Даже радость отцовства и материнства втиснута в рамки рационализированных отношений. Во имя будущей уравниловки, государство берет под свой контроль и рождает, и воспитание будущих индивидов.

Концепция Замятина во многом повторяет философские концепции как западных, так и русских мыслителей. Утопия выявила минусы марксистского проекта, невозможность решения проблемы через классовый подход. Замятину удалось

¹ Замятин Е. И. Мы/Е. И. Замятин//Избранные произведения: в 2 т. – Т. 2. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 8–9, 15, 26.

показать, к чему может привести реализация существующих социальных утопий, начиная с концепции Платона.

Философ раскрыл роль негативного социального тела, которое превращает утопический проект в деструктивный. Через тематическое ядро утопии — телесность (чувственность) — ему удалось наиболее ярко показать значение духовности в человеческом обществе, уничтожившие самого человека. Таким образом, деструкция привела к смерти человека, создала бездушный механизм. Марксистская утопия создает свое пространство повседневности. Это интерпретация реальности, варьируемая рациональность, исключая духовные ценности. Замятин в своем проекте показал результат этой интерпретации — деградация человеческой личности.

*Mitina Natalya Georgievna, Far Eastern Academy of Art,
Associate Professor of Department of humanities disciplines
E-mail: Millkonf@yandex.ru*

Utopia of world community P. Kropotkin

*Митина Наталья Георгиевна,
Дальневосточная государственная академия искусств,
доцент кафедры общегуманитарных дисциплин
E-mail: Millkonf@yandex.ru*

Утопия всемирного братства П. Кропоткина

Идеи анархизма, идеологии, предлагающей свои проекты будущего общества, получают распространение в России во второй половине XIX века. Одним из ярких теоретиков анархизма в России является П. Кропоткин. Он один из первых пришел к выводу о взаимозависимости природы и социума и природных началах нравственности¹. По мнению философа, анархизм представляет собой «новый способ понимания прошедшей и настоящей жизни обществ и новый взгляд на их будущее», одну из составных частей «нового мирозерцания»². Для Кропоткина конечной целью является «выработать жизненным опытом такой общественный строй, в котором нет никакой верховной государственной власти, а страна представляет собою вольные союзы вольных общин и вольных производственных групп

¹ Кропоткин П. Этика//Этика: Избр. труды. – М.: Политиздат, 1991. – С. 22–259.

² Кропоткин П. Анархия, ее философия, ее идеал//Анархия, ее философия, ее идеал: Соч. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 212.

или артелей, возникающие на основах взаимного договора, и разрешающие возможные споры между собою не путем насилия и оружия, а путем третейского суда»¹.

Общество, основанное на идеалах анархизма, является свободным, это общество, овладевшее всем общественным капиталом и употребляющее его на пользу всех, общество, где отсутствует господствующее меньшинство. Здесь каждым управляет «исключительно его собственная воля». Данное общество признает за всеми «однаковое фактическое право на все сокровища, накопленные прошлым», оно не знает «деления на эксплуатируемых и эксплуататоров, управляемых и управляющих, подчиненных и господствующих». Необходимо подчеркнуть, что оно не предполагает установление единообразия, наоборот, здесь должно быть установлено гармоничное соответствие «путем призыва людей к свободному развитию, к свободному почину, к свободной деятельности, к свободному объединению»².

В этом обществе одной из основных задач является наиболее полное развитие личности одновременно с наибольшим развитием добровольных союзов, где отсутствуют предустановленные формы — закон, здесь главное — это гармония в постоянно-изменчивом равновесии множества разнообразных сил и влияний, благодаря возможности «свободно проявляться и взаимно уравниваться», они служат залогом прогресса. Кропоткин считает, что полное уважение к свободе и к жизни личности возможно только с принятием идеалов анархизма³.

Останавливаясь на анархии, как общественном идеале, Кропоткин подчеркивает, что идеал является стремлением к тому, что еще не осуществлено, в отличие от утопии, которая неосуществима, поскольку относится к области теоретически желаемого. Он считает, что анархия относится к предвидениям, а предвидения — это область положительного научного знания и строится на тенденциях уже существующих и развивающихся в обществе⁴. Таким образом, философ рассматривает анархию, как социальный проект, имеющий потенцию реализоваться в случае развития необходимых условий. И главным условием здесь является социальная революция.

Кропоткин считает насилие снизу фактором нравственного прогресса, поскольку «человечество нельзя двигать пассивным сопротивлением»⁵. Он подчер-

¹ Кропоткин П. А. Что такое анархия?. – Доступно из URL: <http://avtonom.org/pages/petr-kropotkin-chto-takoe-anarkhiya> [Дата обращения: 17.06.10]. – С. 1–2 из 4.

² Кропоткин П. Анархия, ее философия, ее идеал//Анархия, ее философия, ее идеал: Соч. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 212–214.

³ Там же. – С. 213, 252.

⁴ Кропоткин П. Наука и анархия. – Современная наука и анархия. – Х. Анархия//Анархия: Сб./Сост. и предисловие Р. К. Баландина. – М.: Айрис-пресс, 2002. – С. 162.

⁵ Кропоткин П. Письмо В. Г. Черткову//ЦГАЛИ. – Ф. 552. – Оп. 1. – Ед. 1707. – Л. 116–119. – Доступно из URL: <http://oldcancer.narod.ru/150PAK/01-09PAK-letpolviol.htm> [Дата обращения: 23.06.10]. – С. 5–6 из 24.

кивает значимость активных методов борьбы к которым относится и социальная революция. Он считал, что коммунизм станет возможен только «имея анархию как цель и как средство»¹ и взятые вместе они («коммунизм» и «анархизм») являются целевой программой, предполагающей новый способ решения социальной задачи — «посредством усилий снизу, посредством самопроизвольного действия всего народа»². Для Кропоткина социальная революция должна обновить общество в умственной и нравственной жизни, вдохнуть в него «новую струю самоотверженных порывовъ и благородныхъ стремлений»³, что подтверждает деструктивный характер социального тела его утопии — рабочий народ.

Философ останавливается на этических идеалах анархизма в трудах «Анархия и этика», «Этика», где анализируя поведение животных и человека, приходит к выводу, что нравственное чувство является природной способностью человека и «наибольшее счастье общества» — это основа всякой этики⁴. Ему удалось выделить составные части нравственности: общительность, справедливость и самоотвержение или самопожертвование⁵. Кропоткин выделяет нравственные основы анархизма — это принцип обращения с другими так, «как мы желаем, чтоб обращались с нами». Данный принцип считает философ, «представляет собой не что иное, как начало Равенства, т. е. основное начало анархизма»; равенство во взаимных отношениях и вытекающая из него солидарность; равенство во всем, как синоним справедливости. Эти основы нравственности «и есть анархия», считает философ⁶. Однако, как указывает Э. Юнгер, индивид, «есть неприкосновенная молекула мирового порядка, в структуре которого он определяется двумя полюсами, присущими ему в силу естественного права, — полюсом разумного и полюсом нравственного»⁷. Уничтожение индивида, таким образом, приводит к ликвидации духовного начала, что ведет к деградации социального тела.

¹ Кропоткин П. Коммунизм и анархия//Анархия, ее философия, ее идеал: Соч. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 616.

² Кропоткин П. Наука и анархия. – Коммунизм и анархия. – I. Анархический коммунизм//Анархия: Сб./Сост. и предисловие Р.К. Баладина. – М.: Айрис-пресс, 2002. – С. 239–240.

³ Кропоткин П. А. Речи бунтовщика: Пер. с фр./Вступ. ст. Д. И. Рублева. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 9.

⁴ Кропоткин П. Анархия и этика. Нравственные начала анархизма//Анархия: Сб./Сост. и предисловие Р.К. Баладина. – М.: Айрис-пресс, 2002. – С. 509; Кропоткин П. Этика//Этика: Избр. труды. – М.: Политиздат, 1991. – С. 255.

⁵ Кропоткин П. Справедливость и нравственность//Этика: Избр. труды. – М.: Политиздат, 1991. – С. 270–271.

⁶ Кропоткин П. Анархия и этика. Нравственные начала анархизма//Анархия: Сб./Сост. и предисловие Р.К. Баладина. – М.: Айрис-пресс, 2002. – С. 510.

⁷ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт//Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. – СПб.: Наука, 2000. – С. 214.

В работах «Хлеб и Воля» (*La Conquête du Pain*), «Речи бунтовщика» (*Paroles d'un révolté*) Кропоткин излагает «идеал того, какъ могла бы совершиться социальная революція на началахъ анархическаго коммунизма». В новом обществе все принадлежит всем, здесь все мужчины и женщины, которые внесли в общий труд свою долю, имеют право на свою долю — «*право на довольство*», а для этого необходимо с помощью экспроприации, которая выступает как средство, все богатство сделать общей собственностью, чтобы общество, «съ помощью своего коллективного ума, могло извлечь изъ него наибольшую выгоду для всѣхъ»¹. Для философа от экспроприации зависит успех революции и экспроприация должна быть полной только это обеспечит победу и удовлетворит всех «страждущихъ и угнетенныхъ». Экспроприация — лозунг будущей революции, считает философ².

В утопии Кропоткина уделяется внимание аграрному вопросу и тем, кто занимается сельскохозяйственным трудом, считая, что преобразования затронут и эту сферу. По мнению философа в деревне должны произойти изменения подобные городу: крестьяне должны создав коммуны, вернуть себе земли и передать их тем, кто их обрабатывает. Он уделяет внимание крестьянству, как движущей силе революции, заинтересованной в этой революции для удовлетворения своего интереса — получения земли³. В утопическом проекте речь идет о беднейшем крестьянстве, которое представляло собой сельский рабочий класс или сельскохозяйственных рабочих (батраков), не являвшихся собственниками той земли, которую они обрабатывали. Таким образом, философ уделяет внимание земельному вопросу и рассматривает крестьянство как силу, при определенной подготовке, способную стать участницей революции вместе с городскими рабочими.

Анархический коммунизм, коммунизм свободных людей, коммунизм без правительствa, преследует две цели — экономическая и политическая свобода. Это свободное общество, состоящее из земледельцев и рабочих, где все дети обучаются и умственному и физическому труду. Где все взрослое население от двадцати до сорока пяти — пятидесяти лет, кроме женщин воспитывающих детей, «обязуется работать по *пяти часовъ въ день*». Они имеют право выбора занятия из тех, которые «считаются *необходимыми*», и каждый располагает не менее чем пятью свободными часами в день для занятия наукой, искусством, личными потребностями (не из числа «*необходимых*»). Взамен такое общество могло бы обеспечить своим членам благосостояние, а впоследствии, с повышением производитель-

¹ Кропоткин П. А. Хлеб и воля. – М.: типография Московского совета солдатских депутатов № 400, 1917. – С. III, 18–21.

² Кропоткин П. А. Экспроприация // Речи бунтовщика: Пер. с фр./Вступ. ст. Д. И. Рублева. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 163–177.

³ Там же. – С. 74–84.

ности труда, и предоставить не только необходимое довольствие, но и предметы роскоши¹.

Кропоткин, предлагая свой идеал общества, считает необходимым остановиться на последнем виде рабства — домашнем рабстве, которое, по его мнению, необходимо уничтожить и освободить, таким образом, женщину от изнурительного домашнего труда, дав ей возможность воспитывая и выращивая детей, иметь свободное время, чтобы стать участницей общественной жизни. Необходимо «поставить потребности людей выше их *дѣль*, и признать сначала право на жизнь, а затѣм и право на довольство, за *всѣми тѣми, кто принимает какое бы то ни было участие въ производствѣ*», отмечает Кропоткин². Таким образом, он ставит вопросы физического существования выше духовного развития индивида.

Свободная коммуна является, по мнению Кропоткина, той формой общественной организации, которая приведет к социальной революции. Она уничтожит государство и заменит его федерацией, положит конец представительному правительству. Коммуна будущего будет не только «коммуналистической, но и коммунистической». Философ подчеркивает, что Социальная Коммуна это родовое, а не территориальное понятие — «синонимъ группировки «равныхъ», не признающей ни границъ, ни стѣнъ», она объединит миллионы коммун в одну единую и однородную семью «равныхъ»³. Новое общество будет основано на равенстве условий для всех, на коллективном владении. Свободные группы, образованные для удовлетворения потребностей «*всѣхъ членовъ общества*», в ведении которых находится все — наука, искусство, промышленность, торговля, защита территории, общественная безопасность, суды, станут новой формой организации — свободной группировкой заинтересованных лиц⁴.

Следовательно, утопия Кропоткина строится на основах теории анархизма. Автору удалось изложить основные принципы на которых будет существовать новое общество. Он уделяет значительное внимание условиям реализации данного проекта и форме будущего общества — коммуне. Философ отрицает религию и не предлагает ей религиозной альтернативы. Для Кропоткина нравственные основы общества заложены в природе и разрыв с природой губителен для человека. Социальный проект философа излагает основы будущего общества, предлагая свои способы и средства для его реализации. Давая оценку анархии в своей работе

¹ Кропоткин П. А. Хлеб и воля. – М.: типография Московского совета солдатских депутатов № 400, 1917. – С. 30, 75.

² Там же, 1917. – С. 88–93, 126–127.

³ Кропоткин П. А. Коммуна//Речи бунтовщика: Пер. с фр./Вступ. ст. Д. И. Рублева. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 55–58, 61–62.

⁴ Кропоткин П. А. Представительное правительство//Речи бунтовщика: Пер. с фр./Вступ. ст. Д. И. Рублева. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 107.

«Рабочий. Господство и гештальт» Э. Юнгер приходит к выводу, что «анархия возрастает в той мере, в какой поверхность мира становится все более однообразной, а разнородные силы сливаются воедино», она есть «не что иное, как первая, необходимая ступень, ведущая к новым иерархическим структурам»¹. Следовательно, мы можем рассматривать анархистский проект, как первый этап утопии марксизма.

Таким образом, анархистский проект представляет собой утопию деструктивного типа, в основе которого лежит негативное социальное тело — рабочий — пролетарий, готовый к разрушению ценностей цивилизации, но не к созиданию. Мы получили, по словам Юнгера, «драматическое единство, приближение которого угадывается на фоне развалин культуры и под погребальной маской цивилизации»².

Появление социальной утопии анархизма обусловлено кризисными явлениями в обществе, связанными со становлением (Россия) и развитием (Европа) капитализма, переходом общества на новую ступень развития. Анархистский проект демонстрирует нам результат процесса легитимации, с помощью которого утопия-идеал может трансформироваться в утопию-проект.

Социальная утопия анархизма строится на ценностях (свобода, равенство, справедливость), являющихся продуктами седиментации предыдущего субъективного опыта. Эти ценности — продукт традиции и основой их является духовность. В процессе реактивации данные ценности формируют новый возможный мир, который отрицает религиозную основу общества и духовность, как таковую. В качестве социальной опоры выбраны низы общества — деклассированный элемент — люмпен-пролетариат, а в качестве способа реализации — тотальное разрушение всего созданного предыдущими поколениями.

*Nuriev Ildar Aibulatovich,
Nizhny Novgorod State Linguistics University,
postgraduate student
E-mail: nur-ildar@yandex.ru*

Labour migration as a factor affecting socializing processes of left behind family members

¹ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт//Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. – СПб.: Наука, 2000. – С. 250.

² Там же. – С. 159.

*Нуриев Ильдар Айбулатович,
Нижегородский государственный
лингвистический университет, аспирант
E-mail: nur-ildar@yandex.ru*

Трудовая миграция как фактор воздействия на социализационные процессы остающихся на родине членов семьи

Целью данной статьи является анализ изменения форм социализации остающихся на родине членов тех семей, в которых один или оба родителя отправляются за границу на заработки. Речь преимущественно пойдет о детях, поскольку именно они ощущают наибольшее влияние изменений, переживая процесс первичной социализации, в то время как родители находятся на этапе вторичной социализации. Актуальность проблемы обусловлена происходящими процессами глобализации, ускоряющими передвижения населения по планете, а также постоянно увеличивающимися разницу между развивающимися и бедными странами и государствами благосостояния.

С точки зрения трудовых миграций, Россия на сегодняшний день преимущественно является принимающей страной. Процесс адаптации прибывающих в Россию мигрантов, вопрос проработанности государственной политики в отношении трудовых мигрантов — это предмет отдельных статей. Однако, будучи представителями принимающего общества, мы не можем не задумываться о тех, кто остается на родине вновь приезжающих мигрантов, и о том, как их отсутствие сказывается на жизни оставленных родственников как членов социума. Долговременная утрата близких, их смерть значительным образом сказывается на степени и характере приобщения людей, особенно детей сознательного возраста, к обществу. Трудовая миграция может расцениваться как такая потеря, поскольку в этом случае, как правило, неизвестно, сколько продлится отсутствие близкого человека, равно как нет уверенности и в том, состоится ли в силу различных обстоятельств встреча вообще. Потому в этой статье мы исходим из предположения о том, что трудовая миграция родителей или супруга переживается как неоднозначная потеря, когда, с одной стороны, неизвестен исход отъезда, с другой стороны, разлучение оказывает влияние на процесс социализации остающихся членов семьи, схожее тому, что переживается в результате смерти.

В первую очередь рассмотрим влияние обсуждаемых изменений на социализацию детей. В этом свете представляется актуальным вспомнить известную в социологии теорию привязанности (attachment theory) Дж. Баулби и М. Эйнсворт¹.

¹ Bolby J. A Secure Base: Parent-child Attachment and Healthy Human Development. New York, NY: Basic Books. 1988.

В соответствии с теорией, отношения между ребенком и опекуном в детстве оказывают прямое воздействие на формируемую личность. Следовательно, резонно предположить, что если ребенок переживает потерю одного или обоих первых, основных и естественных «значимых других», даже в случае с трудовой миграцией, рассматриваемой нами как неоднозначная потеря, это не может не сказаться на личности индивида. Эта мысль подтверждается значительным множеством исследований, наблюдений, проводимых сегодня во всем мире. Установлено, что в ситуации разлуки детям свойственны психологические и бихевиоральные расстройства (Лялюгене и Рупшене, Grinberg and Grinberg, Castaneda and Buck и др). Детям так же свойственны чувства брошенности, потери идентичности и одиночества (Artico, Yeoh, Asis). Отъезд родителей отрицательно сказывается на успеваемости в школе (Лялюгене и Рупшене, Доклад Детского фонда ООН в Молдове в работе Cortes, Pottinger).

Более того, исследования доказывают, что нарушение связей между детьми и опекунами оказывает воздействие на личность во взрослой жизни, характер отношений с окружающими, поведение в семье — функционирование индивида как члена общества (Kobak and Hazan, Shaver and Brennan, Artico). Американский исследователь Артико, например, считает суициды, депрессию, поведенческие отклонения в более зрелом возрасте следствием разрушения привязанности к первым опекунам в детстве, особенно если это происходит в первые 3 года жизни¹. Доктор Техасского университета Кастаньеда, изучающий экономические и психологические последствия иммиграции на конкретных жизненных историях, приводит пример 30-летней женщины из Гватемалы Жизель, переехавшей в США². Мать оставила Жизель и трех других детей, когда той было 6 лет. С тех пор Жизель заботилась о братьях и сестрах, пока не перевезла их в США вслед за матерью в 16 лет, где вдобавок к младшим братьям начала заботиться и о матери, до сих пор не говорившей и не писавшей на английском. Когда девушка вышла замуж, вскоре в браке начали возникать проблемы — Жизель не чувствовала поддержки со стороны мужа, ей всегда казалось, что она все вынуждена делать сама. Таким образом, вынужденность полагаться исключительно на себя с раннего возраста сказалась на отношении девушки с людьми в зрелом обществе. Если изучить отчеты об иммиграционных процессах в различных странах мира, то подобные примеры применимости теории привязанности к разрывам вследствие миграции родителей прослеживаются часто³.

¹ Artico, C. *Latino Families Broken by Immigration: The Adolescents' Perception*. New York: LFB Scholarly Publishing. 2003. P. 15.

² Castaneda E., Buck L. *Remittances, Transnational Parenting, and the Children Left Behind: Economic and Psychological Implications*//*The Latin Americanist*. December, 2011. P. 93–94.

³ Child Migration Research Network//<http://www.childmigration.net/>Дата обращения 05.03.2014

Представляется, что подобное влияние разрыва с опекунами в детстве является следствием изменения форм социализации. Как отмечалось, отъезд родителей означает выключение основных «значимых других» из процесса первичной социализации, когда формируется общее представление об окружающем мире, познаются правила поведения в обществе. С этой точки зрения, очевидно, во-первых, что ребенок будет испытывать стресс от устранения привычных авторов норм и правил, а во-вторых, место старшего должно быть кем-либо занято.

Развивая вопрос переживаний в связи с отъездом родителей, следует отметить, что нередко дети считают себя виноватыми в их миграции и отказываются принимать какие-либо другие объяснения (Boehm, Artico, Grinberg and Grinberg). Отсюда предполагаем, что уже с детства этих людей будет преследовать чувство вины, что может сказаться на отношениях с людьми в будущем.

Что же касается замены субъектов социализации, то здесь возможны различные варианты. Если на заработки за границу отправляется один из родителей, то, как правило, имеет значение, кто остается дома. Если на родине остается мать, то она продолжает выполнять все прежние функции, но также и перенимает те, что были в ведении отца. Женщина начинает играть роль человека, принимающего все решения в семье, а потому ее авторитет как автора правил поведения в обществе растет. Напротив, когда отец остается дома, как показывают примеры различных стран, он не стремится взять на себя обязанности жены, а скорее обращается за помощью к членам расширенной семьи — к своим родителям, братьям, сестрам или семье супруги. Следовательно, остающийся дома отец уделяет детям меньше внимания, а потому меньше воспринимается как источник социальных норм. По этой причине процент заканчивающих школу выше у детей, остающихся с матерями.

Однако следует отметить, что образ жизни и этих детей не остается неизменным. Даже если один из родителей уезжает за рубеж и отправляет денежные переводы, второй, как правило, также вынужден находить работу на родине. В этом случае опекун либо оставляет малолетних детей дома одних, либо берет их с собой на работу. Но возможен и другой, наиболее вероятный вариант — более старшие братья и сестры остаются дома присматривать за детьми, иногда в ущерб учебе. В случае, когда мать перенимает функции отца, она, тем не менее, не меняет своего статусно-ролевого положения опекуна и источника правил. Однако старшие дети, начинающие играть роль воспитателей, переживают значительно большее смешение функций. То же часто происходит, когда оба родителя эмигрируют. Несмотря на то, что нередко дети вверяются членам расширенной семьи, наиболее тесные отношения остаются среди родных братьев и сестер, старшие из которых берут на себя ответственность за младших, начиная тем самым играть роль новых «значимых других», в то время как сами еще нуждаются в социальных ориентирах. При этом, чем дольше отсутствуют родители, тем слабее становится

связь дети — родители и тем больше усиливается связь младшие дети — старшие дети. Спустя определенное время в случае отсутствия систематических контактов родители и вовсе могут перестать восприниматься в качестве опекунов, людей, чьи мнения и взгляды имеют первостепенное значение. Как видим, отъезда одного или двух родителей неизбежно приводит к смешению ролей и функций в социализационных процессах, как остающихся родителей, так и детей.

Разумеется, следует отметить, что сегодня со стремительным развитием технологий у таких семей появляется все больше возможностей оставаться на связи, находясь в самых разных уголках планеты. С этой точки зрения, представляется возможным рассматривать семьи, «разорванные» трудовой миграцией, как транснациональные сообщества, живущие в двух (а иногда и более) странах, адаптирующиеся к двум культурам, делающие вклад в две экономики. Воспитание детей при помощи современных средств связи получило название «телевоспитания» (teleparenting). Родственники прибегают к услугам Интернет, сотовой связи, служб коротких сообщений. Интенсивность такого воспитания зависит от ряда факторов: местности проживания переехавших родителей и оставшихся детей (сельская местность, городская), располагаемых денежных средств и от того, кто отправился на заработки — отец или мать. Однако достаточно часто телевоспитание сводится к передаче указаний по использованию отправленных денежных переводов. Учитывая тот факт, что, как правило, дети не считают оказываемую финансовую помощь заменой родителям, и принимая во внимание описанные выше факторы воздействия эмиграции опекунов на социализацию детей, можем заключить, что телевоспитание оказывается недостаточным и не рассматривается как эквивалент традиционному воспитанию.

Говоря о субъектах социализации, следует также уделить внимание и другим группам «значимых других» помимо родителей. Разумеется, школа и друзья также имеют значительную роль в вопросе приобщения индивида к обществу. Изучая многочисленные исследования семей с эмигрирующими родителями, также можно проследить воздействие эмиграции опекунов на отношение, поведение обозначенных институтов. Так, наблюдения в относительно территориально близких России Молдове, странах Прибалтики, Пакистане, Албании и более далеких Мексике, Эквадоре, Филиппинах показывают, что и друзья, и учителя могут начать относиться к детям, чьи родители эмигрировали, предвзято, в отдельных случаях — с завистью. Объяснение можно найти в том, что недостаток такой семьи предположительно должен улучшиться, в то время как учителя вынуждены оставаться в школе, воспитывая поколения детей за скромное вознаграждение, а друзьям по-прежнему приходится ежедневно бороться за существование. Следовательно, и внешние субъекты социализации претерпевают изменения.

Итак, трудовая миграция одного или обоих родителей оказывает прямое воздействие на процесс социализации остающихся членов семьи, особенно детей, переживающих процесс первичной социализации. Отмечается, что вне зависимости от того, эмигрировал ли один опекун или оба, субъекты социализации претерпевают изменения. Более взрослые дети, как правило, переживают внутренний статусно-ролевой конфликт, возлагая на себя ответственность за младших братьев и сестер и становясь для них новыми «значимыми другими». Что же касается остающегося родителя, то испытать смешение социальных функций скорее предстоит матери, принимающей на себя и обязанности отца, в то время как остающийся отец, более вероятно, обратится к членам расширенной семьи. Другие важные группы субъектов социализации, такие как учителя и друзья, также могут изменяться в отношении к оставшимся членам семьи вследствие, в том числе, чувства зависти. Основываясь на теории привязанности, мы рассмотрели разрыв семьи трудовой миграцией как фактор, оказывающий значительное воздействие на социальное развитие индивида как в детстве, так и на более зрелых этапах жизни. А потому трудовая миграция одного или обоих родителей исследуется нами как неоднозначная потеря — разлука с близкими, возможно, временна, но ее продолжительность неизвестна и потому воспринимается членами семьи как постоянная.

Список литературы:

1. Artico, C. Latino Families Broken by Immigration: The Adolescents' Perception. New York: LFB Scholarly Publishing. 2003. P. 15.
2. Asis, M. Living with migration: experiences of children left behind in the Philippines//Asian Population Studies. 2006. Vol. 2 (1). P. 45–67.
3. Bolwby J. A Secure Base: Parent-child Attachment and Healthy Human Development. New York, NY: Basic Books. 1988.
4. Castaneda E., Buck L. Remittances, Transnational Parenting, and the Children Left Behind: Economic and Psychological Implications//The Latin Americanist. December. 2011. P. 93–94.
5. Castaneda E., Buck L. Remittances, Transnational Parenting, and the Children Left Behind: Economic and Psychological Implications//The Latin Americanist. 2011. Vol. 55. P. 100.
6. Child Migration Research Network//<http://www.childmigration.net/>
7. Cortes, R. Remittances and children's Rights: an overview of Academic and policy literature. Division of Policy and Planning Working Papers, Unicef: New York. 2007.
8. Everyday Ruptures. Children, Youth, and Migration in Global Perspective/Coe C., Reynolds R., Boehm D. et al. Vanderbilt University Press. 2011.

9. Grinberg L., Grinberg R. A Psychoanalytic Study of Migration: its Normal and Pathological Aspects//Journal of the American Psychoanalytic Association. 1984. № 32. P. 13–38.
10. Kobak, R. R., Hazan, C. Parents and Spouses: Attachment Strategies and Marital Functioning. University of Delaware: Newark. 1991.
11. Pottinger A Children's experience of loss by parental migration in inner city Jamaica//American Journal of Orthopsychiatry. 2005. Vol. 75 (4). P. 485–496.
12. Shaver, P. R., Brennan, K. A. Attachment style and the big five personality traits: Their connection with romantic relationship outcomes//Personality and Social Psychology Bulletin. 1992. Vol. 18. P. 536–545.
13. Лялюгене И. Ю., Рупшене Л. А. Влияние трудовой миграции родителей на социализацию подростков//Социологические исследования. – 2008. – № 1. – С. 69–76.

*Saydaliev Sherzod, the National University of Uzbekistan
named after Mirzo Ulugbek, doctorate student,
Department of Philosophy and methodology of science
E-mail: naumenko06@mail.ru*

Some aspects and features of the civilization approach to history

The civilization approach to historical development of society is considered today one of the most widespread; however uniform civilization theory doesn't exist. The term "civilization" is rather multiple-valued. For example, in "The Philosophical encyclopedic dictionary" is resulted its three values: 1) a culture synonym; 2) level or a step of social development of material and spiritual culture; 3) the step of social development following barbarity. During the latest time among the Uzbek historians, philosophers attempts somehow have become frequent to order, result in some logically verified system existing concepts of a civilization. There is even an offer to allocate a new science under the name "civiliography". But as one of researchers recognizes the aspiration to transform the theory of civilizations in a methodological basis of studying world and national history contradicts insufficient study of the theory of civilizations as subject of philosophical and historical knowledge, reasons of its occurrence and laws of development, limits of its applicability. However to speak about "the theory of civilizations" as about the uniform scientific theory of the bases isn't present. In practice there are various theories of civilizations. And the civilization approach represents certain summative set of similar methodological installations, principles. The

weak moments of the civilization approach result from here. Main among them — amorphy, a vagueness of criteria on which civilizations, their types are allocated; weak definiteness of relationships of cause and effect between these criteria.

The analysis of evolution of concept “civilization” for last 2,5 centuries (since occurrence in a science of this term) shows that process of its formation as scientific category proceeded very slowly and in essence yet hasn't come to the end. The scientists investigating this question allocate three stages of this evolution. The first covers the period from the middle XVIII on the middle of XIX centuries its representatives — Voltaire, A. Ferguson, A. R. Turgot, I. G. Herder, F. Guizot, Hegel, etc. At this stage dominate reckless historical optimism, rapprochement (even merge) ideas of civilization and progress, the linearly-stage characteristic of process of a civilization (in the concept of progress of development representation about the purpose of history taken out in the future for which substantiation historical events were built in a linear order, and the events which are not corresponding to the scheme were cut). The concept of “civilization” was used exclusively in singular, designating mankind as a whole, and had strongly pronounced estimated character (wildness, barbarity, a civilization). National-cultural distinctions were considered as the minor inhabitan-cies connected with features, races, cultural tradition. At this stage there were also ideas about history as set of unique local cultures (I. G. Herder), but they remained during this period unclaimed.

At the second stage (second half of the XIX-th century) in theories of historical process representations about integrity and connectivity of history continue to dominate. Thinkers start with basic compatibility of logic and historical approaches to its studying. The analysis of relationships of cause and effect of the validity, aspiration to historical synthesis prevails. Sociologization of civilization theories remains the main tendency of their development (ideas about a defining role of the geographical factor, about development of structure of society in the process of its adaptation to environment develop). But considerably historical optimism decreases. The idea of progress is more and more called into question. Representatives of this stage O. Komte, G. Spencer, H. T. Buckle, H. Rickert, E. Durkheim, etc. start to develop representations about set of local civilizations.

At the third stage (the XX-th century) representations about history as sets of local civilizations as the social-cultural systems generated by concrete conditions of activity, features of the people occupying given region and definitely cooperating among themselves in scales of a world history began to dominate (O. Spengler, A. Toynbee, P. Sorokin etc.). The analysis of subjective motivations of the activity connected with outlook of various cultures began to play the big role. The explanatory principle of history dominating at former stages was replaced by the hermeneutical principle. There is nothing remain from historical optimism. Researchers are disappointed in the rational

approach to judgement of history. The idea of a world civilization appears shifted on periphery and meets only as derivative of interaction of different civilizations, but not as the sample for their arrangement on a progress scale. The monistic concept of history is definitively replaced by the pluralistic. Representatives of this stage — W. Dilthey, M. Weber, K. Jaspers, S. N. Eisenstadt etc.

Section 11. Science of law

*Abdikerimova Aynur, the International Kazakh-Turkish
University named after H. A. Yasavi, postgraduate student,
Department of Theory of State and Law
E-mail: baitureyeva@mail.ru*

Special economic zones of the republic of kazakhstan: administrative and legal regulation of business

Analysis of government programs related to socio-economic development of the Republic of Kazakhstan, has shown that the outcome of the economic reforms should be the creation of an efficient market economy, ensuring a high standard of living and productive participation of Kazakhstan in the world economy. An important tool to achieve these goals is to improve the mechanisms of administrative and legal regulation of economic relations in general and business in particular. One of the areas of business development, as well as of the optimal relationship between the state and business entities is the institution of special economic zones.

As international experience shows, administrative and legal regulation of business activity in special economic zones should be aimed at maintaining and ensuring equal access of businesses to the necessary infrastructure, protection of competition, the introduction of special tax regimes, as well as the creation of favorable conditions for attracting investments.

State, defining the legal and administrative regime of entrepreneurial activity, establishes the forms and methods of control subjects of this kind of social relations. Administrative and legal regulation should become an effective legal and administrative element of state policy in the sphere of legal regulation of business activity, particularly in special economic zones. Practice shows that the positive aspects of the administrative and legal regulation of business activities occur inefficiently, whereas the negative aspects of such regulation have become a special group of factors hindering the normal development of entrepreneurship in the Republic of Kazakhstan.

As a consequence of inefficient work of the executive authorities there are specific difficulties in the development of entrepreneurial activity, which recently called

administrative barriers that can only be overcome in improving the forms and methods of administrative and legal regulation of economic relations in general and business in particular. In this regard, the establishment of special economic zones is an important step in the establishment and development of business in Kazakhstan.

Formation of special economic zones is an effective and sufficiently promising direction of international economic cooperation between the Republic of Kazakhstan. Special economic zones are an institution that can help attract investment, as well as strengthening economic and scientific potential of the state. It should be noted that the institution of special economic zones is quite a long history.

Special (free) economic zones of the modern type were first formed in the first third of the XX century USA (1934). Attempts to establish free economic zones were made in the Soviet period of our history, and in the early 90-th of XX century. Such zones have been created in our country. However, proper economic results of creation of free economic zones in the region where they were created, to no avail¹.

In the Republic of Kazakhstan functioning of special economic zones governed by the Republic of Kazakhstan "On special economic zones"².

This law defines the special economic zone as part of the territory of the Republic of Kazakhstan with precisely defined boundaries on which a special regime of special economic zones for priority activities.

In Kazakhstan are six special economic zones, of which four are active, namely «Astana — new city», «Seaport Aktau», «Information Technology Park» and «Ontustik». Special economic zones «Burabai» and «National Industrial Petrochemical Technopark» are at an early stage of development.

Regulation and development of special economic zones in each of these regions is determined by personal decree of the President of the Republic of Kazakhstan.

These decrees provide the main territory, which will develop a special economic zone, defined objectives, a list of priority sectors of development of special economic zones, management and competence of local competent authorities, customs regulation, taxation, and the procedure of foreign citizens on the territory of the special economic zone.

According to the Tax Code of 10 December 2008, the participants engaged in activities consistent with the aims of creating special economic zones are exempt from land tax, corporate income tax and property tax. According to the Customs Code of part of the special economic zone are exempted from payment of customs duties.

¹ Закон Республики Казахстан от 06.07.2007 N 274-III «О специальных экономических зонах в Республике Казахстан»

² Арутюнов Д.Р. Административно-правовой режим предпринимательской деятельности в особых экономических зонах // Право и жизнь. 2006. № 93. С. 19–24

The study showed that foreign multinational companies get 40% of all of their income in special economic zones.

Failure creating free economic zones in Kazakhstan due to a complex of reasons, both objective and subjective. According to the UN Industrial Development Organization (UNIDO), the beginning of 2006 in 120 countries, there were about three thousand of special economic zones, providing jobs for about 50 million people. Volume of production of export products is estimated at \$ 600 billion¹.

Study Institute of Special Economic Zones attracted the attention of specialists in various branches of knowledge. His research takes economists, political scientists and legal scholars. Study the essence of the special economic zones leads to the conclusion that the legal regulation of social relations associated with doing business in special economic zones, is comprehensive, in that regard, this institution has been studied by experts in the field of international, civil, administrative and tax law.

Using scientific papers in various industrial branches allowed avoiding highly specialized approaches in the study of administrative and legal regulation of business activity in special economic zones.

Certain aspects of the legal regulation of business activity in special economic zones were investigated in the scientific literature. However, the holistic concept of administrative and legal regulation of business activity in special economic zones for a variety of circumstances, both objective and subjective is formed.

These and other circumstances make a study of administrative and legal regulation of business activity in special economic zones actual problem. Scientific development mechanism of administrative and legal regulation of business activity in special economic zones may help to optimize the relationship between the state and business in general in the Republic of Kazakhstan as well as in special economic zones.

The aim of the study is the administrative and legal mechanism for regulating business activities in special economic zones.

Special Economic Zone is part of the territory of the Republic of Kazakhstan with defined borders and a special administrative law regime entrepreneurship, establishing more favorable taxation conditions permit system, financial and legal regulation, as well as special order management Special Economic Zone.

Accounting criteria for the classification of special economic zones which may contribute to the improvement of the administrative and legal regulation of business activities on their territory. The classification of special economic zones can be put legal form and specialization of the special economic zone, as well as the grounds on which a special economic zone. Proceeding from a variety of special economic zones is

¹ Гудериев М. С. Свободные экономические зоны (опыт, проблемы, перспективы). Москва, 1997. С. 5.

expedient in the law « on special economic zones of the Republic of Kazakhstan », the Tax and Customs Code of the country to determine the special administrative and legal regime of the customs areas, areas of special trade regime of port areas, as well as the mode of offshore zones.

Statutory securing special administrative-legal regime of entrepreneurial activity in the aforementioned areas can contribute to the intensification of entrepreneurial activity, curb the export of capital from the Republic of Kazakhstan, as well as countering legalization of proceeds from crime and terrorist financing. To create an effective system of governance special economic zones to be used in the management process of modern information technology, as well as adequate methods and forms of impact on businesses.

Administrative and legal regime of entrepreneurial activity in special economic zones should be simplified to a minimum administrative procedure of various kinds. Simplification of administrative procedures may include reducing the period of examination of documents that a resident of a special economic zone, reducing the number of bodies with whom agreed the draft decision, the reduction rates of pay of public services, simplification of the tax system etc.

Special mode of entrepreneurial activity in special economic zones may violate equality entrepreneurs. The laws on special economic zones need to provide a legal mechanism for rotation of benefits between business entities that are available for residents of special economic zone on the expiration of the period of time for which they were given. Must take into account foreign experience of administrative and legal regulation of business activity in special economic zones¹.

In particular, it is necessary to embroider a variety of legal forms of special economic zones. Create a centralized control system with special economic zones, as well as to provide benefits to residents of special economic zones for a certain period of time if the benefits provided are used inefficiently, and selfish (corporate) interests of a resident of a special economic zone shall be deprived of them, and in some cases brought to administrative responsibility.

Business carried on in special economic zones, can be defined as an activity that is associated with the development of industrial production, transport, tourism and resort areas, this activity is carried out with minimal risk, as provided under state guarantees.

Business carried on in special economic zones, aimed at making a profit, much of which is used for economic development and social infrastructure of the relevant territory or region.

A business entity, which is carried out in special economic zones, is residents of the special economic zone. Resident status of a special economic zone to a certificate

¹ Давыдов А. Ю. Нужны ли России свободные экономические зоны?//США и Канада. Экономика. Политика. Культура. 2006. № 2. С. 100.

that certifies the registration of a person as a resident of a special economic zone. This certificate is issued by the special economic zones.

Economic activity is a generic category; part of economic activity is a business activity. Commercial activity, in turn, is kinds of business activity in the process of commercial activities are not creating a new product, and are being implemented already created.

Study of this issue seems to be quite important, as the territory of the special economic zones is not allowed: the production and processing of excisable goods, mining, as well as their prey. The list of activities which may be prohibited on the territory of special economic zones is not exhaustive. Thus, the Government of Kazakhstan has the right to determine the types of activities which may be prohibited in special economic zones.

Institute of special economic zones is an important tool in the development of business and entrepreneurship; promote investment in the economy of the region¹.

*Moshkin Sergey Vladimirovich, branch of the
«Kuban state university» in Armavir
candidate of jurisprudence, teacher of chair of legal disciplines
E-mail: smoshkin65@mail.ru*

Procedural position of the investigator by production of preliminary investigation

*Мошкин Сергей Владимирович, филиал
«Кубанского государственного университета» в г. Армавир
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры
правовых дисциплин
E-mail: smoshkin65@mail.ru*

Процессуальное положение следователя при производстве предварительного расследования

В настоящее время, когда возникает необходимость коренного улучшения деятельности правоохранительных органов, важно правильно определить процессуальное положение следователя в уголовном судопроизводстве, а также решить многолетнюю проблему об эффективном взаимодействии всех лиц участвующих в предварительном расследовании уголовных дел. При постоянном научном внимании к указанной тематике возможно не только проведение плодотворной

¹ Особые экономические зоны // Российская газета (Специальный выпуск). 2006. 5 сентября.

теоретизации, но и разработка комплекса предложений по совершенствованию нормативной базы правоотношений и практики правоприменения органами внутренних дел, прокуратуры, суда и других учреждений и субъектов, наделенных законом процессуальными полномочиями¹.

Основная роль в построении плана предварительного расследования, прежде всего, зависит от следователя т.к. он является основной и самостоятельной процессуальной фигурой, полностью отвечающей за объективность и всесторонность проведённого расследования.

С точки зрения осуществляемых функций следователь — это должностное лицо, обязанностью которого является проведение предварительного расследования, а также доказывание всех вопросов, отнесенных уголовно-процессуальным законодательством к предмету доказывания. С точки зрения требований, предъявляемых к данной должности, следователем может быть гражданин Российской Федерации, имеющий высшее юридическое образование и обладающий необходимыми профессиональными и моральными качествами.

Надо отметить, что в период с 1991, по настоящее время, существенно обновилось законодательство, регулирующее судопроизводство по уголовным делам. 17 января 1992 г. принят в новой редакции Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», который повышает требования к прокурорско-следственным кадрам в раскрытии и расследовании преступлений, а также в охране прав и законных интересов граждан². Все это, вместе взятое, определяет социальную и правовую значимость деятельности следователей по раскрытию и расследованию преступлений.

Независимо от ведомственной принадлежности каждый следователь обязан руководствоваться предписаниями законодателя о содержании и направлениях его деятельности. Он должен быстро и полно расследовать каждое преступление, установить лиц, виновных в его совершении, обеспечить правильное применение закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию, и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден³.

Однако, попытки установить критерий отнесения уголовных дел к подследственности того или иного правоохранительного органа (ст. 151 УПК РФ) ни к чему не приводят, поскольку неясно, чем руководствовался законодатель при

¹ Ахматов И. И. Субъект уголовно-процессуального правоотношения // И. И. Ахматов // Актуальные проблемы права: материалы II междунар. науч. конф. (г. Москва, октябрь 2013 г.). — М.: Буки-Веди, 2013. — С. 66–77.

² ФЗ «О прокуратуре российской федерации» от 17.01.1992 № 2202–1 (действующая редакция от 04.02.2014), М.2014.

³ Трубочкина В. В. «Процессуальное положение следователя». Вестник Московского университета, Серия 11, Право, 1997, № 5, с. 39.

выборе между органами прокуратуры и внутренних дел. Надо отметить неэффективность ст. 151 УПК РФ. Возьмем, к примеру, такой состав, как хулиганство (ст. 213 УК РФ)¹. В ч. 1 ст. 151 УПК РФ установлено, что по составам, предусмотренным ч. 1 и 2 ст. 213 УК РФ, предварительное следствие необязательно; а по отношению к ч. 3 ст. 213 УК РФ оно обязательно (ч. 4 ст. 151 УПК РФ). Но разве сможет хоть один следователь, возбудив уголовное дело о хулиганстве, заранее определить окончательную юридическую оценку этого преступления? Конечно, нет. Вот почему следователи органов прокуратуры и органов внутренних дел мало считаются с требованиями ст. 151 УПК РФ. В УПК РФ предусмотрено, что все факты, на основании которых будет строиться обвинение, должны, закрепляться, систематизироваться и анализироваться только следователем, а также лицом, производящим дознание. Представление возможности собирать доказательства при помощи процессуальных средств заинтересованным лицам, например, потерпевшему, обвиняемому и другим заинтересованным лицам, не обеспечит исполнения требований всесторонности, полноты и объективности исследования всех обстоятельств дела². Но также в УПК РФ всем лицам этим предоставляется право предоставления доказательств, для дальнейшего процессуального закрепления и анализа их лицом производящим расследование. Это положение обеспечивает неотъемлимое право каждого человека на защиту своих интересов любыми способами, не противоречащими действующему законодательству³.

Кроме этого, при собирании доказательств должны быть соблюдены определенные требования, гарантирующие достоверность и допустимость сведений о полученных фактических данных.

Эту цель преследуют и положения, в которых допускается и отвод следователя в случаях когда:

- если он является потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, свидетелем, а также, если он участвовал в данном деле в качестве эксперта, специалиста, переводчика, защитника, законного представителя обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика;
- если он является родственником потерпевшего, родственником обвиняемого;
- если имеются иные обстоятельства, дающие основания считать, что следователь лично, прямо или косвенно, заинтересован в этом деле.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 1.04.04г. М. 2014.

² Трубочкина В. В. "Процессуальное положение следователя". Вестник Московского университета, Серия 11, Право, 1997, № 5, с. 41.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 (действующая редакция от 04.02.2014).

Важным критерием положения следователя является его самостоятельность.

Следователь самостоятельно принимает решение о возбуждении уголовного дела, задержании подозреваемого, об избрании меры пресечения (кроме содержания под стражей и залога), о производстве обыска, выемки, об осмотре места происшествия и освидетельствовании, о назначении различного вида экспертиз и т. д.

Следователю предоставлены весьма обширные права использовать возможности органов дознания и оперативно-розыскной службы для раскрытия и расследования преступлений.

Практика, однако, свидетельствует о том, что следователи, находясь в административном подчинении прокуроров, крайне редко пользуются упомянутым правом¹.

Основной процессуальной функцией следователя является производство предварительного расследования, включающее в себя совершение процессуальных и следственных действий, направленных на разрешение уголовного дела, выявление всех его обстоятельств как отягчающих, так и смягчающих вину лица, совершившего преступление.

То есть, следователь не только вправе осуществлять по своему усмотрению определенные процессуальные действия, но и обязан это сделать в пределах своей компетенции и во исполнение уголовно-процессуального закона.

Доказательства должны быть получены с соблюдением требований закона, в противном случае, они признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения. Данная норма давно фигурирует в уголовно-процессуальном законодательстве, хотя давно известна в качестве его принципа.

Следователь оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и правосознанием. Взятые в совокупности субъективные факторы образуют в конечном итоге объективную истину — основную цель уголовного процесса.

В процессе расследования конкретного уголовного дела следователь:

- а) мысленно поэтапно «воссоздает» (реконструирует) ситуацию совершения преступления (криминальную ситуацию);
- б) периодически осмысливает и анализирует возникающую ситуацию расследования (следственную ситуацию), поскольку на основе ее оценки принимает соответствующие процессуальные и тактические решения.

Для этой цели можно использовать весь арсенал имеющихся методов и способов познания ситуации, таких как, например, анализ, синтез» абстрагирова-

¹ Трубочкина В. В. "Процессуальное положение следователя". Вестник Московского университета, Серия 11, Право, 1997, N 5 с. 41

ние. Метод моделирования охватывает различные уровни познания, позволяет осуществить связь между эмпирическим и рациональным¹.

Вся процессуальная деятельность следователя в обязательном порядке фиксируется в протоколах и постановлениях. При составлении протокола следственного действия следователь излагает само действие в том порядке, в каком оно имело место, выявленные при его производстве существенные для дела обстоятельства, а также заявления лиц, участвовавших при производстве этого действия.

Постановлением является решение следователя, принятое при производстве предварительного следствия, направленное на совершение того или иного процессуального действия. Проведение следственного действия тем или иным следователем правомерно лишь в случаях, когда данное уголовное дело находится в его производстве, либо следователь включен в группу следователей, расследующих данное дело, либо следователь реализует просьбу другого следователя, либо, если он привлечен к выполнению крупномасштабных следственных действий, хотя он данное дело не расследует.

Не обладая достаточными познаниями в области криминалистической техники и других естественных и технических наук, следователь взаимодействует с экспертными подразделениями, которые применяют все научно-технические средства и методы, помогая следователю отыскивать, закреплять, изымать и исследовать вещественные доказательства, участвуя в следственных действиях. Следователь лишь закрепляет результаты их работы в протоколе.

Завершающей фазой предварительного расследования является составление обвинительного заключения, в котором излагается сущность дела, содержится мотивированные выводы следователя о виновности конкретных лиц, дается общественно-политическая и юридическая оценка действий обвиняемых.

Список литературы:

1. Ахматов И. И. Субъект уголовно-процессуального правоотношения /И. И. Ахматов//Актуальные проблемы права: материалы II междунар. науч. конф. (г. Москва, октябрь 2013 г.). — М.: Буки-Веди, 2013.
2. Волчеккая Т. С. «Криминалистическая ситуалогия». М. 1997 г.
3. ФЗ «О прокуратуре российской федерации» от 17.01.1992 № 2202–1 (действующая редакция от 04.02.2014), М. 2014.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2013) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2014).
5. Трубочкина В. В. "Процессуальное положение следователя". Вестник Московского университета, Серия 11, Право, 1997, № 5.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 (действующая редакция от 04.02.2014).

¹ Волчеккая Т. С. "Криминалистическая ситуалогия". М. 1997 г. с. 115.

*Mukhamadyeva Gulzhan Nusuphanovna,
Kazakh national university,
acting associate professor, the Faculty of law*

E-mail: Gucci_1978@mail.ru

*Bayandina Mainur Okanovna,
Kazakh national university,
senior teacher, the Faculty of law*

E-mail: bimainur@mail.ru

*Chazhabayeva Aynur Bakytkaliyevna
Kazakh national university,
undergraduate, the Faculty of law*

On some issues of implementation of fundamental rights and freedoms of the individual in criminal proceedings

*Мухамадиева Гульжан Нусупжановна,
Казахский национальный университет,
и. о. доцента, юридический факультет*

E-mail: Gucci_1978@mail.ru

*Баяндина Майнур Окановна,
Казахский национальный университет,
старший преподаватель, юридический факультет*

E-mail: bimainur@mail.ru

*Чажабаета Айнура Бакыткалиевна
Казахский национальный университет,
магистрант, юридический факультет*

О некоторых вопросах реализации основных прав и свобод личности в уголовном процессе

Вопросы реализации основных прав и свобод личности в уголовном процессе.

Охране прав личности в той или иной степени подчинена вся система права. В частности, в таких отраслях, как гражданское право, семейное право, трудовое право, административное право, уголовное право, охрана прав личности занимает важное место. Особое место в правовой регламентации прав и свобод личности занимает отрасль международного и конституционного права. Определяя приоритет личности в системе государственно-правовых

институтов Конституция Республики Казахстан тем самым, установила, что человек, гражданин и объединяющее эти два понятия — личность является наиболее важной объективной ценностью мировой цивилизации, ее истории и развития¹.

В Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года подчеркивается необходимость «... максимального сочетания интересов личности и общества, использования права в соответствии с его социальным назначением»².

Личность, обеспеченная системой правовых конституционных гарантий, в число которых входят гарантии права на достойную и безопасную жизнь, может полноценно развиваться, работать и функционировать в системе социальных связей. В Республике Казахстан интересы личности регламентированы отраслевой системой отечественного законодательства и защищены определенной степенью неприкосновенностью.

В Гражданском кодексе РК установлено, что жизнь, здоровье, достоинство личности, честь, доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право на имя, право на авторство, право на неприкосновенность произведения и другие нематериальные блага являются личными неимущественными правами (п. 3 ст. 115)³.

Нормами Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан (далее — ГПК РК) гарантируется неприкосновенность частной жизни; тайна переписки, телеграфных и иных сообщений; неприкосновенность собственности. ГПК оговаривает, что ограничения этих прав в ходе гражданского процесса допускаются только в случаях и в порядке, прямо установленных законом (ст. 10,11)⁴.

В Административном кодексе Республики Казахстан установлен принцип неприкосновенности личности (ст. 16), принцип уважения чести и достоинства личности в административном процессе (ст. 17). В п. 6 ст. 16 в частности сказано, что «совершение в процессе производства по делу об административном правонарушении против воли лица либо его законного представителя действий, нару-

¹ Конституция Республики Казахстан. Конституция принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года // Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1996 г., № 4, ст. 217

² «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года» Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858//САПП Республики Казахстан, 2009 г., № 35, ст. 331

³ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года N 409. Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1999 г., № 16–17, ст. 642

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 июля 1999 года № 412-І// Ведомости Парламента РК, 1999 г., N 18, ст. 645)

шающих неприкосновенность личности, возможно только в случаях и порядке, прямо предусмотренных настоящим Кодексом»¹.

Жизнь и здоровье личности, неприкосновенность частной жизни, тайна переписки, телефонных переговоров, телеграфных сообщений и почтовых отправлений, а также право на неприкосновенность жилища является особым объектом охраны при производстве оперативно розыскных действий².

К рассмотрению понятия личности можно подойти с точки зрения целостности ее физиологического существа. Здесь объектом рассмотрения становится личность как биосоциальное существо, а объектом правовой охраны выступает жизнь и здоровье человека, которые состоят не только из биологических процессов, но и включают общественные отношения, обеспечивающие жизнедеятельность человека и охраняющие его жизнедеятельность.

Право человека на жизнь — основополагающее право, естественное и неотъемлемое. Провозглашая это право, Международный пакт о гражданских и политических правах отмечает, что оно есть «неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни» (п. 1 ст. 6)³. В ст. 3 Всеобщей декларации прав человека провозглашено право каждого человека на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность⁴.

Право на жизнь — это первооснова всех других прав человека, которое никто не может отнять ни при каких условиях. Никто не вправе произвольно лишать человека жизни и покушаться на нее. Уголовное законодательство санкционирует преступное посягательство на жизнь человека, устанавливая меры ответственности за действия, причиняющие вред жизни и здоровью человека или создающие опасность причинения такого вреда⁵. Тем более, что развитие уголовного законодательства об охране прав и интересов личности от преступных посягательств сопряжено с охраной и защитой суверенитета Республики Казахстан, ее конституционного строя, общественного порядка и безопасности.

¹ Кодекс об административных правонарушениях Республики Казахстан от 30 января 2001 года № 155//Ведомости Парламента Республики Казахстан, 2001 г., № 5–6, ст. 24

² Об оперативно-розыскной деятельности Закон Республики Казахстан от 15 сентября 1994 года//Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан, 1994 г., N 13, ст. 199

³ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года//Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М.: Изд-во НОРМА (изд. группа НОРМА – ИНФРА . М), 2000. – 784 с.

⁴ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года//Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М.: Изд-во НОРМА (изд. группа НОРМА – ИНФРА . М), 2000. – 784 с.

⁵ Уголовный Кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 года N 167//Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1997 г., N 15–16, ст. 211

Особую роль при рассмотрении данного вопроса имеют такие категории как «здоровье» и «нравственность». Следует согласиться с авторами научно — правового комментария к Конституции РК, считающими, что «параметры определения здоровья и идеалы нравственности как индивида, так и общества исторически подвижны и воплощают взаимодействие устойчивых ценностей общества с новыми»¹.

Здоровье включает как физическое, так и духовное здоровье населения. В соответствии с Кодексом Республики Казахстан от 18 сентября 2009 года «О здоровье народа и системе здравоохранения»² государственная политика Республики Казахстан в области охраны здоровья граждан проводится на основе принципов: солидарной ответственности государства, работодателей и граждан за сохранение и укрепление индивидуального и общественного здоровья; отнесения здоровья населения, безопасности, эффективности и качества лекарственных средств к факторам обеспечения национальной безопасности и др.

В уголовном судопроизводстве здоровье подозреваемого, обвиняемого лица, поставлено в экстремальные условия. Во — первых, это лицо ограничивается в правах и свободах (оно не может заботиться о своем здоровье так, как это возможно будучи «не под следствием»); во — вторых, это лицо подвергается процессуальному принуждению, что само по себе является дополнительным давлением как на психическое, так и на физиологическое состояние (стресс, переживания, иной распорядок жизнедеятельности и т. д.). Поэтому ст. 14 УПК РК установлено, что «Никто не может быть привлечен к участию в создающих опасность для жизни или здоровья лица процессуальных действиях. Процессуальные действия, нарушающие неприкосновенность личности, могут быть произведены против воли лица либо его законного представителя только в случаях и порядке, прямо предусмотренных настоящим Кодексом» (п. 6). «Содержание лица, в отношении которого в качестве меры пресечения избран арест, а также лица, задержанного по подозрению в преступлении, должно осуществляться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровья» (п. 7)³.

Специальным законом «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе» участникам уголовного процесса членам их семей и близким родственникам предоставляются дополнительные гарантии защиты здоровья при производстве процессуальных действий. Данный закон обеспечивает без-

¹ Сапарғалиев Г. С. Конституция Республики Казахстан: Научно-правовой комментарий. Изд. второе, исправл. и доп. Алматы: Жеті жарғы, 2004. С. 424.

² Кодекс Республики Казахстан от 18 сентября 2009 года № 193-IV «О здоровье народа и системе здравоохранения» // Казахстанская правда от 29 сентября 2009 г. № 230–231

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан 13 декабря 1997 года № 206// Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1997 г., N 23, ст. 335

опасность указанных лиц в целях пресечения противоправного вмешательства в уголовный процесс¹.

Вопросы охраны здоровья лиц, попавших под действие норм уголовно — процессуального принуждения, регламентируются также нормами Нормативного постановления Верховного суда Республики Казахстан от 9 июля 1999 года N 8 «О судебной практике по применению принудительных мер медицинского характера»², где оговаривается, что «правильное применение принудительных мер медицинского характера способствует излечению или улучшению здоровья лиц, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости или заболевших психическими расстройствами после совершения преступления либо совершивших преступление и нуждающихся в психиатрической помощи или в принудительном лечении от алкоголизма, наркомании, токсикомании, а также способствует предупреждению совершения этими лицами новых деяний, ответственность за которые установлена уголовным законом».

Неприкосновенность как правовая категория выстраивается из отдельных прав и свобод человека, гарантированности и защищенности их в государстве. Исходя из п. 8 ст. 14 и п. 2 ст. 15 следует, что возмещение вреда, причиненного в результате нарушения его прав и свобод при производстве по уголовному делу (включая незаконное лишение свободы, содержание в условиях, опасных для жизни и здоровья, жестокое обращение) подлежит возмещению в порядке, предусмотренном УПК РК (глава 4). В соответствии со ст. 42 УПК РК право на возмещение вреда наступает только после полной или частичной реабилитации лица. УПК предусматривает обязанность органа, ведущего уголовный процесс принести официальное извинение реабилитированному (ч. 1 ст. 44). Данная норма, безусловно, отвечает требованиям этики уголовного производства, уважения прав человека.

Институт возмещения вреда составляет также предмет гражданско — правового регулирования. В соответствии со ст. 923 ГК РК Ос. ч. «...государством возмещается вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, домашнего ареста, подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ, незаконного помещения в психиатрическое или другое лечебное учреждение...».

¹ Закон Республики Казахстан от 05.07.2000 N 72-II «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе»//Ведомости Парламента, 2000 г., N 10, ст. 241

² Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 9 июля 1999 года № 8 «О судебной практике по применению принудительных мер медицинского характера»// Казахстанская правда от 05.08.99 г. № 187–188

Далее вопросы возмещения вреда органами, ведущими уголовный процесс конкретизируются в Постановлении Пленума Верховного суда Республики Казахстан от 9 июля 1999 года № 7 «О практике применения законодательства по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями органов, ведущих уголовный процесс»¹ в котором установлено, что «Незаконными действиями органов, ведущих уголовный процесс являются:

- незаконное возбуждение уголовного дела;
- незаконное уголовное преследование;
- неправильное применение норм уголовного законодательства при квалификации преступления;
- незаконное применение меры пресечения или иных предусмотренных законом мер процессуального принуждения;
- содержание лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, или лица, в отношении которого в качестве меры пресечения избран арест, в опасных для его жизни и здоровья условиях;
- принудительное помещение не содержащегося под стражей лица в медицинское учреждение для производства судебно-психиатрической или судебно-медицинской экспертизы при отсутствии об этом решения суда;
- применение насилия, жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение;
- проведение процессуальных действий в условиях, создающих опасность для жизни или здоровья участвующих в них лиц;
- принятие решений и совершение действий, унижающих честь или умаляющих достоинство лица, участвующего в уголовном процессе;
- использование и распространение для целей, не предусмотренных УПК, сведений о частной жизни, а равно иных сведений личного характера, которые лицо считало необходимым сохранить в тайне;
- незаконное осуждение; незаконное применение принудительных мер медицинского характера; незаконное применение принудительных мер воспитательного воздействия и другие.

Исходя из норм УПК (ст. 39–42) и ГК (922, 923) следует, что вред возмещается только лицам, по отношению к которым, возможна реабилитация. Однако, с позиции принципа неприкосновенности личности в уголовном процессе, важным представляется, на наш взгляд, решение вопроса о том, будет ли возмещен вред лицам, не подлежащим реабилитации. Ведь и законно задержанные подозреваемые в совершении преступления и законно арестованные имеют право на неприкос-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Республики Казахстан от 9 июля 1999 года № 7 «О практике применения законодательства по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями органов, ведущих уголовный процесс». // Казахстанская правда от 05.08.99 г. № 187–188

новенность личности. А если к ним при правильном применении норм УПК были допущено насилие опасное для жизни и здоровья, унижающее честь и достоинство? Здесь работникам правоохранительных органов, уполномоченных на производство по уголовным делам важно знать, что согласно Постановлению Пленума Верховного суда Республики Казахстан от 9 июля 1999 года № 7 «О практике применения законодательства по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями органов, ведущих уголовный процесс» (п. 5) и «в соответствии с ч. 2 ст. 13 и ч. 8 ст. 14 УПК задержанные, подозреваемые, обвиняемые, подсудимые и осужденные имеют также право на возмещение причиненного им вреда и в тех случаях, когда в ходе судопроизводства по делу они были подвергнуты насилию или жестокому обращению, когда решениями или действиями органов, ведущих уголовный процесс, были унижены их честь и достоинство либо когда без надобности по расследуемому делу собраны, разглашены или распространены сведения личного характера, которые лицо считало необходимым сохранить в тайне, а равно когда лицо, лишенное свободы, содержалось в условиях, опасных для жизни и здоровья». Норма ст. 42 УПК, следовательно, нуждается в изменении и дополнении в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РК. Если извещение с разъяснением порядка возмещения вреда реабилитированным или частично реабилитированным выдается с копией оправдательного приговора, то в самом Постановлении, и тем более в кодексе, ничего не сказано о порядке возмещения вреда вышеотмеченным лицам.

Список литературы:

1. Конституция Республики Казахстан. Конституция принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года // Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1996 г., № 4, ст. 217.
2. «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года» Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858 // САПП Республики Казахстан, 2009 г., № 35, ст. 331.
3. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года № 409. Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1999 г., № 16–17, ст. 642.
4. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 июля 1999 года № 412-І // Ведомости Парламента РК, 1999 г., N 18, ст. 645)
5. Кодекс об административных правонарушениях Республики Казахстан от 30 января 2001 года № 155 // Ведомости Парламента Республики Казахстан, 2001 г., № 5–6, ст. 24.
6. Об оперативно-розыскной деятельности Закон Республики Казахстан от 15 сентября 1994 года // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан, 1994 г., N 13, ст. 199.

7. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года//Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М.: Изд-во НОРМА (изд. группа НОРМА – ИНФРА. М), 2000. – 784 с.
8. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года//Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М.: Изд-во НОРМА (изд. группа НОРМА – ИНФРА. М), 2000. – 784 с.
9. Уголовный Кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 года N 167//Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1997 г., N 15–16, ст. 211.
10. Сапаргалиев Г. С. Конституция Республики Казахстан: Научно-правовой комментарий. Изд. второе, исправл. и доп. Алматы: Жеті жарғы, 2004. С. 424.
11. Кодекс Республики Казахстан от 18 сентября 2009 года № 193-IV «О здоровье народа и системе здравоохранения»//Казахстанская правда от 29 сентября 2009 г. № 230–231.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан 13 декабря 1997 года № 206//Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1997 г., N 23, ст. 335.
13. Закон Республики Казахстан от 05.07.2000 N 72-II «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе»//Ведомости Парламента, 2000 г., N 10, ст. 241.
14. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 9 июля 1999 года № 8 «О судебной практике по применению принудительных мер медицинского характера»//Казахстанская правда от 05.08.99 г. № 187–188.
15. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Казахстан от 9 июля 1999 года № «О практике применения законодательства по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями органов, ведущих уголовный процесс».///Казахстанская правда от 05.08.99 г. № 187–188.

*Nesterenko Alla Stanislavovna, Associate Professor,
Department of Administrative and Financial Law
at the National University «Odessa Law Academy»
E-mail: parisplus@mail.ru*

Place loan (state, local, banking) in the structure of the financial system of the state

*Нестеренко Алла Станиславовна, доцент кафедры
административного и финансового права
Национального Университета «Одесская юридическая академия»
E-mail: parisplus@mail.ru*

Место кредита (государственного, местного, банковского) в структуре финансовой системы государства

Стремительное развитие общественных отношений, в том числе в сфере финансов, позволяет говорить о необходимости в продолжении дискуссии относительно предмета исследования финансового права, унификации терминологии, определения составляющих финансовой системы страны и т. д.

Содержание понятия «финансовая система государства» и ее структура в различные периоды финансово-правовой и экономической науки трактовалось неоднозначно. В связи с новыми экономическими и политическими условиями (переход к рыночным отношениям, распад СССР, становление местного самоуправления) в финансовой системе украинского государства произошли существенные изменения. Эти изменения, как считают ученые, коснулись как структуры финансовой системы, так и содержания режима функционирования ее элементов, их внутреннего строения, взаимодействия между собой. Финансовая система приобрела черты, присущие рыночным отношениям в экономике. Вместе с тем для финансовой системы Украины характерны специфические особенности, которые отражают экономические и политические условия, традиции и приоритеты, сложившиеся в стране.

Большинство современных специалистов в области финансового права сходятся во мнении, что в числе элементов финансовой системы, предопределяющих ее содержание, следующие: бюджетные фонды; государственные внебюджетные фонды; государственный и муниципальный кредиты; финансы предприятий, организаций и домашних хозяйств¹, страховые фонды, банковский кредит².

Следует отметить, что в свое время в юридической литературе была высказана своеобразная позиция (в современный период претерпела изменения) относительно невозможности включения в финансовую систему фонда банковского кредитования, поскольку Центральный банк РФ (Банк России) независим от органов исполнительной власти и подотчетен Государственной Думе Федерального

¹ Карасева М. В. Финансы и финансовая система России // Финансовое право: учебник / под ред. М. В. Карасевой. М., 2006. - С. 27.

² Евстигнеев Е. Н., Викторова Н. Г. Финансовое право: учебник. СПб., 2002. С. 13; Карасева М. В., Крохина М. В. Финансовое право: учебник. М., 2001. С. 6; Химичева Н. И. Финансы и финансовая система Российской Федерации // Финансовое право: учебник. М., 2004. С. 25.

Собрания РФ¹. В свою очередь, Э. Д. Соколова, отмечает, кредитная система, как и финансовая система, может рассматриваться в двух аспектах: как совокупность общественных (денежных) отношений, возникающих при создании кредитными организациями фондов денежных средств (ссудного капитала), и как совокупность кредитных организаций, осуществляющих кредитование.² Однако с учетом того, что банковское кредитование доставляет средства (на возмездной возвратной основе) для функционирования иных элементов финансовой системы (предприятий, организаций), данный элемент нельзя оставить без внимания при анализе содержания финансовой системы. Как отметила Э. Д. Соколова, фонды денежных средств Центрального банка РФ и иных кредитных организаций, основанных на праве государственной или муниципальной собственности, играют значительную роль в процессе воспроизводства общественного продукта (работ, услуг)³. Выделение публичного (государственного и муниципального) кредита в составе такого института (звена) современной финансовой системы, как кредит, у ученых — экономистов сомнения не вызывает, это относится и к выделению в указанном звене подсистемы «банковский кредит». Однако, не все финансоведы придерживаются данной позиции. Так, например, М. В. Карасева, исключает из структуры финансовой системы компонент «банковский кредит». Кроме того, автор достаточно категорично отрицает финансово-правовую природу отношений государственного кредита. В своей монографии «Финансовые правоотношения» автор отмечает, что «отношения по государственному кредиту между государством и кредиторами не являются финансово-правовыми»⁴. Другие авторы приходят к выводу, что в последнее время указанный правовой институт регулируется (в силу его сложного, многоаспектного и полифункционального характера) сразу несколькими отраслями законодательства, в том числе конституционным, финансовым, гражданским, административным, международным⁵. По мнению Покачаловой Е. В., государственный и муниципальный кредит являются структурными компонентами финансовой системы⁶.

¹ Карасева М. В. Финансовое право. Общая часть: учебник. М., 2000.- С. 36.

² Соколова Э. Д. Финансовая система России и право: дискуссионные вопросы//Налоги. 2007. № 2//СПС КонсультантПлюс.

³ Соколова Э. Д. Финансовая система России и право: дискуссионные вопросы//Налоги. 2007. № 2//СПС КонсультантПлюс.

⁴ Карасева М. В. Финансовое правоотношение. Воронеж, 1997.- С. 69.

⁵ Хейло Д. Л. Государственный кредит в Российской Федерации: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2001; Покачалова Е. В. Доктрина финансового права и новое финансовое законодательство об институтах государственного кредита и государственного долга//Правоведение. 2002.- № 5.

⁶ Покачалова Е. В. Публичный кредит и публичный долг в составе элементов финансовой системы России и понятийно-категориального аппарата финансового права//Финансовое право. № 4, 2010.- С. 20.

Ряд авторов полагает, что кредит нельзя включать как элемент финансовой системы, так как он обладает особыми признаками отличающими его от финансов. Этот признак заключается в возвратности, возмездности, срочности кредитных ресурсов. Данную позицию убедительно критикует С. Д. Цыпкин, указывая, что наличие этих особых принципов кредита «лишь отличает его от других звеньев финансовой системы, но не кредит от финансов». И добавляет: «В конечном счете, все эти различия только внутри единства»¹. Одним из аргументов включения государственного кредита в финансовую систему является констатация фактов наличия «органической связи» финансов и кредита, а также существования их производного характера от капитала и отражения рассматриваемыми категориями лишь различных обязательных стадий его движения². Н. И. Химичева считает, что «ссылка на наличие особенностей у кредита при обособлении его от финансов представляется неубедительной, поскольку и каждое другое из названных звеньев финансовой системы обладает своей спецификой, одновременно взаимодействуя между собой как составная часть этой единой системы»³. С данной позицией современного ученого нельзя не согласиться. Выполнение государством публичных функций требует большого количества денежных средств, которые не всегда в достаточном объеме или в планируемые сроки поступают в государственную казну. Результатом возросших государственных расходов или недополучения доходов выражается в бюджетном дефиците, погашение которого требует привлечения дополнительных денежных средств. Необходимость бесперебойного и полного финансирования публичных мероприятий обуславливает временное использование государством денежных средств, принадлежащих иным субъектам. Подобным источником привлечения дополнительных денежных средств в государственные и муниципальные бюджеты выступают кредитные ресурсы. Государственный кредит является важнейшим инструментом финансово-правовой политики, умелое использование которого позволяет сокращать бюджетный дефицит, инвестировать приоритетные отрасли промышленности, стабилизировать финансовые отношения. Негативным же последствием кредитной деятельности государства может стать государственный долг. Но в данном исследовании мы не будем касаться данного вопроса.

Еще один важный аспект в данном вопросе касается наименования данного кредита — «государственный (муниципальный- местный) кредит» — это свидетельствует о том, что субъектом этого кредита выступает государственное или

¹ Цыпкин С. Д. Финансово-правовые институты, их роль в совершенствовании финансовой деятельности советского государства. М., 1983. С. 17–18.

² Александрова А. М., Э. Л. Вознесенский Финансы социализма. М., 1971. С. 47; Алахвердян Д. А. Финансы социалистического производства. М., 1971. С. 159.

³ Финансовое право: учебник/отв. Ред. М. В. Карасева. 2-е изд., перераб. И доп. М., 2006. С. 487.

муниципальное образование. Первоначально к этой категории относился лишь государственный кредит, и все теоретические конструкции строились применительно к кредитной деятельности государства. Однако с внедрением местного самоуправления к данной категории стали относить и муниципальный (местный) кредит. Но следует отметить, по мнению Худякова А. И., что для отождествления этих видов кредита нет оснований — они существенно различаются¹. И как справедливо высказывает А. А. Нечай и другие современные ученые, в настоящее время в качестве названия, объединяющего оба этих вида кредита в одну категорию, предлагается термин «публичный кредит»². Данная категория активно используется современными учеными, в частности для отождествления в одно звено финансовой системы. На наш взгляд, данный термин не позволяет все же отождествлять данные виды кредита, и тем более, включать в одно звено финансовой системы.

Что касается банковского кредита — то это сложная многосторонняя деятельность, предполагающая мобилизацию денежных средств, где вся банковская система использует в качестве ресурса для целей кредитования добровольные вложения вкладчиков на условиях возвратности, срочности, возмездности, и расходование средств путем выдачи кредитов на тех же условиях. Банковский кредит находится на грани регулирования финансового и гражданского права, однако существенно влияет на формирование рынка ссудных капиталов и, соответственно, на образование и обращение государственных финансов.

У нас не возникает никаких сомнений относительно включения «кредита» в состав финансовой системы государства. Но в данном вопросе необходимо учитывать разновидности кредита: государственный, муниципальный (местный) и банковский. На наш взгляд, эти виды кредита обладают особенностями, которые необходимо четко разграничивать. Таким образом, считаем невозможным данные институты включая в состав финансовой системы обобщать или включать в одно звено. Нам представляется логичным представить свой взгляд на разветвленную структуру финансовой системы. В которой государственный кредит, местный кредит и банковский кредит находятся в разных сферах-звеньях.

На наш взгляд, в состав финансовой системы входят самостоятельные **сферы**: публичные финансы; финансы субъектов хозяйствования; международные финансы; финансовый рынок. Которые, в свою очередь, содержат следующие **зве-**

¹ Худяков А. И. Правовые основы государственного и муниципального кредита // Финансовое право № 3, 2010. - С. 3.

² Нечай А. А. Правовые проблемы регулирования публичных расходов в государстве: автореферат дис. Д-ра юрид. Наук. Киев, 2005. - С. 20; Бельский К. С. и др. Финансовое право: учебник / под ред. С. В. Запольского. М., 2006. - С. 446; Покачалова Е. В. Публичный долг: теоретические и практические аспекты российского финансового права: автореф. Дисс. Д-ра юрид. наук. Саратов, 2007. - С. 5.

нъя: *публичные финансы:* государственные и местные финансы; *финансы субъектов хозяйствования* (в зависимости от формы организации финансовой деятельности можно выделить): финансы предприятий и финансы домохозяйств; *международные финансы:* финансы международных организаций, и международные финансовые институты; *финансовый рынок:* фондовый рынок и денежный рынок. Звенья финансовой системы содержат **элементы** — **институты**. А именно: *Государственные финансы:* государственный бюджет, государственные внебюджетные фонды, государственный кредит, государственное страхование; *Местные финансы:* местный бюджет, муниципальный (местный) кредит, финансы коммунальных предприятий; *Финансы предприятий* (финансы коммерческих предприятий, финансы некоммерческих предприятий, финансы финансовых посредников); *Финансы домохозяйств;* *Финансы международных организаций;* *Международные финансовые институты;* *Фондовый рынок* (в основе которого лежит рынок ценных бумаг); *Денежный рынок* (рынок банковских ссуд, или рынок ссудных капиталов).

Представляя финансовую систему таким развернутым вариантом, обращаем внимание на место государственного кредита в звене государственных финансов сферы публичных финансов. Местный кредит в звене местных финансов сферы публичных финансов. И банковский кредит в звене денежного рынка сферы финансового рынка.

Список литературы:

1. Александрова А. М., Э. Л. Вознесенский Финансы социализма. М., 1971. С. 47.
2. Бельский К. С. и др. Финансовое право: учебник/под ред. С. В. Запольского. М., 2006.- С. 446.
3. Евстигнеев Е. Н., Викторова Н. Г. Финансовое право: учебник. СПб., 2002. С. 12–16.
4. Карасева М. В. Финансовое право. Общая часть: учебник. М., 2000.- С. 36.
5. Карасева М. В. Финансовое правоотношение. Воронеж, 1997.- С. 69.
6. Карасева М. В. Финансы и финансовая система России//Финансовое право: учебник/под ред. М. В. Карасевой. М., 2006.- С. 27.
7. Карасева М. В., Крохина М. В. Финансовое право: учебник. М., 2001. С. 3–9.
8. Нечай А. А. Правовые проблемы регулирования публичных расходов в государстве: автореферат дис. Д-ра юрид. Наук. Киев, 2005.- С. 20.
9. Покачалова Е. В. Доктрина финансового права и новое финансовое законодательство об институтах государственного кредита и государственного долга//Правоведение. 2002.- № 5.
10. Покачалова Е. В. Публичный долг: теоретические и практические аспекты российского финансового права: автореф. Дисс. Д-ра юрид.наук. Саратов, 2007.- С. 5–51.

11. Покачалова Е. В. Публичный кредит и публичный долг в составе элементов финансовой системы России и понятийно-категориального аппарата финансового права // Финансовое право. № 4, 2010.- С. 19–23.
12. Соколова Э. Д. Финансовая система России и право: дискуссионные вопросы // Налоги. 2007. № 2 // СПС КонсультантПлюс.
13. Финансовое право: учебник / отв. Ред. М. В. Карасева. 2-е изд., перераб. И доп. М., 2006.- С. 487.
14. Хейло Д. А. Государственный кредит в Российской Федерации: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2001.
15. Худяков А. И. Правовые основы государственного и муниципального кредита // Финансовое право № 3, 2010.- С. 2–6.
16. Цыпкин С. Д. Финансово-правовые институты, их роль в совершенствовании финансовой деятельности советского государства. М., 1983. С. 17–18.

*Chertikhina Yuliya Petrovna
Astrakhan State University,
assistant, chair of criminal law
E-mail: y.chertihina@mail.ru*

The concept and the problem of determining the official as a representative of authority in Article 318 of the Criminal Code

*Чертихина Юлия Петровна
Астраханский государственный университет,
ассистент, кафедра уголовного права
E-mail: y.chertihina@mail.ru*

Понятие и проблема определения должностного лица, как представителя власти в статье 318 УК РФ

Установление точного содержания понятия должностного лица — один из наиболее важных вопросов применения немалого числа норм Особенной части УК, и прежде всего — содержащихся в гл. 32 Кодекса. В связи с этим анализируем признаки данного специального субъекта, содержание которых раскрывается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

Этот анализ не просто целесообразно, но и необходимо проводить в сравнении с описанием признаков должностного лица, приведенным в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе». Необходимо потому, что Постановлением от 16 октября 2009 г. разъяснения, данные Пленумом в Постановлении от 10 февраля 2000 г., не признаны утратившими силу. И теперь, решая вопрос об отнесении лица, привлекаемого к уголовной ответственности, к категории лиц должностных, правоприменитель должен сверять свою позицию с обоими документами высшего судебного органа.

Более того, сохранение в Постановлении от 10 февраля 2000 г. положений, касающихся признаков должностного лица, при том что вопрос об их исключении обсуждался на стадии проработки проекта Постановления от 16 октября 2009 г., свидетельствует: в замысел Верховного Суда входило не усложнение дефиниции должностного лица посредством создания противоречий между названными документами Пленума, а напротив, устранение известной неопределенности прежних положений, а также расширение круга вопросов, по которым у Верховного Суда в последние годы сформировалась более ясная позиция.

Пленум по-прежнему считает, что понятия представителя власти, данного в примечании к ст. 318 УК, недостаточно. Примечанием к этой категории должностных лиц отнесены два вида должностных лиц: первый — должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа; второй — иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости.

Это понятие подвергается многими исследователями критике в основном по двум причинам. Прежде всего потому, что в нем нарушен логический запрет давать определение через подобное: представитель власти здесь понимается как должностное лицо, хотя из примечания к ст. 285 УК следует, что представитель власти рассматривается лишь как подвид должностного лица. Второй недочет усматривают в том, что не всякое должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа можно признать представителем власти. Например, «главный бухгалтер или начальник отдела снабжения прокуратуры — безусловно, должностное лицо, но отнюдь не представитель власти»¹.

Должностное лицо должно обладать специальными полномочиями. Но термин «специальный» означает — особый, исключительный, для чего —нибудь предназначенный², и именно поэтому определение «специального полномочия» должно включать в себя признаки отграничивающие его от других понятий.

¹ Волженкин Б. В. Служебные преступления. М., 2000. С. 100.

² Мельникова В. Е. Должностные преступления. М., 1985 с 43–44.

На взгляд автора, специальные полномочия — это официальное предоставление лицу права на осуществление им каких — либо административно — хозяйственных, организационно — распорядительных функций, т. е. являться представителем власти. Этой же позиции и придерживается Н. М. Ковалева¹.

Главной особенностью данной категории должностного лица является то, что он наделен распорядительными полномочиями в отношении лиц, которые не находятся от него в служебной зависимости, то есть не подчинены ему по службе.

Под распорядительными полномочиями подразумевается возможность предъявлять обязательные для исполнения требования, издавать нормативные акты или налагать меры юридической ответственности, содержащие обязательные правила поведения и (или) меры ответственности за их нарушения. Адресатами этих полномочий являются любые лица, не подчиненные представителю власти по службе. Представитель власти может вообще не иметь подчиненных. Примерный перечень представителей власти приведен в пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе». К ним отнесены депутаты Государственной Думы, депутаты законодательных органов государственной власти субъектов РФ, члены Правительства РФ и органов исполнительной власти субъектов РФ, судьи федеральных судов и мировые судьи, наделенные соответствующими полномочиями работники прокуратуры и т.п.²

Так, например, Здравомыслов Б. В. выделяет три признака представителя власти: а) наделение властными функциями (полномочиями); б) право совершать действия, порождающие правовые последствия для всех или большего числа граждан; в) несвязанность служебной деятельности ведомственными рамками³.

По мнению Асниса А. Я. понятие представителя власти в ст. 318 УК РФ является недостаточно полным и точным, поскольку, следуя букве закона и лингвистическому толкованию, словосочетания «должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа» и «должностное лицо, наделенное... распорядительными полномочиями...» не охватывают, в частности, представителей законодательной власти, ибо последние, с одной стороны, не относятся к категории должностных лиц правоохранительных или контролирующих органов, с другой — не наделены распорядительными полномочиями, так как законодательную деятельность вряд ли можно признать реализацией распорядительных

¹ См., например: Ковалева Н. М. Понятие должностного лица по Российскому уголовному праву/учебное пособие. — Ставрополь: ЗАО «Диамант» 2001. С 13.

² Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 N 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе»

³ Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. М., 1975. С 44.

полномочий. В связи с этим следует согласиться с предложением об исключении из Уголовного кодекса РФ примечания к статье 318¹.

Функции представителя власти могут выполнять лица, не связанные с государственными органами или организациями служебными или трудовыми отношениями. Так, например, в соответствии со статьей 117 УПК РФ капитаны морских судов, находящихся в дальнем плавании, являются органом дознания. Работникам коммерческих организаций законодательством субъекта Российской Федерации может быть предоставлено право налагать административные взыскания, например, за правонарушения на общественном транспорте. Не состоят на государственной или муниципальной службе присяжные и народные заседатели, представители общественности, которым предоставлены властные полномочия в связи с участием их в охране общественного порядка и борьбе с правонарушениями.

При определении круга лиц, являющихся представителями власти и находящимися под уголовно-правовой защитой статьи 318 УК, выявлено, что имеется недостаточная определенность норм-дефиниций, таких как «должностное лицо» и «представитель власти», поскольку исходя из действующей редакции указанных понятий, представителем власти может быть должностное лицо, собственно не являющееся представителем власти.

В примечании к статье 318 УК впервые дано определение представителя власти. Из этого определения следует, что представитель власти: а) является должностным лицом; б) наделен распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости; в) представляет правоохранительный (МВД России, ФСБ России и т. д.), контролирующий (органы рыбоохраны, санитарно-эпидемиологического надзора, государственной лесной охраны и т. п.) или иной орган (различные звенья государственного аппарата и местного самоуправления, которые выполняют функции власти) (ст. 1, 2 Федерального закона от 20.04.95 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»).

Однако в науке уголовного права остается спорным вопросом само понятие «представитель власти», т. к. закон не дает точного и четкого указания на лиц относящихся к той категории граждан. Многие ученые сравнивают и различают понятие «представителя власти, как должностного лица» с понятием «государственного деятеля», но нет единого мнения по данному вопросу. Объясняется это, на наш взгляд тем, что закон не определяет государственную должность, занимая которую представитель власти может быть признан потерпевшим.

¹ Аснис А. Я. Проблемы совершенствования действующего уголовного законодательства об ответственности за служебные преступления // «Российский судья» 2005, N 5

Ю. М. Антонян не относит сотрудников правоохранительной системы к категории государственных служащих, но можно оспорить данный факт, ведь находящиеся в должности федеральных министров руководители МВД и ФСБ так же принимают решения на государственном уровне соответственно являясь государственными деятелями и, в соответствии со ст. 318 УК, являются представителями власти и должностными лицами.

Изучение ранее действовавших нормативно-правовых актов позволяет сделать следующие выводы. Уголовно-правовой запрет насильственных посягательств в отношении уполномоченных лиц государственных органов присутствует на всех этапах развития отечественного уголовного права. В зависимости от уровня законодательной техники присущего тому или иному историческому периоду, и социально-экономических условий, меняются законодательные формы выражения этого запрета, однако, целесообразность его наличия не ставится под сомнение. В то же время, постоянные дополнения уголовного закона, свидетельствовало о некоторой бессистемности правотворческой деятельности законодателя. Существенным недостатком уголовных законов являлось отсутствие легального определения «представителя власти» на это неоднократно обращали внимание представители уголовно-правовой науки.

И хотя законодатель сформулировал понятие представителя власти в примечании ст. 318 УК к сожалению, данное определение нельзя признать идеальным. Проблема заключается в том, что оно раскрывается через другое понятие — «должностное лицо». При этом сопоставление определения представителя власти с определением должностного лица «обнаруживается очевидная тавтологичность»: представителем власти является должностное лицо, а должностное лицо — это лицо, осуществляющие функции представителя власти, то есть функции должностного лица.

На наш взгляд представителем власти, применительно к статье 318 УК являются лица обладающие следующими особыми признаками:

1. Это должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа государства.
2. Выступает от имени органа государственной власти.
3. Осуществляет распорядительными полномочиями общего, публичного характера, то есть по отношению ко всем гражданам, организационно не подчиненным им по службе.
4. Осуществляют служебные полномочия на профессиональной или выборной должности.
5. Могут не иметь подчиненных по службе лиц.

Следует отметить и тот факт, что в диспозиции ч. 1 ст. 318 УК нет прямого указания на уничтожения или повреждения имущества представителя власти, что

опять таки приводит к неоднозначному толкованию нормы. В связи с этим, целесообразным представляется дополнение в статью указанного признака, а также признака угрозы уничтожения. Так как угроза сама по себе является опасным преступлением, при этом она выступает как способ нарушения психической неприкосновенности человека и как возможная опасность наступления преступных последствий. Общественная опасность этого преступления велика еще и потому, что в некоторых случаях угроза может перерасти в более тяжкое преступление. Виновный от угроз может перейти непосредственно к посягательствам на жизнь и здоровье потерпевшего, его близких, то есть применить физическое насилие. Таким образом, между физическим и психическим насилием существует тесная взаимосвязь.

Конструирование большого числа специальных норм при наличии в УК общих, действие которых распространяется на соответствующие деяния, не всегда оказывается целесообразным. «Избыточное количество специальных норм приводит к конфликтности и необоснованной конкуренции уголовно-правовых норм при квалификации преступлений, не способствует эффективному применению уголовного закона и подчас ставит правоохранительные органы в трудное положение».

Список литературы:

1. Аснис А. Я. Проблемы совершенствования действующего уголовного законодательства об ответственности за служебные преступления// «Российский судья» 2005, № 5
2. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М., 2000.
3. Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. М., 1975.
4. Ковалева Н. М. Понятие должностного лица по Российскому уголовному праву/учебное пособие.- Ставрополь: ЗАО «Диамант» 2001.
5. Мельникова В. Е. Должностные преступления. М., 1985
6. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 N 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе»

Shak Yuri Petrovich
Vyatka State University of Humanities
postgraduate student, the Faculty of Law
E-mail: shakyura@mail.ru

**Concept of administrative and legal status
of the Russian Orthodox Church**

*Шак Юрий Петрович,
Вятский государственный гуманитарный университет
Аспирант, юридический факультет
E-mail: shakyura@mail.ru*

Понятие административно-правового статуса Русской Православной Церкви

Роль РПЦ в современном российском государстве занимает все более важное место. Ее деятельность охватывает широкий спектр общественных отношений, начиная с духовных и культурных, заканчивая правовыми, экономическими и политическими. Анализируя последние можно с уверенностью сказать, что религиозный фактор оказывает влияние на развитие многих общественных процессов в области межнациональных и межконфессиональных отношений, способствует формированию нравственных ценностей в сознании общества. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви Московского Патриархата (далее — РПЦ МП) были утверждены «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Данный документ отражает официальную позицию Московского Патриархата в области взаимоотношений церкви с государством и обществом¹.

Работами советского периода, посвященными истории правового регулирования отношений советского государства и религиозных объединений, в том числе и РПЦ, стали исследования Кислицына И.М.², который разработал периодизацию развития правовых отношений Советского государства и церкви, и работа Розенбаума Ю. А. «Советское государство и церковь»³, в которой было предложено осмысление проблем соотношения государства и церкви в советском обществе. Однако в этих работах изучение административно-правового статуса РПЦ не были выделены в качестве самостоятельного предмета.

РПЦ на современном этапе — крупнейшая религиозная организация в Российской Федерации по числу своих приверженцев. После распада СССР РПЦ оказалась одним из немногих официально разрешенных и законодательно оформленных объединений граждан. Более того, РПЦ сумела сохранить без существенных изменений не только свою структуру и принципы внутреннего управления, но и значительно усилило свое положение в Российском государстве на современном этапе истории.

¹ Определение освященного юбилейного архиерейского собора Русской Православной Церкви об «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» // Информационный бюллетень Отдела церковных связей Московского Патриархата. 2000. № 8, 2000, пункт 1.

² Кислицын И. М Советское законодательство о свободе совести и религиозных объединениях (1917–1975 гг.): Учебное пособие по спецкурсу. - Пермь: 1991. - С. 116.

³ Розенбаум Ю.А. Советское государство и церковь. - М.:1985. - С. 158.

Это усиление происходило не только благодаря увеличению количества зарегистрированных православных общин, строительству и открытию новых храмов и монастырей, улучшению экономического положения церкви (благодаря возможности вести самостоятельную экономическую деятельность), но и возможности РПЦ способствовать принятию политических решений институтами государственной власти РФ.

РПЦ является религиозным объединением в форме религиозной организации, она зарегистрирована в установленном законом порядке. Наименование «Русская Православная Церковь» применялось издавна, однако только осенью 1943 года оно было принято как официальное. Статус юридического лица РПЦ получила лишь 27 февраля 2003 года, когда «Русская православная церковь (Московский Патриархат)» была зарегистрирована как религиозная организация. Адрес регистрации: 119034, г. Москва, Чистый пер., дом 5. Устав Русской православной церкви, принятый Архиерейским собором 16 августа 2000 года с поправками, принятыми на Архиерейском соборе 2008 года, 2011 года и 2013 года — это ее внутренний документ, он не зарегистрирован в Минюсте РФ. Уставом определены современная структура РПЦ, порядок формирования её центральных и местных органов управления, их полномочия и т. д. РПЦ осуществляет свою деятельность в соответствии со своей собственной иерархической и институциональной структурой. РПЦ выбирает, назначает и заменяет свой персонал согласно своим собственным установлениям, не выполняет функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления. РПЦ, как и любое другое религиозное объединение в РФ, не участвует в выборах в органы государственной власти и в органы местного самоуправления, не участвует в деятельности политических партий и политических движений, не оказывает им материальную и иную помощь. В процессе осуществления РПЦ полномочий юридического лица, контроля органов юстиции за деятельностью РПЦ возникают административно-правовые отношения. Данные отношения весьма разнообразны и возникают при наделении РПЦ правом собственности на культовые здания и сооружения, при контроле органов исполнительной власти за соответствием Устава РПЦ федеральному законодательству, при осуществлении священнослужителями светских прав и обязанностей, в процессе осуществления преподавательской, образовательной, иной творческой деятельности в системе государственного образования, при осуществлении государственного контроля за деятельностью РПЦ и т. д. Административно-правовая специфика в сфере имущественных отношений проявляется в участии органов исполнительной власти при закреплении прав собственности на здания, сооружения, предметы культа (иконы, свечи, церковную утварь), денежные средства, а также на предприятия, производящие предметы культа или издающие богослужебную литературу, находящимся в ведении её епархий, приходов, монастырей, Духовных учебных заведений, братств и сестричеств. Каждый приход, монастырь, епархиальное управление (епархия), учеб-

ное заведение и иная структурная единица, находящаяся в каноническом ведении РПЦ, зарегистрирована Росрегистрацией как самостоятельное юридическое лицо (религиозная организация). В соответствии с законодательством РФ, РПЦ имеет полное право самостоятельно распоряжаться своим имуществом.

В Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» содержится норма (ч. 5 ст. 4; ч. 1 ст. 15), предусматривающая следующее: «религиозные организации действуют в соответствии со своими внутренними установлениями, если они не противоречат законодательству Российской Федерации, и обладают правоспособностью, предусматриваемой в их уставах»¹. Все эти установления закреплены в актах РПЦ МП (в Уставе РПЦ МП 2000 года, указах Синода и Патриарха, договорах и т. д.). Фактически они регулируют ее внутренние отношения, а также отношения с государством.

Что касается государства в вопросах о взаимодействии с РПЦ, здесь мы видим восприятие государством РПЦ как партнера в сфере предотвращения этнического и религиозного экстремизма, укрепления межконфессионального и международного согласия в стране. Оно предоставляет РПЦ материальные и административно-правовые льготы в обмен на идеологическую поддержку.

С учетом нынешнего тесного контакта государства с РПЦ, очевидно, что Церковь не является просто «общественной организацией». Особый закон регламентирует деятельность именно религиозных объединений, выделяя, однако, РПЦ как исторически сложившуюся традиционную и наиболее распространенную конфессию в России.

Сегодня высшие иерархи РПЦ интегрированы в политическую элиту страны, они участвуют в работе специализированных институциональных образований Администрации Президента, соответствующих комитетов Государственной Думы, являются членами Общественной палаты РФ и т. д. РПЦ активно взаимодействует со значительным количеством государственных институтов. Помимо того, принятие целого ряда решений органами исполнительной власти практически невозможно без их согласования с руководством Церкви. С другой стороны, РПЦ в России не принимает властных и одновременно публичных решений, т. е. таких, которые будут считаться политическими. Иногда решения РПЦ облечены в директивную форму по отношению к ее членам (как клирикам, так и обычным прихожанам), но, тем не менее, не имеют той властной составляющей, которая подтверждается возможностью применения легитимного насилия в случае их неисполнения.

В отрасли административного права правомочия РПЦ регулируются административно-правовыми нормами, которые определяют правила, порядок и пределы

¹ Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997г. № 125-ФЗ

ее деятельности, регулируют управленческие отношения, возникающие в процессе исполнительно-распорядительной деятельности органов государства по отношению к религиозным организациям. Эти нормы обеспечивают определенные условия для возможности осуществления деятельности РПЦ, соответствующей целям этой организации.

На сегодняшний день РПЦ взаимодействует с государственными институтами на самых разных уровнях. Это могут быть и взаимоотношения патриарха и президента или приходского священника и представителя какого-либо федерального министерства на местах. В обоих случаях и патриарх, и священник — представители РПЦ, а их контрагенты — представители государственных институтов. Так же как и учреждения Московской патриархии, отдельных епархий РПЦ, а также церковные приходы, являясь субъектом права в качестве юридического лица, взаимодействуют с широким спектром государственных учреждений в силу специфики своей хозяйственной, образовательной и прочей деятельности. Довольно часто в последние годы руководители и политики высшего звена нашего согласно Конституции РФ светского государства публично демонстрируют свою поддержку традиционным конфессиям, но особенно заметно выражена поддержка РПЦ.

Исследование различных точек зрения на природу административно-правового статуса РПЦ позволило сформировать следующее определение административно-правового статуса РПЦ — это совокупность прав и обязанностей РПЦ, предусматривающих в пределах административной правосубъектности автономное решение присущих определенному структурному подразделению РПЦ (епархии, приходу, благочинию и т. д.) целей и задач, осуществление необходимых для этого функций, участие в управленческих административных правоотношениях, складывающихся в первую очередь, во взаимоотношениях РПЦ с государственными органами исполнительной власти и органами муниципального образования.

Список литературы:

1. Кислицын И. М Советское законодательство о свободе совести и религиозных объединениях (1917–1975 гг.): Учебное пособие по спецкурсу. — Пермь: 1991.
2. Определение освященного юбилейного архиерейского собора Русской Православной Церкви об «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» // Информационный бюллетень Отдела церковных связей Московского Патриархата. 2000. № 8, 2000.
3. Розенбаум Ю. А. Советское государство и церковь. — М.: 1985. — С. 158.
4. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ.

*Shikula Ilmira Rifkatevna, Leading researcher
of the Federal state institution «research Institute of Ministry
of internal Affairs of Russia» candidate of legal Sciences,
associate Professor
E-mail: ila.vnii@mail.ru*

Criminal-legal assessment of the helpless condition of the victim

*Шукула Ильмира Рифкатъевна, ведущий научный сотрудник ФГКУ
«ВНИИ МВД России», кандидат юридических наук, доцент
E-mail: ila.vnii@mail.ru*

Уголовно-правовая оценка беспомощного состояния потерпевшего

С общим высоким уровнем преступности в стране актуализируется необходимость всесторонней защиты прав и интересов потерпевших¹. Обеспечение эффективной защиты всего комплекса прав потерпевших от преступлений является важной задачей государства.

Гарантии прав потерпевших должны быть неизблемыми особенно в тех случаях, когда в силу своей беспомощности они не могут самостоятельно осуществлять свои права и нести юридические обязанности. Это самые уязвимые в социальном отношении граждане, к которым относятся лица, страдающие физическими или психическими недостатками, какими-либо соматическими заболеваниями, а также малолетние и престарелые. Реалии жизни показали, что в отношении беспомощного потерпевшего может быть совершено практически любое преступление, предусмотренное уголовным законодательством, которое посягает на жизнь, здоровье, достоинство личности, на личную собственность граждан, а также некоторые преступления против общественного порядка и военной службы. В условиях падения уровня жизни в стране участились случаи избавления криминальным путем от беспомощных членов семьи, преступное завладение имуществом беспомощных лиц. Понятие беспомощности потерпевшего давно перешагнуло рамки некоего элемента в контексте отдельных составов преступлений, приобрело глобальный характер, затрагивает не только материальное, но и процессуальное право.

¹ По данным Следственного комитета РФ в 2013 году более 1,5 млн. россиян были признаны потерпевшими от преступлений, более 70 тыс. человек пропали без вести, 4 тыс. получили тяжкий вред здоровью, 11 тыс. стали жертвами преступлений против половой неприкосновенности, материальный ущерб, нанесенный потерпевшим, составил около 550 млрд. рублей,

В юридической науке отсутствует четкое и однозначное понятие «беспомощное состояние потерпевшего», имеющее уголовно-правовое и криминологическое значение.

В Законе Российской Федерации от 2 июля 1992 г. «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», беспомощное состояние потерпевшего интерпретируется как неспособность лица самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности.

В действующем уголовном законодательстве также не раскрываются понятия «беспомощное лицо» и «лицо, находящееся в беспомощном состоянии». На наш взгляд, установление повышенной ответственности за посягательство на жизнь лица, не способного заботиться о своих жизненно необходимых потребностях, своем здоровье или своем благополучии, вполне логично с нравственных, институциональных позиций.

Бессознательное состояние человека, в какой бы форме оно не проявилось, и независимо от того, что спровоцировало его возникновение и какой промежуток времени оно длилось, в полном объеме лишает лицо возможности выразить свою волю, а тем более принять меры по самосохранению, если в этот период времени происходит преступное посягательство, например на его жизнь. Действительно, беспомощное состояние потерпевшего может явиться следствием болезни (потеря сознания при диабетической коме, из-за приступа стенокардии, эпилептического припадка и т. п.) или обморочного состояния (из-за стресса, теплового удара и др.) и лишить человека, пусть даже на какой-то короткий промежуток времени, возможности сознавать происходящее с ним и оказывать сопротивление, в частности при посягательстве на его жизнь.

Человек может прийти в сознание сам, но, как свидетельствует повседневная (в том числе бытовая) практика, чаще всего человеку, в силу каких-либо обстоятельств впавшему в бессознательное состояние, требуется посторонняя помощь, которая только и может вывести его из этого опасного для него состояния, причем опасного как в смысле возможного наступления естественного в этих условиях летального исхода, так и с точки зрения умышленного лишения его жизни. В связи с этим убийство человека, заведомо для виновного находящегося в бессознательном состоянии, как правило, расценивается как убийство, совершенное в отношении беспомощного человека. Вместе с тем в обзоре судебной практики от 14.12.2011 Верховный суд разъяснил, что потерю сознания жертвы преступления нельзя расценивать как беспомощное состояние. В качестве примера приводится дело, в котором мужчина убил женщину, которая находилась без сознания в результате нанесенных ей побоев. Судья, выносивший приговор по этому делу, квалифицировал действия убийцы по пункту «в» второй части 105 статьи УК РФ, который определяет, что человек, которого убили, находился для виновного

в беспомощном состоянии, посчитав, что потеря сознания и есть беспомощное состояние. Однако Верховный суд выразил свою точку зрения по этому делу: данный пункт статьи можно применять к убийствам лиц, не способным защитить себя и оказать сопротивление преступнику из-за своего физического или психического состояния. К таким потерпевшим можно отнести престарелых и тяжелобольных, детей, людей с психическими расстройствами. Судебная коллегия не нашла в рассматриваемом деле признаков преступления по вмененной убийце статье заведомо беспомощной жертвы и переквалифицировала действия преступника в убийство на основании личного неприязненного отношения¹.

Вполне обоснованно, на наш взгляд, что в теории уголовного права к беспомощному состоянию человека приравнивают сильную степень его опьянения (алкогольного, наркотического, токсического и т. д.), в результате чего он не способен воспринимать грозящую его жизни или здоровью (при убийстве — только жизни) опасность, а потому не может самостоятельно отвести эту опасность от себя. Думается, что такое понимание вполне обоснованно, ибо при опьянении человек определенное время (иногда значительное) находится в бессознательном состоянии, он столь же незащищен, как и человек, страдающий психическим расстройством.

Инъекция одурманивающих, психотропных веществ или наркотических средств, имея, по мнению отдельных авторов, «двойственную природу» (физическую и психическую), может быть направлена на приведение потерпевшего в бессознательное состояние (физическая беспомощность) либо на лишение потерпевшего способности руководить своими действиями при сохранении способности действовать (психическая беспомощность) с целью последующего его убийства².

При сильном опьянении любого вида человек не может выразить вольно, так как она в этом состоянии вообще отсутствует. Состояние алкогольного, как и наркотического или токсического, опьянения зависит от дозы принятых средств, чтобы лицо оказалось в бессознательном состоянии, необходимо принять такую дозу, которая бы затмевала сознание человека, т. е. «отключала» сознание от восприятия внешнего мира. Подобный механизм «отключения» действует и при обмороке, и при крепком сне. Отличие проявляется в том, что при опьянении сознание человека может притупляться, в то время как при сне и обмороке оно отсутствует полностью. Иными словами, в состоянии глубокого опьянения имеет место дисфункция сознательно-волевой и физической деятельности человека,

¹ См.: Электронный ресурс: www.vsrif.ru

² Веселов Е. Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 46.

поэтому такой вид беспомощности, на наш взгляд, носит функционально-физиологический характер.

Среди состояний, рассматриваемых в качестве беспомощных, называется и сон. С. В. Дьяков, А. А. Игнатъев, В. В. Лунеев и С. И. Никулин, говоря об убийстве, предусмотренном п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, замечают, что такой вид убийства «... означает причинение смерти лицу, которое в силу определенных физиологических и иных причин лишено возможности скрыться либо оказать действенное сопротивление виновному, который, в свою очередь, осознает это и стремится воспользоваться таким состоянием жертвы. Беспомощное состояние имеет место при обмороке, тяжелой болезни, во сне и т. п.»¹

Непостоянство в оценке Верховным Судом РФ² сна при убийстве не может не порождать разночтений в определении уголовно-правового статуса состояния сна жертвы при ее убийстве. В частности, поэтому в одних случаях убийство спящего или лица, находящегося в состоянии сильного алкогольного опьянения, суды квалифицировали по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (как убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии); в других — занимали иную позицию, считая, что повышенная общественная опасность убийства лица, находящегося в беспомощном состоянии, заключается в том, что потерпевший осознает опасность для своей жизни, но в силу определенных обстоятельств (возраста, болезни, физических или психических недостатков и т. д.) физически не может оказать преступнику сопротивления, защитить себя. В противном случае, как они полагают, под категорию лиц, находящихся в беспомощном состоянии, можно подвести любого потерпевшего, для которого действия виновного оказались неожиданными. Думается, что такая позиция не вполне логична, ибо, следуя ей, нельзя признавать беспомощным человека, страдающего психическим расстройством, в силу которого он «не осознает опасности для своей жизни». Подобная дискриминация душевнобольных людей вряд ли обоснованна. Декларация ООН о правах умственно отсталых лиц от 20 декабря 1971 г. и Закон РФ от 2 июля 1992 г. N 3185–1 «О психической помощи и гарантиях прав граждан на ее оказание»³ закрепили положение о праве лиц, умственно отсталых и страдающих психическим расстройством, на уважительное и гуманное отношение, исключающее унижение человеческого достоинства.

¹ Дьяков С. В., Игнатъев А. А., Лунеев В. В., Никулин С. И. Уголовное право: Учеб. для вузов. М., 1999. С. 108.

² См.: Пленум Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»

³ Закон РФ от 2 июля 1992 г. N 3185–1 «О психической помощи и гарантиях прав граждан на ее оказание» (с изм., внесенными Федеральным законом от 21 июля 1998 г. N 117-ФЗ)// Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. N 33. Ст. 1913.

Глубина и продолжительность непрерывного сна у каждого человека индивидуальны. Вместе с тем всех спящих в плоскости анализируемого вопроса объединяет, на мой взгляд, одно состояние — полное «отключение» либо существенное притупление физиологической сигнальной системы, ответственной за предупреждение о надвигающейся опасности и самосохранение человека. В связи с этим вполне логично признавать состояние глубокого сна при убийстве беспомощным состоянием.

Как можно было убедиться, мнения ученых и практических работников расходятся и относительно видовых проявлений беспомощности, и по поводу определения понятия «беспомощное состояние». Думается, что сложность в формулировании данного уголовно-правового понятия вызвана в немалой степени тем, что сам термин «беспомощность» обладает высокой степенью межотраслевой полисемии. Это, в свою очередь, требует учета психологического, медицинского, демографического, правового и уголовно-правового содержания указанной категории.

Таким образом, беспомощное состояние представляет собой физическое, психическое или психофизиологическое состояние человека, в котором он лишен способности принимать меры, необходимые для самосохранения, в момент преступного посягательства на его жизнь, что обусловлено тяжелой болезнью, психическим расстройством, возрастом, умственной неразвитостью или бессознательным состоянием, внешними факторами.

Список литературы:

1. Закон РФ от 2 июля 1992 г. N 3185-1 «О психической помощи и гарантиях прав граждан на ее оказание»
2. Пленум Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».
3. Бородин С. В. Преступление против жизни. СПб., 2003.
4. Веселов Е. Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002.
5. Дьяков С. В., Игнатьев А. А., Лунеев В. В., Никулин С. И. Уголовное право: Учеб. для вузов. М., 1999.
6. Здравомыслов Б. В. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. М., 1996.
7. Караулов В. Ф. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. М., 1996.
8. Коньшева Л. Понятие психически беспомощного состояния жертвы преступления // Там же. 1999. N 4.

9. Костров Г.К. Уголовно-правовое значение угрозы: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка/Под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1989.
11. Побегайло Э. Ф. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1999.
12. Пионтковский А. А., Меньшагин В. Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть. М., 1955. Т. 1.
13. Салева Н. Н. Проблема учета беспомощного состояния потерпевшего при квалификации сопряженного убийства, предусмотренного п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ//Уголовное право. 2006. N 9.
14. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Тула, 2001. Т. 1. С. 389.
15. Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1947.
16. Щерба С., Зайцев О., Сарсенбаев Т. Потерпевший в беспомощном состоянии: особенности судебного разбирательства//Российская юстиция. 1995. № 9.

Contents

Section 1. Journalism.	3
<i>Mashkova Svetlana Gennadievna</i>	
Internet-media in modern society: the specifics and functioning.	3
Section 2. Study of art	8
<i>Reznikova Olga Joseph</i>	
Understanding the traditions of realistic painting as a cultural heritage of Russia	8
Section 3. History and archaeology	14
<i>Shatalov Vasily Anatolyevich</i>	
The phenomenon of the Ananyino bone	14
Section 4. Pedagogy	19
<i>Abramova Yana Konstantinovna</i>	
Blended learning as a reality of the 21 st century	19
<i>Araslanova Vera Alexeevna, Araslanova Anastasia Alexandrovna</i>	
Formation of professional competence of future specialist in Records Management and Archival	25
<i>Barinova Natalya Aleksandrovna, Karunas Ekaterina Vladimirovna</i>	
Elements of e-learning in the federal state educational standards	30
<i>Belenko Semen Victorovich</i>	
Competence Based Approach To Ethnopedagogical Training Of Future Teachers	34
<i>Zhukova Oxana Anatolievna</i>	
Pedagogical training as part of building professional competency of students.	38
<i>Kenzhegaliev Kulush Kushenovich, Muhamedzhanova Gulvira Sovetovna</i>	
The content and structure of universal pedagogical competencies of teachers	44
<i>Makaev Khanif Fakhretdinovich, Makaeva Guzal Zainagievna</i>	
The Role of Communicative Competence in Training a Specialist.	50
<i>Makasheva Margarita Sarmanbayevna, Kuzdybayeva Saule Abdizhamilovna</i>	
Peculiarities of polycultural education in process of preparing teachers in Kazakhstan Republic	55
<i>Viktor Leonidovich Mozgoviy</i>	
The complexity of future teachers' preparation for the pedagogical action direction	60

<i>Podkovko Katerina Nikolaevna</i>	
To the question of higher education quality's guarantee	65
<i>Popova Alla Viktorovna</i>	
Modern technologies of attraction young people to state civil service	69
<i>Khakimova Elena Kamilevna</i>	
Forms and methods of students' — future educational psychologists' emotional competence forming	75
<i>Shipova Alina Valeryevna</i>	
Principles of the organization cultural practician of teenagers in a children's recreation camp	81
Section 5. Political science	85
<i>Gafarowski Dymitr Olegovich</i>	
Belarus membership in the Customs Union and Single Economic Space: short-term trade effects (2010–2013).....	85
<i>Kovalenko Tetiana Yurevna</i>	
Stages of medical-resort field forming and development during soviet period.....	89
<i>Lohvynenko Olha Mykolaivna</i>	
European Way, Mykolaiv Manner (Political Aspect)	95
<i>Sorokin Alexandr Grigorevich</i>	
Institutionalization of political parties: the theoretical aspect	100
<i>Tretyakova Tatiana Evgenievna</i>	
Specificity of Political chronotope	104
Section 6. Psychology	112
<i>Gorokhov Aleksey Yurevich</i>	
The main aspects of job satisfaction sellers nonfood products with different levels of professional success	112
<i>Isaenko Nadezhda Alekseevna</i>	
Psychological predictors of attitude to homosexuality.....	117
<i>Klypa Olga Victorovna</i>	
Methods of study of the genesis psychological thought during Russian medieval period.....	124
<i>Sorokina Tatiana Mihailovna, Reshetova Ekaterina Evgenievna</i>	
Professional pedagogical activity in the system of additional education.....	128
<i>Sakhno Svetlana Vitalievna</i>	
The role of creativity in the development of reflection of women prisoners	133

<i>Simonova Evgeniya Gennadievna</i>	
The role of coping strategies in overcoming psychological barriers of the professional development of a teacher	139
<i>Soltanbekova Burliyat Abdullabekovna</i>	
The use of metaphor in working with adolescents	143
<i>Stepanova Yuliya Sergeevna, Hachikian Tatyana Nikolaevna</i>	
Psychological readiness for innovative activity in the structure of entrepreneurial potential	148
<i>Shipova Larisa Valentinovna</i>	
Research of the contents and forms of aggression of teenagers	152
Section 7. Regional studies and socio-economic geography	158
<i>Arnaut Stanislav Nikolaevich, Tuyanina Ksenia Gennadievna</i>	
Research of ways to reduce traffic congestion in Russian Federation.....	158
<i>Bezbedova Lubov Grigorievna, Klyuchko Vladimir Ignatievich</i>	
Analysis of Road Traffic the example of the Krasnodar Territory	162
<i>Hnes Ihor Petrovich</i>	
Multifamily housing: affordability provisions.....	168
<i>Podhalyuzina Valentina Alexandrovna</i>	
Analysis of relations between Russia and the EU.....	172
<i>Semkina Olga Sergeevna, Dobrina Leila Rovshanovna,</i>	
<i>Shirokova Alena Igorevna</i>	
Control system of the megalopolis.....	178
Section 8. Sociology.....	181
<i>Makarova Irina Alexandrovna</i>	
Use etnokoloristicheskogo interview the study of the value orientation in ethnic families.....	181
<i>Nevaeva Dinara Aliевна</i>	
Population ageing: implications for society (based on results of the community study)	185
Section 9. Philology and linguistics.....	191
<i>Bulatova Alsu Magsumovna</i>	
Adjektivmetapher als Repräsentationsmittel des Konzepts „Angst“ in der deutschen Sprache (auf Grund der deutschsprachigen Textkorpora)	191
<i>Gulidova Ekaterina Nikolaevna</i>	
Teaching adverbs of place in the course of Russian for French- speaking students	194

<i>Ivanova-Fry Tatiana Fyodorovna</i>	
Serbian folklore songs in translations of D. P. Oznobishin	197
<i>Kardanova Asiyat Karalbievna</i>	
Units of research in intercultural communication	203
<i>Kozhanov Alexandr Alexandrovich</i>	
Law and Politics: linguistic basis of the views of Alexander and Wilhelm von Humboldt	207
<i>Kucheruk Liliya Vladimirovna</i>	
Essential characteristics of a corpus, and main stages of corpus compilation on the example of the Corpus of Legal English	217
<i>Melkadze Nanuli Samsonovna</i>	
Reflexikation or dereflexikation (the phenomenon of “back formation” in Russian).....	222
<i>Sanyarova Nailya Smadyarovna</i>	
Patterns of sentences with isolation.....	227
<i>Trifanova Svetlana Sergeevna</i>	
Basic internal and external sources of lexical substandard replenishment: the case of New Zealand English	237
<i>Shamarova Svetlana Ilyinichna</i>	
The microsystem of paratonyms “devil, an evil spirit” in old english.....	242
<i>Etibar Saftaroqlu Inanj</i>	
The colour term “yellow” in the turkic and slavic languages	249
Section 10. Philosophy	255
<i>Bagirova Yegana Mais q.</i>	
Global processes: nature, society, man	255
<i>Iskenderova Sabira Jafar q.</i>	
Globalization phenomenon: the genesis and research approaches.....	260
<i>Kadiyeva Samira Abdulsamedovna</i>	
The global tendencies and perspectives development	265
<i>Misyurov Dmitry Alexandrovich</i>	
Modeling of social development through dialectic schemes and formulas	269
<i>Mitina Natalya Georgievna</i>	
Utopian project E. Zamyatin	276
<i>Mitina Natalya Georgievna</i>	
Utopia of world community P. Kropotkin	282
<i>Nuriev Ildar Aibulatovich</i>	
Labour migration as a factor affecting socializing processes of left behind family members.....	287

<i>Saydaliev Sherzod</i>	
Some aspects and features of the civilization approach to history	293
Section 11. Science of law	296
<i>Abdikerimova Aynur</i>	
Special economic zones of the republic of kazakhstan: administrative and legal regulation of business.	296
<i>Moshkin Sergey Vladimirovich</i>	
Procedural position of the investigator by production of preliminary investigation	300
<i>Mukhamadyeva Gulzhan Nusuphanovna, Bayandina Mainur Okanovna, Chazhabayeva Aynur Bakytkaliyevna</i>	
On some issues of implementation of fundamental rights and freedoms of the individual in criminal proceedings	305
<i>Nesterenko Alla Stanislavovna</i>	
Place loan (state, local, banking) in the structure of the financial system of the state.	312
<i>Chertikhina Yuliya Petrovna</i>	
The concept and the problem of determining the official as a representative of authority in Article 318 of the Criminal Code	318
<i>Shak Yuri Petrovich</i>	
Concept of administrative and legal status of the Russian Orthodox Church.	323
<i>Shikula Ilmira Rifkatevna</i>	
Criminal-legal assessment of the helpless condition of the victim	328